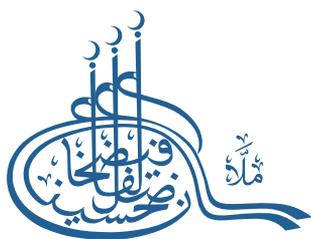

РЕФОРМА МЕДРЕСЕ: НОВЫЙ КУРС

Ислах ал-мадарис: ал-манхадж ал-джадид

Хусайн Фаизханов
1866–1823

Централизованная религиозная организация
ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Частное учреждение — образовательная организация высшего образования
МОСКОВСКИЙ ИСЛАМСКИЙ ИНСТИТУТ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЦЕНТР ИСЛАМСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дамир Мухетдинов

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Сборник докладов и статей

*к 200-летию российского теолога-востоковеда Хусаина Фаизханова
к 30-летию педагогической деятельности доктора теологии, профессора Дамира Мухетдинова
к Году педагога и наставника*

Москва, 2023

УДК 297
ББК 86.38
М 92

*Книга издана при финансовом участии
Фонда поддержки исламской культуры,
науки и образования*

Главный редактор серии «Реформа медресе: новый курс» («Ислах ал-мадарис: ал-манхадж ал-джадид»):

Мухетдинов Д. В., д-р теологии, канд. полит. наук., проф. СПбГУ, ректор МИИ.

Ответственные редакторы серии:

Ислямов Р. В., проректор по научной работе МИИ;

Измайлов Р. Р., проректор по учебно-воспитательной работе МИИ.

Выпускающие редакторы:

Абубакаров С. М., магистр СПбГУ, аспирант МИИ, помощник первого заместителя председателя ДУМ РФ;

Давлетшии И. К., руководитель Департамента науки и образования ДУМ РФ.

Ответственный за выпуск:

Нуриманов И. А., соиск. учен. степ. канд. наук теологии СПбГУ, зам. пред. ДУМ РФ, ген. дир. ИД «Медина».

Редакционный совет серии:

Гайнутдин Р. И.,
Аббясов Р. Р.,
Аляутдинов И. Р.,
Зарипов И. А.,
Измайлов Р. Р.,
Ислямов Р. В.,
Мухетдинов Д. В.,
Нуриманов И. А.,
Хабутдинов А. Ю.,
Хайретдинов Д. З.

Редакционная коллегия серии:

Абубакаров С. М.,
Арсланов М. Р.,
Баишев Р. И.,
Ганиев И. А.,
Гараев Ф. М.,
Зайнуддинов Д. Р.,
Имамутдинова З. А.,
Камалов И. И.,
Кузяхметов Р. М.,
Фахретдинов Т. А.,
Хабибуллина Г. Ю.,
Хайретдинов М. З.

Мухетдинов, Дамир

М 92 Исламское образование в России. — Серия: «Реформа медресе: новый курс». — М.: ИД «Медина», 2023. — 432 с.: цв. ил.

ISBN 978-5-9756-0321-0

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой сборник статей и выступлений доктора теологии, профессора Дамира Мухетдинова за разные годы, приуроченный к Году педагога и наставника в Российской Федерации и 30-летию педагогической и просветительской деятельности ученого. Структура сборника представляет собой несколько тематических блоков, раскрывающих актуальные вопросы и проблемы развития исламского образования в России и на постсоветском пространстве поступенчато: начиная с начального уровня (mektebe, примечетские курсы и летние школы), продолжая средним (медресе) и высшим образованием. Кроме того, в ней значительное место уделяется аспектам формирования в России отрасли «Теология» вплоть до опыта защиты первой докторской диссертации по исламской теологии, которым любезно делится автор. Издание ориентировано на студентов и преподавателей религиозных образовательных учреждений, теологов и широкий круг читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!¹

Знание немислимо без научного общения и передачи смыслов и практик от учителя к ученику. Эта цепь восходит к праотцу человечества пророку Адаму, который, в свою очередь, получил знание от Всевышнего: «И научил Он Адама именам всех вещей» (2:31). Поэтому любое обобщение собственной научно-образовательной и педагогической деятельности следует начать с рассказа о своих учителях и наставниках, первым и самым главным из которых является для меня моя мама Мухетдинова Нурджиган Хамзиновна. Главный жизненный урок, который она внушила мне собственным характером и поведением — это дух борьбы: не сгибаться под грузом жизненных тягот, не поступаться своими принципами и целями в угоду общественному мнению, не отступать перед трудностями.

Ярким впечатлением дошкольных лет стало мое общение с соседкой бабой Марией — глубоко верующей христианкой. Трепет и благоговение перед Господом, понимание, что религиозные традиции разнообразны и каждый верующий следует своей

¹ *Басмала*, выполненная рукой Х. Фаизханова. Компьютерная обработка С. М. Абубакарова.

я усвоил в еще очень нежном возрасте именно благодаря ей. Подростком попал я в дом моих первых наставников на пути ислама — в семью Наимы абыстай, Ахмета абзи и их дочери Наили Хусяиновых. Умар хазрат Идрисов был первым, кто заметил мою тягу не только к знаниям, но и их передаче, благословив на просветительство в период летних каникул в моем родовом селе Большое и Малое Рыбушкино Краснооктябрьского района Нижегородской области, а затем в 1993 году доверив мне — 16-летнему юноше — руководить воскресной школой по основам ислама при Нижегородской Соборной мечети. Из этой школы вскоре выросло и медресе «Махинур».

В родном Рыбушкино моими учителями стали аксакалы — дети репрессированных имамов, хранившие традиции ислама в семьях, бывшие оплотом местных общин и заботившиеся о мечетях. Они не много могли мне дать в смысле научной литературы и фундаментальных знаний, но через этих благородных людей я, городской подросток, не знавший родного языка, познакомился и вошел в татарскую мусульманскую традицию — такую, какой ее для потомков сформулировали Ахматхади Максуди, Ризаэтдин Фахретдин и другие наши ученые.

Начиная с 13-летнего возраста моими наставниками на пути служения были не только носители религиозной традиции, но и академические ученые. Один из них — Виталий Вячеславович Наумкин, в переводе которого я прочел труд великого Ал-Газали «Воскрешение наук о вере...», а впоследствии проштудировал не один его труд, всегда считая Виталия Вячеславовича своим заочным учителем. Два учебных года, проведенные в медресе «Нур аль-Ислам» в городе Октябрьский Республики Башкортостан, а затем три года в Институте арабского языка Мекканского университета «Умм аль-Кура» остались в памяти очень интенсивным накоплением багажа знаний и первым опытом борьбы за собственные убеждения и идеи, чему способствовала разношерстная студенческая среда и идеологическая разноголосица, царившая в умме и в целом в нашей стране. В годы студенчества я приобрел

друзей и соратников, с которыми я и поныне иду по пути науки и исследований. Среди них – Дамир Хайретдинов, Ахмад Макаров, Марат Хайретдинов, Тахир Абдурахманов, Нина Кустова, Ильдар Нуриманов, покойный Абдулбари Муслимов.

Первое мое очное знакомство с муфтием шейхом Равилем Гайнутдином состоялось в октябре 1994 года на церемонии открытия нового здания в комплексе Нижегородской Соборной мечети, предназначенного для медресе «Махинур». В 1996 году муфтий Гайнутдин напутствовал в Московской Соборной мечети нашу группу юношей перед вылетом на учебу в Мекку. Ярким эпизодом моей мекканской жизни стала организация встречи с муфтием Гайнутдином всех российских студентов в Мекке в 1998 году.

Вернувшись в Нижний Новгород в 1999 году, я поступил на очное обучение на Факультет международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Здесь моим главным учителем был декан факультета, крупнейший специалист по арабо-израильскому конфликту академик Олег Алексеевич Колобов. При поддержке и благословении Умара хазрата Идрисова было положено начало сотрудничеству с профессорами Львом Евгеньевичем Шапошниковым, Сергеем Борисовичем и Ольгой Николаевной Сениюткиными.

В эти годы созрели идеи создания Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова, возрождения богословского наследия отечественных улемов, были основаны печатные издания и научные центры, сформировался Издательский дом «Медина» как научно-издательский центр. Довольно скоро мы вышли за пределы регионального формата работы, установив прочные связи с казанской школой истории и востоковедения, в первую очередь в лице профессоров Айдара Юрьевича Хабутдинова и Айдара Ниловича Юзеева, а затем с учеными кругами Башкортостана и других регионов в Поволжье, на Урале, на Кавказе, в Сибири и в центральной части России. В 2008 году наша издательская деятельность была перенесена в Москву, где наш издательский дом был официально перерегистрирован.

Наши идеи, современный формат работы, тесная кооперация с академической наукой оказались востребованы Духовным управлением мусульман Европейской части России с центром в Московской Соборной мечети. В 2011 году я получил предложение от муфтия шейха Равиля Гайнутдина стать его первым заместителем для проведения масштабной реформы Духовного управления и придания ему более интенсивного темпа работы. Результатом оказанного мне доверия стало полное переформатирование работы аппарата, расширение сфер активности самого Духовного управления и его перерегистрация в качестве Духовного управления мусульман Российской Федерации, чья деятельность сегодня простирается на 60 субъектов федерации.

В 2017 году к имевшимся у меня функциональным обязанностям муфтий Гайнутдин добавил еще одну, поручив мне руководство деятельностью Московского исламского института в качестве ректора. Несколько лет мы с единомышленниками и соратниками прицельно занимались перезапуском вуза во всех его смыслах, добившись в 2022 году – в год празднования 1100-летия официального принятия ислама народами Волжской Булгарии торжественного открытия вуза после реконструкции с полным пакетом документов, позволяющим готовить теологов – бакалавров и магистров, а также научные кадры в аспирантуре, выдавая им дипломы государственного образца.

За эти годы муфтий Гайнутдин стал моим учителем и наставником в духовном росте, в религиозном служении, а также в руководстве масштабными системами. Параллельно большой рывок вперед сделала нормативная база для развития теологии. Она вошла в перечень научных дисциплин, были разработаны, в том числе по исламской теологии, государственные образовательные стандарты, появилась возможность защищать в России кандидатские и докторские диссертации по теологии. Мы совершили огромный качественный переход в осмыслении российского и мирового мусульманского богословского наследия и укрепили научную, методологическую, источниковедческую свою базу

за счет достижений отечественного академического исламоведения и востоковедения.

Если свою кандидатскую диссертацию я защитил в 2004 году в области политологии, то к 2020 году состоялось значимое в масштабах российской уммы событие — мне посчастливилось стать первым в России доктором исламской теологии. Эту диссертацию я защитил в Санкт-Петербургском государственном университете под руководством академика Виталия Наумкина. В том же году при поддержке и патронате со стороны ректора Николая Михайловича Кропачева был открыт Центр исламских исследований, который я имею честь возглавлять. Мы теперь прицельно готовим и воспитываем для нашего государства научные кадры, в чем огромную роль играют такие патриархи отечественной ориенталистики, которых я могу ныне назвать своими учителями как академик Михаил Борисович Пиотровский, доктор Тауфик Ибрагим, профессора Ефим Анатольевич Резван, Леонид Рудольфович Сюкияйнен и многие другие.

Представляя данный сборник читателю в качестве отчета о 30-летней педагогической и научной деятельности и продолжения собрания работ в трех томах «Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее» (Москва, 2022), искренне надеюсь, что идеи и смыслы, по нарастающей развивавшиеся в течение этих десятилетий и изложенные в сборнике, будут полезны тем, кто стремится распространять знания и доходить до глубин истины, а также вдохновят всех нас на постижение мудрости Единого Бога и сотворенного Им мироздания.

*д-р теологии, проф., мулла
Дамир МУХЕТДИН*

9 сентября 2023 г.

ОТ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО
ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
К ПРОБЛЕМАМ РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТСКИХ
ШКОЛАХ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАИЗХАНА ПО ОТКРЫТИЮ СВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И ОРГАНОВ ПЕЧАТИ¹

Фаизхан, как и другие татарские просветители Ш. Марджани и К. Насыри, уделял первостепенное внимание получению татарским населением светского образования. Они понимали, что без овладения современными знаниями татарский народ не встанет вровень с русским, европейскими народами. Татарские просветители, осознав необходимость открытия медресе, в котором преподавались бы науки Нового времени, создали собственные проекты подобного учебного заведения. Они подготовили почву для джадидистского медресе, были предшественниками новометодного (усул ал-джадид) образования, во главе угла которого стоял звуковой метод обучения, в противовес кадимистскому — «зубрежке».

Один из первых проектов мусульманского образования выдвинули религиозные деятели. В 1818 г. председатель Оренбургского магометанского духовного собрания муфтий Мухаммеджан представил министру народного просвещения А. Н. Голицыну проект открытия для мусульман двух светских учебных заведений. Одна школа под эгидой университета должна была находиться в Казани, где кроме религиозных дисциплин изучались бы также светские науки, в том числе языки. По окончании школы ученики должны были иметь возможность поступления в университет для получения специальности переводчика. Другую школу предполагалось открыть в Оренбурге, под протекцией губернатора. Окончившие эти учебные заведения студенты могли бы работать переводчиками в рамках мирной колонизации казахских степей и Средней Азии².

¹ Доклад представлен в соавторстве с доктором философских наук, профессором А. Н. Юзеевым на VII Научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» по теме «Комплексные исследования мусульман Волго-Окского региона: история, археология, филология, языкознание, этнография», 3 июня 2010 г., с. Уразовка Краснооктябрьского р-на Нижегородской области.

² Мухитдинов Н. К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX веке // Вестник научного общества татароведения. № 9–10. Казань, 1930. С. 127–129.

Однако, несмотря на заманчивые перспективы, проект муфтия не получил поддержки властей.

Фаизхан первым из татарских просветителей, воочию убедившись в преимуществе европейской системы обучения, пришел к мысли о необходимости перенесения европейских методов образования на татарскую почву. Зимой 1862/1863 г. он написал специальную работу «Ислах мадарис» («Школьная реформа») и вариант с небольшим историческим экскурсом «Рисала» («Трактат»), которые так и остались неизданными, как и «Укыту ысулы» («Основы преподавания») — сочинение, написанное по времени последним в качестве дополнения сведений к вышеупомянутым. После смерти Фаизхана, Марджани получил некоторые его рукописи, в том числе «Ислах мадарис» («Школьная реформа») и «Рисала» («Трактат»), где на полях рукописей оставил свои замечания, включая замечания, заимствованные из «Укыту ысулы» («Основы преподавания»)³. Шихабутдин в письме к Калималлаху, ученику Фаизхана, от 9 декабря 1866 г. обещал напечатать «Ислах мадарис», но своего обещания по большому счету не исполнил, хотя в своей книге «Вафият ал-аслаф...» («Подробное о предшественниках...») в разделе, посвященном биографии Фаизхана, приводятся главные пункты его реформы медресе. Только в последнее время опубликован перевод «Ислах мадарис» и «Рисала» со старотатарского языка на русский и переложение на современный татарский язык сочинения, посвященного реформе преподавания⁴. Основные разделы «Ислах мадарис» Хусаин также изложил в письме к Марджани, и почти то же пересказано Марджани в биографии Фаизхана в «Вафият ал-аслаф...» («Подробное о предшественниках...»).

³ Усманов М. А. Автографы Марджани на полях подлинника проекта Хусаина Фаизханова о школьной реформе // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 119–129.

⁴ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 12–55; Хосен Фезханов: историко-документальный сборник / сост. Р. Марданов. Казан, 2006. Б. 291–294.

Татарский ученый-педагог полагал, что прогресс татарской нации возможен только на пути образования, заимствования современных европейских методов обучения. Поэтому необходимость реформы мусульманского образования он считал велением времени.

В «Рисала» («Трактат») Фаизхан посвятил отдельный раздел плачевному состоянию медресе: «О состоянии наших медресе». Он отмечал их негодное материальное положение: «Но если мы посмотрим на состояние и устройство наших медресе, то это один большой дом, состоящий из двух-трех комнат, или два-три маленьких дома. Они переполнены народом даже больше, чем фабрики. Если шакирды захотят в силу первейшей необходимости сварить суп или попить чай, то не будет ни достаточного места, ни угля. Также нет дров, чтобы согреть здание, нет свечей. Чтобы приготовить все это, шакирды должны затратить часы. А что будет, если они каждый день эти четыре-пять часов будут учиться?» – вопрошал Хусаин.

Далее он описал еще более удручающую картину обыкновенного современного медресе: «Нет человека, следящего за порядком и чистотой внутри медресе, там живут в грязи; из-за большого количества народа и отсутствия чистоты здание медресе сыреет, и деревянный дом, обычно остающийся целым и невредимым 50–60 лет, сгнивает за 10–15 лет. Вместе с ним и сами шакирды гниют, и их одежда. Посмотрите на их лица: они бледные, как у больных людей! Не надо думать, что бледность и худоба вызваны усердной учебой. Увы, это не так!»¹

Нынешнее незавидное положение татар в российском обществе, согласно взглядам Хусаина, во многом оттого, что татары отдают своих детей на обучение в мусульманские заведения, которые проникнуты средневековым духом схоластики, и потому дети-татары, обучающиеся в медресе, изучают главным образом шариатские науки. Фаизхана удивляет, почему в мусульманских медресе логика изучается два-три года, как это было принято

¹ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 33–34.

в Средневековье. В письме к Марджани от 27 января 1856 г. он писал, что в современных светских учебных заведениях логика является лишь инструментом для других наук, отделенной от религиозной философии, и изучается короткое время. «Если из наших “Шамсия” (“Солнечный”) [Умара ал-Катиби, ум. 1276], “Суллам [ал-улум]” (“Лестница [знаний]”) [Мухибаллаха ибн Абд аш-Шукур ал-Бихари, ум. 1707], “Тахзиб [ал-мантик ва-л-калам]” (“Критическое изложение [логики и калама]”) [ад-Даввани, ум. 1501] полностью удалить философские вопросы, естественно, будет гораздо проще. Если скажут, что обучались логике два-три года, то они [европейцы] будут над нами насмехаться. Точно так же как народ ругал покойного ахунда Мухаммадрахима Маджжарави за то, что его шакирды изучали три-четыре года науку о диспуте, так и те будут очень удивлены, что мы изучаем два-три года логику. В итоге у них изучение любой науки — дело простое»².

Далее Хусаин писал о преимуществах светского образования, где обучающиеся, обладая первоначальным знанием, многое могут самостоятельно почерпнуть из книг, обходясь без учителей. Особенно он отмечал достижения европейцев в естествознании и математике: «Если в математике возникнет сложная проблема, тотчас об этом напишут в газетах, и о ней будут знать все европейские ученые. Каждый, исходя из уровня своего знания и просвещенности, занят приведением доказательств и пытается найти ответ. В конце концов, в результате изучения ответов тысячи ученых приходят к искомому решению»³.

Он с сарказмом отмечал, что в нынешних медресе преподают так называемые просвещенные и образованные мусульмане: «Из-за своего невежества они [большинство мударрисов] от имени религии распространяют ошибочные мысли, воспринимаемые народом»⁴.

² Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 15 (8-е письмо).

³ Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 15 (8-е письмо)

⁴ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 18.

Фаизхан многие беды татарских медресе связывает с копированием бухарской системы обучения, которую он не приемлет, поскольку она пронизана схоластикой и атмосферой Средневековья. Хусаин уже был наслышан от Марджани о бухарской системе образования, принципы которой были заложены еще в средние века. Предметы обучения, входившие в программу бухарского медресе, делились на две группы: рациональные науки (улум аклиййа), связанные с разумом, и традиционные науки (улум наклиййа), основанные на предании (Коране и Сунне). В первую группу входили: логика, диалектика (илм ал-муназара), арифметика (илм ал-хисаб), а также науки, связанные с арабским языком — языком религии: грамматика, морфология, синтаксис, лексика, правила стихосложения, риторика и красноречие. К традиционным наукам относили: толкование Корана, правила его чтения, науку о хадисах и рассказчиках, фикх, основы фикха, калам — спекулятивную теологию. Все эти науки изучались по определенным учебникам и по специальной схеме. Основное сочинение — матн, к нему писался комментарий на каждое предложение или слово другого автора — шарх; более авторитетные шархи имели собственный комментарий (субкомментарий) — хашийа, толкование избранных мест из первых двух сочинений, а также глоссы — хашийа ал-хашийа. Предполагалось, что шакирды должны были освоить основное сочинение с несколькими комментариями, а остальные толкования изучать самостоятельно¹. Таким образом, шакирд, начиная изучение основного сочинения всего в десять страниц (матн), заканчивал объемным произведением иногда в несколько томов. В основном шакирды соревновались в знании комментариев, оттачивая искусство схоластики, разбирая те или иные религиозные выражения. Подобные упражнения являлись лишь имитацией получения знания и вели к казуистике, а не к поиску знания Нового времени.

¹ *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 21–22.

О низком уровне знаний в бухарских медресе и о средневековых порядках режима Бухары Фаизхан знал также из писем знакомых. Так, один из его приятелей, обучавшихся в Бухаре, сообщал, что там не только уровень знаний низкий, но наблюдается общий упадок: много зданий разрушено, так что даже медресе Улугбека разрушается. И в Самарканде дело обстоит не лучше². В письме к Марджани от 16 августа 1860 г. Фаизхан критиковал современные порядки Бухары, основываясь на подробном письме из Бухары от Наджиба [Мухаммад-Наджиб ибн Баймурад (1829–1866)] – ученика Марджани. «Начало написано по-персидски, – писал учителю Хусаин, – а когда упоминает слово Бухара, то дважды добавляет благородная (шариф) и священная (мукадас). Далее продолжает по-тюркски: жаловался на Бухару и порядки, выражая свое несогласие. Если вначале он несколько сдерживался, учитывая, что письмо может попасть в руки бухарцев и вызвать отрицательную реакцию самого эмира, то потом, убедившись, что оно будет отправлено в Россию через ногайца (татарина), перебрал с осуждением и руганью»³. И в результате, писал Хусаин, Наджиб сделал вывод, что пострадал от моих ироничных писем, где я высмеивал Бухару. Так, ему назначили 39 палок, поскольку некоторые письма попали к эмиру и по городу распространился слух, что он переписывается с одним человеком из Санкт-Петербурга, что они пишут невесть о чем. Далее Фаизхан сообщал Марджани, что другой его знакомый, махдум, хочет оставить Бухару и поехать за получением знаний в другие мусульманские центры образования. Хусаин поддерживал его стремление, полагая, что после получения бухарского образования, надо продолжать обучение в Каире, Стамбуле, Дамаске, Мосуле или в Багдаде⁴. Он связывает поездку в мусульманские страны с возможностью ознакомления

² Валиди А. Хэсэен эфэнде Фаезхановнын тэржемэи хэлэнэ ганд эрбирлэр // Шура. 1912. № 16. Б. 494–496.

³ Фахраддин Р. Хусаин эфэнде Фаизхан // Шура. 1916. № 16 (13-е письмо).

⁴ Там же.

с восточной цивилизацией, получением знаний, а не с совершенством хаджжа — обязательного для мусульман.

Фаизхан, поскольку непосредственно столкнулся с российской практикой получения светского знания, пытался и для татар создать подобную. Примером для медресе в постановке системы преподавания, как полагал Хусаин, должна стать русская гимназия. Он писал о преимуществах обучения детей в русских гимназиях: «Посмотрите на русских детей, учащихся в гимназиях! Они учатся там с десяти до семнадцати, восемнадцати лет. За такое малое время получают много знаний. Они за семь лет хорошо овладевают грамматикой родного языка, получают исчерпывающие знания по риторике, в результате очень хорошо пишут по-русски. Они два-три урока в неделю изучают свою религию, и в этом они не обделены. Изучают мировую историю, кратко знакомясь с древней, средневековой и новой историей. Подробно знают и русскую историю. Изучают иностранные языки: латынь, французский, немецкий, греческий, а некоторые и татарский; знают морфологию и синтаксис; и если не могут свободно говорить, то читают со словарем и понимают книги на этих языках. Они изучают арифметику, алгебру, географию, астрономию, геометрию, логику, различные естественные науки. Мы не говорим, что они в совершенстве знают все эти науки, хорошо их усваивают. Однако они знакомятся с предметом науки, терминами, основными проблемами, в результате они понимают, о чем идет речь, и могут говорить на темы, относящиеся к этим наукам.

Короче, если мы сравним нашего семнадцатилетнего юношу, который семь лет учился в медресе, и юношу, семь лет учившегося в гимназии, то нам будет стыдно, мы покраснеем»¹.

Путь из тупиковой ситуации Фаизхан видел в открытии специального медресе, где обучение будет вестись по-новому, и призывал к открытию совершенно нового медресе в соответствии со своей программой, состоявшей из девяти пунктов:

¹ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 39–40.

«1. Здание этого медресе должно быть хорошим и чистым, места, где шакирды учатся и живут, должны быть просторными и чистыми. Столовая и место для омовения должны быть чистыми, теплыми в зимнее время. Для поддержания порядка и снаружи и внутри медресе, а также для растопки печей нужны служители.

2. Должно хватать дров, воды, свечей. Помимо этого, необходимо организовать питание шакирдов наиболее удобным и легким способом, чтобы они не тратили много времени.

3. Необходимо обеспечивать шакирдов бумагами и чернилами, а также большинством наиболее нужных учебников.

4. В этом медресе необходимо изучать науки, необходимые в нашей жизни в обоих мирах: шариатские науки, арабская филология и персидский язык с правилами, турецкий язык с правилами, русский язык с правилами, историю, философию.

5. По каждой из перечисленных наук в медресе должны быть один-два, или по необходимости три преподавателя [мударриса] и ученый [муаллим], которым нужно выплачивать жалование, достаточное для проживания.

6. Необходимо ввести экзамен для того, чтобы определять уровень овладения предметов у шакирдов, и переводить их со ступени на ступень [из класса в класс] по результатам этих экзаменов.

7. Необходим человек [воспитатель], который контролирует шакирдов, следит за тем, чтобы они были крепки в вере, хорошо себя вели, соблюдали правила приличия, выказывали в общении вежливость и воспитание.

8. Необходимо содействовать в обустройстве жизни, помогать назначением имамами в приход тем шакирдам, кто хорошо учился, успешно сдал экзамены.

9. После того как это медресе окончательно оформится и начнет успешно функционировать, необходимо подумать, как реформировать другие медресе, помочь им позаботиться о том, чтобы и они были в хорошем состоянии»².

² Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 42.

В новом медресе «преподается большинство наук, изучаемых в гимназиях», а также «полностью со всеми правилами преподаются арабский, персидский и тюркский языки», «все исламские религиозные науки, например итикад, тафсир, хадисы, основы фикха, фикх, философия мусульманской религии», «должна преподаваться медицина, по меньшей мере, в объеме, необходимом для фельдшера». Таким образом, в медресе должны изучаться как современные науки, так и мусульманская теология. Причем в таком медресе учащиеся обучаются по двум специальностям.

«Одна группа — шакирды шариатских наук, освобождаются от французского и немецкого языков, не очень необходимых гимназических предметов и русского языка в старших классах. Вторая группа — шакирды светских наук, освобождаются от арабского и персидского языков, медицины, специальных предметов из числа религиозных дисциплин». Эта вторая группа шакирдов будет иметь возможность поступать в высшие учебные заведения.

Это медресе соответствует седьмому классу гимназии; в нем пять классов, в каждом из которых обучение длится два года, на курсе — по десять шакирдов. «Два последних класса являются специальными для шариатских наук и медицины. Раз в два года собираются учащиеся, раз в два года происходит окончание учебы»¹. Причину пятилетнего обучения (по два года) Фаизхан объясняет необходимостью меньшего числа преподавателей.

В таком медресе шариатские науки, восточные языки, некоторые гимназические дисциплины, например математика и некоторые разделы геометрии, история ислама и логика, преподаются на татарском языке, остальные предметы — на русском.

«Шакирды, — отмечал Фаизхан, — могут переходить с третьего класса этого медресе в старшие классы российских средних школ, с четвертого класса — в специальные классы университетов

¹ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 19–20.

и других учебных заведений. Таким образом, и среди мусульман будут ученые во всех областях науки»².

Хусаин полагал, что такое медресе можно будет открыть там, где для этого будут созданы все условия, главным из которых являлось наличие денег. Так, он писал: «Если бюджет будет достаточно большим, то в Оренбурге, Семипалатинске, Троицке, Астрахани, Буинске, в больших деревнях, которые являются центрами ислама, можно открыть медресе, назначив туда по два-три преподавателя», «если медресе откроется в Уфе, то это будет даже дешевле, чем в Казани»³.

Однако в «Вафият ал-аслаф...» («Подробное о предшественниках...») приводятся данные о возможности открытия такого медресе в Казани, где выбор Казани в качестве предполагаемого местонахождения медресе Фаизхан объяснил следующими факторами: «Здесь сосредоточены ученые люди нашей общины, и через этот город проезжают все достойные мусульмане нашей страны. Здесь также больше богатых людей, чем в других местах, и они, быть может, окажут помощь в руководстве медресе и увеличении выплаты работающим там». А если же медресе будет находиться в другом городе, «то поскольку там будет меньше богатых людей и ученых-мусульман, возникнет потребность приглашать ученых со стороны, а это чревато затратами»⁴.

В проекте реформы образования Фаизхана, цитированном в «Вафият ал-аслаф...» («Подробное о предшественниках...»), Марджани объяснил необходимость изучения в медресе русского языка следующими причинами: «Для того чтобы получить такое согласие [открытие медресе] и добиться положительного отношения русских к изучению необходимых нашему народу предметов, необходимо ввести, хотя бы для определенной части учащихся медресе, изучение русского языка и русской письменности.

² Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 22.

³ Там же. С. 26.

⁴ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф. Т. 6. Л. 246 а, б.

Ведь наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке и для того, чтобы избежать неприятностей от законов, которые все составлены на этом языке: его нужно знать»¹.

Призывая изучать русский язык, Фаизхан также выступал за изучение татарского языка. Причем в первую очередь, «поскольку мы пользуемся нашим родным языком неправильно, без должного к нему внимания. Поэтому, перед тем как начинать изучение иностранных языков, нам необходимо сначала изучить свой язык, научиться правильно писать и читать [...] Человек, умеющий читать и писать на родном, овладевает русским языком быстрее, чем неграмотный. Потому что он сравнивает с тем, что уже знает. Поэтому нам всем обязательно нужно изучать наш родной язык со всеми его правилами [...] Если перевести на наш язык необходимые, важные, уважаемые книги по догматике, фикху и другим наукам (например, “Ал-Фикх ал-акбар” (“Величайшее знание”) [трактат Абу Ханифы (ок. 699–767) – основателя ханафитского мазхаба], “Мухтасар ал-викайа...” (“Сокращенное изложение “Предостережения...””) [сочинение Убайдаллаха ибн Масуда ал-Махбуби, по прозвищу Садр аш-шариа ас-сани или ал-Асгар – второй, или младший, глава шариата, ум. 1346], “Шариа ал-ислам...” (“Исламский закон”) [труд Мухаммада ибн Аби Бакра Имам-заде аш-Шари ас-Самарканди ал-Куми, ум. 1177] и преподавать их в школах, то это было бы намного полезнее, чем изучать их на арабском, как это делается сейчас»².

Хорошо знакомый с гимназической программой Хусаин посвятил целый раздел рассчитанной на десять лет программе преподавания предметов, количеству часов³. Он также подробно в отдельных разделах разобрал бюджет медресе и его расходы⁴.

¹ *Марджани Ш.* Вафийат ал-аслаф. Т. 6. Л. 246 а, б.

² Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 45.

³ Там же. С. 27–28.

⁴ Там же. С. 24–27.

В «Основах преподавания» Фаизхан лишь добавляет некоторые сведения, которые оказались не включенными в «Ислах мадарис» («Школьная реформа») и «Рисала» («Трактат»). Он обращается сначала к мектебу — начальной школе, к самому раннему этапу обучения ребенка. Хусаин полагает, что, прежде всего, до обучения письму ребенка необходимо научить религиозным выражениям, таким как «Аллах — един», «моя религия — ислам», «Мухаммад — посланник Аллаха», а также пяти основоположениям религии. Все эти сведения должны быть пояснены доступным, простым языком. Для легкости усвоения примеры можно приводить из поэзии на тюркском языке. Обучая письму, следует для хорошего воспитания использовать выражения из религиозных текстов. Изучение догматики следует начать с «[Рисала] фард айн [хэм дават]» («Трактат о необходимости сущности [Аллаха] и молитв»); вопросы намаза необходимо объяснять простым тюркским языком; совершение религиозных обрядов по книге «Илм ал-хал» («Учение о бытии») [краткое изложение мусульманского учения в форме вопросов и ответов по нравственной теологии]. После обучения письму необходимо знакомить с восточной классикой, такими сочинениями, как «Панд-наме» Атгара [Фарид ад-дин Атгар, ум. 1223], «Гулистан» Саади [Муслих ад-дин Саади аш-Ширази, ум. 1291], рассказами на тюркском языке. Далее следует обучать, поясняя переводы книг «Тухфа [ал-мулук]» («Подношение правителям») [Зайнаддин Мухаммад ибн Аби Бакр ар-Рази, ум. в кон. XIII в.], «Мухтасар ал-викайа...». Затем следует обучать основам тюркского языка, истории и географии.

Далее Фаизхан приводит программу обучения в медресе, которое делит на восемь ступеней.

Первая ступень: правила синтаксиса и морфологии тюркского языка; обучение догматике — по «Ал-Фикх ал-акбар» («Величайшее знание») Абу Ханифы; арифметика; начальное обучение арабскому и персидскому языкам.

Вторая ступень: разговор на тюркском, татарском, турецком языках; морфология арабского языка; морфология и синтаксис

персидского языка; арифметика и алгебра; обучение догматике и фикху.

Третья ступень: география; геометрия; синтаксис арабского языка; «ал-Кафийа» («Достаточное») — учебный трактат по арабской грамматике шейха Ибн ал-Хаджиба (ум. 1249) и «Гулистан», «Панд-наме» — по персидскому языку; история.

Четвертая ступень: изучение отрывков из «Шарх мелла Джами» («Комментарий Мелла Джами») [комментарий к «Достаточному» Абд ар-Рахмана ал-Джами, ум. 1493] и «Шейх Рази» [«Шарх матн аш-Шамсийа» («Комментарий к основному тексту Солнечного» Кутб ад-дина ар-Рази, ум. 1364)]; «Исагуджи [ал-мантик]» («Исагоге», труд Порфирия, ум. 305; автор этого сочинения на арабском языке Асир ад-дин ал-Абхари, ум. ок. 1300) — по логике; суть астрономии, геометрии и истории.

Пятая ступень: «Талхис мифтах [ал-джинан]» («Сокращенное изложение ключа рая» Мухаммада Муджира), «Макамат ал-Харири» («Плутовские новеллы ал-Харири») [ал-Харири — арабский литератор, ум. 1122] — на арабском языке и матн — основное сочинение «Шамсийа» («Солнечный») [Умара ал-Катиби, ум. 1276]; философия; физика.

Шестая ступень: изучение «Шарх акаид [ан-Насафи]» («Комментарий к Догматике ан-Насафи») [Сад ад-дин ат-Тафтазани, ум. 1389], «Суллам ал-улум» («Лестница знаний») [Муhibаллаха ибн Абд аш-Шукур ал-Бихари, ум. 1707], «Мугаввал».

Седьмая ступень: «Божественная наука»; «Мелла Джалал» [автор основного текста Джалал ад-дин ад-Даввани, ум. 1501; на полях примечания Йусуфа ал-Карабаги, ум. 1644/1645], «Танких» («Исправление») [Убайдаллах ибн Масуд ал-Махбуби ал-Кирмани завершил указанное сочинение в 1338 г.].

Восьмая ступень — здесь текст обрывается¹.

Таким образом, татарский ученый-педагог вместе с необходимостью обучения естественнонаучным дисциплинам не призывает

¹ Хосэен Фэезханов: историко-документальный сборник. Б. 295–297.

отказываться от изучения книг по догматике, фикху, философии, а только делает акцент на основных сочинениях, которые должны быть пояснены на татарском языке, чтобы шакирды понимали суть этих сочинений.

Фаизхан знал, что на подобное новометодное медресе будет сложно получить разрешение от царского правительства, поэтому опасался, что может сложиться ситуация, когда русское правительство само откроет школы, где будет проводиться угодная ему политика. «Известно, что государство, — писал Хусаин, — намерено открыть школы подобного образца. Если это произойдет, мы ничего не сможем сделать. Их управление будет вестись таким образом, что не принесет никакой пользы мусульманам, не будет способствовать возрождению их наук, сохранению их чести и возвращению к былому расцвету. Ведь если русское государство откроет эти школы и будет содержать их на деньги казны или налоги с подданных, то вероятно, преподавателями философских наук будут русские, преподавание будет вестись на их языке и учащиеся будут подражать им в разговорах и одежде. Далее, хотя эти науки и мусульманские, излагаться они будут на чужом языке, так же как и все руководство и обучение. У учащихся не возникнет желание читать мусульманские книги, и у них может сложиться представление, что ислам чужд этим наукам и знаниям, в особенности, если они будут слышать намеки на это от своих преподавателей во время уроков и бесед»².

Относительно открытия подобного медресе Фаизханов советовался с Марджани, а также с русскими учеными, которые эту идею поддержали. В августе 1862 г. он обсуждал эти идеи и с Салимгиреем Тевкелевым, оказавшимся в Петербурге после смерти муфтия Абдалвахиды Сулейманова одним из претендентов на освободившееся место. Тевкелев, бывший военный, штабс-ротмистр в отставке, крупный феодал, попал в поле зрения правительства, поскольку к руководству мусульманами России по замыслу

² *Марджани Ш.* Вафият ал-аслаф. Т. 6. Л. 247 а, б.

чиновников должен был прийти человек, беспрекословно исполняющий указы, придерживающийся консервативных взглядов, неспособный реформировать сознание мусульман в духе Нового времени. Салимгирей Тевкелев стремился занять вакантную должность и поэтому делал все, чтобы привлечь на свою сторону татар-мусульман в столице. В частности, он не случайно обхаживал Фаизхана, который был знаком не только с востоковедами Петербурга, но и с Казем-Бекем, имевшим значительное влияние во властных кругах, поскольку работал и в университете, и в Департаменте иностранных дел. На Хусаина Тевкелев произвел благоприятное впечатление. Фаизхан доброжелательно отзывался о нем в письме к Марджани: «Относительно поста муфтия новостей нет. Хаджи-эфенди [Тевкелев] в эти дни также намерен был заняться этим делом, но в последние две недели ходит без настроения — не выходит в свет. Он к нам относится по-дружески, неоднократно без приглашения приходил к нам домой; к себе часто приглашает — мы строим с ним разные предположения»¹.

Фаизхан надеялся на Тевкелева, полагая, что если тот станет муфтием, то изменит жизнь мусульман в лучшую сторону. «По моему мнению, — писал он, — этот человек вполне беспристрастный. Если найдутся достойные кандидаты из 2–3 ахундов, то он выступит за одного из них. Если же никто не подойдет, то он сам готов попробовать. По его словам, высшие власти доверяют ему больше, и потому его мнение было бы влиятельным, так что создалась бы возможность реформировать некоторые дела мусульман»².

Хусаин постоянно обсуждал с Тевкелевым вопросы реформы мусульманского образования, так что они пришли к следующим выводам: в Казани откроется медресе, где будут обучаться 60–70 шакирдов, изучать программу гимназийских предметов, кроме того, будут преподаваться мусульманская юриспруденция

¹ Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 17 (15-е письмо).

² Там же.

и арабская филология, изучаться русский язык, предусматривается печатный орган на татарском языке; окончившие первое отделение медресе будут муллами, второе — будут иметь право на поступление в университет³.

Вскоре 22 марта 1864 г. Фаизхан в письме к Марджани привел несколько измененный проект реформы медресе, в котором нет отделения гимназийского, предусматривавшего поступление в университет, и не говорится о печатном органе на татарском языке. Этот проект также обсуждался с Тевкелевым: «Салимгирей-мирза в начале апреля уехал в Москву. Оттуда направится в Хан-Кирман [Касимов]. В начале мая будет в Казани. По этому поводу [реформе медресе] поговорит с Вами. Если же эту идею поддержат в Казани, то Салимгирей-хаджжи останется в Казани до моего приезда. Если будет основано подобное медресе, то помощь придет из средств, собранных за бракосочетание. В итоге и государство окажет поддержку. Здешние люди это дело также поддерживают»⁴. Хусаин добавляет, что Тевкелев собирается по поводу реформы медресе переговорить с министром народного просвещения, и в случае одобрения начать это дело из Петербурга и из Казани⁵.

Таким образом, Фаизхан надеялся начать кампанию по открытию медресе как из Петербурга, имея в виду себя и поддержку петербургских востоковедов, так и из Казани — со стороны Марджани. Однако в Казани Хусаин большой поддержки не получил. Особенно рьяно выступал против идеи нового медресе, критикуя заявление Фаизхана о необходимости изучения русского языка, имам села Кышкар Исмаил ибн Муса. «Хусаин б. Фаизхан объяснил ему, — пишет Марджани, — что это всего лишь средство получить разрешение от правительства, цель же — возрождение утраченных и позабытых наук. К тому же существует большая потребность

³ Там же.

⁴ Фахрэддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 18 (22-е письмо).

⁵ Там же.

и даже необходимость в изучении русского языка, ибо вся наша деятельность связана с русским государством»¹.

Не найдя логических ответов на доводы Фаизхана, внешне согласившись с ним, Исмаил ал-Кышкари усердствовал в распространении различных слухов и небылиц, порочивших его идею.

Фаизхан в письме к Марджани от 22 октября 1864 г. критиковал противников реформы медресе, которые, обвинив его в неверии, в критике доходили до абсурда. Он был вынужден написать учителю следующие строки, тревожась, что такие слухи могли дойти и до него: «Я свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Его раб и посланник, и [свидетельствую], что Мухаммад является Его посланником — да помилует его Аллах и да приветствует. Я уверовал во Всевышнего Аллаха и в Его законы»². Далее писал: «В своей жизнедеятельности не нуждаюсь в их [противников] благосклонности и содействии. Я полагаю, что мое мнение о медресе правильнее их. Их проклятие с каждым днем укрепляет мое мнение». Хусаин больше беспокоился за Марджани: «Однако мне неудобно, что в связи с этим упоминают Ваше имя и клеветуют на Вас. Об этом деле, на чьей стороне Ваши симпатии, никому не было сказано. Только я написал Салиму-мирзе [Тевкелеву]: «Дамелла [Марджани] не боится тех опасений, о чем говорят другие. [Слова Марджани] Только с русскими усилится общение, и, видя их преимущество в естествознании и математике, укрепится наша симпатия к ним. Это действительно достойно внимания»»³.

Тем не менее резкой критике со стороны консервативных мулл подвергнулся не только Фаизхан, но и Марджани. Атмосфера в Казани вокруг идеи нового медресе сложилась тяжелая, трудная. Духовенство города не поддержало устремления Фаизхана, а Марджани был «одним в поле воином». Шихаб-хазрат не только поддержал начинание Фаизхана, но и вел занятия в своем медресе

¹ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф. Т. 6. Л. 247 а, б.

² Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 18 (24-е письмо).

³ Там же.

по-новому, вкладывая в это слово тот же смысл, что и его ученик — новый метод, заимствование современных европейских наук.

Татарское общество 1860-х гг., в особенности большая часть мусульманского духовенства, еще не было готово к принятию подобных кардинально изменяющих жизнь татарской общины проектов. Необходимо было время для усвоения самой идеи изучения русского языка. И оно пришло только через десять лет (в 1876 г. Марджани первым из татарского духовенства стал преподавать теологию в Татарской учительской школе в Казани, и то подвергался большим нападкам). А завистников, подобных Исмаилу ал-Кышкари, у людей уровня Фаизхана всегда хватало.

Фаизхан не смог разглядеть истинное лицо Тевкелева, так он вкрался к нему в доверие. Поскольку тот не отличался знанием религии, не знал ни татарского, ни арабского, ни персидского языков, главным в их отношениях для Хусаина было то, что Тевкелев на словах поддерживал идею реформы медресе. Почти три года продолжалась борьба за должность муфтия, которая увенчалась победой Салимгирея Тевкелева. Не случайно востоковед-миссионер Н. И. Ильминский отмечал его неспособность к восприятию идей джадидизма и выражал удовлетворение этим обстоятельством⁴. «Представители русской власти, — как верно отмечал академик В. В. Бартольд, — нередко видели главную опасность для русского господства именно в прогрессивных элементах мусульманского общества, оказывали поддержку мусульманам-староверам, считая только их верными подданными России, и принимали от них доносы против их прогрессивных единоверцев»⁵.

Фаизхан, даже когда Тевкелев стал муфтием, продолжал ему доверять. 30 июня 1865 г. Хусаин, будучи тяжело больным, находясь по приглашению Тевкелева у него в гостях на излечении (пил по наставлению врачей кумыс), писал Марджани: «Муфтий-хазрат

⁴ Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 2, 64.

⁵ Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. 9. М.: Изд-во вост. лит., 1977. С. 544.

все это время находился в Килеме. В эти дни переедет в Уфу. Он кажется человеком, твердо стоящим на своем мнении, не обращающим внимание на слухи [...] “Рисала” (“Трактат”) необходимо быстро завершить и этой весной необходимо напечатать — сказал он. Насколько хватит сил, он будет стараться претворять в жизнь интересы мусульман, даже выделяя собственные средства. В итоге у него много хороших мыслей. Да поможет ему Всевышний Господь!»¹ Знак вопроса все-таки свидетельствует, что Хусаин сомневался в искренности слов муфтия о реформе образования.

Его сомнения оправдались. В действительности Тевкелев на посту муфтия ничего нового по реформированию деятельности мусульман России так и не сделал. С течением времени он, осознавая, что не справляется со своими обязанностями, неоднократно писал прошения об освобождении от должности муфтия. Однако ему отказывали, поскольку в таком качестве он устраивал власть. Марджани оценивал деятельность Тевкелева на посту муфтия отрицательно, поскольку полагал, что главной обязанностью муфтия является знание фикха и шариата, чтобы уметь применить их в российской действительности, а не знакомства с чиновниками, которые способствовали его приходу к власти².

Другая просветительская идея, связанная с открытием медресе, — основание первой татарской газеты и журнала — также была выдвинута Фаизханом. Однако в этом вопросе он был не первым. 7 апреля 1863 г. в письме к Ч. Валиханову Хусаин писал: «Недавно получил из Казани от Махмудова письмо. Там несколько людей (из татар) стремятся выпускать газету на татарском языке. По этому поводу они уже подали прошение. Не знаю, разрешит ли начальство? Подробности не знаю. В нынешней поездке в Казань все узнаю»³. Во втором письме к Ч. Валиханову от 22 октября 1863 г.

¹ *Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 19 (27-е письмо).*

² Марджани о татарской элите (1789–1889) / предисл. и вступит. ст. А. Н. Юзеева, пер. со старотат. А. Н. Юзеева и И. Ф. Гимадеева. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 58–60.

³ Хосэен Фэезханов. Историко-документальный сборник. Б. 442–443.

Фаизхан также пишет по поводу открытия газеты на татарском языке: «В Казани татары, объединившись в компанию из двух-трех человек, хотят издавать газету (на татарском языке). Сейчас их бумаги находятся на рассмотрении в Министерстве внутренних дел. Не знаю, дадут ли им разрешение. Один из них специалист по литографии. Сначала они хотят печатать литографическим способом. Литературные сотрудники найдутся. Ильминский тоже обещает оказать содействие своими советами, также Махмудов и другие»⁴.

Еще ранее 9 января 1862 г. Фаизхан писал Н. И. Ильминскому об открытии татарской газеты, связывая это начинание с его именем: «В эти дни до меня дошли слухи, что под Вашим началом некоторые ученые люди хотят издавать газету на татарском языке. С этим известием необходимо поздравить всю научную общественность в целом и всех преподавателей восточных языков в частности.

Уже много времени эта идея волновала меня и еще несколько человек. Однако то ли из-за недостаточности усилий, то ли из-за отсутствия возможностей она так и не осуществилась. Оказывается, для этого необходима была Ваша энергия. Слава Вашей человечности и хвала Вашему усердию.

Об этом я услышал только, как “преподаватель Ильминский якобы в Казани издает газету на татарском языке”. До сих пор не знаю названия газеты, ее направление и цель. Но нет сомнения, что газета на татарском языке, какой бы она ни была, в целом принесет пользу нашему государству и татарскому народу в особенности. Вы проявили бы великодушие, если бы написали одну-две строки о названии и направлении газеты и выслали бы один-два экземпляра газеты, что было бы большой милостью с Вашей стороны, и я с радостью подписался бы на получение одного ее экземпляра.

⁴ Хосэен Фэезханов. Историко-документальный сборник. Б. 442–443.

Если прикажете, то и я, насколько сумею, смогу быть в этом деле Вашим помощником. Мне небезызвестно состояние дел моих соотечественников и те вещи, которые оказывают влияние на их настроение. Поэтому я позволю себе написать несколько слов в качестве совета, хотя Вы и сами все хорошо знаете. Да и русская поговорка “один ум хорошо, а два лучше” придает мне смелости.

Во-первых, необходимо остерегаться слов, направленных против религии ислам.

Во-вторых, иногда следует перепечатывать материалы хорошие ли, плохие ли из стамбульских, каирских и тегеранских газет. Ибо авторитет стамбульской газеты среди нашего населения очень высокий, и она будет влиять на их души. В Петербурге эти газеты выписываются; если сочтете приемлемым, то и я делал бы выписки на татарском языке и переправлял бы их Вам.

В-третьих, большинство тех, кто может читать и писать среди нашего народа, — муллы и торговцы. О муллах татарская поговорка гласит: “Они слышат, когда говоришь на, и не слышат, если говоришь дай. Поэтому среди них будет мало подписчиков на газету. Подписчиками на газету будут торговцы, так как им необходимы новости о купле-продаже. По этой причине необходимо будет не иногда, а часто перепечатывать известия из “Биржевых ведомостей”. Естественно, эти вышеупомянутые пожелания нужны для того, чтобы завоевать расположение народа к газете. Основная же цель — открыть духовное око народа, чтобы сеять просвещение»¹. Следовательно, Фаизхан связывал издание газеты на татарском языке с именем Ильминского.

В действительности первая попытка издания газеты на татарском языке принадлежит профессору Казанского университета И. И. Запольскому (1773–1810), который вышел с инициативой издания газеты «Казанские известия» на русском языке с переводом материала на татарский язык. В 1809 г. правительство, разрешив издание газеты, не осуществило свой замысел — газета стала

¹ Отдел рукописей РГБ. Ф. 424 (Н. И. Ильминского). Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 57–58.

выходить только на русском языке, поскольку от издания газеты был отстранен основной ее инициатор — Запольский².

Вторая попытка издания газеты на татарском языке была предпринята в 1834 г. выпускником Восточного разряда Казанского университета М. Г. Никольским, увлекавшимся татарским устным народным творчеством и благоволившим татарам. Разрешения на издание газеты также не последовало. В Национальном архиве Республики Татарстан имеется запрос министра внутренних дел на характеристику М. Г. Никольскому³. Именно после этого запроса (видимо, из-за неблагонадежности) назначенный на работу в университет Никольский был направлен переводчиком в Астраханскую губернию, и издание газеты не осуществилось.

До октября 1859 г. был представлен новый проект открытия газеты на татарском языке «Чулпан» («Планета Венера»), составленный П. И. Пашино — коллежским асессором, переводчиком с татарского языка азиатского департамента Министерства иностранных дел — и Хусаином Фаизханом⁴. Пашино был знаком с Фаизханом со студенческих лет, когда слушал его лекции, будучи студентом восточного факультета Петербургского университета. Он, еще студентом Казанского университета (в 1855 г. переехал с Восточным разрядом в столицу), занимался сбором татарских легенд, пословиц и песен. В 1856 г. после окончания университета он приезжал в четырехмесячную научную командировку в Поволжье, выезжал в татарские села, собирал материалы для своей диссертации. Частично диссертация была опубликована под псевдонимом П. Шино на страницах журнала «Современник»⁵, сотрудниками которого были Н. А. Добролюбов и Н. А. Некрасов.

² Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. С. 188–190.

³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1 (Канцелярия губернатора Казанской губернии). Оп. 3. Д. 556.

⁴ Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. С. 151.

⁵ Шино (Пашино). Волжские татары // Современник. 1860. Т. 31. Кн. VI. С. 255–299; Кн. VII. С. 121–142.

Он с ними общался, предлагал в журнал новую статью «Татарское просвещение», о чем писал в двух письмах 1859–1860 гг. Добролюбову и Некрасову¹. П. И. Пашино был лично знаком с Н. Г. Чернышевским, дружил с Курочкиными – братьями-литераторами, революционерами-демократами². Видимо, проект «Чулпан» имел в виду Фаизхан в письме к Ильминскому от 9 января 1862 г. Однако прошение не дошло до адресата, что и отмечал, как ранее упоминалось, Хусаин: «Уже много времени эта идея волновала меня и еще несколько человек. Однако то ли из-за недостаточности усилий, то ли из-за отсутствия возможностей она так и не осуществилась»³.

Новые попытки издания газеты на татарском языке предпринимались после реформ 1860 г. Так, содержатель литографии М. Яхин и просветитель К. Насыри⁴ писали в прошении на имя казанского военного губернатора генерал-лейтенанта П. Ф. Козлянинова: «Татары, едва ли не самое многолюдное племя из всех инородцев в Русской империи, до сих пор не имеют на своем языке периодического листка, поэтому распоряжения высшего правительства и местной власти, касающиеся более или менее непосредственно татар, доходят до них по слуху, не из первых рук. Отношения промышленные и торговые, которые в настоящее время деятельно развиваются, могут доходить до них несвоевременно, ко вреду торговопромышленной предприимчивости, к которой татары вообще очень склонны. Наконец, сколь не замкнуты татары в своем особом кружке, обуславливаемом религией и своеобразным местом, но сродни человеческой природе любопытство и на них простирает свою силу. И их интересуется иногда знать, что

¹ Рукописный отдел ИРЛИ РАН (ПД). № 2052, 2147.

² Бушканец Е. Г. О попытке издания татарского журнала «Файда» в 1864 г. // Из истории Татарии. Казань: [б. м.], 1965. С. 295.

³ Отдел рукописей РГБ. Ф. 424. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 57–58.

⁴ Каримуллин А. Г. Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Тан йолдызы» // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань: Ин-т яз., литературы и истории, 1976. С. 175–183.

делается на белом свете. Большинство татар не знает русской грамоты, весьма немногие владеют русским языком в такой степени, чтобы следить за русскими газетами. Татарский периодический листок мог бы устранить вышеуказанные неудобства. Мы можем предпринять издание такого листка, предполагая преимущественно передавать то, что содержится в русских наиболее употребительных газетах, каковы: С. Петербургские ведомости и т[ому] под[обные]. По нашему убеждению, следующие предметы должны войти в предполагаемое издание:

Высочайшие манифесты.

Высочайшие указы и распоряжения правительства и местной власти, прямо или косвенно относящиеся к татарам.

Торговопромышленные новости.

Сведения о происшествиях в России и наиболее замечательные события за границей, насколько это может интересовать татар.

Статьи, заключающие популярное изложение общепользных сведений, этнографические описания и рассказы для легкого чтения.

Библиографические и критические заметки о книгах на татарском или другом мусульманском языке.

Наконец, разного рода объявления.

Это издание не будет превышать размеров губернских ведомостей, то есть должно выходить еженедельно от одного до двух печатных листов.

Издание и редакторскую ответственность принимаем на себя совокупно. Представляя эти соображения на благоусмотрение вашего превосходительства, покорнейше просим исходатайствовать у господина министра внутренних дел разрешение нам издавать еженедельный листок на татарском языке под названием «Танг юлдузы», то есть «Утренняя звезда».

Декабря дня 1862 года.

К сему прошению содержатель литографии казанский мещанин Мухаммадвали Музаффаров Яхин руку приложил (подпись). Преподаватель татарского языка в Казанском духовном училище Абделкаюм Насыров руку приложил (подпись)¹.

Их прошение 20 сентября 1863 г. было отклонено министром внутренних дел Валуевым под предлогом того, что «разрешение по вышеизложенной просьбе не может последовать прежде как по утверждению нового Устава о книгопечатании»².

2 мая 1864 г. П. И. Пашино обратился в Главное управление по делам печати по поводу издания в Петербурге татарского журнала «Файда» («Полезьа»). Узнав об отказе издания «Танг юлдузы», по-видимому, Фаизхан обратился к Пашино дополнить их первый проект (не доведенный до адресата) программой газеты Насыри-Яхина. Новый проект имел почти полное совпадение как в вводной части, так и в разделах программы с газетами «Чулпан» и особенно «Танг юлдузы». В проектах Насыри-Яхина и Пашино идентичны даже ссылки на русские повременные издания, откуда будет выбираться материал³. Несмотря на то что этот проект поддержали декан факультета восточных языков, ординарный профессор университета, действительный статский советник А. О. Мухлинский, заведующий переводческой частью азиатского департамента Министерства внутренних дел, действительный статский советник М. Гамазов, переводчик того же департамента, ординарный профессор университета, действительный статский советник Д. Иессеев сын Чубинова, этому проекту также было отказано.

28 ноября 1864 г. И. Г. Нофаль, араб-христианин, официальный представитель азиатского департамента Министерства иностранных дел, подал прошение об открытии в Санкт-Петербурге газеты

¹ РГИА. Ф. 775 (Центральное управление по цензурному ведомству). Оп. 1. Д. 255. Л. 3–4.

² Там же. Л. 5.

³ Каримуллин А. Г. Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Тан йолдызы». С. 181–182.

«Ал-фаджр» («Заря») на арабском языке для борьбы с мусульманством среди горцев Кавказа. К этой газете предполагалось приложение на татарском языке. Цель этого приложения Нофаль объяснял следующими причинами. Во-первых, просветительского характера: «Татары наши все, за незначительными исключениями, чертят вместо букв какие-то каракули, уродуют не только слова арабские и персидские, в множестве вошедшие в состав их наречий, но даже слова своего коренного чагатайского [узбекского] языка»; во-вторых — «правильное объяснение правительственной политики»⁴. В прошении отмечалось, что для «правительственных распоряжений относительно мусульман есть в Санкт-Петербурге очень способное лицо, некто мулла Хусейн Фейз-Ханов, лектор татарских наречий при С.-Петербургском университете. Он охотно берется за это дело»⁵. Несмотря на явное стремление угодить политическим целям чиновников, изданию газеты также было отказано⁶.

Наконец, в 1865 г. в Главное управление по делам печати поступило новое прошение об издании в Санкт-Петербурге газеты под названием «Файда» («Польза»), подписанное капитаном в отставке Владимиром Курочкиным⁷. Он был старшим братом литераторов Василия и Николая Курочкиных — членов тайного революционного общества «Земля и воля», сподвижников и соратников Н. Г. Чернышевского⁸. За связи с Герценом и Огаревым братья находились под тайным надзором полиции. После покушения на Александра II оба были заточены в Петропавловскую крепость⁹. После того как Пашино получил отказ, вероятно, он обратился к братьям Курочкиным,

⁴ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 200. Л. 6–15.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Каримуллин А. Г. Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Тан йолдызы». С. 181–182.

⁷ РГИА. Ф. 776 (Главное управление по делам печати). Оп. 3. Д. 181. Л. 1–2.

⁸ Курочкины // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 8. С. 318.

⁹ Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 191.

через которых познакомился с их старшим братом Владимиром, которому адресовал просьбу повторить попытку. В пользу этого предположения говорит как тождество названий газет, так и почти полное сходство их программ. Этому проекту также было отказано.

В начале 1865 г. факультетом восточных языков было разработано представление об основании и издании востоковедческого общественно-политического печатного органа «Азиатское обозрение», где освещались бы вопросы истории, географии, литературы, законодательства, религии азиатских стран; сношения Европы, Америки и России с Азией; обозрение политического состояния в странах Азии; путешествия как ученых факультета, так и других; литературные произведения, преимущественно переводы; библиография; история изучения Востока, персоналии, хроника¹. Среди подписавших представление – шесть профессоров: В. П. Васильев, Д. И. Чубинов, А. О. Мухлинский, К. Ф. Галстунский, К. П. Патканов, М. Т. Навроцкий, доцент Л. З. Будагов; здесь же стоит и фамилия лектора Х. Фейз-Ханова. Этому представлению не суждено было воплотиться в действительности, так как 17 мая 1865 г. от властей пришел отказ: «По неимению в настоящее время средств [...] разрешение сего издания отложить до времени»².

Фаизхан был одним из горячих сторонников пропаганды через печать всевозможных знаний, событий, происходящих в мире. Он полагал, что для того, «чтобы собрать деньги, потребные на все эти нужды [содержание преподавателей, здание медресе], необходимо создать при медресе типографию, в которой издавались бы все мусульманские книги. Нужно позаботиться, чтобы издания осуществлялись на хорошей бумаге, четкими буквами, без опечаток, качественной краской. Это даст изрядную сумму на удовлетворение потребностей медресе»³.

¹ Материалы для истории Факультета восточных языков. Т. II: 1865–1901. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. С. 1–6.

² Там же. С. 7.

³ *Марджани Ш.* Вафийат ал-аслаф. Т. 6. Л. 247 а, б.

Не случайно в «Школьной реформе» отмечается: «С одобрения и при поддержке этого медресе можно издавать на татарском языке журнал, основное содержание которого будет посвящено распространению образования; можно было бы брать немного материалов из русских газет о политических и государственных мероприятиях, касающихся татар. Освещать местные события, каждая община будет обязана выписывать его. Он должен распространяться по деревням через земскую полицию, почту бесплатно. Если руководство губернии с большим числом мусульман посчитает нужным давать некоторые объявления по-татарски, то сообщит в редакцию, и за это не будут брать деньги. С оплатой авторам, расходами на бумагу и печать один экземпляр будет обходиться не более чем в полтора рубля в год. Если продавать по три рубля, то с пяти тысяч общин соберется 7000 рублей»⁴.

Таким путем Фаизхан «убивал двух зайцев»: с одной стороны, издание мусульманских книг — пропаганда арабо-мусульманской культуры, а печатание журнала — возможность татарского населения быть в курсе происходящих событий в мире и России, с другой — печатание журнала, книг должно дать прибыль, которую следует тратить на нужды медресе.

Круг знакомых Фаизхана среди русских просветителей, выявившихся при издании печатного органа на татарском языке, был весьма значителен. Прежде всего, как было сказано ранее, это его ученик и впоследствии коллега П. И. Пашино, знакомый с известными русскими просветителями Чернышевским, Добролюбовым, братьями-литераторами Курочкиными — сторонниками революционно-демократического направления в русском просветительстве. О преподавателях восточного факультета Н. Г. Чернышевский мог иметь представление (возможно, в их числе был и Фаизхан) благодаря своему близкому товарищу по университету П. И. Лерху⁵, также знакомому Хусаина.

⁴ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. С. 25.

⁵ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. С. 219.

Фаизхан не выступал, как русские просветители, за изменение существующего строя, не критиковал крепостничество. Для него главной задачей являлось формирование национального самосознания татарского народа в духе просветительства, чтобы поставить его на одну ступень с другими цивилизованными народами мира. Русские просветители поддерживали подобные его гуманистические устремления. Поэтому они выступали за открытие газеты на татарском языке, и через ее издание хотели поднять культурный уровень татарского народа, способствовали вхождению его в ареал влияния русской и европейской цивилизации. Хотя и косвенно, несомненно, гуманистические идеи русских просветителей через Фаизхана проникали в татарскую общественную мысль, способствуя формированию татарского просветительского движения второй половины XIX в.

Литература и источники

- Бартольд В. В.* Сочинения: в 9 т. Т. 9. М.: Изд-во вост. лит., 1977.
- Бушканец Е. Г.* О попытке издания татарского журнала «Файда» в 1864 г. // Из истории Татари. Казань: [б. м.], 1965. С. 291–296.
- Валиди А.* Хэсэен эфэнде Фаезхановнын тэржемэи хэленэ гаид эрбирлэр // Шура. 1912. № 16. Б. 494–496.
- Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
- Каримуллин А. Г.* Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Тан йолдызы» // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри: сб. к 150-летию со дня рождения / АН СССР, Казан. филиал; отв. ред. Я. Г. Абдуллин. Казань: Ин-т яз., литературы и истории, 1976. С. 175–183.
- Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.
- Каримуллин А. Г.* Татарская книга пореформенной России. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1.

Курочкины // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 8. С. 318.

Марджани о татарской элите (1789–1889) / предисл. и вступит. ст. А. Н. Юзеева, пер. со старотат. А. Н. Юзеева и И. Ф. Гимадеева. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Марджани Ш. Вафият ал-аслаф. Т. 6. Л. 246 а, б; Л. 247 а, б.

Материалы для истории Факультета восточных языков. Т. II: 1865–1901. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906.

Мухитдинов Н. К. Проекты организации средней школы европейского типа для татар в XIX веке // Вестник научного общества татароведения. № 9–10. Казань, 1930. С. 127–129.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1 (Канцелярия губернатора Казанской губернии). Оп. 3. Д. 556.

Отдел рукописей РГБ. Ф. 424 (Н. И. Ильминского). Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 57–58.

Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.

РГИА. Ф. 775 (Центральное управление по цензурному ведомству). Оп. 1. Д. 255. Л. 3–5; Д. 200. Л. 6–17; Ф. 776 (Главное управление по делам печати). Оп. 3. Д. 181. Л. 1–2.

Рукописный отдел ИРЛИ РАН (ПД). № 2052, 2147.

Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.

Усманов М. А. Автографы Марджани на полях подлинника проекта Хусаина Фаизханова о школьной реформе // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 119–129.

Фахраддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. 1916. № 15 (8-е письмо); № 16 (13-е письмо); № 17 (15-е письмо); № 18 (22-е письмо); № 18 (24-е письмо); № 19 (27-е письмо).

Хосэен Фэезханов. Историко-документальный сборник / сост. Р. Марданов. Казан, 2006.

Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008.

Шино (Пашино). Волжские татары // Современник. 1860. Т. 31. Кн. VI. С. 255–299; Кн. VII. С. 121–142.

ХУСАИН ФАИЗХАНОВ О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В МЕДРЕСЕ¹

Хусаин Фаизханов получал мусульманское образование в течение двадцати лет, по большей части в Казани. Соответственно, у него была целостная картина существующей системы преподавания в медресе.

Посмотрим, какой анализ он дает складывающейся ситуации. В своем трактате «Рисала» прежде всего он говорит о ее бессистемности и бесконтрольности: «Шакирды бывают разные... Никто не проверяет, кто из них как и что думает, каковы его намерения. Шакирды покидают здание медресе, когда захотят. Никто не следит за тем, кто из них ходит по делам, а кто бездельничает и чем именно занимается. Никто не учит их достойным нравам, хорошему поведению, исламским приличиям. Также, когда шакирды переходят от изучения одной книги к другой, или от одной науки к другой, никто не проверяет, освоил ли он предыдущую книгу, получил ли он пользу от прежней науки. Или он начинает изучать книгу только для того, чтобы собрать больше заката и милостыни, чтобы приобрести хорошую одежду; способен ли он понять эту книгу, будет ли она полезна ему в его делах как в дольном мире, так и в загробной жизни... Никто за этим не следит, не контролирует. Некоторые преподаватели – хальфы и (даже страшно сказать) мударрисы, сами любят, когда шакирды ходят с книгами “Мулла Джалаля” и “Таузых”, почитывают их, и, несмотря на то что ничего в них не понимают, заносчиво вступают в споры, упрямо и высокомерно, забыв о приличиях и правилах. Они [учителя] приветствуют такое поведение шакирдов, которые ведут себя неистово, подобно необузданным коням, нарушая правила приличия; они подзадоривают их, шаг за шагом, даже скачками переводя от одной

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на IX Ежегодной научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» по теме «Хусаин Фаизханов и традиции образования российских имамов», 7 ноября 2012 г., Нижний Новгород.

книги к другой, хотят побыстрее вывести их наверх, а потом хвалиться, что “вот у меня в медресе есть столько-то мулла джалляханов, таузых-ханов [учеников, закончивших чтение упомянутых книг]”. Хотя эти чтецы “Мулла Джалляла” и “Таузыха” неспособны прочесть даже книги “Шарх Мулла Джами”, “Шамсия” и “Шарх акаид”. В итоге «больше половины “вечных шакирдов” не знают того, что им требуется». Такие мударрисы борются прежде всего за количество учащихся, то есть за средства: «каждый мударрис старается, чтобы у него было как можно больше шакирдов, объявляет себя знатоком всех наук, взваливает на себя преподавание различных предметов... Несомненно, каждая наука и каждый предмет — это отдельное искусство. Если человек овладевает мастерством в одном из искусств, то оно будет мешать, вытеснять его умения в других областях. Об этом писал мудрый Ибн Халдун в книге “Мукаддима” [...]: предположим, что мударрис — исключительный человек, знаток всех наук. Но как он сможет на должном уровне преподавать уроки по такому большому количеству книг шакирдам, отличающимся друг от друга и способностями, и уровнем? Это тоже выходит за рамки возможного».

В целом, у Х. Фаизханова возникает картина обучения ради обучения, когда мударрис стремится показать весь размах своих знаний: «На уроках эти мударрисы просто непрерывно изумляют своих шакирдов глубокомысленными спорами, приводя разнообразные доводы и примеры, вне зависимости от того, имеет ли это отношение к изучаемому предмету или теме урока, и понимают ли шакирды [...] Мы же говорим: “Да, дело в понимании. Однако разве таков метод понимания?” А если шакирд за целый день не может понять часового урока или если шакирд неспособный?.. Это как будто кормить черным хлебом маленького ребенка, чтобы он быстрее вырос. Такой мударрис думает: “Я на каждом уроке опираюсь на очень глубокие рассуждения и новые исследования, и чтобы их осмыслить и понять, необходимо прочесть много книг”. Но в таком случае, есть ли способности и силы у твоего шакирда настолько глубоко мыслить, найти истину, изучить проблему, читать

много книг? Если нет, то от твоего урока ему не будет никакой пользы! Ты совершаешь большую ошибку в методах преподавания. То есть, во-первых, пускаешься в глубокие рассуждения, смешиваешь различные науки и тем самым запутываешь шакирда. Также теряешь самое важное и необходимое условие методики преподавания – движение вперед и непрерывность. В обучении очень важна и необходима последовательность. Ты, эфенди, даешь запутанный и сложный урок, для того чтобы понять его и изучить, требуется 2–3 недели, это подобно попытке скормить шакирду одновременно, за один день, десятидневный запас еды.

Если вместо этого помаленьку, последовательно объяснять, то пользы для шакирда было бы больше, и усваивал бы он легче».

Х. Фаизханов вообще является противником образования у одного наставника. Он пишет: «Ведь чем больше будет ученых и учителей, преподающих религию шакирду, овладевающему знанием, тем ему будет больше пользы и благодати. Доказательство этого есть в “Мукаддима” Ибн Халдуна, кто желает, пусть там посмотрит! Поэтому святые ученые люди прошлых времен получали знания у возможно большего количества людей. Передают, что у имама Азама [Абу Ханифы] было до 4000 наставников из числа табиитов. Интересно, есть ли какой-нибудь известный ученый, у которого не было бы 10–15 учителей? Не будем углубляться в историю, а посмотрим на современный Египет, Османское государство, Бухару. Боятся ли там большого количества учителей? У скольких мударрисов обучается каждый шакирд, запрещают ли мударрисы своим шакирдам учиться у других мударрисов?»¹

Скептицизм в отношении к бухарской системе, распространенной тогда у татар, у Х. Фаизанова, вероятно, увеличился и под влиянием Ш. Марджани. Шихабутдин-хазрат был настроен критически

¹ Фаизханов Х. Послание (Рисаля). Положение татар-мусульман в России // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. См. также электронный ресурс: URL: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?4239> (дата обращения: 07.11.2012).

в отношении системы обучения в бухарских медресе и в «Мукаддима» писал: «Хотя наш народ ставит в пример систему обучения в Бухаре, всегда величая ее с уважением “Благородная Бухара”, однако народ и правительство Бухары очень далеки от просвещения, управление там разлажено, обучение бессистемно. В Бухаре не изучаются такие науки, как Коран, Хадисы, основы [фикха], арабская литература, философия, география, история, международные дела. Они не считаются нужными знаниями. В Бухаре мало людей, преданных этим наукам. Большинство используемых книг по фикху – не важные, средневековых авторов. Они написаны слабым языком, в них много несуразностей, причем ссылаются на основателей мазхабов, больших авторитетов религии. Бухарские религиозные ученые в большей мере пользуются этими книгами, поэтому их знания в фикхе неосновательны. Они, из-за слабости в фикхе, оказались недостаточно осведомленными в шарияте»¹.

Хусаину-хазрату как человеку Нового времени гораздо ближе системный подход в образовании. Он пишет: «Посмотрите на русских детей, учащихся в гимназии! Они учатся там с десяти до семнадцати, восемнадцати лет [...] Они за семь лет хорошо овладевают грамматикой родного языка, получают исчерпывающие знания по риторике, в результате очень хорошо пишут по-русски. Они два-три урока в неделю изучают свою религию, и в этом они не обделены. Изучают мировую историю, кратко знакомясь с древней, средневековой и новой историей. Подробно знают русскую историю. Изучают иностранные языки: латынь, французский, немецкий, греческий, а некоторые и татарский; знают морфологию и синтаксис, и если не могут свободно говорить, то читают со словарем и понимают книги на этих языках. Они изучают арифметику, алгебру, географию, астрономию, геометрию, логику, различные естественные науки. Мы не говорим, что они в совершенстве знают все эти науки, хорошо их усваивают. Однако они знакомятся с предметом науки, терминами, основными

¹ Шихабетдин Мэржани. Элмэт: Рухият, 1998. Б. 53–54.

проблемами, в результате они понимают, о чем идет речь, и могут говорить на темы, относящиеся к этим наукам»².

Поэтому Х. Фаизханов выступает за становление системы образования на понятном учащимся татарском языке. Он указывает: «Не у каждого есть способности или время, чтобы изучить арабский. Поэтому если перевести на наш язык необходимые, важные, уважаемые книги по догматике, фикху и другим наукам (например, “ал-Фикх ал-акбар”³, “Мухтасар ал-викайа”⁴, “Шариат ал-ислам”⁵) и преподавать их в школах, то это было бы намного полезнее, чем изучать их на арабском, как это делается сейчас. Поскольку каждый грамотный человек мог бы понять их смысл, мужчины и женщины узнали бы о своих религиозных обязанностях, сотни тысяч людей избежали бы совершения грехов. Тем, кто считает, что в нашем языке мало слов и не хватает терминов, мы ответим, что мы с этим не согласны. Тюркский язык разнообразен, есть османский тюркский, казахский тюркский, чагатайский тюркский и наш. Каждой вещи и каждому явлению в этих языках может найтись слово. Также есть очень много устаревших и забытых слов. Их тоже можно было начать использовать, сначала, конечно, придется объяснять и растолковывать, но постепенно они войдут в наш язык и будут понятны без дополнительных разъяснений»⁶.

Хорошо знакомый с гимназической программой, Хусаин посвятил целый раздел рассчитанной на десять лет программе преподавания предметов и количеству часов. Он также подробно в отдельных разделах разобрал бюджет медресе и его расходы.

В «Основах преподавания» Фаизханов лишь добавляет некоторые сведения, которые оказались не включенными в «Ислах

² Фаизханов Х. Послание (Рисаля). Положение татар-мусульман в России.

³ Трактат Абу Ханифы (ок. 699–767) – основателя ханафитского мазхаба.

⁴ Сочинение Убайдаллаха б. Масуда ал-Махбуби, по прозвищу Садр аш-шариа ас-сани или ал-Асгар – второй, или младший, глава шариа, ум. 1346.

⁵ Труд Мухаммада б. Аби Бакра Имам-Заде аш-Шарги ас-Самарканди ал-Кумми, ум. 1177.

⁶ Фаизханов Х. Послание (Рисаля). Положение татар-мусульман в России.

мадарис» («Школьная реформа») и «Рисала» («Послание»). Он обращается сначала к мектебу — начальной школе, к самому раннему этапу обучения ребенка. Хусаин полагает, что прежде всего, до обучения письму, ребенка необходимо научить религиозным выражениям, таким как: «Аллах Един», «моя религия — ислам», «Мухаммад — Посланник Аллаха», а также пяти основоположениям религии. Все эти сведения должны быть пояснены доступным, простым языком. Для легкости усвоения примеры можно приводить из поэзии на тюркском языке. Обучая письму, следует для хорошего воспитания использовать выражения из религиозных текстов. Изучение догматики следует начать с «[Рисала] фард айн [хэм дават]» («Трактат о необходимости сущности [Аллаха] и молитв»); вопросы намаза необходимо объяснять простым тюркским языком; совершению религиозных обрядов следует обучать по книге «Илм ал-хал» («Учение о бытии») — краткому изложению мусульманского учения в форме вопросов и ответов по нравственной теологии. После обучения письму необходимо знакомить с восточной классикой — такими сочинениями, как «Панд-наме» Аттара (Фарид ад-дин Аттар, ум. 1223), «Гулистан» Саади (Муслих ад-дин Саади аш-Ширази, ум. 1291), рассказами на тюркском языке. Далее следует обучать, поясняя переводы книг «Тухфа [ал-мулук]» («Подношение правителям») Зайнаддина Мухаммад ибн Аби Бакр ар-Рази, ум. в кон. XIII в., «Мухтасар ал-викайа...» («Сокращенное изложение Охранительного...») — сочинению Убайдаллаха ибн Масуда ал-Махбуби. Затем следует обучать основам тюркского языка, истории и географии.

Далее Фаизханов приводит программу обучения в медресе, которое он делит на восемь ступеней (классов).

Первая ступень: правила синтаксиса и морфологии тюркского языка; обучение догматике — по «ал-Фикх ал-акбар» («Величайшее знание») Абу Ханифы; арифметика; начальное обучение арабскому и персидскому языкам.

Вторая ступень: разговор на тюркском, татарском, турецком языках; морфология арабского языка; морфология и синтаксис

персидского языка; арифметика и алгебра; обучение догматике и фикху.

Третья ступень: география; геометрия; синтаксис арабского языка; «Ал-Кафийа» («Достаточное») – учебный трактат по арабской грамматике шейха Ибн ал-Хаджиба (ум. 1249) и «Гулистан», «Панд-наме» – по персидскому языку; история.

Четвертая ступень: изучение отрывков из «Шарх мелла Джами» («Комментарий Мелла Джами») [комментарий к «Достаточному» Абд ар-Рахмана ал-Джами, ум. 1493] и «Шейх Рази» [«Шарх матн аш-Шамсийа» («Комментарий к основному тексту Солнечного» Кутб ад-дина ар-Рази, ум. 1364)]; «Исагуджи [ал-мантик]» («Исагоге», труд Порфирия, ум. 305; автор этого сочинения на арабском языке Асир ад-дин ал-Абхари, ум. ок. 1300) – по логике; суть астрономии, геометрии и истории.

Пятая ступень: «Талхис мифтах [ал-джинан]» («Сокращенное изложение Ключа рая» Мухаммада Муджира), «Макама ал-Харири» («Плутовские новеллы ал-Харири») [ал-Харири – арабский литератор, ум. 1122] – на арабском языке и матн – основное сочинение «Шамсийа» («Солнечный») [Умара ал-Катиби, ум. 1276]; философия; физика.

Шестая ступень: изучение «Шарх акаид [ан-Насафи]» («Комментарий к Догматике ан-Насафи») [Сад ад-дин ат-Тафтазани, ум. 1389], «Суллам ал-улум» («Лестница знаний») [Мухибаллаха ибн Абд аш-Шукур ал-Бихари, ум. 1707], «Мутаввал».

Седьмая ступень: «Божественная наука»; «Мелла Джалал» [автор основного текста Джалал ад-дин ад-Даввани, ум 1501; на полях примечания Йусуфа ал-Карабаги, ум. 1644/1645], «Танких» («Исправление») [Убайдаллах ибн Масуд ал-Махбуби ал-Кирмани завершил указанное сочинение в 1338-г.].

Восьмая ступень – здесь текст обрывается¹.

¹ Хосэен Фэезханов: историко-документальный сборник / сост. Р. Марданов. Казан, 2006. Б. 295–297.

Таким образом, татарский ученый-педагог вместе с декларацией необходимости обучения естественнонаучным дисциплинам не призывает отказываться от изучения книг по догматике, фикху, философии, а только делает акцент на основных сочинениях, которые должны быть пояснены на татарском языке, чтобы шакирды понимали суть этих сочинений.

Литература и источники

Фаизханов Х. Послание (Рисаля). Положение татар-мусульман в России // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. См. также электронный ресурс: URL: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?4239> (дата обращения: 07.11.2012).

Хосэен Фэезханов. Историко-документальный сборник / составитель Р. Марданов. Казан, 2006. Б. 295–297.

Шихабетдин Мэржани. Элмэт: Рухият, 1998.

СОВРЕМЕННОЕ МЕДРЕСЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ УММЫ¹

Система исламского профессионального религиозного образования в России в новейшей ее истории ведет отсчет от 1989 г., когда в Уфе под руководством муфтия шейха Талгата Таджуддина было открыто медресе им. Р. Фахретдина. Таким образом, в этом году наша система образования, можно считать, разменяла третий десяток.

Собственно, само становление исламского образования в России началось с вопроса подготовки имамов как первого и обязательного условия сохранения религиозного культа. В данном докладе мы поведем речь именно об этом сегменте образования — то есть о медресе².

Общая структура и характеристики системы среднего профессионального исламского религиозного образования в России

Что было достигнуто и какой опыт накоплен за эти годы? Начнем с цифр. Сегодня мы имеем более двадцати лицензированных медресе на территории Европейской части России. Восемь из них находятся в Татарстане (два высших медресе — «Мухаммадия» и Казанское высшее медресе им. 1000-летия принятия Ислама, а также Казанский исламский колледж находятся в Казани; «Ак мечеть» в Набережных Челнах; «Рисала» в Нижнекамске; медресе им. Ризаэтдина Фахретдина в Альметьевске; Буинское медресе, Нурлатское медресе, медресе «Фанис» в Ютазинском районе РТ), семь представляют

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на V Всероссийском мусульманском форуме «Проблемы мусульманского просвещения и образования в России», Международная научно-практическая конференция «Мусульманские образовательные сети: перспективы инновационного моделирования и развития», 29–30 октября 2009 г., Нижний Новгород.

² Мухетдинов Д. В. Основные направления мусульманского образования в современных условиях // Ислам на пороге третьего тысячелетия: материалы научной конференции и II областного практического семинара «Рухи Мирас». Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2002. С. 98–101.

собой филиалы Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман (в городах: Астрахань — «Хаджи-Тархан», Ульяновск — «Биляр», Самара — «Нур», Оренбург — «Хусаиния», Октябрьский — «Нурул-Ислам», Батыревский район, деревня Шыгырданы Чувашии — «Гулистан»). Три медресе функционируют под юрисдикцией Духовного управления мусульман Республики Башкортостан (медресе им. М. Султановой и «Галия» в Уфе, «Нур ал-Иман» в Стерлитамаке), по одному — под началом Духовного управления мусульман Европейской части России (Московский высший духовный исламский колледж), Духовного управления мусульман Саратовской области («Шейх Саид» в Саратове), Духовного управления мусульман Нижегородской области (НИМ «Махинур» в Нижнем Новгороде). Ни одного медресе нет на Урале и в Сибири. Количество медресе в республиках Северного Кавказа исчисляется сотнями (в одном только Дагестане их более ста)¹.

В 1990-х гг. процесс учреждения медресе шел очень бурно, качественная составляющая — материальная база, преподавательский состав, учебно-методические материалы — не поспедали за этим процессом. Как результат — в часть медресе проникли радикальные проповедники, вербовщики, призывавшие сражаться против неверных. Это привело к закрытию таких медресе, как «Расул Акрам» в Москве, «Ал-Фатх» в Ижевске, «Йолдыз» в Набережных Челнах, «Ал-Фуркан» в Бугуруслане. В Набережных Челнах на основе множества медресе — «Юлдуз», «Танзиля», «Ихлас», «Нурутдин», «Иман» — было создано медресе «Ак мечеть», а Альметьевское медресе им. Р. Фахретдина было образовано на базе Исламского института им. Р. Фахретдинова и Азнакаевского медресе². Коррекция количества медресе в сторону уменьше-

¹ Мухетдинов Д. В. О перспективах развития исламского образования в России // Исламское образование в России: проблемы современности: материалы научно-практического семинара, 29 октября 2004 г. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. С. 35–43.

² Мухаметшин Р. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=1228> (дата обращения: 29.10.2009).

ния происходила и на Северном Кавказе. Так, в 2000 г. в республике действовало 136 медресе, к 2003 г. их было 131, а в 2008 г., по данным председателя Комитета правительства РД по делам религий А. Магомедова, их было уже 116³.

Условно процесс создания медресе в современной России можно поделить на два периода: 1) начало и середина 1990-х гг., 2) 2003–2007 гг. Первая очередь медресе открывалась, как принято говорить, на голом энтузиазме — без специальных помещений, в условиях нехватки преподавателей. Была потребность быстро утолить сильнейший кадровый голод и огромный запрос населения на духовное знание. К этой группе первопроходцев относятся медресе «Ак мечеть» (точнее, его предшественник) — 1992 г., «Мухаммадия» и Казанское высшее медресе им. 1000-летия принятия Ислама — 1993 г., НИМ «Махинур» и Московский высший исламский духовный колледж — 1994 г., Нурлатское медресе и медресе «Рисала» — 1996 г., медресе им. М. Султановой — 1997 г., Альметьевское медресе — 1998 г.

Это был период первоначального накопления опыта, первых ошибок и первых результатов, после чего мы наблюдаем вторую волну бурного роста медресе, что было связано скорее с внутренними проблемами уммы. Центральное духовное управление мусульман сделало ставку на развитие образовательного консорциума, включающего сеть медресе в регионах и объединяемого Российским исламским университетом в Уфе. Открылись «Нур» в Саратове, «Биляр» в Ульяновске, «Гулистан» в Чувашии и другие. Кроме того, работавшие на тот момент медресе не покрывали потребность региональных местных религиозных организаций в кадрах, а те, что имелись, не всегда удовлетворяли по своим идейным предпочтениям. Появилось осознание того, что гораздо эффективнее обучать имамов у себя в регионе, где есть возможность и отбора, и отсева, и тщательной воспитательной работы

³ Интервью с А. Магомедовым: РИА «Дагестан», 11 июня 2008 г.

с каждым из студентов. Появились Казанский исламский колледж (2003), медресе «Шейх Саид» (2006), «Фанис» (2007).

Медресе осуществляют образовательную деятельность по дневной, вечерней и заочной формам, причем, как правило, одно и то же медресе ведет работу по всем трем направлениям, которые имеют каждый свою специфику. Исключение составляет тандем медресе им. М. Султановой и «Галия» в Уфе. В этом случае два медресе располагаются в одном здании, одно из них ведет обучение по дневной, второе — по заочной форме¹.

На вечерней и заочной формах студентов в несколько раз больше, чем на дневной, так как на этих отделениях обучаются кроме молодежи и представители среднего и старшего поколения, желающие глубже постичь религиозные науки. Приведу в пример медресе «Ак мечеть» в Набережных Челнах. Совсем недавно количество студентов дневного отделения было менее десяти, а вечерников и заочников — более ста. Или медресе «Шейх Саид» в Саратове. В 2008/2009 учебном году там обучались 160 студентов, из которых 10 человек на очной, 30 — на заочной, 120 — на вечерней форме обучения.

В данное время на Европейской части России нет женских медресе, в то же время ряд медресе проводит набор на учебу на дневном отделении и юношей и девушек, при том, что процесс обучения происходит раздельно. Такими учебными заведениями являются: медресе «Мухаммадия» в Казани, медресе «Фанис» в Ютазинском районе Татарстана, медресе им. Р. Фахретдина в Альметьевске и медресе «Нур ал-Иман» в Стрелитамаке. Но на заочную и вечернюю формы обучения женщины имеют возможность поступать во все медресе.

Медресе выдают дипломы по специальностям: «имам-хатиб», «преподаватель исламских наук», «мугаллим», «переводчик

¹ Медресе // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 210 с., ил. (Ислам в Российской Федерации; Вып. 1 / гл. ред. серии Д. В. Мухетдинов).

с арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета», «преподаватель религиозных наук». Каждое медресе само формулирует название специальности по своему усмотрению, неизменной является только «имам-хатиб». Девушки обучаются по специальностям: «воспитатель-наставница», «учитель и переводчик арабского языка», «преподаватель арабского языка и исламского этикета». Срок обучения варьируется от двух до пяти лет. В региональных духовных управлениях принята даже некоторая унификация. К примеру, в Татарстане два высших медресе имеют срок обучения пять лет, а средние медресе – три года. Все три медресе, работающие при Духовном управлении мусульман Башкортостана, обучают будущих имамов по четыре года.

Что касается материально-технической базы, хвала Аллаху, практически все медресе имеют собственные здания и общежития. В медресе, где на дневной форме обучаются и девушки, имеются и отдельные женские учебные корпуса с общежитием. Учебные заведения имеют свои библиотеки, некоторые – компьютерные классы с выходом в интернет. Хотя обеспеченность учебной и общеразвивающей литературой для многих медресе все еще крайне неудовлетворительна. Как сообщил доцент РИУ (Казань) Камиль Насибуллов (на совещании по реализации Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама 19 мая 2009 г. в Казани), по итогам проведенного им исследования, 22,6% шакирдов и 15,4% преподавателей медресе считают обеспеченность библиотек медресе удовлетворительной, остальные же отмечают острую нехватку учебной литературы.

Во всех заведениях обучение ведется бесплатно, кроме того, шакирды проживают бесплатно и получают бесплатное трехразовое питание. Шакирдов дневных отделений медресе в одном только Татарстане 250–300 человек, которые в течение десяти месяцев в году находятся практически на полном обеспечении учебного заведения, то есть уммы, ведь медресе живут за счет пожертвований и самих студентов, и меценатов. Если вдуматься,

это колоссальные финансовые средства, которые умма тратит на обеспечение себя грамотными имамами (здесь еще не учтены студенты исламских вузов, которые также повсеместно находятся на полном пансионе в своих учебных заведениях).

Но при таких колоссальных затратах, даже не в денежном исчислении, а в измерении вложенной энергии и проделанной организационной и административной работы, какой результат мы имеем на выходе? На первый курс поступает несколько десятков абитуриентов. К примеру, в этом году в Казанское высшее медресе «Мухаммадия» поступило по 30 девушек и юношей. Итого 60 человек. Если по итогам пятилетнего обучения до защиты дипломных работ дойдет хотя бы половина — это уже огромное достижение. В той же Казани в медресе им. 1000-летия принятия Ислама в 2009 г. диплом получили лишь 15 человек с дневной формы обучения¹.

Большой отсев студентов медресе имеет несколько причин — объективных и субъективных. Надо смотреть правде в глаза: учиться в медресе изначально идет не самая успешная молодежь. Среди абитуриентов есть молодые люди, которые идут в медресе осознанно, с целью посвятить себя служению исламу или как минимум получить глубокие религиозные знания для личного духовного роста. Но есть и другая категория абитуриентов — те, которые не сумели поступить в другие вузы, но не желают возвращаться в свои родные деревни или небольшие города, ведь вступительные испытания в медресе проходят позже аналогичных в светские вузы².

Так в медресе попадают случайные люди. Сейчас ряд учебных заведений ввел механизм против «случайных персонажей»

¹ Опыт и перспективы подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты в России. Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: Сборник работ и статей по исламскому образованию / сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 179–198.

² Речь идет о предыдущих годах, когда абитуриенты зачислялись в вузы по результатам экзаменов в самом заведении, а не по баллам ЕГЭ.

в медресе — вступительные испытания проходят в форме недельного лагеря. Абитуриенты неделю-две живут в общежитии медресе, учатся, в это время с ними активно знакомятся преподаватели медресе. Абитуриента проверяют не только на наличие знаний, но и на мотивацию, личностные и нравственные качества. И тем не менее наличие не сильно мотивированных на успешное окончание учебы студентов — во-первых, а по окончании медресе их нежелание работать по профессии — во-вторых, делает КПД медресе (и исламских университетов) довольно низким³.

Вот слова проректора медресе «Мухаммадия» Зульфата Габдуллина в интервью в апреле 2009 г.: «Выпускники нашего учебного заведения работают в разных отраслях. Мы не ориентируемся на то, чтобы они становились только духовными лицами, работали в мечетях и медресе. Наша цель — создать условия, чтобы мусульманин-ребенок вырос и стал мусульманином-банкиром, мусульманином-врачом, мусульманином-политиком. Чувство подотчетности перед Аллахом постоянно будет в его сознании, он никогда не будет вести себя легкомысленно и безответственно»⁴.

В то же время руководители духовных управлений мусульман бьют тревогу: имамов не хватает. В интервью муфтия Татарстана республиканским СМИ по случаю священного месяца рамадан Гусман-хазрат Исхаков, в частности, говорит: «Сегодня это в какое-то соревнование между богачами превратилось: кто больше построит. В итоге в одной деревне на 15 домов по 3–4 мечети стоят! Зачем их столько? Всего в Татарстане сегодня более 1300 мечетей, в последнюю неделю перед рамаданом мы присутствовали на открытии еще шести. В среднем каждые десять дней

³ Система российского исламского образования: пути развития: сборник краеведческих материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»): «Религиозное образование Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития» / ДУМНО, РНКАТНО, НИИ им. Х. Фаизханова; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 150–155.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.muhammadiya.ru/news/2009-04-26-70> (дата обращения: 29.10.2009).

в Татарстане открывается одна мечеть. Но где взять столько имамов? Мы ощущаем серьезную нехватку кадров»¹.

Накануне рамадана интервью местной газете дал и муфтий Челябинской и Курганской областей Ренат Раев: «На 150 приходов человек восемь образованных. Нехватка кадров острая»². В том же интервью муфтий Раев проводит такую параллель: нет в области своего медресе, поэтому ощущается нехватка кадров. В связи с этим другой пример — соседний с Челябинским регион — Оренбургский. Там работает медресе «Хусаиния». Его ректор Альфит Шарипов еще в мае 2007 г. заявлял, что в Оренбургских мечетях 60–70% священнослужителей являются выпускниками именно «Хусаинии».

Но «Хусаиния» — это счастливое исключение, в основном же ректоры сетуют на то, что выпускники не хотят трудоустроиваться по профессии, так как работой имама семью не прокормишь. Получается парадоксальная ситуация — кадров не хватает, а дипломированные имамы на работу в мечеть не идут из-за отсутствия достаточной для проживания зарплаты. То есть содержать шакирдов на протяжении нескольких лет в медресе нашей умме под силу, а содержать имама — нет.

Проблему отсутствия у имама мечети средств к существованию, медресе пытаются решить через второе специальное образование. Наши медресе вместе с дипломом имама выдают выпускнику и дипломы пчеловода, шофера, слесаря, оператора ЭВМ. Но нужны ли умме имамы-слесари? Без тени пренебрежения к рабочим профессиям мы все-таки должны констатировать: наш народ психологически не готов к восприятию такого имама, так как веками в нас заложено понятие о том, что служитель религии — это просвещенный человек, интеллигенция. Да, собственно говоря,

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eislam.ru/news/?ID=2025> (дата обращения: 29.10.2009).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy/?id=26037> (дата обращения: 29.10.2009).

практика религиозно-рабочей квалификации и без того не оправдывает себя.

При изучении специфики работы медресе в нашей стране не может не броситься в глаза и следующий факт — по ту сторону Урала нет у нас ни одного исламского учебного заведения. Действовало медресе в Ембаеве Тюменской области, но оно утратило лицензию и сейчас работает над вопросом получения новой. За неимением своих имамов к этой работе приглашаются выходцы из Средней Азии.

Перспективы и пути развития среднего религиозного образования

Еще в начале 2000-х гг. мы выступали с предложением кардинально уменьшить количество медресе по России или преобразовать их в особые образовательные центры, специализирующиеся по определенным направлениям. В этом случае рядовые медресе готовили бы имамов и проповедников среднего уровня, а будущие арабисты или хафизы получали образование в этих специализированных центрах³.

Кроме того, на протяжении нескольких лет мы ведем речь о необходимости вертикальной интеграции по линии мектеб — медресе — университет, когда лучшие выпускники имеют возможность продолжить обучение в вузе со второго–третьего курса. В связи с этим неоднократно подчеркивалось, что в поддержке со стороны государства нуждаются не только вузы, но и медресе как не менее важное звено образовательной цепочки. Отрадно, что эти предложения нашли свое отражение в федеральной комплексной программе содействия развитию сферы религиозного образования России, в соответствии с которой тридцати ведущим медресе России будут выделены средства на разработку учебных материалов и пособий, приобретение оборудования. Однако

³ Мухетдинов Д. К единству учебного пространства! // Минарет. 2004. № 3 (003). С. 36–39.

одной лишь помощью государства мы не сможем обойтись, ведь государственное участие в соответствии с конституцией не предполагает внесение системных преобразований, изменение самой структуры среднего образования, оно концентрируется на проблеме учебно-методического обеспечения. Мусульманскому сообществу необходимо определить для себя пути развития среднего исламского образования на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Наиболее острой и требующей немедленного решения проблемой для нас является противоречие между нехваткой кадров для служения в мечети и нежеланием выпускников медресе закрывать эту нехватку. В статье «К единству учебного пространства!» уже пять лет назад нами был предложен выход из ситуации, и мы вынуждены повторить его: медресе следует специализироваться на людях более старшего возраста, которые уже отслужили в армии, наладили свой быт в местах проживания. В этом случае медресе станут готовить работников именно для той социальной среды, которая в них особенно нуждается, — прежде всего сельских имамов и преподавателей ислама на селе. Соответственно снимутся проблемы невостребованности выпускников, непризнаваемости диплома со стороны государства, отсрочки от армии и т. д. Наконец, возрастет престиж медресе, поскольку именно работа с рядовыми мусульманами является нашей ключевой задачей, воплощать которую в жизнь должны сельские имамы. К счастью, работа на вечерних и заочных отделениях медресе поставлена гораздо более широко, нежели на дневных, то есть наши предложения реализуются. А для усиления эффективности этого подхода мы рекомендуем духовным управлениям мусульман не ждать, когда в деревне, имеющей мечеть без имама, некто изъявит желание поехать учиться в медресе и возглавить общину. Нужно самим ездить в деревни встречаться с населением и проводить среди него профориентационную работу, будь это даже население старшего возраста.

Что до проблемы трудоустройства молодых шакирдов медресе, на наш взгляд, необходимо, в первую очередь, разработать механизм

состыковки общин, нуждающихся в имамах и учебных заведениях. Мусульманские общины в городах нередко имеют возможности и желание пригласить к себе молодого имама с образованием. Нужно сделать так, чтобы председатели этих общин знали, куда обратиться по этому вопросу, и имели возможность на конкурсной основе (а не на основе кумовства или случая) отобрать наилучшего кандидата. Это будет дополнительный стимул для шакирдов проявлять усердие в учебе.

Кроме этого, желательно наладить мониторинг трудоустройства выпускников с тем, чтобы иметь более объективные данные о том, в каких специалистах нуждается умма. Ведь и на рынке труда спрос рождает предложение, и, если из десяти выпускников медресе трое устроятся на работу учителями, трое станут заниматься продажей мелкой исламской атрибутики, трое вообще уйдут в другие сферы деятельности, а один станет имамом, — это уже основа для анализа, какого рода специальности востребованы сегодня в мусульманской общине.

Это то, что касается краткосрочной перспективы. В долгосрочной же перспективе село как институт будет уходить, городское население увеличиваться, а требования к образованию и интеллектуальному уровню имамов лишь возрастать. Чтобы адекватно ответить на веления времени в будущем, нам уже сегодня нужно озаботиться внедрением программы подготовки «Имам +». Но не «имам + водитель» и не «имам + слесарь», а имам с дополнительной специализацией «издательское дело», «информационные технологии», «филология», «общественные коммуникации» и т. д. Сконцентрируемся на развитии нескольких медресе (предположим, десяти) до очень высокого уровня, каждое из которых будет иметь свою специализацию. В этом нам очень пригодится опыт государственной программы отбора и развития отдельных учебных заведений, о которой сказано выше¹.

¹ Мухетдинов Д. В. Поддержка имамов и общин со стороны государства // Рамазановские чтения: сб. ст. Н. Новгород: ИД «Медина», 2006. С. 182–185.

Литература и источники

Интервью с А. Магомедовым: РИА «Дагестан». 11 июня 2008 г.
Медресе // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 210 с., ил. (Ислам в Российской Федерации; Вып. 1 / гл. ред. серии Д. В. Мухетдинов).

Мухаметшин Р. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=1228> (дата обращения: 29.10.2009).

Мухетдинов Д. К единству учебного пространства! // Минарет. 2004. № 3 (003). С. 36–39.

Мухетдинов Д. В. О перспективах развития исламского образования в России // Исламское образование в России: проблемы современности: материалы научно-практического семинара, 29 октября 2004 г. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. С. 35–43.

Мухетдинов Д. В. Основные направления мусульманского образования в современных условиях // Ислам на пороге третьего тысячелетия: материалы научной конференции и II областного практического семинара «Рухи Мирас». Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2002. С. 98–101.

Мухетдинов Д. В. Поддержка имамов и общин со стороны государства // Рамазановские чтения: сб. ст. Н. Новгород: ИД «Медина», 2006. С. 182–185.

Опыт и перспективы подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты в России. Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: Сборник работ и статей по исламскому образованию / сост. и отв. редактор Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 179–198.

Система российского исламского образования: пути развития: сборник краеведческих материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»): «Религиозное образование Волжско-Сурского региона:

исторический опыт, современное состояние, перспективы развития» / ДУМНО, РНКАТНО, НИИ им. Х. Фаизханова; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008.

[Электронный ресурс]. URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniyu/?id=26037> (дата обращения: 29.10.2009).

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.eislam.ru/news/?ID=2025> (дата обращения: 29.10.2009).

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.muhammadiya.ru/news/2009-04-26-70> (дата обращения: 29.10.2009).

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛАХ¹

Как известно, в последнее время принято несколько важных документов на правительственном уровне, в которых регламентируется преподавание в школе основ религии, прежде всего это относится к предмету «Основы православной культуры». Учебные пособия по этому предмету уже согласованы с министерством образования, финансирование оговорено, следовательно, в школы и детские сады, в техникумы и ПТУ отправятся преподаватели-миссионеры. Безусловно, опасность тотальной христианизации ощущается прежде всего в городе, где мусульмане не проживают компактно, в татарских же селах дело обстоит несколько иначе. Однако угроза, нависшая над сельской школой, также связана с религиозным компонентом.

Я имею в виду, конечно, проблему общей бездуховности и безнравственности, порожденную нашим временем. Если в советские времена существовали какие-то нормативы, строгие законы, не позволявшие восторжествовать хаосу, то на сегодня единственным сдерживающим фактором в обществе может быть только мораль. Рост преступности, в том числе подростковой, падение нравственности в школах и учебных заведениях – это факт, на который нельзя закрывать глаза. Алкоголизация населения, растущая на его фоне психологическая депрессивность и всеобщая деградация могут быть предотвращены исключительно созданием качественно иной моральной атмосферы в обществе.

Конечно, я не выступаю за превращение светской государственной школы в религиозную. Наоборот, принцип нашей работы на селе заложен в наших уставных документах: медресе – младшая сестра государственной школы, и исходя из этого тезиса должны работать наши проповедники и имамы. В современных

¹ Выступление 2003 года. Мухетдинов Д. В. Религиозное образование в школах // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»).

условиях ребенок должен получить прежде всего качественное среднее образование, ибо даже отучившийся в арабской стране имам не сможет работать со своими прихожанами, не имея должного уровня светской грамотности. Внешкольное обучение вообще не должно конкурировать или мешать изучению школьной программы, это относится и к воскресным курсам при мечетях. Однако преподаватели не должны забывать, что если ребенок с раннего детства воспитан в имане (вере) и таква (богобоязненности), это предотвратит его дальнейшее развращение нынешней аморальной средой. Задумайтесь над тем, что наш Пророк Мухаммад, мир ему, говорил: «Поиск знания есть долг каждого мусульманина». Всякий человек, воспитанный в вере, просто обязан выполнять предписания нашего Пророка, а значит, согласно этому хадису, должен учиться хорошо и отлично и стремиться к постижению высот Знания.

Некоторые преподаватели сельских школ ставят в вину воскресным религиозным школам то, что обучение в них отрывает детей от выполнения домашних заданий, от изучения основной школьной программы. Конечно, каждый случай такого рода должен быть отдельно изучен: факультативные занятия ни в коем случае не должны мешать овладению школьной программой. Однако нам показалось, что эти упреки надуманны и явно преувеличены: неужели на селе в свободное от учебы время дети занимаются исключительно выполнением домашних заданий? Вовсе нет, и хорошо, если они заняты работой по хозяйству. Очевидно, надо просто объективно отнестись к нашей действительности, взвесить все «за» и «против» и только потом вынести свое суждение по вопросу факультативных исламских курсов.

Хочу заметить, что в целом мы, нижегородские татары-мусульмане, не являемся носителями мусульманской культуры как таковой. В настоящее время мы представляем собой воспитанников усредненной светской атеистической русской культуры, а поколение нынешних школьников растет в условиях европеизирующейся, тяготеющей к Западу, либеральной и тоже атеистической

культуры. Попробую доказать свои тезисы: в наших учебных заведениях всегда есть место портретам Пушкина, Ломоносова, Менделеева — мы вырастаем на их трудах, нас учат по их заповедям. Никто не говорит, что это плохо. Но скажите, пожалуйста, где, в каком законе, в каком уставе школы написано, что запрещено вывесить портрет Хусаина Фаизханова — крупнейшего знатока татарской словесности, виднейшего богослова и философа — или портреты Саади, Марджани — величайших ученых и беллетристов своего времени? Честно говоря, мы даже далеко не всегда знаем имена своих ученых, которыми некогда по праву гордились наши предки. Наша молодежь с радостью готовится к празднованию 8 Марта или Нового года — но разве какой-нибудь закон запрещает готовиться к празднованию Курбан-байрама, или Уразы-байрама, или Мавлида? Подготовить открытки, нарисовать плакаты, выучить стихотворения на эту тему или суру из Корана... Разве это запрещено законодательством?

Наоборот, скоро мы все окажемся перед фактом, что Русская православная церковь введет свои миссионерские предметы под видом «Основ православной культуры» в школьные часы, а мусульмане тем временем не имеют даже наработок в плане преподавания факультативных исламских предметов в школе.

Проявлением растущей вестернизации нашей культуры являются западные фильмы, молодежный сленг, новые культурные мероприятия, внедряемые в молодежную среду (типа Дня святого Валентина — о котором, кстати говоря, мы вообще ничего не знаем). А вот тот факт, что девушки — учащиеся воскресной исламской школы в одном из сел Нижегородчины пришли на занятия в сельскую школу в платках, вызвал раздражение и ненависть некоторых преподавателей. То есть американско-английскую культуру мы всячески поддерживаем или по крайней мере ничем ее не сдерживаем, а вот исламскую культуру — под запрет. Это не только несolidно, но просто недопустимо в условиях полной потери национальной самобытности в татарских районах нашей области. Ведь многие сельские школы находятся под угрозой закрытия — более

того, уже даже некоторые села оказались на грани вымирания. Татарская культура все более выветривается не только из нашего школьного образования, но даже из сельского быта.

Итак, мы оказываемся бессильными перед огульным пьянством, перед развратом и потерей своей татарско-мусульманской идентичности; более того, уже завтра нам грозит фактическая христианизация, навязываемая государством. Но даже в этих условиях мы все еще боимся возрождения исламской культуры, которую нам никто не запрещает развивать!

Руководство медресе «Махинур» прекрасно осознает, что система исламских медресе не может и не должна составлять конкуренцию сельской государственной школе; более того, далеко не все даже из числа желающих учиться по религиозной стезе пойдут на самом деле в медресе. У нас есть возможности и средства помочь нашей татарской школе снова встать на ноги, повысить уровень, в том числе материальный, а также развернуться в сторону наших мусульманских корней. Это единственный путь, чтобы выжить в этих условиях тотального давления со всех сторон, и это единственная возможность сохранить будущее нижегородских татар. Нашей задачей является создание предпосылок к преподаванию «Основ исламской культуры» в школе — по аналогии с православными.

Хотелось бы довести до вашего сведения, что вчера в Нижнем Новгороде в рамках конференции, посвященной 10-летию регионального Духовного управления мусульман, были приняты итоговые заявления. Во-первых, принято решение создать Совет по взаимодействию государства и религиозных конфессий при полномочном представителе президента РФ в Приволжском федеральном округе. Во-вторых, создается рабочая группа при этом Совете, которая займется разработкой учебных пособий, в том числе и по преподаванию исламской культуры в светской государственной школе. Кроме того, принята резолюция об учреждении ежегодной премии имени Хусаина Фаизханова наиболее выдающимся ученикам и учителям.

Нижегородское медресе «Махинур», инша-Аллах, должно принять активное участие в работе этой группы. Именно сегодня мы готовим кадры, которые завтра будут преподавать по этим пособиям.

Чтобы не быть голословным, приведу ряд цифр по поводу нашей деятельности на селе. В настоящее время филиалы нижегородского исламского медресе «Махинур» работают в 13 селах нашей области. Кроме того, в трех селах наши сотрудники читают лекции в государственных школах. Во многих селах, где работают филиалы медресе, учащимся доступны для посещения компьютерные классы, вводится английский язык, работают библиотеки — в отличие от умирающих сельских библиотек. Итак, наша задача — не конкурировать, а помогать сельской школе.

Те школы, с которыми мы сотрудничаем, ежегодно получают от нас наборы книг, подарки для самых выдающихся учеников и учителей; мы даже идем на оказание финансовой помощи в некоторых случаях. Собственно, нынешняя наша встреча — как раз из этого ряда. Она еще раз подтверждает, что нами движут исключительно гуманные мысли по спасению, поддержке и дальнейшему развитию татарской национальной культуры, составной и неотъемлемой частью которой является исламская религиозная культура.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы конкретизировать суть наших предложений на будущее. Отныне мы предлагаем сельским школам совместно работать на строго договорной основе, чтобы исключить досужие разговоры, и поставить эту деятельность под официальный контроль. В договоре будут прописаны параметры совместной деятельности нижегородского медресе «Махинур» и конкретной школы, касающиеся курирования библиотек, пополнения музейного и архивного фонда школы, преподавания факультативных исламских предметов типа «Основ исламской культуры» и т. д., вручения ежегодной премии имени Х. Фаизханова и др.

Таким образом, речь идет о целенаправленной, продуманной, грамотной работе, которую мы предлагаем вести совместно с нашим медресе всем заинтересованным сторонам, то есть сельским школам. Мы должны попытаться вывести нашу татарскую школу на новый, качественно более высокий уровень и полагаемся в этом деле на помощь и поддержку Всевышнего Аллаха.

Мир вам, милость Аллаха и Его благословение!

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Уважаемые участники XXVI Международных Рождественских образовательных чтений и VI Рождественских парламентских встреч!

По поручению и благословиению председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина приветствую всех вас традиционным братским мусульманским приветствием: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

Уважаемые братья и сестры! Позвольте, прежде всего, солидаризироваться с генеральной темой нынешних Рождественских чтений — «Нравственные ценности и будущее человечества» — и подчеркнуть, что вопрос, по сути, не стоит о том, какой в будущем окажется роль традиционных нравственных постулатов, но о том, что без нравственности, без понятия о морали у человечества нет будущего. Желания человека и свобода его действий ограничены чертой, обозначенной божественным дозволением. Вместе с тем глубоко неверным было бы сводить понятие морали и нравственности лишь к запрету, поскольку запрет ведет к воспитанию личности и духа, а следующей ступенью этого воспитания является милосердие и сострадание.

На этой площадке я хочу процитировать слова нашего духовного лидера, муфтия шейха Равиля Гайнутдина, касательно темы традиционной нравственности, произнесенные им на XIII Международном мусульманском форуме, который российские мусульмане провели несколько недель назад в Хельсинки:

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на VI Рождественской парламентской встрече в Совете Федерации, 25 января 2018 г., Москва.

«XXI век поставил перед человечеством новые вызовы, связанные с тем, что глубинные желания и устремления миллионов граждан планеты не могут быть вписаны в существующие и устоявшиеся политические схемы и идеологии. Со сменой технологического уклада меняется и осознание человеком своего места в обществе. Наконец, возникла масса вопросов этического характера о том, какова роль человека, пределы его полномочий и ответственности на планете Земля, да и в космическом пространстве. Человечество, изобретшее ядерное, химическое, биологическое оружие, нейросети и генную инженерию, ответило на них не в полной мере. [...]

Вместе с тем я выражаю свое глубокое сожаление по поводу лишённого глубины подхода стран Евросоюза в регулировании вопросов этнического, религиозного, гендерного самосознания людей. Это касается прежде всего разрушения целостности классического представления о семье и о гендерных ролях. Разделение человечества на мужчин и женщин является неоспоримой истиной во всех трех монотеистических авраамических и других мировых религиях. Даже исходя из прагматических соображений воспроизводства населения и защиты здоровья нации, пропаганда нетрадиционных взаимоотношений между полами — более чем сомнительное предприятие. Оно прямым образом затрагивает и сферу этического, поскольку подразумевает эксперименты с трансформацией глубинных жизненных установок человека, с демонтажем института семьи и брака, со времен Адама и Евы бывшим основной опорой личности в сохранении нравственной целостности его души и сознания».

Окружающая нас действительность находится в постоянном развитии, трансформации, и в этой новой реальности человек должен ясно различать каркас нравственных оснований, позволяющий всей конструкции человеческого сообщества сохраняться и развиваться. Некоторые из современных вызовов уже были обозначены сегодня. Но в осмыслении новой реальности и связанных с ней вызовов сложнее всего приходится молодежи, подрастающему поколению — детям и подросткам, не имеющим жизненного

опыта, но вынужденным формировать свою позицию и жизненные стратегии в условиях противоречивых сигналов, идущих из разных сегментов общества.

Мое глубокое убеждение состоит в том, что семья и школа — два института, внутри которых происходит преимущественно созревание личности, — должны не столько занимать позицию ментора и судьи, сколько через гармоничное выстраивание межличностных отношений, отношений в коллективе через литературу, культуру, искусство давать подрастающему поколению ориентиры, сверяясь с которыми подросток и даже ребенок сумеют самостоятельно дать оценку и своим намерениям, и действиям своих товарищей. Наряду со штудированием фактологии и достижением показателей успеваемости, современная школа не должна забывать о своей миссии в формировании целостной личности ученика, быть союзником школьника в его личном поиске истины и образцов морали. Школа призвана заложить в формирующуюся личность способность к сочувствию, сопереживанию, труду во имя других.

Прошедший 2017 г. был отмечен обменом мнениями относительно внедрения в образовательный процесс предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР). Мы высказали свою озабоченность тем, что форсирование внедрения предметной области при общей неподготовленности к ней общества, педагогического, научно-методического сообществ чревато включением механизмов соревновательности и необдуманных шагов. Высоко ценим тот факт, что мнение мусульманского сообщества России, в частности позиция Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России, были услышаны как Министерством образования и науки Российской Федерации, так и Русской православной церковью в лице митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия и Синодального отдела религиозного образования и катехизации.

X Международная теологическая научно-образовательная конференция «Чтения имени Галимджана Баруди» в октябре 2017 г., в рамках которой состоялся круглый стол «Актуальные вопросы

преподавания религиозных культур в школе (в рамках курса ОРКСЭ и предметной области ФГОС ОДНКНР)», стала еще одним важным этапом многостороннего диалога по затрагиваемой теме.

Считаю целесообразным также напомнить позицию мусульман России, высказанную муфтием шейхом Равилем Гайнутдином в конце прошлого года на пленарной части вышеназванной конференции. Муфтий Равиль Гайнутдин выступил с призывом к ступенчатому наполнению предметной области ОДНКНР конкретными курсами, предложив на первые несколько лет сфокусироваться на двух классах, а затем двигаться дальше. Свою позицию он аргументировал в том числе и незрелостью научно-методической базы российского мусульманского сообщества, которое располагает лишь тремя вузами, имеющими государственную аккредитацию по направлению «теология», против более чем сорока у РПЦ. Это в целом совпадает с позицией министра образования и науки Ольги Васильевой, которая еще в мае прошлого года анонсировала основательную и неспешную апробацию курсов в пятых и шестых классах, прежде чем решение об их обязательном вводе будет принято.

Кроме того, мы должны ясно понимать, что мусульманские религиозные организации не будут отстранены от обсуждения и реализации данного направления.

Вместе с тем, считаю, нам предстоит еще глубокий предметный разговор по различным аспектам введения ОДНКНР. В их числе – наличие, по образцу с курсом ОРКСЭ, модулей внеконфессионального и поликонфессионального характера, квалификация учителей и их подготовка и переподготовка, обеспечение равного доступа к модулю по своему желанию для представителей всех традиционных религий. Одним из наших принципиальных предложений является обязательное включение в каждый из модулей блока занятий по межрелигиозному и межнациональному согласию, добрососедству, согласию и взаимному уважению между представителями различных этносов и духовных традиций.

25 января 2018 г., Москва

ВВЕДЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ОСНОВЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ» И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ¹

Уважаемые организаторы и участники V Рождественских парламентских встреч и нашего круглого стола!

Приветствую вас традиционным мусульманским приветствием: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение! И благодарю организаторов этих встреч за приглашение выступить!

Здесь на этой важной и значимой площадке Рождественских чтений я должен сказать о двойственности, непоследовательности позиции исполнительной и законодательной властей по вопросу критериев светскости образования и границ между духовно-нравственным воспитанием, светскостью и вмешательством в частную и семейную сферу религиозных убеждений учащегося и педагога. Заявление (цитирую): «Хиджабу не должно быть места в школе» — в отношении учителей и учеников средней школы в татарском селе Белозерье Мордовии вызвало шквал критики и общественного осуждения.

Принимая это утверждение за максимум, мы, однако, наталкиваемся на противоречие. Сегодня, в соответствии с федеральным законодательством, начиная с четвертого класса ученики этой школы в рамках курса «Основы религиозной культуры и светской этики» имеют право изучать основы исламской культуры, а также в рамках предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» учителя могут вводить учебные предметы, учитывающие свои региональные, национальные

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Круглом столе «Духовно-нравственное воспитание в системе образования: состояние, проблемы, перспективы» в рамках V Рождественских парламентских встреч в Государственной думе, 26 января 2017 г., Москва.

и этнокультурные особенности, а это в татарском преимущественно селе, как вы понимаете, снова мусульманский компонент. И на этих занятиях, реализуя принципы духовно-нравственного воспитания, учитель должен будет транслировать ученикам не видение чиновников, не их представления об облике истинных верующих, но то, о чем говорят источники ислама и полуторатысячелетняя классическая исламская культура, а именно: Коран предписывает девушкам и женщинам соблюдать скромность, целомудрие и покрывать свою красоту. Этот диссонанс, конфликт, который государство в данном случае само усиленно закладывает в сознание своих граждан, в дальнейшем, я убежден, преподнесет свои негативные плоды для всего российского общества.

Всем присутствующим здесь прекрасно известно, но тем не менее напомним, что во Франции, которую нередко приводят в качестве эталона при обсуждении светскости школы, наряду с хиджабом запрещена также и иудейская кипа, и христианский нательный крестик. Но в России мы себе такого представить не можем: снять нательные кресты со всех учеников и учителей, убрать из кабинетов директоров, завучей и учительских иконы. Вопиющий случай произошел буквально на днях в Казахстане, когда с ученицы сняли нательный крестик. Так же сложно представить директивное раздевание всех учениц и педагогов в учреждениях среднего общего образования в ряде субъектов Северного Кавказа.

Мы призываем органы власти – чиновников, законодателей – понять всю меру щепетильности этого круга вопросов и проявлять максимум мудрости. То же самое закрепление предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в федеральных государственных образовательных стандартах, при вдумчивом подходе, должно стать тем важнейшим каналом возвращения в школу вдумчивого разговора о нравственности, совестливости, о добрососедстве и братстве народов России. Но ситуацию осени 2016 г., когда стало известно, что учебная программа готовится лишь для одной конфессии, а параллельно с этим в ряде

регионов проводятся сомнительные эксперименты по одностороннему претворению в жизнь предметной области ОДНКНР, очень многие жители России, далеко не только лишь мусульмане, восприняли крайне негативно. Восприняли именно как посягательство на светский характер образования, причем посягательство скрытное, кулуарное. Кулуарность, закрытый характер методической проработки курса ОРКСЭ мы с сожалением отметили для себя и после ознакомления с методическим пособием «Основы исламской культуры. Книга для учителя», изданным Московским институтом открытого образования. При его разработке не проводилось никаких консультаций с мусульманскими религиозными организациями, а в результате пособие обладает рядом серьезных изъянов.

Возвращаясь к теме ОДНКНР, я лично, даже будучи представителем мусульманского духовенства, не хотел бы, чтобы в данном вопросе сработал фактор соревновательности и вслед условно за Москвой, Подмосковьем, Белгородчиной – Татарстан, Тува или Калмыкия стали усиленно вводить в школы занятия по религиозной культуре титульного населения. Именно в этом случае, а не в случае ношения крестиков и платков, религиозный фактор приобретает из частного общественное и политическое значение. Я твердо убежден, что риски такой политики значительно превышают ожидаемый положительный эффект.

26 января 2017 г., Москва

ОСНОВЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ РОССИИ (2018)¹

Уважаемая Валентина Викторовна [Переверзева], уважаемые члены президиума и участники конференции. Уважаемые ваши высокопреосвященства митрополит Иларион и митрополит Меркурий! Уважаемое высокое собрание!

Позвольте по поручению председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина поприветствовать нашу конференцию и поблагодарить Министерство образования и науки Российской Федерации и Межрелигиозный совет России. Позвольте донести официальную позицию наших организаций, основанную на трезвой оценке текущих возможностей мусульманского сообщества и духовенства России.

Говоря о практическом внедрении в образовательный процесс предметной области «Основы духовно-нравственных культур народов России», мы озабочены тремя ключевыми моментами:

1. Подготовленные педагоги;
2. Учебные программы и пособия;
3. Обеспечение равного доступа ко всем модулям в рамках предметной области.

Относительно первого пункта упомяну, что около 70 процентов учителей, ныне преподающих в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики», – учителя начальных классов. Эти данные дают возможность судить об объеме предстоящей работы по подготовке и переподготовке педагогических кадров. Существует довольно деликатный вопрос о том, должны ли учителя быть «универсалами», способными преподавать любой из шести модулей, или владеть одним или двумя из

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственное образование в современной российской школе: социально-философский, научно-педагогический и конфессиональный аспекты», 14 февраля 2018 г., Москва.

модулей. Думаю, присутствующие не станут спорить с тем, что для реализации первого варианта мы должны будем обеспечивать школы специалистами, обладающими полноценным классическим религиозно-теологическим образованием. Однако чаша весов склоняется в сторону привлечения к преподаванию выпускников теологических факультетов. Не секрет, что, тогда как наши православные братья располагают более чем сорока вузами, готовящими теологов, для российских мусульман сегодня существует лишь три вуза, реализующих образовательную деятельность в рамках направления «исламская теология» и выдающих дипломы государственного образца, плюс к этому — единичные случаи подготовки исламских теологов в государственных вузах. Негативное влияние на кадровый потенциал оказывает и отсутствие диссертационного совета по исламской теологии, создание которого анонсировалось на базе ИСАА МГУ или других научно-образовательных центров.

Духовное управление мусульман Российской Федерации и Совет муфтиев России убеждены, что единственным приемлемым вариантом продвижения в указанной теме является наше масштабное и содержательное сотрудничество с Министерством образования и науки Российской Федерации. Предпочтительным нам видится выработка форматов теологического образования, которые позволили бы выпускникам по направлению «исламская теология» вести преподавательскую деятельность в школах, учитывая накладываемое законодательством обязательство иметь профильное педагогическое образование всем школьным учителям. Кроме того, мы настоятельно ходатайствуем перед министром образования и науки Российской Федерации многоуважаемой Ольгой Юрьевной Васильевой об открытии существенного числа бюджетных мест по направлению «исламская теология» в ближайшей перспективе.

Хотел бы обратить внимание собравшихся на то, что имеющаяся статистика по выбору тех или иных модулей в рамках предметной области ОРКСЭ в отношении российского мусульманства

не всегда отражает реальные предпочтения родителей. К примеру, я, как отец четырех сыновей, на текущем этапе делаю свой выбор в пользу курса светской этики, потому как я могу себе представить уровень специалиста, который преподает и будет преподавать курс основ исламской культуры. Также по моему опыту знакомства с пособием для учителей по данному профилю я могу констатировать, что оно не выдерживает критики ни с теологической, ни с исламоведческой точек зрения. И масштабы такого недоверия в исламской среде велики.

Отсутствие административного единства в среде российских мусульман прямым образом сказывается на возможностях подготовки учебно-методических комплексов и учебных пособий по основам исламской культуры.

Этим объясняется наша убежденная позиция о необходимости продвигаться во внедрении предметной области только поступенчато, начиная с 5-го по 9-й классы, испытывая учебно-методические материалы в течение нескольких учебных лет. Мы считаем, что таким порядком необходимо идти вплоть до 11-го класса, а классы с 1-го по 3-й, а также учреждения дошкольного образования на данном этапе включать не стоит.

Повторю свой тезис, озвученный в первой части работы конференции: безальтернативным путем реагирования на скепсис значительной части родительского и педагогического сообществ является открытость, прозрачность, демократичность и плюралистичность при реализации курсов предметной области ОДНКНР, глубокое и сущностное, а не декларативное сотрудничество с представителями религиозных организаций всех религий, чье присутствие укоренено в российской истории.

Позвольте подчеркнуть, что именно родители (законные представители) и в широком смысле слова семья учащегося несут основную долю ответственности (моральную, административную, уголовную) за благополучие ребенка. Убежден, что движущим мотивом в наших действиях, в противовес предпринимаемым в неолиберальных обществах попыткам низвергнуть роль

и авторитет института традиционных семьи и брака, должно быть не навязывание, а именно содействие и помощь семье и родителям в воспитании будущих поколений граждан Российской Федерации, полезных и ответственных членов общества.

14 февраля 2018 г., Москва

РАЗВИТИЕ
ВЫСШЕГО
ИСЛАМСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

РОЛЬ ИСЛАМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ М. И. МАХМУТОВА В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН¹

Общеизвестно, что образование российских мусульман в настоящий период переживает не лучшие времена. С конца 1920-х до конца 1980-х гг. на территории РСФСР не действовало ни одного мусульманского профессионального учебного заведения, то есть традиции прервались чисто физически. Стоит отметить, что у Русской православной церкви Московского патриархата этот перерыв составил менее 20 лет. Исламское образование, полученное в Узбекистане, весьма серьезно отличалось от тех стандартов, которые были приняты у татар. Поэтому фактически встал вопрос о воссоздании такого образования. 1990-е гг. стали в этом смысле переломным этапом.

С одной стороны, система профессионального образования российских мусульман была воссоздана, с другой — она сосредоточилась на подготовке имамов, знающих преимущественно обрядовую сторону. И это в лучшем случае. В худшем — медресе стали площадкой для подготовки радикалов, находящихся под иностранным влиянием. Здесь можно вспомнить и эритрейца Ясина Абделлу, который «наследил» в медресе «Фуркан» в Бугуруслане и в альметьевском медресе имени Ризы Фахретдина (нефтяной район Татарстана) и был выслан компетентными органами нашего государства. Отсюда протянулась цепочка к кровавым событиям осени 1999 г. В медресе «Фуркан» в Бугуруслане преподавание велось вначале на русском, затем на арабском языке. При этом светские дисциплины отсутствовали. Для туган тел — родного языка — места вообще не было. Все это полностью противоречило традициям любых татарских медресе. В 1990-х гг. в городе Бугуруслане это уже открыло дорогу ваххабитам. Медресе закрыли, но его семена

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на II Махмутовских чтениях на тему «Мировоззренческий диалог науки, образования, культуры, философии и религии», 15–16 мая 2008 г., Казань.

живы. После андижанских событий Шангареев призывал устроить оранжевую революцию в Узбекистане.

К концу 1990-х гг. стало ясно, что система исламского образования в России сегодня находится в стагнации. Подавляющее большинство исламских учебных заведений работает «впустую», и эффект от их деятельности близок к нулевому. Вуз – сложнейшая и уникальная система преподавания, которая может быть создана только на основе соответствующей базы; преподавательский состав вуза состоит из специалистов, имеющих ученые степени в области светских наук или богословия, но здесь не нужно забывать о том, что мусульманские богословы сегодня не обладают дипломами о соответствующем образовании; вуз обязан иметь государственную лицензию и пройти аккредитацию.

Поэтому для развития образования российских мусульман были столь важны кадры с опытом работы в системе администрирования школы, среднего и высшего образования. Мирза Исмаилович был в этом отношении идеальным вариантом. Особо важным было его знание четырех основных языков: татарского, русского, арабского, английского. Не случайно, что об этом уникальном для советского поколения опыте сказал на панихиде, проходившей в этом зале, президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Крайне важно, что этот опыт знания языков нашел применение в стенах Татарско-американского регионального института (ТАРИ). Именно при Мирзе Исмаиловиче начался процесс получения светского образования шакирдами. К сожалению, с закрытием ТАРИ этот эксперимент прекратился. Нам в Нижнем Новгороде тоже не совсем понятно, почему в Казани всечески поддерживаются крайне дорогие спортивные команды, но нет денег на образование. Пример закрытия ТАРИ и Татарского государственного гуманитарного института, дававших хорошие языковые, филологические, исторические знания о мусульманском мире, мягко говоря, не радует.

Уже 250 лет назад татарские баи начали тратить деньги именно на образование. Так было и в Казани. Здесь стоит вспомнить

пример медресе «Мухаммадия», которое называли «татарским университетом». Одноэтажное кирпичное здание было построено Мухамеджаном Ибнаминовичем Галеевым в 1883 г. В 1885 г. Ахметзян Яхьич Сайдашев надстроил его вторым кирпичным этажом. Третий этаж возведен Габдуллой Утямышевым в 1886 г. В 1901 г. на средства А. Г. Хусаинова и Г. Утямышева в глубине дворового участка к уже существовавшему было пристроено трехэтажное кирпичное здание. Они же снабдили классы медресе всем необходимым: партами, досками, кафедрами, картами и наглядными пособиями. Педагоги медресе получали хорошую зарплату. Поэтому сюда получили возможность прийти лучшие кадры. В медресе «Мухаммадия» преподавали видные улемы, составившие ядро авторов богословского журнала «Ад-дин ва-л-адаб»: Ахметзян Мустафин, Кашшаф Тарджемани, Мухаммад-Наджиб Тюнтери, Шехер Шараф. Здесь получили образование муфтий ОМДС Мухаммад-Сафа Баязитов, ученые и общественные деятели: Худжа Бадиги, Саид Вахиди, Газиз Губайдуллин, Гали Рахим, Галимджан Шараф; писатели: Фатих Амирхан, Фатхи Бурнаш, Мажит Гафури, Карим Тинчурин, Галиаскар Камал, Наки Исанбет, композиторы: Султан Габяши, Салих Сайдашев; художник Баки Урманче. Они были истинной политической, научной, образовательной элитой, татарскими классиками, даже не занимая формальных постов. Кто сегодня может сравниться в богословии с Баруди, в живописи — с Урманче, в музыке — с Сайдашевым, в прозе — с Амирханом, в поэзии — с Гафури, в драматургии — с Тинчуриным, в исторической науке — с Губайдуллиным, в литературоведении — с Рахимом? Где наши классики?

Значит ли все это, что мы должны сложить руки и ждать инкираза — исчезновения, до которого осталось еще 100 лет? Нет, нет и еще раз нет. Мирза Исмаилович был всегда для нас примером того, как нужно бороться, отстаивать язык и веру своих предков. Ему пришлось пройти через страшные застойные времена, когда из городских школ исчез татарский язык, а в новых городах, даже Татарстана, татарских школ не открывали. Сегодня этой «мудрой»

национальной политике КПСС благодарны в основном ваххабиты и все те, кто не хочет, чтобы люди нашей земли жили в мире и здравии. К концу 1980-х гг. даже татары Татарстана испытывали страшную горечь и недовольство из-за невозможности реализовать свои элементарные национально-культурные права. Некоторые радикалы уже тогда утверждали, что нормальная жизнь татар возможна только в отделении от русских. Их доказательства были не столь уж необоснованными. Сердца всех татар бились тревожно, когда их Родину называли «второй Чечней». Мне самому пришлось побывать в этой республике, и я видел, какие страшные следы оставила война в сердцах людей. И сегодня в Чечне почти нет русских. Очень мало русских и в Махачкале, где я впервые побывал всего две недели назад. Но, к счастью, в Татарстане истинная мудрость восторжествовала. Русские и татары в школах учат языки и историю друг друга. В некоторых школах республики преподается и арабский язык. Татарстан во многом вернулся к тем нормам уважения культур двух народов, которые закладывал Мирза Исмаилович в бытность министром просвещения еще с конца 1950-х гг.

Я не случайно так много говорил об этих нормах взаимного уважения. В медресе и исламский вуз люди приходят из обычной светской школы. И если они впитали там нормы уважения к языкам и культурам друг друга, то все по большому счету будет в порядке. Поэтому сегодня иностранным вербовщикам намного сложнее привлечь кадры из нынешней молодежи Татарстана, чем из той, что пережила попытки советской ассимиляции. Знание русской культуры и русскоязычие — не панацея от экстремизма. Меня поразила Махачкала, где все вывески, даже о национальных концертах, написаны на русском языке. На каждом большом перекрестке стоят автоматчики. Но взрывы и убийства не прекращаются.

И здесь нам надо понимать, насколько важны традиции своего татарского богословия и образования. Здесь неоценимым подспорьем будет долго являться книга Мирзы Исмаиловича «Мир

Ислама». Опять-таки заметим, что источники этой книги даны на четырех языках: татарском, русском, арабском, английском. Мирза Исмаилович последние годы своей жизни посвятил Российскому исламскому университету (РИУ). К сожалению, процесс его создания тоже затянулся, прежде всего на качественном уровне. За все годы существования РИУ на российском информационном пространстве так и не появилось ни одного выдающегося исламского публициста, журналиста, переводчика из числа выпускников университета. Мы уж не говорим об улемах и мударрисах.

РИУ дает студенту на начальных курсах такую же учебную программу, как и медресе, в то время как разрыв между ними, разница в их статусе должна существовать. За 4–5 лет невозможно постичь все тонкости исламского знания, а современный имам должен быть еще и грамотным в области светских дисциплин, а также в совершенстве владеть несколькими языками. Только такой наставник, проповедник и преподаватель сможет увлечь за собой людей, только высокообразованный религиозный деятель востребован сегодня обществом; если же в исламском учебном заведении не преподаются светские дисциплины в необходимом объеме, это значит, что его выпускники не смогут работать имамами и проповедниками в современном обществе.

Для этого необходимо качественное светское образование. Поэтому, например, мы, нижегородские мусульмане, храним верность традициям своих предков: просвещение и наука поглощают львиную долю нашего бюджета. Особое внимание уделяется высокому уровню подготовки имамов. В современных условиях для повышения конкурентоспособности и признания их элитарной роли имамы ДУМНО, выпускники медресе продолжают обучение в светских вузах страны: в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) при Московском государственном университете; Московском государственном лингвистическом университете по специальности «переводчик-арабист»; в Нижегородском государственном университете (ННГУ) на факультете международных отношений; в Волго-Вятской академии госслужбы.

Сегодня многие имамы имеют по три образования (религиозное и два светских), владеют четырьмя языками: татарским, русским, английским, арабским. С 1999 г. на базе ННГУ им. Н. И. Лобачевского существует программа «Исламские исследования», в которой участвуют около 500 человек, из них несколько десятков получили свидетельства государственного образца. С сентября 2005 г. в рамках целевой программы президента Российской Федерации по направлению СМР 14 нижегородцев поступили на факультеты лучших вузов страны: ИСАА при МГУ, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Нижегородского государственного университета. В этом году появились и первые выпускники. Почему этому пути не следуют в Казани, ведь был же прекрасный опыт ТАРИ?

Очень важно и издание учебных пособий. И здесь опять-таки для нас был примером «Мир Ислама». В рамках целевой федеральной программы были изданы десятки пособий, посвященных роли ислама и мусульманского сообщества в современном мире, татарской философской мысли, истории мусульман Волго-Уральского региона, суфизму, вышел в свет учебный словарь «Ислам в Приволжском федеральном округе». Все они уже реально используются преподавателями, аспирантами и студентами. С 2004 г. начинается издание единственного в России журнала исламской доктрины «Минарет». С 2005 г. ДУМНО совместно с Нижегородским государственным университетом начали издавать ежеквартальный альманах «Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты». Наряду с изучением местных проблем здесь особое внимание уделяется современному развитию ислама, развитию ситуации в мусульманских регионах на постсоветском пространстве. С прошлого года действует всероссийский сайт www.islamrf.ru. Стоит особенно отметить, что несмотря на все проблемы наши издания выходят регулярно. Недавно в Москве открылось представительство Издательского дома «Медина». Как и другие наши

инициативы, эта направлена на просвещение и развитие связей между регионами.

Естественно, здесь мы не действуем в изоляции. С нами активно сотрудничают ученые-исламоведы из Москвы (это прежде всего Институт востоковедения РАН, МГУ, РГГУ), Петербурга, Казани, Махачкалы, других центров. Иногда задают вопрос: почему не в Казани? Но Мирза Исмаилович не только татарин, но и лямбирский мишарь. Татарская нация начинается, но не заканчивается в Казани. Любой выдающийся человек жив в его делах. И мы стараемся продолжить те традиции, которые Мирза Исмаилович начал закладывать еще полвека назад.

15–16 мая 2008 г., Казань

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН¹

Подготовка мусульманского духовенства с участием государства при преподавании светских предметов по образцу русских средних учебных заведений стала рассматриваться как актуальная задача вскоре после создания по Указу Екатерины II Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), которое было единым органом, объединявшим всех мусульман Внутренней России и Сибири в 1788–1917 гг. На протяжении всего XIX века не прекращались действия, направленные на совмещение религиозных и светских дисциплин в медресе.

Для понимания необходимости реформы мектебе и медресе рассмотрим традиционное образование и его результаты. На рубеже XVIII–XIX веков мектебы и медресе превращаются в сеть учебных заведений на всей территории татарского мира. По утверждению миссионера Я. Д. Коблова, «конфессиональная школа имеет для магометан огромное значение: она дисциплинирует их, превратив в строго организованную массу, в которой на практике нередко осуществляется лозунг “один за всех и все за одного”...»².

В это время целью образования в медресе становится подготовка элиты, владеющей абстрактным понятийным аппаратом, языками, шариатом и знанием образа мысли Востока. Учащиеся медресе Средней Азии должны были приобрести навыки для обеспечения своего высокого статуса. Поэтому основное внимание уделялось не Корану и хадисам, а их толкованиям в рамках существующей традиции: «медресе не только воспроизводило образованную элиту, но и определенное восприятие ислама»³.

¹ Мухетдинов Д. В. Участие государства в системе религиозного образования российских мусульман / Д. В. Мухетдинов // Ислам в современном мире. 2005. 2. С. 5–11.

² Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916. – С. 64–65.

³ Khalid A. The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia. – Berkeley – Los Angeles – London, 1998. – P. 20–33.

Лучшее представление о системе обучения в старометодном медресе бухарского типа дал Дж. Валиди. В медресе обычно поступали после окончания мектеба. Первый год обучения посвящался сарыф, а следующие два — нахве¹. На четвертый год начиналось обучение умственным наукам «аклият». Валиди так оценивал роль этого этапа схоластической школы: «Ее катехизическая система требовала от шакирда полного напряжения умственных способностей, мелочность ее рассуждений не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских знаний давало возможность более или менее свободно оперировать в области отвлеченной мысли». Последним этапом обучения был «наклият», то есть преподавание религиозных дисциплин «калама», «фикха» и «ысул-фикха»². В результате обучения получался специалист по мусульманскому праву и догматике. Слабое знание арабского литературного языка и арабо-мусульманской классической литературы, светских дисциплин было также характерными признаками образования в татарском медресе.

Высокий уровень образования татар, их почти поголовная грамотность и мобильность передвижения заставила видеть в них идеальных миссионеров и проповедников единобожия и российской государственности для азиатских народов. Статистик барон Гакстгаузен, считающийся первооткрывателем российской сельской общины в науке, в 1843 г. писал, что «татары обладают большими умственными способностями, но ислам допускает их развитие лишь в известной степени... И я убежден, что если бы этот богато одаренный народ принял христианство, то он не только стал бы одним из цивилизованных народов, но распространил бы христианскую цивилизацию по всей Азии»³. Смена религии для татар, безусловно, была невозможна.

¹ Лексикология и морфология арабского языка.

² Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. — Казань, 1998. — С. 29–50.

³ Цит. по: Губайдуллин Г. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. — Казань, 1925. — Вып. 2. — С. 110.

Уже в начале XIX века часть татарской элиты понимала необходимость европейского образования, создания школы светского типа. 10 сентября 1818 г. муфтий ОМДС Мухаммеджан Хусаин обратился с ходатайством к министру народного просвещения об открытии училища для татар в Казани и Оренбурге с целью подготовки духовенства, имеющего светское образование. Программы этих училищ должна была мало отличаться от программы аналогичных русских главных училищ. Их лучшие выпускники могли бы продолжить образование наравне с христианами в Казанском университете. Этот проект не был реализован. Таким образом, создание религиозной элиты, сочетающей богословское образование с достижениями европейских наук, было инициативой руководства ОМДС, которое жестко боролось за сохранение и модернизацию мусульманской элиты. В сентябре 1820 г. чистопольский купец Мухетдин Сеит Буранов обратился к попечителю Казанского учебного округа Магницкому с заявлением об учреждении в Чистополе публичного татарского училища на 250 учеников. Была разработана программа училища, где наряду с религиозными дисциплинами значительное место уделялось преподаванию научных дисциплин. Попечитель учебного округа Магницкий, печально известный своим предложением закрыть Казанский университет, ответил отказом⁴.

Таким образом, планы создания национальной школы для татар, генетически связанной с мусульманским образованием и близкой к российским образцам, не увенчались успехом. Устав ОМДС не предусматривал централизованной системы образования или подготовки к сдаче экзаменов на «духовный чин»⁵. Лица, сдавшие экзамен, получали Указ и поэтому назывались указными муллами. Само ОМДС подчинялось Министерству внутренних

⁴ Мухитдинов Н. К. Проект организации средней школы европейского типа у татар // Вестник научного общества татароведения. – 1930. – N 9–10. – С. 105–156.

⁵ Цит. по: Ислам в Российской Империи: Законодательные акты, описания, статистика. – М., 2001. – С. 50–51; Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования Ислама в Российской Империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М., 2004. – С. 51–53.

дел. До 1874 г. МВД контролировало и мусульманские школы, имевшие статус частных учебных заведений. Их открытие проводилось фактически в уведомительном порядке. Первые правила, регулирующие их деятельность, были изданы только в 1870 г., и система открытия конфессиональных школ перешла к разрешительному порядку. С 1874 г. эти школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, что привело к фактически двойному подчинению имамов, являвшихся, как правило, и мударрисами¹.

Начало регулярного светского образования у российских мусульман связано с именем муфтия ОМДС Габдулвахид Сулейманова (Габдельвахид б. Сулейман аль-Джабали аль-Ырбишче, 1786–1862), чей род происходил из аула Ырбишче (ныне Рыбушкино Нижегородской области). Сулейманов был первым из муфтиев ОМДС, хорошо владевшим русским языком, выписывавшим русские и турецкие книги и газеты. Большая часть его жизни была связана с российской столицей. В 1822 г. он стал гражданским имам-хатыбом г. Санкт-Петербурга, с 1828 г. — преподавателем мусульманского вероучения воспитанников Кавказского полуэскадрона, с 1835 г. — Царскосельского кадетского корпуса. На пост муфтия Сулейманов был назначен в 1840 г. по рекомендации Великого князя Михаила Павловича. Он был сторонником преподавания светских предметов в мусульманских учебных заведениях, обучения мусульман в государственных учебных заведениях. Оренбургский гражданский губернатор «считал необходимым внушить Габдулвахиду Сулейманову открыть в Уфе мусульманскую академию с обязательным преподаванием русского языка». Однако никакого реального продолжения эта идея не имела².

Муфтий добился, чтобы было принято «Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, 31 августа

¹ Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX веков. — Казань, 2001. — С. 56–57.

² Азаматов Дж. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII–XIX вв. — Уфа, 1996. — С. 55.

1843 г. — О обращении на Государственное Казначейство издержек на отправление в первую Казанскую гимназию и тамошний Университет воспитанников из Магометанских детей Оренбургской губернии»³. Таким образом, по правилам 1836 г., мусульмане могли поступать только на медицинский факультет Казанского императорского университета (КИУ) и только после окончания I Казанской гимназии, в случае, если они были уроженцами Оренбургской губернии. Благодаря обучению мусульман за казенный счет представители Башкирско-мещеряцкого Конного войска стали регулярно обучаться в КИУ, что обозначало начало традиции стабильного образования мусульман в российской средней и высшей школе. Татары Поволжья не могли вообще обучаться в университете.

В 1834–1865 гг. первую Казанскую гимназию закончило 22 мусульманина, а в КИУ в 1840–1860 гг. обучался 31 мусульманин. Почти все выпускники стали лекарями башкирско-мещеряцких кавалерийских частей. I Казанская гимназия была преимущественно дворянской, то есть ученики-мусульмане были детьми башкирских старшин. Примечательно, что из всех учившихся в КИУ в эти годы получил известность только муфтий ОМДС Мухаммедъяр Султанов (1885–1915 гг.), во многом, с санкции которого в округе ОМДС развивалось джадидское образование, проходили съезды, принимавшие решения о религиозной автономии мусульман и реформе образования, включавшей введение светских дисциплин в программу мектебе и медресе.

В 1860-е гг., в условиях буржуазных реформ, включая реформу образования на всех уровнях, в России выдающийся богослов, ректор и ахун (глава духовенства) Казани Ш. Марджани и лектор Восточного разряда Петербургского университета Х. Фаизханов выступили с проектом создания группы одновременно светской татарской элиты и духовенства, обладающего основами современных научных знаний. После

³ Цит. по: Ислам в Российской Империи... С. 135.

смерти муфтия Габдулвахиды Сулейманова в 1862 г. Марджани стремился занять пост муфтия. Да и будущий муфтий С.-Г. Тевкелев также выступил сторонником реформы. В таком случае проект медресе являлся одной из составляющих реформы Духовного собрания. По первому проекту Фаизханова 1862—1863 гг. предусматривалось создание 10-ти классового медресе. Фаизханов предлагал поделить медресе на два отделения. Учащиеся духовного отделения изучали религиозные дисциплины и медицину до уровня фельдшеров и становились муллами без сдачи экзамена в ОМДС, причем они фактически приравнивались к русскому духовенству и освобождались от налогов и службы в армии. Тем самым образовывалась бы группа имамов и мударрисов, независимая от произвола верхушки ОМДС и принадлежавшая к привилегированному слою общества, то есть имевшая признанный государством статус и лояльная непосредственно государству. Вторая группа должна была получать образование по образцу русской гимназии и иметь право поступления в университет. В итоге, на основе среднего религиозного образования создавался общенациональный орган подготовки духовной и светской элиты. Таким образом, Х. Фаизханов пришел к мысли о необходимости разноступенчатого двухкомпонентного высшего образования в оптимальном варианте за счет государственных средств и под контролем государства¹. К сожалению, до 1917 г. этот вариант не был реализован, и светские предметы вводились в медресе не систематически, а в порядке частной инициативы.

26 марта 1870 г. были приняты Правила об образовании нерусских народов Юго-Востока империи. По ним новые мусульманские учебные заведения разрешалось открывать только при наличии учителей русского языка, в так называемых «русских классах», которые могли существовать для нескольких мектебе в рамках одного населенного пункта. «Правила» 1870 г. в 1882 г. подверглись пересмотру,

¹ Мухетдинов Д. Из прошлого религиозного мусульманского образования на Нижегородчине в XVIII – начале XX веков. – Нижний Новгород, 2004. – С. 50–52.

когда император Александр III предписал учебным властям оставить существующие мектебы и медресе «в прежнем положении и ограничиться лишь сбором сведений о них», и обязательность русских классов была отменена². В феврале 1873 г. муфтий ОМДС С.-Г. Тевкелев обратился с фетвой ко всем ахунам и имамам: «Как ты попросишь милости, как будешь защищаться в суде, как попросишь снисхождения во взыскании, внимания к селу, к делу, к земле своей, к подачам и повинностям, ежели не знаешь языка, на котором совершается суд, решающий участь человека, управления края, на котором пишутся указания, правила к твоему благосостоянию, довольству, облегчению?»³.

23 октября 1871 г. выдающийся тюрколог В. В. Радлов, будущий академик Петербургской академии наук, был назначен на должность инспектора по татарским, башкирским и киргизским школам Казанского учебного округа. Он предлагал ввести в медресе Округа изучение русского языка, арифметики, начал алгебры и других наук и создать в Казани учительскую семинарию для подготовки учителей по светским предметам и русскому языку. Таким образом, представитель администрации поставил вопрос не о замене мусульманской школы русской, а о дополнении ее программы общеобразовательными предметами и государственным языком.

Единственными учебными заведениями, готовившими учителей для министерских школ, были татарские учительские школы. Их реальная программа серьезно отличалась от проекта Х. Фаизханова. Вариант гимназии не был воплощен. Татарские учительские школы (Уфа — Оренбург в 1872–1889 гг. и Казань с 1876 г.) готовили чисто светских преподавателей для начальных школ — «учителей начального татарского училища». Казанская татарская учительская школа в итоге превратилась в единственный центр подготовки татарских учителей для государственных школ и русских классов.

² Фархитов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. — М., 1994. — С. 48.

³ Азаматов Дж. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII–XIX вв. — Уфа, 1996. — С. 148.

Проект Фаизханова не был осуществлен, но правительство все-таки создало светское учебное заведение для подготовки мусульманской интеллигенции в Казани — Казанскую татарскую учительскую школу (КТУШ). Марджани занял в ней место преподавателя Ислама. Он говорил своим шакирдам: «Мы были причиной открытия этой школы, но наше предложение было в другом. В свое время правительственные чиновники обещали нам, что в Школу будут приниматься только шакирды, достигшие уровня изучения «Таузыйха» и «Муллы Джаллала» (т. е. игъдадия — среднего уровня образования в медресе — Д. М.) и потом они будут выполнять обязанности имамов». Таким образом, он стремился возродить проект Фаизханова 1860-х гг., на уровне центра подготовки одновременно учителей министерской школы и мударрисов. Абсолютное большинство учащихся составляли дети духовенства и (или) лица, достигшие хотя бы уровня игъдадия. Так как со временем требование исламского образовательного ценза было отменено, то Марджани в 1884 г. оставил пост вероучителя в КТУШ. Реально почти никто из выпускников Татарских учительских школ Казани, Уфы и Оренбурга не стал имамом. В 1894 г. на территории Казанского учебного округа существовало 27 русско-татарских и 3 русско-башкирские школы Министерства народного просвещения. В 1893 г. в Казанской губернии только 506 мусульман имели образовательный ценз, достаточный для сдачи экзамена по русскому языку на должность имама¹.

12 июля 1888 г. (начало действия с 1 января 1891 г.) был издан закон об образовательном цензе на знание русского языка для мусульманского духовенства. Однако не было создано механизма для обучения всех шакирдов медресе русскому языку, что стало дополнительным фактором для сопротивления этому закону². Однако наряду с развитием преподавания русского языка

¹ Хабутдинов А. Ю. Формирование нации... С. 128–137.

² Салихов Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина 19 — начало 20 вв.). — Дис... канд. истор. наук. — Казань, 1997. — С. 35–36, 45–46.

в джадидских медресе и мектебе, он привел к росту числа татар-мусульман, изучающих русский язык³.

С 1890-х гг. в мектебе, с 1900-х гг. в медресе вплоть до победы Советского режима внедрение светских дисциплин, включая русский язык, в образование мусульман связано прежде всего с реформой джадидов. Центрами джадидизма у татар стали медресе «Мухаммадия», «Апанаевское», «Галия», «Усмания» (в Уфе), «Хусаиния», «Расулия», «Буби», где программа включала в себя преподавание религии на основе Корана и сунны, истории ислама, татарского языка, тюрко-татарской истории и научных дисциплин⁴.

В казанском медресе «Мухаммадия», где учились многие шакирды Нижегородчины, обучение продолжалось в течение 14 лет. Наряду с религиозными дисциплинами здесь изучались арабский, турецкий, русский языки, математика, геометрия, физика, география, психология, педагогика, медицина и гигиена, правоведение, история России, история тюркских народов и другие предметы⁵.

На III Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде, образовательную комиссию возглавил казанский имам и мударрис Габдулла Апанай. В Постановлениях съезда указывается на необходимость введения всеобщего начального образования на родном языке по единой программе (русский язык ввести как предмет). Только медресе сохраняли статус духовных учебных заведений и переходили под контроль комиссии Духовного собрания⁶. Эти принципы легли в основу системы образования в медресе у татар, созданную летом 1917 г.

³ Фархитов М. Н. Народное образование... С. 48–49, 83–92, 110–111.

⁴ Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Общественное движение мусульман-татар: Итоги и перспективы. – Нижний Новгород, 2005. – С. 29.

⁵ Набиев Р., Хабутдинов А. Медресе «Мухаммадия» // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань, 2004. – С. 204–206.

⁶ Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Общественное движение... С. 36–37.

После прихода к власти большевиков джадидские медресе трансформировались в институты народного образования (ИНО), как Оренбургская «Хусаиния» или педтехникумы (как Троицкая «Расулия»). Поскольку, в отличие от Казани, в других регионах с мусульманским населением отсутствовали вузы с традициями гуманитарного образования, то власти могли создать базу для воспитания советских национальных кадров только на базе медресе и при помощи их мударрисов. Так произошло с ректором уфимской «Галии» Зыей Камали, братьями Буби в «Иж Буби», Хади Атласи в Бугульме, многими мударрисами оренбургской «Хусаинии». В эпоху нэпа религиозные и светские школы сосуществовали в сельской местности. Так, после перевода татарского педтехникума в Нижний Новгород в Сафаджае было восстановлено медресе в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК РСФСР о разрешении преподавания мусульманского вероучения в мечетях от 9 июня 1924 г. Однако оно было вынуждено прекратить существование в 1928 г., так как 28 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР отменил закон ВЦИК 1924 г. о мусульманских религиозных школах¹.

К началу 1990-х годов в РФ отсутствовала система мусульманского религиозного образования, и физически вымерли былые мударрисы и шакирды медресе. Поэтому у мусульманских религиозных деятелей и рядовых мусульман на заре возрожденческих процессов имели место различные представления о роли и развитии ислама в нашем обществе. В итоге, этот плюрализм и отсутствие единой программы привели к тому, что выяснились серьезные проблемы в деятельности исламских учебных заведений, и стала понятной необходимость реформы исламского образования в целом. Здесь, прежде всего, необходимо говорить о количестве шакирдов и качестве их обучения. Например, на 2005–2006

¹ Мухетдинов Д. В. Развитие мусульманской уммы Нижнего Новгорода на рубеже тысячелетий // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2005. – № 1. – С. 106.

учебный год в Московском исламском университете (МИУ) набрано 16 студентов; на втором курсе учатся девять человек, третий и четвертый курсы отсутствуют. В Казани в Российском исламском университете (РИУ) в 2002 году шариатский факультет окончили 14 человек; в 2003 году — 8; в 2004—13 (факультеты Шариата и Корана); в 2005 году — 4 (факультет Корана, 1 из них уезжает в Таджикистан), 4 (факультет Шариата, 1 уезжает в Казахстан). По разным причинам отсев составляет до 80%². Число шакирдов большинства медресе не превышает сотни учащихся, а в некоторых ограничивается двумя десятками человек. Существующие медресе, особенно в Татарстане и Башкортостане становятся все более не способными аккумулировать активную мусульманскую молодежь, особенно лиц с высшим образованием и девушек. Они все более вовлекаются в процессы функционирования нелегальных медресе, становятся сторонниками экстремистских течений: ваххабизм, «Таблиг», «хизб ут-тахрир». Закрытие медресе «Юлдуз» в Набережных Челнах и женского отделения РИУ лишь усугубило это положение. Молодежь все больше уходит в нелегальные медресе, где в последнее время становятся более активными «нурсисты» (Нурджиляр).

В этих условиях наше государство стало активно продвигать идею теологического образования в светских вузах. Оно само финансирует его, полностью обеспечивая высококвалифицированными преподавателями образовательную подготовку студента — будущего теолога, при этом представителю конфессии остается доработать внутреннюю сторону учебного процесса. У РПЦ сегодня уже 20 теологических факультетов в крупнейших вузах страны по всей территории России. Здесь готовится преподавательский состав и миссионерский актив страны. Скоро в школьной программе появятся новые предметы — основы

² Хабутдинов А. Ю. Ислам в Татарстане в первые годы нового тысячелетия // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. — 2005. — № 1. — С. 54–55.

православной культуры или история российских религий. В некоторых регионах эти дисциплины уже введены. Преподавать этот курс будут выпускники теологических факультетов. У мусульман такой возможности до сих пор нет.

Печальный опыт медресе подсказывает нам единственный выход, самый разумный и вполне естественный — воспользоваться предложением государства о преподавании теологии в светских вузах, как это сделали православные. В этих условиях, благодаря воле государства, мусульманам представился уникальный шанс: речь идет об обучении выпускников медресе, которых направляли бы духовные управления мусульман, в престижные государственные вузы за счет государства, при непосредственном участии ДУМов в качестве духовных наставников и религиозных опекунов учебного процесса. Именно по такой схеме несколько лет тому назад начали подготовку своих кадров представители РПЦ. О таком двухкомпонентном образовании (где ее светскую часть проходят по программе государственного вуза, а религиозную часть определяют сами мусульмане) и мечтал в свое время Х. Фаизханов.

Проект начался, когда сотрудник Администрации Президента РФ г-н А. Кудрявцев (а позднее А. Гришин) в ответ на просьбу муфтия ДУМЕР Р. Гайнутдина начал прорабатывать возможность предоставления мусульманам бесплатных мест целевое направление в государственных вузах для подготовки необходимых им кадров. Проект долго развивался, пока на него не обратил внимание сам Президент России, который сказал о том, что мусульманам нужны для обучения обычные вузы. Мусульмане, в отличие от РПЦ МП, не сумели воспользоваться системой теологического образования в светских вузах. Теологические отделения имеются только в религиозных вузах: РИУ и МИУ. При этом в МИУ на теологическом факультете учатся только девушки.

В 2002 г. начали работать подготовительные курсы в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ. В 2003 г., когда эта программа только начала свою работу, по рекомендации трех

ведущих мусульманских центров страны – Совета муфтиев России (СМР), ЦДУМ, и Северо-кавказского координационного центра – на подготовительные курсы ИСАА при МГУ было зачислено около 30 студентов. После окончания подготовительных курсов 10 из них не поступили, а после второго семестра трое были отчислены. Таким образом, на 20 миллионов российских мусульман осталось 15 потенциальных специалистов. Им дали возможность учиться дальше, но МГУ для мусульман в рамках этой программы на сегодняшний день практически потерян! Следует сказать о том, что ДУМ Нижегородской области СМР было выделено только 1 место. Наш единственный представитель в этой группе студентов – Нуриманов Ильдар – занимает 1-е место по рейтингу успеваемости.

Государственное образование будущих выпускников-мусульман решает целый ряд их проблем. В рамках религиозного учебного заведения (медресе или исламского вуза) упор делается на религиозные дисциплины с добавлением тех предметов, которые так или иначе связаны с исламом, как, например, арабский язык или история стран Востока. Вопросы трудоустройства этих выпускников, отсрочки от призыва в армию и выплаты стипендий во время учебы, отсутствие государственной лицензии у наших медресе и исламских вузов, низкий профессионализм выпускников, и связанная с этим комплексом проблем их социальная невостребованность оказались в российских условиях не просто нерешенными, но не решаемыми в принципе. Однако каковы же причины невнимания наших имамов, духовных управлений мусульман к президентской программе? Как представляется, одной из причин такого положения дел является то, что данная спецпрограмма стала конкурентом нашим исламским институтам в лице РИУ – МИУ и других исламских учебных заведений, у которых зачастую не хватает студентов. Вторая причина заключается в том, что сегодня, к сожалению, пока еще не все наши руководители понимают преимущества, заложенные в этой программе, что обусловлено сильным разрывом между духовным

управлением мусульман и образовательным процессом в целом. Вместе с тем, потребность и интерес к светским специальностям в вопросах ислама огромен, что понимается государством. Поэтому целевая президентская программа была продолжена.

После того, как стало ясно, что программа обучения мусульман в МГУ не увенчалась успехом, ее перенесли в другие вузы. С сентября 2005 г. в рамках целевой программы по направлению СМР 9 нижегородцев поступили на факультеты лучших вузов страны: 2 в Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «культурология», 2 – в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), 5 – в ННГУ. В ННГУ мусульманам дали 10 мест на факультете международных отношений по специальности «регионоведение». Из них 5 – нижегородцы, 3 – представители ЦДУМ, и по 1 – от Ингушетии и Кабардино-Балкарии¹. В двух других вузах, участвующих в этой программе, 30 мест были разделены между СМР и другими мусульманскими центрами. Государство дает нам беспрецедентные возможности: на 10 мест в МГЛУ претендовало 16 человек, в то время как общий конкурс в лингвистической программе составляет 224 человека на 1 место! Нам создают все условия – поступайте, учитесь!

Мусульмане должны быть обязаны в первую очередь Президенту РФ В. В. Путину, который сделал для нас возможной эту программу.

Таким образом, если какое-либо духовное управление мусульман направляет на учебу в светский вуз своих студентов, оно не должно затем в течение 4–5 лет ждать выпуска готового богослова. Напротив, оно будет обязано не просто контролировать процесс обучения, а наполнять его практическим содержанием, т. е. начитывать определенный набор дисциплин, и проводить со студентами большую часть внеурочного времени для того, чтобы будущий теолог стал действительным, практикующим

¹ Мухетдинов Д. В. Развитие мусульманской уммы... С. 111.

мусульманином. В настоящее время духовные управления мусульман в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде должны взять на себя роль духовных попечителей тех студентов, которые обучаются по президентской программе в этих городах; одна из главных задач в этом плане — обеспечить постоянное нахождение и воспитательную работу в рамках студенческих общежитий религиозного мушрифа (но не старосты-одиночки). Именно эти выпускники светских вузов, ранее получившие мусульманское профессиональное образование, в будущем должны стать костяком для мусульманских теологических отделений в светских вузах.

Уже сегодня многие имамы ДУМНО имеют по три образования (религиозное и два светских), владеют 4 языками: татарским, русским, английским, арабским. Поэтому в нашем регионе, несмотря на все сложности, деятельность мусульман находится в легальной плоскости под контролем ДУМНО и государства.

Рост численности мусульман как в регионах, где мусульмане традиционно составляют большинство или значительный процент населения, так и в больших городских центрах актуализируют эту задачу. Альтернативой имамам со светским образованием в больших городах уже являются подпольные медресе и радикальные секты, прикрывающиеся исламскими лозунгами.

В перспективе мы хотели бы создать в рамках ННГУ отдельную кафедру по изучению татарского языка и ислама с нашим участием. Студенты, обучающиеся здесь, находились бы под религиозно-духовным попечительством мусульман, обучаясь при этом по государственной программе.

Ярким примером эффективности работы по духовному попечительству может служить программа «Исламские исследования», уже более пяти лет функционирующая на факультете международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. В рамках этой программы целый ряд лекций читают преподаватели Нижегородского исламского медресе «Махинур». Таким образом, «Исламские исследования» курируют не вчерашие атеисты, а практикующие мусульмане, которые

имеют соответствующее светское и религиозное образование, и на совершенно законных основаниях могут преподавать ислам. Эта программа могла бы быть вмонтирована в государственную программу; при этом куратор учебного процесса мог бы постоянно консультироваться с духовным управлением мусульман.

Таким образом, оптимальными являются два вида мусульманского высшего образования, имеющие общей целью максимально интегрировать мусульманские учебные заведения в светскую законодательную базу. В первом случае, выпускники медресе и исламских институтов и университетов продолжают обучение в светских вузах под постоянным попечением и надзором ДУМов, во втором — в процесс мусульманского образования вводится параллельное образование шакирдов в светских вузах. Плюсы такого сотрудничества государства и ислама налицо: грамотные, подготовленные в России дипломированные улемы, смогут реально противостоять натиску как псевдоисламского радикализма с его «амирами», так и якобы традиционного «местного варианта ислама» с малообразованными муллами, не способными быть духовными наставниками, особенно для молодого поколения.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ЗНАНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА И ИНТЕГРАЦИЯ В НЕЕ СТРАН СНГ¹

Уважаемые коллеги!

Сегодня мы собрались здесь для обсуждения, как я считаю, важнейших аспектов развития нашей страны и российского общества. Во-первых, мы все понимаем, что Российская Федерация жизненно заинтересована в конструктивной интеграции со странами — членами СНГ. Это же можно сказать и о наших соседях. Во-вторых, религия и культура на сегодняшний день связывают наши народы в гораздо большей степени, чем объемы экспорта и импорта, потому что речь идет о живых людях, которые наполняют взаимодействие реальным содержанием.

В этой связи необходимость в углублении интеграции между Россией и странами СНГ в деле подготовки специалистов по истории и культуре традиционных религий продиктована рядом факторов, оказывающих серьезное воздействие на многие социальные и политические системы российского общества:

- во-первых, идет рост миграционных потоков в Россию из государств — участников СНГ, который продолжается вне зависимости от изменения экономических условий внутри нашей страны;
- во-вторых, усиление влияния религиозного фактора на самочувствие российского общества признается на всех уровнях органов государственной власти вне зависимости от отношения к религии государственных чиновников;

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на семинаре-совещании по проблемам налаживания тесных взаимоотношений в деле развития системы подготовки специалистов в области истории и культуры традиционных религий по теме «Разработка и реализация инновационных моделей подготовки и повышения квалификации специалистов по истории и культуре традиционных религий в государствах-участниках СНГ, 2–3 октября 2012 г., Москва.

– в-третьих, сегодня потребность в интеграции образовательных проектов и систем осознана и в академическом, и в религиозном сообществах наших стран;

– в-четвертых, органами государственной власти на данном этапе осознана нехватка квалифицированного экспертного обслуживания деятельности государства в рамках Содружества Независимых Государств, особенно в его религиозной составляющей.

В этой связи хочется озвучить ряд тезисов, которые я предлагаю к рассмотрению в качестве перспективной программы развития системы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, а также программы повышения уровня подготовки российских мусульманских религиозных деятелей.

1. Реализуемая в настоящее время Государственная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама должна интегрировать в себя блок СНГ. Совет муфтиев России и шейх Равиль-хазрат Гайнутдин уже неоднократно подчеркивали, что развитие российского ислама немыслимо без интеграции со странами СНГ. В настоящее время активно ведется формирование структуры Совета муфтиев СНГ и Совета улемов СНГ, которые призваны объединить исламское пространство СНГ. Поэтому необходимость в качественном экспертном обслуживании этих процессов многократно возрастает. В этой связи конструктивным шагом со стороны вузов – участников программы станет внедрение образовательных модулей по специальности «регионоведение», ориентированных на изучение Содружества Независимых Государств.

2. Создание системы стажировок для имамов из стран Центральной Азии в российских регионах. Уже сейчас мы видим, как религиозные деятели из Таджикистана и Казахстана приезжают в российские регионы и выступают перед верующими. Это всего лишь единичные случаи. Уже сейчас необходимо создавать механизмы организации пребывания религиозных деятелей из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Казахстана в российских регионах на долгосрочной основе, которое могло бы включать

не только их религиозную деятельность, но и обучение в российских высших светских и религиозных учебных заведениях как участников программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

3. Организация работы российских мусульманских деятелей в странах СНГ. В настоящее время существует объективная необходимость в понимании российскими рядовыми имамами тех процессов, которые идут в общинах центрально-азиатских республик. Налаженные контакты между руководством муфтиятов не снимает проблему информационного голода в отношении российских и центрально-азиатских мусульман. Поэтому считаю необходимым предложить организацию ознакомительных поездок рядовых российских имамов в государства Центральной Азии для повышения образовательного уровня.

4. Привлечение российских мусульманских религиозных деятелей к экспертной работе в органах государственной власти. Несмотря на официальную позицию об отделенности религии от государства мы наблюдаем, как зачастую деятельность отдельных представителей государства наносит вред и развитию уммы, и взаимоотношениям между верующими и чиновниками. Это проявляется и в вопросах экспертизы исламской литературы, которую сейчас проводят в основном непрофильные ученые, и работы правоохранительных органов в отношении экстремистских организаций, в которые записывают «по внешним признакам» представителей неханафитских мазхабов ислама. Я уверен, что совместная работа будет служить делу взаимного образования как для представителей органов власти, так и для мусульманских экспертов, которые смогут организовать более эффективное взаимодействие между религиозными организациями и органами власти.

5. Организация Центра подготовки улемов на базе Московского исламского института и Московского государственного лингвистического университета. В настоящее время в недостаточной степени отрегулированы вопросы трудоустройства как выпускников мусульманских религиозных вузов, так и выпускников программы

подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Зачастую мы теряем квалифицированных специалистов, потому что уровень оплаты в коммерческих отраслях элементарно выше.

Создание Центра подготовки улемов с подготовкой квалифицированных специалистов, защищающих на выходе кандидатскую диссертацию и имеющих возможность устроиться и в высшие учебные заведения, и в органы государственной власти, и в духовные управления мусульман, способно повысить эффективность программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, а также подключить к участию в ней выпускников российских исламских вузов. Создание Центра подготовки улемов будет способствовать также и повышению уровня образования российских религиозных деятелей, что в современных условиях играет важную роль в противодействии государства различным экстремистским и террористическим организациям, выступающим от лица ислама.

2–3 октября 2012 г., Москва

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КРЫМУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ И ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ¹

Уважаемый Эмир-али-эфенди, уважаемые организаторы и участники Международной конференции «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения»!

От имени Духовного управления мусульман Российской Федерации и себя лично приветствую наше собрание братским мусульманским приветствием: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение! Прошу Господа миров о даровании нам и всем тем, кто последовал прямым путем, фуркана-различения, счастья истинного понимания ислама и происходящего вокруг!

Образование и просвещение в самом широком смысле является одной из приоритетных сфер государственной политики в отношении ислама. Эта проблема была обозначена на заседании Совета по межнациональным отношениям в Уфе (22.10.2013), где наш президент В. В. Путин заявил, что «одна из важнейших задач — воссоздание собственной исламской богословской школы, которая обеспечит суверенитет российского духовного пространства». По мнению президента, эта школа должна откликаться на самые актуальные события и в России, и в мире в целом, давать свои оценки, «которые будут понятными и признанными для верующих». О жизненной важности образования наш национальный лидер вновь говорил на открытии нового здания Московской Соборной мечети (23.09.2015). Он отметил, что «государство будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования».

Практические шаги в данном направлении уже обсуждались несколько дней назад в Кремле в ходе совещания главы

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Международной конференции «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения», 11 октября 2015 г., Ялта.

Администрации Президента РФ Сергея Иванова с религиозными лидерами нашей страны.

Российское мусульманство имеет все возможности, опираясь на многовековой отечественный опыт в системе религиозного образования и на богатейшее историческое и культурное наследие всей нашей цивилизации, сказать свое слово в развитии мирового богословского и философского наследия.

Я полагаю, что концептуальной основой для восстановления отечественной богословской школы должны стать те принципы, которые были заявлены российскими мусульманскими просветителями в конце XIX — первой четверти XX в. Не случайно, что крупнейший представитель джадидизма, крымскотатарский мыслитель Исмаил Гаспринский к названию своей программной статьи «Русское мусульманство» добавил в скобках пояснение: «суть джадидизма». По его мнению, джадидизм не может формулироваться в терминах абстрактного «обновления». Любое «обновление» имеет социокультурный фундамент, оно укоренено в социально-историческом контексте. И российское мусульманское обновление на современном этапе развивает идеи русского мусульманства, сформулированные Гаспринским. Оно подразумевает цивилизационный союз русского народа как носителя традиций европейского просвещения и православной всемирной отзывчивости и мусульманских народов России как носителей интеллектуальных и культурных традиций дар ал-ислама. Именно в этом взаимодействии кроется суть джадидизма.

Гаспринский справедливо подчеркивал, что Коран призывает к разумному познанию, в том числе к разумному рассмотрению вопросов веры. Знание — это одна из высших ценностей ислама. В завершении своей статьи он цитирует слова, приписываемые Али ибн Абу Талибу (да будет доволен им Аллах): «Чернила ученого столь же достойны уважения, как и кровь мученика».

Здесь можно также напомнить о следующем хадисе, переданном ал-Бухари: «Тому, кто встал на путь поиска знаний, Аллах облегчит путь в рай». Или приведем другой хадис: «Стремление

к знаниям — обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки» (ат-Тирмизи).

В Коране много раз встречается обращение к «обладателям разума», к «людям понимающим». В одном аяте подчеркивается:

«Аллах возвышает по (соответствующим) степеням (и рангам) тех из вас, кто уверовал, и тех, кому даровано знание...»¹

Иными словами, стремление к знаниям, к образованию, просвещение — суть призыва Аллаха и Его Посланника (мир ему и благословение).

Джадидисты справедливо подметили, что кораническое откровение призывает нас как к религиозному, так и к научному познанию. И поэтому они были весьма удручены положением современного им исламского мира, который заметно отстал от европейской цивилизации. Много ли изменилось с тех пор? Является ли сейчас исламский мир центром наук и просвещения? Я думаю, это риторический вопрос. И он тем более актуален в отношении российских мусульман, которые в значительной степени уступают в религиозных науках своим ближневосточным единоверцам, но при этом в основном превосходят их в светских науках и в уровне массового образования вообще.

Полагаю, что в сфере образования и в деле восстановления отечественной богословской школы необходима интегральная программа, которая бы охватывала как религиозные, так и светские науки. Очертания этой программы были намечены муфтием Гайнутдином в докладе на «Вторых Бигиевских чтениях», которые прошли в мае этого года в Санкт-Петербурге. Как справедливо отметил муфтий, перед мусульманином, стремящимся к рациональному осмыслению действительности, сейчас стоит пять фундаментальных вопросов: вопрос о релевантности философии вообще; классическая проблематика метафизики и антропологии; вопрос о единстве и многообразии человечества; вопрос о религиозном многообразии; проблема

¹ Коран, 58: 11.

толерантности и социальной эмансипации. Думаю, требуется дальнейшее обсуждение этих вопросов и уточнение принципов, которые должны быть заложены в программу обновления религиозного и светского знаний. Без такой интегральной программы любые попытки восстановления отечественной богословской школы в лучшем случае сведутся к заучиванию и повторению уже пройденных философских моделей, а в худшем — просто провалятся.

В итоге в качестве одной из важнейших целей нам видится формирование российской мусульманской богословской школы как центра, стержня и точки сбора наших единоверцев тех стран, где процессы интеграции мусульманских меньшинств в социальную систему многоконфессиональных светских государств только налаживаются. Помимо нашего исторического наследия, в последние двадцать лет Россия накопила огромный опыт интеграции мигрантов, преимущественно мусульман. Это все может быть серьезным каналом культурного экспорта и мягкой силы России в современном мире.

Скажу несколько слов о той деятельности по исламскому образованию, что проводится нами в Духовном управлении мусульман Российской Федерации. В рамках небольшого доклада невозможно охватить все аспекты этой деятельности, поэтому остановлюсь лишь на новом образовательном проекте, который связан с Московским государственным университетом.

С этого учебного года в Институте стран Азии и Африки МГУ начнет работать Центр исламских исследований. Этот Центр мыслится как главный в МГУ орган научной экспертизы и координации образовательных и исследовательских проектов, реализуемых в соответствии с правительственной программой. На его основе предполагается развернуть подготовку специалистов всех уровней (бакалавров, магистров, кандидатов и докторов наук) с углубленным знанием ислама и исламской культуры. Работа Центра ведется в двух основных направлениях: научном и образовательном, при этом оба направления взаимосвязаны. Образовательная деятельность без поддержки фундаментальных научных исследований малопродуктивна. Ни исламское, ни исламоведческое

образование не может существовать без знания и понимания современных научных проблем и дискуссий.

Приоритетной задачей Центра является развитие различных аспектов светского знания об исламе в едином проблемном, коммуникативном и институциональном поле, что могло бы позволить сформировать общее пространство взаимодействия светских и исламских институтов — научных, религиозных и культурно-просветительских, общественных, медийно-информационных и т. д. — в целях поддержания и укрепления гражданского единства российской политической нации. Мы надеемся, что Центр станет главным координирующим звеном в процессе реализации такого рода идеи.

Важной концептуальной инновацией Центра является то, что его интеллектуальным ядром выступает мусульманская богословская мысль. Центр ставит перед собой задачу ее развития в современном контексте. Отечественная мусульманская мысль обладает спецификой: она сочетает в себе три традиции образования — традиционно-мусульманскую, российскую и европейскую, то есть наследие трех великих цивилизаций.

Таким образом, хотя Центр ориентирован на исламоведческую проблематику самого широкого профиля, его концептуальное ядро связано с решением вопросов, которые были поставлены джадидистами. В современном контексте эти вопросы образуют интегральную программу, охватывающую религиозные и светские науки и базирующуюся на самоосмыслении российского мусульманства как единого целого, которое гармонично развивается как часть дар ал-ислам и российской цивилизации. Полагаю, что в этом и могла бы состоять суть джадидизма нашего времени. И очень надеюсь, что реализация подобной программы приблизит нас к выполнению завета, оставленного великим Гаспринским и выраженного в следующих словах: «Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства».

11 октября 2015 г., Ялта

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПЛАНА МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ЗНАНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА¹

Уважаемый господин министр, уважаемые муфтии и ректоры, дамы и господа!

Позвольте передать вам самые добрые приветствия и пожелания успеха в работе от имени муфтия шейха Равиля Гайнутдина. Он поручил мне выразить его искреннюю благодарность всем, кто участвовал в реализации идеи государственной поддержки развития исламского образования в нашей стране. Эта масштабная работа, полные результаты которой будут видны лишь через несколько лет, но предварительно уже сегодня мы можем понять, насколько она важна и необходима.

Исламский фактор сегодня является важным аспектом не только внешней, но и внутренней политики государства. Это понимаем не только мы с вами, но и руководители государства. Достаточно вспомнить указания президента РФ В. В. Путина, который на встрече с муфтиями в Уфе в 2013 г. и на открытии Московской Соборной мечети в 2015 г. четко указывал на необходимость социализации мусульман и помощи со стороны государства в развитии мусульманского образования. Действительно, без фундаментальной поддержки со стороны государственных органов власти мусульманское образование, которое только-только встает на ноги, непременно столкнулось бы с новыми вызовами, в том числе со стороны приверженцев антироссийских идей, критиков власти, внесистемной оппозиции.

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Заседании рабочей группы по организации и контролю за исполнением Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в Министерстве образования и науки России, 7 апреля 2016 г., Москва.

Однако, слава Всевышнему, российские мусульмане являются патриотами и исламские вузы работают именно в этом направлении. Благодаря новой парадигме, которая действует в рамках нашей с вами программы поддержки мусульманского образования с 2014 г., нам удалось в кратчайшие сроки значительно повысить образовательный и мировоззренческий уровень нескольких тысяч наших имамов со всей России, в том числе в вопросах государственно-конфессиональных отношений. Мы провели несколько важнейших мероприятий, в том числе международных, в рамках которых удалось изменить имидж наших исламских вузов, имидж всей нашей страны в глазах влиятельных в мире мусульманских богословов и функционеров. Особо значимыми результатами стало активное сотрудничество с муфтиятами и исламскими вузами стран СНГ в виде совместных разработок учебных программ, проведения курсов повышения квалификации с участием имамов из братских стран Содружества, проведения совместных конференций.

Не секрет, что для этого пришлось пересмотреть состав участников плана мероприятий со стороны светских вузов и ввести механизм более справедливого распределения финансовых средств, однако итогом этого стала значительная эффективность программы и даже наш сегодняшний консенсус, когда мы все очень комплиментарно подводим промежуточные итоги работы.

Поскольку мы обсуждаем сегодня возможность пролонгации программы, я, будучи политологом, хотел бы вкратце проанализировать растущую значимость мусульманского фактора в нашей жизни. Исходя из этого, можно будет говорить о важности поддержки исламского образования и в будущем.

Во-первых, все демографы единогласны в том, что число мусульманского населения в России в ближайшие годы будет только расти как за счет высокого естественного прироста, так и по причине оседания мигрантов из стран СНГ.

Во-вторых, эти самые мигранты лишь в первом поколении будут довольствоваться низкими жизненными стандартами, в то

время как последующие поколения примут участие в социализации пришлых мусульман и в интеграции их в российский социум. Следовательно, запрос на элементы мусульманской культуры в нашей жизни — от питания халал до внедрения шариатских норм в отдельные сферы права — будет только возрастать.

В-третьих, процессы в исламском мире и неудача «арабской весны» сожгли весь позитивный настрой на обновление мусульманского общества, то и дело выводя в социальные верхи экстремистов и эксклюзивистов. Для управления массами они апеллируют к радикальному прочтению ислама, что находит отклик в стремительно обнищавшем, все более архаичном обществе. Такая нарастающая маргинализация по периметру наших южных границ по системе сообщающихся сосудов отражается и на российских мусульманах.

В-четвертых, потепление мирового климата уже сегодня приводит к миграции массы населения с юга на север.

Даже сказанного достаточно, чтобы понять всю важность работы с мусульманским образованием в долгосрочной перспективе. Я считаю, что результатом нашей встречи должно стать принятие ключевого решения о необходимости пролонгации программы поддержки исламского образования со стороны Министерства образования и науки РФ. Иной результат был бы огромной ошибкой и трагедией, о чем даже не хотелось бы думать. Надеюсь, что руководство Министерства понимает серьезность и масштабность задачи. При этом позволю себе высказать несколько замечаний относительно наполнения обновленного плана мероприятий на последующие годы.

Благодаря активности Русской православной церкви, других традиционных конфессий и встречного движения со стороны Министерства, удалось во многом урегулировать статус теологии в номенклатуре научных специальностей. Мы в исламском образовании значительно отстаем от коллег из церкви, у нас магистратура функционирует только в Российском исламском институте в Казани, но и там пока она не аккредитована. Для создания

полного цикла обучения — бакалавриат и магистратура — необходимы значительные усилия, и именно такого рода шаги нужно предпринять в рамках следующего плана мероприятий. В первую очередь, нужно создать базу учебных пособий по исламской теологии для уровня магистратуры — то, что сегодня отсутствует в России в принципе. Это очень сложная задача, потому что нельзя просто автоматически перевести с восточных языков учебники, не адаптированные с точки зрения богословия, потому что многие классические труды просто пропитаны средневековым менталитетом с его языком вражды. В идеале, если бы современные татарские, дагестанские богословы писали свои труды на прекрасном арабском языке, как это и было в течение столетий до XX в. Только тогда наше исламское образование станет конкурентоспособным, но сегодня об этом можно только мечтать. Пока же бакалавриаты наших исламских вузов признаны на уровне ибтидаийа (начальный уровень) Ал-Азхара, как об этом мы договорились в марте сего года.

Из других необходимых мероприятий отмечу курсы повышения квалификации действующих имамов с итоговой переаттестацией имамов; международные и российские конференции; работа со странами СНГ и мусульманскими меньшинствами в странах Европы.

В связи с необходимостью некоторой оптимизации — по причине глобальной финансовой волатильности — я бы предложил пересмотреть состав участников программы со стороны светских вузов с целью сделать ее более эффективной. Более конкретные предложения готов предоставить в письменном виде.

В заключение еще раз выражаю от имени всех участников программы глубокую благодарность господину министру, заместителю министра, ректорам светских вузов и всем сотрудникам, принимающим участие в ее реализации.

7 апреля 2016 г., Москва

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИСЛАМОВЕДЕНИИ СПОСОБНА ПРИНЕСТИ КОЛОССАЛЬНУЮ ПОЛЬЗУ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ¹

Первый заместитель председателя Духовного управления мусульман России Дамир Мухетдинов стал профессором СПбГУ. В интервью известный общественный деятель и богослов рассказал об особенностях петербургской школы исламоведения, а также о том, как востоковедческое образование СПбГУ оценивают в Европе.

— Вы широко известны не только как общественный деятель и ученый, но и как авторитетный богослов. При столь высокой нагрузке сложно ли было принять решение присоединиться к корпусу научно-педагогических работников Университета?

— Для меня большая честь стать профессором Санкт-Петербургского государственного университета. На протяжении последних десяти лет мы имеем тесные контакты с вузом, реализуем поставленные Правительством РФ программы по подготовке специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Для меня также было важно, что мой кумир — выдающийся историк и тюрколог Хусаин Фаизханов — был связан с Университетом с момента основания восточного факультета.

Хусаин Фаизханов из нижегородских татар, и поэтому, изучая его наследие и зная, какой вклад он внес в развитие Санкт-Петербургского университета, исламоведческую и востоковедческую традиции, науку, мне было очень приятно, что в какой-то степени я повторяю его путь.

— СПбГУ — это классический университет. В нем в полной мере реализуется принцип междисциплинарности, который позволяет вне зависимости от программы получать компетенции в самых различных областях. Насколько, по вашему мнению, для молодого ислаоведа важно иметь компетенции в смежных науках?

¹ Интервью с Мухетдиновым Д. В., опубликованное на официальном сайте Санкт-Петербургского государственного университета, 18 мая 2018 г.

— В свое время академик Крачковский справедливо, на мой взгляд, отметил, что профессиональному востоковеду нужно знать несколько десятков языков, причем не только восточных, но и европейских. Занимаясь педагогической деятельностью, мы понимаем, что в процессе того, как они получают теологическое образование и становятся имамами, им важно посмотреть на ислам со стороны, — так, как смотрят на него представители академической науки. Поэтому разные направления — все те науки, которые помогут человеку в познании мира, познании себя в мире и дальнейшем открытии для себя Бога, способствуют духовному росту человека. Поэтому мы ни в коем случае не пытаемся ограничить подготовку наших имамов (это я говорю как ректор Московского исламского института). Изучая смежные дисциплины, исламоведы способны принести колоссальную пользу российской науке.

— Вы часто выступаете с лекциями за пределами России. В том числе в различных европейских вузах. Насколько образовательные, востоковедческие и исламоведческие традиции сегодня в России в целом и СПбГУ в частности отличаются от подхода европейских коллег?

— На сегодняшний день в европейском исламоведении, так же как и в США, наблюдается то, что можно было бы назвать «исламизацией знаний». Многие мои коллеги, доктора наук, которые трудятся на разных факультетах, одновременно являются теологами, богословами, где-то, может быть, даже совмещая религиозную практику. Посмотрите на Тима Винтера из Кембриджского университета — это один из топовых исламоведов Западной Европы. Еще один пример можно привести с профессором Тюбингенского университета Лейлой Демири. Одновременно это специалист-теологи, которые могут прочесть пятничную молитву, проповедь перед паствой, перед верующими прихожанами, а с другой стороны — это профессиональные исламоведы.

— У нас в России наметились только первые шаги, когда в разных вузах страны (МГУ, СПбГУ, КФУ) приглашаются именно мусульманские теологи, сначала для чтения отдельных

лекций, а в перспективе — с дальнейшим трудоустройством, с привлечением к постоянной работе.

— Европейская традиция соблюдает такие принципы, как плюрализм и открытость. Они проводят серьезные полевые исследования, занимаются изучением местных мусульман. В Западной Европе — во Франции, в Великобритании, в Германии — одна из главных проблем — это подготовка священнослужителей. Десятилетиями они приглашали религиозных деятелей из стран Северной Африки. Отсюда — проповеди экстремистского содержания в ряде европейских мечетей. Европейские коллеги изучили российский опыт, как мы готовим своих духовных деятелей, и они не скрывают, что этот опыт они используют. Так, например, в Германии пытаются жестко на законодательном уровне ограничить работу имамов, если они не имеют местного образования. В свое время Владимир Владимирович Путин встречался с лидерами духовных организаций в Уфе, в Москве и затем в Казани — и он трижды повторил за три встречи одну и ту же мысль: необходимо воссоздать собственную исламскую богословскую школу. На мой взгляд, президент поставил очень четкую задачу.

Важно понимать, что российские мусульмане отличались тем, что в XIX–XX веке они смогли создать собственную школу.

Она стала явлением не только в масштабах нашей страны — такая модернистская мусульманская мысль задала тренды для стран Ближнего Востока. Считается, что все модернистские идеи вышли от Мухаммада Абдо шейха аль-Азхара, но если мы посмотрим на того же Хусаина Фаизханова — а он родился на 20 лет раньше, — в его трудах мы уже прослеживаем то, что сейчас называется «исламским модерном» и в более поздний период «неомодерном».

Российские мусульмане — это автохтонное, коренное население. Европейцы почему-то не гнушаются использовать потенциал религиозных организаций более серьезно. У нас так же происходит с РПЦ — открываются многочисленные теологические кафедры (более чем в 40 университетах) и привлекаются профессиональные религиозные деятели, священнослужители. В отношении же ислама очень много фобий, страхов, опасений. Сегодня

крайне важно, что теология была утверждена как отрасль науки и мы получили возможность защищать кандидатские и докторские диссертации в этом направлении. Я считаю, что это прорыв, потому что на всей территории России сейчас всего два доктора шариатских наук. Причем так как у нас нет договорных отношений с ближневосточными университетами, то их ученые степени в нашей стране не учитываются. Можно сказать, что в нашей стране нет ни одного доктора исламской теологии.

Ранее мы пытались отойти от зарубежного образования, не посылая на Ближний Восток наших ребят, но в итоге перехитрили сами себя. Теперь их богословы приезжают сюда, якобы будучи проверенными со стороны регулирующих органов. Но я сам учился в Саудовской Аравии, в Институте арабского языка, и понимаю, что какими бы хорошими иностранные преподаватели ни были, они остаются носителями своей культуры, своей ментальности.

Те усилия, которые сегодня предпринимают ректор СПбГУ Николай Кропачев и декан восточного факультета Михаил Пиотровский по развитию российского исламоведения, крайне важны. Концепция исламского образования, разработанная несколько лет назад при участии ученых-исламоведов СПбГУ, создала основу для такого обучения. Это уникальный опыт. По крайней мере, когда я своим коллегам из Германии и Великобритании привожу в пример проводимую здесь работу, я вижу, сколько это у них вызывает эмоций и восторга. Они считают, что это продвинутая практика, если СПбГУ пошел на такой шаг, на эксперимент по подготовке мусульманской элиты, мусульманских теологов и специалистов.

— Если вы посмотрите на сложившуюся ситуацию не как профессор, не как ученый-исламовед, а как потенциальный работодатель для будущих исламоведов, которые выйдут с дипломом Санкт-Петербургского университета. Хотели бы видеть выпускников у себя как работодатель? Можно ли говорить, что у них есть конкурентные преимущества?

— Глава Духовного управления мусульман России муфтий Равиль Гайнутдин на всех встречах с представителями и светской власти,

и общественных организаций подчеркивает, что все его окружение — это кандидаты и доктора наук, выпускники двух ведущих вузов нашей страны — МГУ и СПбГУ. Если честно, я себе по-другому представить не могу, для меня диплом СПбГУ — не просто атрибут престижа, это знак качества. И молодых талантливых ребят, которые получают хорошее религиозное образование, мы однозначно нацеливаем на то, что если они хотят стать профессионалами с большой буквы, то они должны поступить в СПбГУ.

Я также являюсь старшим научным сотрудником Института стран Азии и Африки МГУ и профессором СПбГУ. Если сравнивать подготовку студентов, я вижу очень серьезный основательный подход, поэтому мы стараемся больше внимания уделить тем ребятам, которые живут, учатся и работают в СПбГУ. И передо мной как перед работодателем и человеком, ответственным за эту программу, встает важный моральный вопрос — а кого мы выпустим?

Недавно в беседе с одним профессором Папского Григорианского университета мы обсуждали подготовку священнослужителей. Я спросил, уверен ли он в том, что произойдет в результате комбинации религиозного и светского образования? Не победит ли светское начало? Получив хорошее академическое образование, не скажут ли имамы мне как работодателю: «Дамир хазрат, мы вас уважаем, мы готовы служить исламу, но только не в мечети, не в медресе, не на религиозном поприще, а где-нибудь на том же востфаке, в академической науке или на госслужбе. Мы себя уже никак не ощущаем имамами». И для меня это очень важно, потому что я вижу современного имама как человека, хорошо владеющего как минимум пятью языками — восточными и европейскими, русским языком, родным своим языком, который понимает все веяния времени, разбирается в политологии, социологии, других науках и при этом является имамом. Для него нет проблемы надеть чалму, надеть традиционный халат и выйти к пастве, говорить с ней, переформатироваться из исламоведа в теолога. И так, что ему никто не скажет: «Молодой человек, вы же на пятничной молитве, вы обращаетесь к десяткам тысяч людей, которые хотят

от вас услышать не изречения академика Крачковского, Бертельса и других, а хотят аяты Корана, хадисы Пророка и т. д.».

Очень важно, что школа Санкт-Петербургского университета продолжает те начинания, которые были заложены в середине XIX века академиком Казембеком и Хусайном Фаизхановым. Поэтому академическая наука — текстология, изучение Корана, хадисов, первоисточников, привлечение специалистов с мировым именем, которые работают в Университете, таких как профессор Кныш, восхищает.

— Не секрет, что занятия с будущими исламоведами лично проводит в том числе и Михаил Борисович Пиотровский. И не где-нибудь, а в Эрмитаже. Бывали ли вы на таких занятиях? И как вы думаете, осознают ли обучающиеся, насколько им повезло?

— Этот сюжет я привожу в пример на всех площадках — в Европе, Азии, России. Особенно часто я обращаюсь к нему, когда выступаю на большую аудиторию, например, в селах или крупных городах перед десятками тысяч людей.

Мне звонят студенты и говорят: «Вы не поверите, где мы. Мы в кабинете Михаила Борисовича, прямо в Эрмитаже, и он лично нам читает лекцию». Я задаюсь вопросом: могли ли эти ребята из провинциальных городов и районов представить, что когда-нибудь сам Михаил Борисович Пиотровский в своем рабочем кабинете будет читать им лекции. Это уникально. Это та возможность, которую нам подарило государство, возможно, не все до конца это понимают, но я лично осознаю, что если из этих ребят хотя бы 40 вольются в российское исламоведение, востоковедение, теологию, то мы сможем закрыть пробелы и обозначить ключевые направления научной деятельности. Михаил Борисович уже сам по себе живая легенда, и мне часто помогает ссылка на его авторитет, чтобы показать на каком профессиональном уровне в Университете идет преподавание основ ислама, исламоведения и востоковедения.

Центр исламских исследований СПбГУ

ИСЛАМСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ¹

Исламская теология как образовательное направление активно развивается в течение последних полутора десятилетий. С методологической точки зрения оно сформировалось как некий симбиоз, когда корпус классических исламских знаний подкрепляется академическими критериями научности и современной методикой подачи этих знаний. Этот подход позволяет выдавать студентам дипломы государственного образца с последующим трудоустройством в светские и государственные учреждения и, что не менее важно, возможностью продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре светских учебных заведений и занятием научной деятельностью на профессиональной основе.

Российские мусульмане по предложению президента В. В. Путина обозначили как свою стратегическую задачу на ближайшие годы воссоздание отечественной мусульманской богословской школы. Эту цель мы понимаем не как реконструкцию богословского интеллектуального поля полуторавековой давности, к примеру, но как глубокое изучение, восприятие и творческое переосмысление векторов, заложенных в богословском творчестве наших великих предшественников. За тот период, когда российские мусульмане вынужденно выпали из общего контекста мусульманского богословия, исламская мысль не стояла на месте, и наша задача сегодня — не реконструкция былого, а создание на его основе нового интеллектуального продукта, релевантного задачам, стоящим перед российским и мировым мусульманством.

В достижении стоящих перед нами целей критически важно сотрудничество с академической наукой в лице исламоведения, арабистики, источниковедения и других дисциплин. К примеру, современное мусульманское богословие невозможно представить

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на II Всероссийской научной конференции «Теология в современном научно-образовательном пространстве», 2 ноября 2018 г., Москва.

себе без сильной переводческой школы, каковой на сегодняшний день мусульманское сообщество фактически не обладает, но пока лишь формирует свой пул профессионалов. То же самое касается источниковедения, работы с печатным и рукописным наследием, которые в современном мире базируются на методиках и подходах, сформированных в академической среде. Мы рассчитываем, что с внедрением академических критериев, привлечением преподавателей и специалистов из светских центров науки и образования, направлением своей молодежи в них сможем получить тот уникальный кадровый продукт, который станет локомотивом в создании новой интеллектуальной и богословской среды российских мусульман.

Эта задача последовательно выполнялась нами начиная с 2007 г., когда была запущена государственная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. К сожалению, в 2018 г. программа оказалась фактически сорвана, из-за чего под угрозой оказалась и реализация планов в отношении богословия.

2 ноября 2018 г., Москва

РАЗМЫШЛЯ О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦАХ ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ¹

Нельзя ли сменить перспективу, которая показала бы, что самые интересные концепты, проблемы, существа и агенты, введённые антропологическими теориями, берут начало в силе воображения тех самых обществ (народов или коллективов), которые они желают объяснить?»

Эдуарду Вивейруш де Кастру,
«Каннибальские метафизики»

§ 1. Наука о религии перед вызовом исламской дискурсивной традиции

Наша статья носит вводный характер и называется «Размышляя о дисциплинарных границах исламской теологии». «Повышение уровня понимания ислама как религии»² (по выражению учёного Карла В. Эрнста) — именно так, пожалуй, можно охарактеризовать задачу, которая стоит перед современными исламоведом. Её осуществление едва ли возможно без обращения к содержанию самой исламской дискурсивной традиции. Сразу же поясним, что мы имеем в виду под этим термином. Дискурсивная традиция — это цепочка гетерогенных дискурсов³ или способов

¹ Мухетдинов Д. В. Размышляя о дисциплинарных границах исламской теологии // Ислам в современном мире. 2019; 15 (3). С. 23–34.

² Эрнст К. В. Следуя за Мухаммадом. Переосмысливая ислам в современном мире. М.: Садра, 2015. С. 79.

³ Часто пребывающих в полемическом отношении, поскольку спор — неотъемлемая часть традиционной практики, сконцентрированной на обучении «правильной модели». — См.: Асад Т. Идея антропологии ислама // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 56.

производства знания об исламском/неисламском, которая включает в себя ссылки на священные тексты ислама и непосредственно возводит себя к Корану и Сунне. Главная функция исламской дискурсивной традиции – конституировать определённые типы событий и организовывать практику (в том числе интеллектуальную) настоящего в соответствии с представлениями о нормативной исламской практике прошлого и стремлениями к определённой исламской практике будущего.

Связью исламской дискурсивной традиции с конкретными образами прошлого, настоящего и будущего обуславливается экзистенциальный фон любых рассуждений о ней. Как подчёркивает американский антрополог Талал Асад:

«Писать о традиции означает установить с ней некоторое нарративное отношение, которое будет зависеть от того, поддерживает автор эту традицию или противостоит ей, или же считает морально нейтральной. От конкретной исторической позиции каждой партии зависит, обнаружит ли она в этой традиции единство. Иными словами, нет и не может быть никакого универсального описания живой традиции. Любая её репрезентация дискуссионна. Какую форму примет дискуссия, если она произойдёт, зависит не только от уровня способностей и квалификации каждой стороны, но и от той коллективной жизни, которой они увлечены, или же к чьей судьбе безразличны. Декларации морального нейтралитета, как обычно, не гарантируют политической беспристрастности»⁴.

Таким образом, научное стремление к объективности и бесстрастному суждению не тождественно ни схематичной объективации, ни равнодушию, которое всегда остаётся поверхностным. Если наука сохраняет внимание к собственным границам и -каким бы то ни было отличается от идеологии (даже светской), она непременно даёт слово тому феномену, который изучает, и помнит о сокрытом в этом слове целом сонме голосов. В противном случае она

⁴ Там же. С. 58.

обречена порождать бесконечное множество замкнутых на себя систем, рутинно заполнять неизменный шаблон, конструировать никак не соотнесённую с реальностью череду моделей. Дать слово такому *говорящему* феномену, как ислам, — значит не испугаться принять его всерьёз, быть истолкованным в свете его интеллектуальной и духовной истории.

Отклик — таково элементарное «устройство» слова. Оно создаётся *окликнутостью* со стороны окружающих феноменов — в той мере, в которой они затрагивают, испытывают, определяют нас. Естествознание «даёт слово» по-своему, а социальные и гуманитарные науки — по-своему: детально обсуждать столь широкую и сложную тему *не по-дилетантски* едва ли позволяют тематические и формальные рамки нашей статьи. Однако важно отметить, что дело здесь не только в фундаментальном различии исследовательских областей, но и в каком-то ещё более фундаментальном их совпадении — наука всегда изучает самого человека, пути его взаимодействия с миром. Иными словами, учёный всё равно не может уйти от себя, познать мир помимо своего тела, своей психики, своих интересов и убеждений. А значит, каждая наука в силу присущей ей специфики задаёт уникальную траекторию возвращения человека к самому себе. Для того чтобы *увидеть* исламскую перспективу (во всём её единстве и многообразии), исследователь ислама должен быть готов *увидеть мир в исламской перспективе*, понять, что это вообще значит.

Подлинное религиоведение — это сравнительное изучение религий, в котором сравнивается не только предметное содержание религиозных традиций, но и языки, при помощи которых мы размышляем об этом содержании. Мы говорим не о *соизмерении* разных традиций в якобы совершенно нейтральном поле понятий *научной дисциплины*, но о *дисциплине* научного познания, которое задаётся одинаковой верностью двум обетам научной этики: обету послушания, вслушивания и обету критичности, сомнения. Речь идёт о практике интерпретации, практике исследовательского перевода, в рамках которой *описываемое* явление может

концептуально *направлять* само *описание*. Из описываемого становится инструментом описания, позволяя оставлять некоторые понятия *без перевода* или однозначного соответствия.

Рассуждая о категоризации базовых структурных черт той или иной религии, американский исламовед Карл Эрнст говорит, что «если у этого метода изучения религии есть какая-то цель, отличающаяся от целей миссионеров и колонизаторов, то это разработка понятия плюралистического сообщества, стремящегося к взаимопониманию, а не к авторитарному навязыванию той или иной религиозной доктрины»¹. Скрытое равнодушие к чужому и собственному слову, равнодушие к правде не должно выдавать себя за плюрализм. Возможно, дабы избежать путаницы, лучше вести речь о *перспективности и относительности* любого акта познания, которые, разумеется, далеко не всегда завершаются релятивизмом. Чуткость к антропологическому измерению собственной познавательной деятельности заставляет учёного критически отнестись к тому языку, на котором он говорит о предмете, оценить характер своего словесного отклика, поставить вопрос: «Насколько в моей речи сказывается сам изучаемый феномен?»

Поскольку цель учёного — религиоведа — не победа в скрытом миссионерском соревновании, а познание, способ понимания себя и *другого*, он должен суметь раскрыть всё богатство исламской традиции. Не является секретом, что концептуальный каркас, аналитический аппарат и «шаблон» понимания, адаптированный научным религиоведением, в значительной мере был сформирован в христианском культурном контексте, в опоре на него и отталкиваясь от него. Чёткое и вполне определённое различие между профанным и сакральным, даже если оно и осмысливается по-разному, применение в качестве *технических терминов* таких понятий, как «церковь», «теология», «церковное/светское право», «доктрина», «символ веры» и т. п. — словом, всё то, что можно обнаружить в современном научном дискурсе о религии,

¹ Эрнст К. В. Следуя за Мухаммадом. Переосмысливая ислам в современном мире. С. 91.

зависит от внутренней динамики самой христианской мысли, от *исторического* развития христианской трактовки *истории* спасения.

Внимание к этому позволяет более осторожно отнестись к универсализации данных концептов и к операции исследовательского перевода с языка одной традиции на язык другой. *Научное* учение о религии, не превращаясь в *учение самой религии*, должно помнить о контексте своего формирования и о своей связи с господствующей религиозной традицией. Иными словами, с исторической точки зрения, *учение религии* (в данном случае — христианства) включает в себя *религиозное* учение о религии: учение о структуре, институтах и целях. Это учение о религии, в свою очередь, имеет генетическую связь с научным религиоведением, не предопределяя его выводы целиком, но всё-таки оказывая самое непосредственное влияние на многие из них. Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру говорил, что задача антропологии — непрерывная деколонизация мышления¹. Данное утверждение можно расширить на все дисциплины социально — гуманитарного профиля.

Особенно актуальным оно оказывается для междисциплинарного поля религиоведения. В своей работе «Ориентализм» Э. Саид, как бы мы ни относились к отдельным его интерпретациям, сумел убедительно показать связь этноцентризма, колониальной политики и некритического обобщения европейского опыта со становлением академического знания об исламе и Востоке в целом. Прочитируем один из показательных фрагментов его книги:

«...ориентализм — это не только позитивная доктрина по поводу Востока, которая в каждую отдельную эпоху имела на Западе, это еще и влиятельная академическая традиция (если говорить

¹ См.: Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017: «Если все мы более или менее согласны с тем, что антропология, хотя колониализм и является одним из ее исторических априори, в настоящее время, похоже, подходит к завершению своего кармического цикла, тогда нужно согласиться и с тем, что пришло время придать процессу перестройки дисциплины более радикальный характер и довести ее до конца. Антропология вполне готова возложить на себя новую миссию и стать теорией-практикой непрерывной деколонизации мышления». С. 7–8.

об академическом специалисте, называемом ориенталистом), равно как и область, к которой проявляли интерес путешественники, коммерческие предприятия, правительства, военные экспедиции, представители естественной истории и паломники, для которых “Восток” — это особого рода знание по поводу определенных мест, народов и цивилизаций. Восточные идиомы вошли в обиход и заняли прочное место в европейском дискурсе. За этими идиомами лежит доктринальный слой представлений по поводу Востока. Эти доктрины сформировались на основе опыта многих европейцев, большинство которых сходились во мнениях относительно таких существенных аспектов Востока, как “восточный характер”, “восточный деспотизм”, “восточная чувственность” и т. п.»².

К данной критике необходимо отнестись со всей серьёзностью. И всё же нет нужды говорить, что выдающиеся исламоведы прошлого (историки, антропологи, социологи, филологи — особенно не связанные с империалистическими державами) волей — неволей преодолевали ограниченность исходных установок, допускали трансформацию собственного горизонта предрассудков при встрече с исламской традицией. И благодаря их работе сами мусульмане смогли обрести более объёмный и исторически конкретный взгляд на ислам. Залогом успеха данной исследовательской практики была интеллектуальная честность и самокритичность. В свою очередь, именно предположение о *полной пассивности* исламской дискурсивной традиции (т. е. дискурса в его связи с нормативной практикой) в процессе формирования академического образа ислама является типично ориенталистским предрассудком, лишаящим «восточную традицию» её интеллектуальной силы.

² Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. С. 315.

§ 2. Концептуальная проблематизация вопроса об исламской теологии

Следующим этапом развития критической оптики в изучении религий станет упомянутая деколонизация мышления религиоведа. Это значит, что учёный, если он стремится *понять* ислам, должен перестать сводить ислам к системе *понятных жестов* и *структур*. В ходе анализа исламской традиции должен измениться сам «шаблон» понимания. Учёный обязан отнестись к ней серьёзно, увидеть в ней одну из возможных «картографий» религиозного опыта. Как это связано с заявленной темой? В рамках своего текста мы хотели не столько ответить на вопрос о природе и границах исламской *теологии*, сколько при помощи современных подходов в *исламоведении* проблематизировать метод самого вопрошания и поиска ответа на данный вопрос.

Тут можно упомянуть проект «*исламологии*» французского философа Мухаммада Аркуна¹ или концепцию исламской дискурсивной традиции американского культурного антрополога Талала Асада. В любом случае ислам не знает института вселенских соборов, духовенства как распорядителя таинств, церкви и догматического богословия в строгом смысле этих слов, а значит, «догматическая ограда» ислама, исламская ортодоксия *теологически* (хотя и не *идеологически* — в связи с установлением правильного «режима истины» и легитимацией власти) имеет несколько иную природу, нежели в христианстве. Возникает целый ряд закономерных вопросов: имеется ли в исламской традиции точный аналог различения теологии и философии (спорно)? Идентичен ли арабский термин *калам* термину *теология* (нет), а *фалсафа* термину *философия* (нет)? Термин *акида* — термину «*символ веры*» или «*вероучение*» (скорее, нет)? Идентичны ли структуры исламской и христианской теологии (очевидно, нет)? Каков общий арабский термин

¹ См., например: Аркун М. Переосмысляя ислам сегодня // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 2. М.: Медина, 2017. С. 244–272.

для обозначения всей совокупности теологических наук? Мы не будем подробно разбирать каждую из этих проблем, укажем лишь на известную условность имеющихся ответов.

Современные исследователи, в частности российские историки философии Тауфик Ибрагим и Наталья Ефремова, говорят о трёх религиозно – философских школах классического ислама: о *каламе*, *фалсафе* (это именно восточный аристотелизм и неоплатонизм) и *суфизме*, к которому они относят и *ишракизм* ас-Сухраварди. Нынешний директор Института философии РАН Андрей Смирнов относит *ишракизм* к отдельному направлению мысли, а также подчёркивает философское измерение *исмаилизма*². Все они предпочитают вести речь о *теолого – философской* литературе или исламской традиции мысли, не отделяя религиозно-«доктринальное» знание, то есть теологию, от философского и научного знания непроницаемой границей, хотя и не считая всю исламскую мысль в равной мере *философичной*³.

Считать ли какого-либо исламского интеллектуала философом или теологом (или тем и другим одновременно), определяет исторический контекст и неформальная конвенция, которая выявляет меру критичности и рациональной последовательности изучаемого автора. Насколько в исламе имеются теологические размышления, не сводимые к историко – филологическому изучению хадисов, разработке основ фикха, методологии толкования Корана, наукам лингвистического профиля, настолько они являются *философской* теологией. Исламская философия, в свою очередь, является *теистической* по проблемному полю и мировоззренческой ориентации. Чёткой границы между ними не существует – речь идёт о традиции мышления, которая посвящает

² См.: История арабо-мусульманской философии: учебник / под ред. А. В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013. С. 69–189.

³ См. также: Фролова Е. А. Арабская философия: Прошлое и настоящее. М.: Языки славянских культур, 2010. В частности: «Они [мутазилиты] положили начало теоретической, спекулятивной теологии, калама, как самостоятельной области знания наряду с фикхом и способствовали становлению в арабо-мусульманской культуре философского знания (курсив наш. – Д. М.)». С. 54.

себя решению проблемы соотношения знания и веры. О философии, если использовать выражение Натальи Ефремовой, как «теологическом изучении мира, исследовании сущих в плане их свидетельства о Творце их»¹.

Приведем один пример: известный трактат ал – Газали XI в. «Опровержение философов» разворачивает критику лишь одной философской школы классического ислама – *фалсафы*. При этом ал – Газали, не говоря уже о его последователях в XII–XIII вв. (т. н. «синтез калама с фалсафой» – Фахрутдина ар – Рази, Сайфуддина ал – Амиди и ал – Кади ал – Байдави), сам находился под влиянием целого ряда идей *фаласифа*. Он спорит с ними как с представителями особого исламского учения, которое, на его взгляд, в меньшей степени соответствуют коранической парадигме, чем ашаритский калам или определённые формы суфизма. Сами *фаласифа* считали философию и религию «молочными сёстрами» (Ибн Рушд), двумя путями постижения одной истины. Философия, по мнению Ибн Рушда, раскрывает внутренний смысл богооткровенной истины, выраженной в образно – символической форме.

§ 3. Определение границ исламской теологии и деколонизация исследовательского поля

Таким образом, в исламе отсутствует догматическая теология в строгом смысле слова, которая была бы подкреплена непрерываемым религиозным авторитетом Вселенских соборов или главы Церкви. Исламская *иджма*, консенсус ученых, имеет гораздо более неформальный статус². Неформальным согласием, а не утверждением высших иерархов, был сформирован и «канон» шести достоверных сборников хадисов в суннизме. Каждый человек оставлен наедине со своим знанием и незнанием, а его мнение не обладает

¹ Ефремова Н. В. Ислам: философия, религия, культура. М.: Наука, 2015. С. 67–68.

² Как справедливо отмечает немецкий исследователь исламского права М. Роэ, в исламе отсутствует *иджма* по поводу самой *иджмы*.

иммунитетом к критике и учитывается лишь в меру рациональной обоснованности и убедительности. Такие авторитетные для современных религиозных «пуристов» средневековые авторы, как Ибн Таймийя или Ибн Кайим ал – Джаузия, разделяли целый ряд позиций, которые расходятся с суннитским мейнстримом. Например, по проблеме вечности/конечности ада³. При этом их сложно назвать «еретиками», поскольку иной, чем в христианстве, характер «ортодоксальности» в исламе (более консенсуальный и открытый) затрудняет выявление чётких критериев ереси, выводящей человека за пределы ислама.

На наш взгляд, авторитет исламских теологов по своей природе оказывается ближе к авторитету в области науки (англ. *сайенс*, *science*) и философии, нежели к «сакральному» и «мистагогическому» (связанному с введением человека в таинства) авторитету христианской теологии, говорящей, в отличие от религиозной философии, в чётких догматических рамках с санкции и от лица Церкви. И в связи с этим вовсе не случайно, что фундаментальный труд татарского богослова – просветителя конца XIX – первой четверти XX века Зияэтдина Камали, связанный с проблемами религиозного обновления, образования, взаимосвязи веры и знания, называется «Философия ислама». Там он подчёркивает: «...нельзя отмахиваться от мудрости и философии, содержащихся в некоторых религиозных вопросах, лишь по причине неспособности нашего разума обнаружить их. Мы должны оставить их рациональное решение на будущее. Их разрешат время и обстоятельства... Лишь сущность и истина Всевышнего Аллаха выше сферы разума... религия ислам остаётся непоколебимой в своём качестве рациональной религии»⁴.

³ См.: Pagani S. Ibn 'Arabī, Ibn Qayyim al-Jawziyya, and the Political Functions of Punishment in the Islamic Hell // Lange C. (ed.) Locating Hell in Islamic Traditions. Leiden, Netherlands: Brill, 2016. Pp. 175–207.

⁴ Камали З. Философия ислама: в 2 т. Т. 1. Ч. 1: Философия вероубеждения. Казань: Татарское книжное издательство, 2010. С. 135–136.

Именно с учётом всего сказанного ранее о деколонизации мышления учёного, о предоставлении слова самой дискурсивной традиции ислама, о внимании к проблематичности однозначного перевода и должен даваться ответ на вопрос о дисциплинарных границах исламской теологии. В противном случае вместо обнаружения внутренних границ такой *дисциплины*, как исламская теология, мы столкнёмся лишь с внешним её *дисциплинированием*, которое удобно для бюрократической системы, но едва ли способствует делу мысли и спасения.

Литература

Аркун М. Переосмысляя ислам сегодня // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно – философский ежегодник. Вып. 2. М.: Медина, 2017. С. 244–272.

Асад Т. Идея антропологии ислама // Islamology. Т. 7. № 1. 2017. С. 42–60.

Ефремова Н. В. Ислам: философия, религия, культура. Ч. 1. Теолого – философская мысль. М.: Наука, 2015. 230 с.

История арабо – мусульманской философии: учебник. / под ред. А. В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013. 255 с.

Камали З. Философия ислама: в 2 т. Т. 1. Ч. 1: Философия вероубеждения. Казань: Татарское книжное издательство, 2010. 319 с.

Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

Фролова Е. А. Арабская философия: Прошлое и настоящее. М.: Языки славянских культур, 2010. 464 с.

Pagani S. Ibn ‘Arabī, Ibn Qayyim al – Jawziyya, and the Political Functions of Punishment in the Islamic Hell // Lange C. (ed.) Locating Hell in Islamic Traditions. Leiden, Netherlands: Brill, 2016. Pp. 175–207.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕМИНАРЕ «АНАЛИЗ
УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ В БАКАЛАВРИАТЕ ПРИ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ЗНАНИЕМ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА»¹**

Уважаемые участники нашего методологического семинара! Приветствую Вас пожеланиями мира, милости Всевышнего Аллаха и Его благословения, а также передаю братское приветствие и молитвенные пожелания успехов в вашем ответственном служении от нашего духовного лидера муфтия шейха Равиля Гайнутдина.

Как мы знаем, учреждения исламского образования среднего звена — медресе и исламские колледжи — являются очень значимым звеном в подготовке имамов для общин и мечетей, педагогов для мектебов, особенно в глубинке. Заочные, очно-заочные, вечерние формы обучения в медресе и колледжах, возникшие как ответ на стремительно возникший запрос от населения, оказали огромное позитивное влияние тем, что дали возможность получить базовые знания нашим братьям, которые по зову сердца взялись за дело возрождения общин и религиозной практики. Хотя известно, что далеко не все выпускники медресе и колледжей впоследствии пошли по пути проповеди и наставления верующих, в этом все равно есть определенное благо.

Медресе выросло в такой институт, который воспитывает умму, наполняет ее верующими, глубоко понимающими ценности и принципы нашей религии и строящими свою жизнь в соответствии с этими установлениями. Впоследствии такие грамотные верующие становятся ядром общинной жизни и несут важную ношу по воплощению исламского образа жизни на практике. Опыт

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на семинаре «Анализ учебных программ в бакалавриате при реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама», 27 февраля 2019 г., Московская Соборная мечеть.

последних десятилетий, а в целом и многовековая история российского мусульманства показывают, что стабильная, полноценная, полнокровная общинная жизнь возникает и существует лишь там, где есть постоянная инфраструктура в виде мечети или молельного дома и постоянный просветительский процесс, в который вовлечены целые семьи в разных поколениях. Что очень важно отметить: в большинстве случаев образование в медресе и колледжах абсолютно бесплатно, что является результатом титанических усилий руководства учебных заведений, подвижничества и бескорыстия педагогов и воспитателей.

Таким образом, я хочу подчеркнуть, что роль среднего звена исламского образования действительно велика и значима для уммы.

Тем не менее окружающая нас действительность, а вместе с ней и стоящие перед нами задачи претерпевают постоянную трансформацию. Одна из актуальнейших проблем – нехватка религиозных кадров для городских общин. Мусульманские общины в крупных городских центрах стремительно растут, для них характерны культурное и языковое разнообразие, при этом уровень интеллектуального запроса со стороны верующих стабильно повышается. Этот тренд обозначился не менее 10–15 лет назад, и его актуальность очевидным образом будет сохраняться в ближайшие десятилетия. Как мы с вами все трезво понимаем, высшее религиозное образование является в данном случае самым минимальным необходимым уровнем подготовки, а в идеале должно быть дополнено и светским образованием, и хорошей разговорной практикой. Важнейшими компетенциями городского имама становятся опыт публичных выступлений и умение вести диалог: как внутри общины, сохраняя стабильность, бесконфликтность и атмосферу братства, так и диалог со внешней средой, начиная от органов власти и до локальных сообществ. Мы в Московском исламском институте уделяем этому большое внимание.

Имам как духовное лицо и представитель образованного класса по умолчанию является публичной фигурой. Авторитет имама,

имам-мухтасиба, муфтия в обществе — это авторитет всей общины. Мы должны четко понимать: чем больше высокообразованных специалистов, блестящих знатоков в своей области мы как умма выдвигаем в научную и интеллектуальную элиту своего общества, тем более крепки в нем позиции нашей уммы. Чем выше самая верхняя планка, которую мы задаем сами себе, тем содержательнее, эффективнее становится работа на всех ярусах системы подготовки кадров.

В Московском исламском институте наиболее способных своих выпускников мы рекомендуем к учебе в магистратуре, а затем и в аспирантуре ведущих российских вузов — Московском и Санкт-Петербургском государственных университетах, которые, подчеркну, являются и в мировом масштабе авторитетными центрами востоковедческой и исламоведческой подготовки.

Речь идет о Программе подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, о ней вы все слышаны, в рамках ее реализации организовано наше сегодняшнее мероприятие. За эти годы только в системе ДУМ РФ — СМР были подготовлены десятки (более сотни) молодых кадров, и много раз мы были свидетелями такой картины: юноша или девушка, еще совсем недавно приехавшие из деревни, сегодня является студентом и воспитанником светил исламоведения и востоковедения мирового уровня, занимается наукой, принимает активное участие в просвещении уммы и распространении в окружающем обществе адекватного образа ислама.

Мы считаем важным на данном этапе сделать взаимодействие между средним звеном исламского образования и нашим исламским институтом более тесным и эффективным, выстроить работу таким образом, чтобы польза была для всех. В частности, мы рассчитываем на поддержку исламских медресе и колледжей в подготовке и профориентации наиболее талантливых и мотивированных своих студентов на продолжение образования в высших учебных заведениях, на научную, исследовательскую, богословскую работу. Со своей стороны хотим услышать и понять, по каким

дисциплинам в медресе и колледжах требуется укрепление методической базы, дополнительное повышение квалификации педагогического состава, что требуется для того, чтобы усилить образовательную часть рабочего процесса. Призываю к объединению наших усилий и обеспечению последовательности, непрерывности воспитания и подготовки исламских кадров, повышению отдачи от всей системы исламского образования в целом.

27 февраля 2019 г., Московская Соборная мечеть

ОПЫТ ЗАЩИТЫ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

С именем Бога, Милостивого и Милосердного!

Уважаемые организаторы, участники и гости конференции!

Позвольте от имени и по поручению председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации муфтия шейха Равиля Гайнутдина и от себя лично всех вас поприветствовать традиционным приветствием ислама: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

Для меня большая честь выступить сегодня на конференции с докладом и поделиться опытом своей защиты первой диссертации по исламской теологии. Прежде всего хотелось бы поблагодарить владыку Илариона. Открывая конференцию, он сегодня напомнил, какой путь проделала Русская православная церковь, чтобы пробить брешь в преграде на пути признания теологии как науки, и это признание состоялось. Поэтому хотелось бы еще раз выразить слова благодарности от имени мусульман России Русской православной церкви, администрации президента РФ и председателю Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России.

Предыдущие выступающие — Николай Михайлович Кропачев (ректор СПбГУ), Владимир Михайлович Филиппов (председатель ВАК Минобрнауки) и Рафик Мухаметшович Мухаметшин (ректор РИИ) упомянули, что буквально недавно, 14 октября 2020 г., в стенах Санкт-Петербургского государственного университета состоялась защита моей докторской диссертации на тему «Исламское обновленческое движение конца XX — начала XXI века: идеи и перспективы». Это первая в истории России

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Теология в научно-образовательном пространстве: задачи и решения», 25–26 ноября 2020 г., Санкт-Петербург.

диссертации по исламской теологии согласно номенклатуре научных специальностей ВАК. В академических кругах диссертация была воспринята положительно и не получила серьезных критических замечаний. Так, работу высоко оценили крупнейшие российские исследователи ислама, среди которых, в частности, М. Б. Пиотровский, В. В. Наумкин, Н. Н. Дьяков, Т. К. Ибрагим, Е. А. Резван, Л. Р. Сюкияйнен, А. Н. Юзеев и известный немецкий исламовед М. Роэ. Положительные отзывы поступили также от ученых Германии, Франции, Великобритании, арабских и иных мусульманских стран, которые имели возможность прочитать текст диссертации в переводе на английский язык. Единственный известный мне отрицательный отзыв дал Р. А. Силантьев — российский социолог религии, директор правозащитного центра Всемирного русского народного собора.

Речь, однако, сегодня идет не обо мне, а о перспективе исламской теологии в России. Прежде всего хочется подчеркнуть неслучайность того факта, что первая докторская диссертация по исламской теологии была защищена именно в СПбГУ. Университет известен своей богатой традицией в области академического изучения ислама, восходящей еще к XIX столетию. Напомню, что после указа императора Николая I о прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете крупнейшие российские востоковеды того времени были переведены на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета — предшественника Восточного факультета СПбГУ. Долгое время Санкт-Петербургский университет оставался единственным научно-образовательным учреждением России, в котором развивалось востоковедное знание.

Разумеется, я не утверждаю, будто подобное знание в каком-либо смысле совпадает с исламской теологией. Однако тенденция к симбиозу, взаимовыгодному обмену между светской наукой и теологией была намечена уже в те далекие времена. Один из основоположников петербургского востоковедения Мирза Александр Казем-Бек, первый декан факультета восточных языков

Санкт-Петербургского университета, родившийся в семье шейх-уль-ислама Дербента, получил в свое время основательную подготовку по традиционным исламским наукам, хотя в зрелые годы и перешел в пресвитерианство. Исламским теологом, вне всяких сомнений, можно считать и другого «творца» петербургского востоковедения – выдающегося татарского просветителя, моего земляка, соратника М. Казем-Бека, ученика Ш. Марджани Хусаина Фаизханова. Нельзя также не упомянуть, что в 1846 г. профессором Санкт-Петербургского университета становится шейх Мухаммад Айад ат-Тантави, который до приглашения в 1840 г. в Россию преподавал в каирском университете Ал-Азхаре, богословском центре всего исламского мира. Сложно отрицать, что исторически в Санкт-Петербурге были заложены основы для продуктивного взаимодействия светской научной культуры и исламского интеллектуального дискурса.

Методологические сдвиги в рамках академического изучения ислама, внутренняя критика концептуальных предпосылок собственной дисциплины, разнообразные попытки *деидеологизировать* теоретическую оптику исламских исследований привели значительную часть светских ученых к большей *открытости* традиционному исламскому знанию. Данную траекторию развития можно условно обозначить как переход от *объективации*, то есть, по сути, европоцентристского, западного высокомерия, к *диалогу и сотрудничеству*. Потребность в формировании интеллектуальной среды, где представители светской науки встречаются с представителями религиозного знания и оказываются способными услышать самостоятельные *голоса мусульман*, была в полной мере осознана и нынешним руководством СПбГУ, в частности его ректором Николаем Михайловичем Кропачевым.

В этом отношении Николай Михайлович не столько *изобретает* нечто принципиально новое на пустом месте, сколько на новом этапе развития академического знания *содействует продолжению* славных традиций петербургского востоковедения. Хочется отметить, что продолжение традиций петербургского востоковедения

самым тесным образом связано с задачей возрождения отечественной богословской школы ислама, о которой не раз заявлял на встрече с духовными лидерами В. В. Путин и которую ставил перед мусульманской уммой нашей страны. Отечественная богословская школа, в свою очередь, всегда отличалась *открытостью* светскому знанию. Защита моей докторской диссертации – лишь первый шаг на этом непростом пути.

Тем не менее мы уверенно продвигаемся вперед. Хочу напомнить, что уже несколько лет успешно выходит журнал «Ислам в современном мире», издаваемый с 2005 г. и входящий с 2015 г. в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК, редактором которого является ваш покорный слуга. С 2019 г. в список рецензируемых научных изданий ВАК был включен еще один журнал – «Минбар», одним из заместителей главного редактора которого является имам Московской Соборной мечети Ислам Зарипов. Таким образом, исламские теологи, потенциальные кандидаты и доктора теологии, имеют возможность публиковать свои исследования в двух журналах ВАК. Также на базе Восточного факультета СПбГУ сотрудники ДУМ РФ, представленные в абсолютном большинстве выпускниками Московского исламского института, в настоящий момент готовят следующие диссертации по исламской теологии: руководитель аппарата ДУМ Санкт-Петербурга и Ленинградской области Наталья Тамбиева пишет работу, посвященную осмыслению феномена исламского феминизма (верим, что в ее лице будет первый кандидат по исламской теологии); упомянутый ранее Ислам Зарипов проводит исследование в области истории исламской экзегетики – по тафсиру ат-Табари; полпред председателя ДУМ РФ в ПФО, первый заместитель председателя ДУМ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, аспирант Восточного факультета СПбГУ Дамир Хусаинов занят изучением проблемы контекстуального иджтихада и учения о целях шариата (макасид аш-шариа); Раис Измайлов, проректор по учебной работе МИИ и аспирант ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, анализирует исламский модернизм в рамках отечественной богословской

школы начала XX в. То есть на сегодняшний день мы готовим еще одну докторскую и ряд кандидатских диссертаций по исламской теологии. Это люди с хорошей академической и религиозной подготовкой, много лет сотрудничающие и работающие в светских академических и религиозных структурах.

Одним из предыдущих выступающих была озвучена очень важная мысль, что магистрам и аспирантам необходимо проводить скрупулезную работу в сфере их научных изысканий. В этом отношении в рамках Центра исламских исследований СПбГУ для работы молодых ученых-теологов прорабатываются несколько исследовательских направлений: коранические исследования с упором на коранический гуманизм, изучение которого становится особенно актуальным сегодня, и, в частности, после последних событий в Европе, разгоревшихся вокруг карикатурного скандала; исследования исламского модернизма и неомодернизма; исследования отечественной мусульманской богословской мысли и исследования Сунны пророка Мухаммада (мир ему). Это колоссальная работа, к которой уже подключено большое количество молодых специалистов, имеющих светское и религиозное образование, учащихся или выпускников ведущих светских вузов нашей страны. Подчеркну, что они не уходят в светское востоковедение или исламоведение и не становятся, таким образом, сотрудниками светских академических структур и организаций, напротив, все они работают в религиозных и образовательных структурах ДУМ РФ, и светское образование никак им не мешает служить исламу и мусульманам.

В предыдущих выступлениях также прозвучала мысль о важности изучения международного опыта в сфере теологических и исламоведческих штудий, чтобы осознать и осмыслить, что мы можем позаимствовать у зарубежных коллег и что предложить взамен. Как показывает практика, зарубежным коллегам крайне интересны наш опыт, труды наших теологов и богословов. В качестве примера приведу такой факт: во время визита в Папский Григорианский университет его ведущие теологи и преподаватели цитировали

мне по памяти Мусу Джаруллаха Бигиева. Было очень приятно и удивительно, что в Риме они осведомлены о татарских богословах XX в. не хуже, чем наши исламведы и востоковеды в Москве и Санкт-Петербурге. В последние годы Центр исламских исследований СПбГУ наработал важные связи с зарубежными центрами изучения ислама в Германии (Берлин и Тюбинген), Великобритании (Оксфорд и Кембридж), Италии (Рим), Франции (Париж). Не так давно также состоялась встреча с ректором крупнейшего университета Стамбула, на которой были намечены планы сотрудничества между Центром исламских исследований СПбГУ и факультетом теологии Стамбульского университета.

Сегодня очень важно решение вопроса о качестве будущих кандидатов и докторов теологии. Эта проблема существует, и все, кто занимаются педагогической деятельностью, знают о ней не понаслышке.

Наша с вами общая задача, уважаемые коллеги и соратники, состоит в том, чтобы показать сомневающемуся, подчас недоверчивому обществу: теология – научное, академическое знание. В отношении методов и картины мира оно деликатно и требует от того, кто занимается теологией, фундаментальной общегуманитарной и философской подготовки. Это знание может расти, и его приращение обладает практической миротворческой значимостью. Так что мы делаем общее благое дело. В заключение еще раз хотел бы поблагодарить муфтия шейха Равиля Гайнутдина, председателя диссертационного совета М. Б. Пиотровского, моего научного консультанта В. В. Наумкина, всех коллег из СПбГУ, кто оказал поддержку, организовал защиту, консультировал и возносил мольбы, а также всех тех, кто направил свои поздравления после защиты моей докторской диссертации.

25–26 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ¹

Ключевой проблемой российской уммы сегодня является проблема адекватности российской мусульманской элиты задачам, стоящим перед современностью. Сегодня региональные муфтии напрямую общаются с главами субъектов федерации, членами Федерального собрания, крупными бизнесменами, иностранными дипломатами, парламентариями. На долю мухтасибов и районных имамов приходятся контакты с главами местных администраций, депутатами представительных органов, местными бизнесменами. Нельзя здесь не упомянуть юристов, чиновников, ученых, преподавателей. За плечами все этих людей зачастую не одно светское образование, ученая степень, многолетний опыт работы. Приходящие в мечеть верующие, особенно в городах, обычно являются специалистами с высшим образованием или студентами. Да и традиционная российская мусульманская деревня уходит в историю. Маленькие деревни вымирают, а в оставшихся больших селах или райцентрах все больше становится квалифицированных специалистов, людей с высшим образованием. В Волго-Уральском регионе и в Западной Сибири, то есть в районах традиционного многовекового расселения, абсолютное большинство коренного мусульманского населения составляют горожане. На Нижегородчине, с ее традиционной тягой прежде всего к московской агломерации, эти процессы видны более явно. Но достаточно пройти по коридорам казанских и уфимских вузов, а затем проехать вдоль сельской местности, чтобы понять, где сейчас находится татарская и башкирская молодежь. А есть еще мусульмане — горожане Центра и Северо-Запада, Черноземья, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Мы уже не говорим о все более многочисленных

¹ Мухетдинов Д. В. Образовательный процесс и противодействие экстремизму // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»).

мигрантах с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, все чаще встречающихся на улицах российских городов. Какой же ответ дает на это мусульманское духовенство? Муфтий Челябинской области Раев прямо говорит о неграмотности мусульманского духовенства как об основной проблеме российской уммы.

Печальный опыт медресе подсказывает нам единственный выход, самый разумный и вполне естественный — воспользоваться предложением государства о преподавании исламских дисциплин и теологии в светских вузах, как это сделали православные. В этих условиях благодаря воле государства мусульманам представился уникальный шанс: речь идет об обучении выпускников медресе, которых направляли бы духовные управления мусульман в престижные государственные вузы за счет государства, при непосредственном участии ДУМов в качестве духовных наставников и религиозных опекунов учебного процесса. Именно по такой схеме несколько лет назад начали подготовку своих кадров представители РПЦ. О таком двухкомпонентном образовании (где ее светскую часть проходят по программе государственного вуза, а религиозную часть определяют сами мусульмане) и мечтали в свое время, еще полтора века назад, выдающиеся татарские алимь Ш. Марджани и Х. Фаизханов.

Проект начался, когда сотрудник администрации президента РФ г-н А. Кудрявцев (а позднее А. Гришин) в ответ на просьбу муфтия ДУМЕР Р. Гайнутдина начал прорабатывать возможность целевого направления в государственные вузы, с предоставлением мусульманам бесплатных мест, для подготовки необходимых кадров. Проект долго развивался, пока на него не обратил внимание президент России, который сказал о том, что мусульманам нужны для обучения обычные вузы. Мусульмане в отличие от РПЦ МП не сумели воспользоваться системой теологического образования в светских вузах. Теологические отделения имеются только в религиозных вузах: РИУ и МИУ.

С 2002 г. работают подготовительные курсы в Институте стран Азии Африки (ИСАА) при МГУ. В 2003 г., когда эта программа

только начала работу, по рекомендации трех ведущих мусульманских центров — Совета муфтиев России (СМР), ЦДУМ и Северо-Кавказского координационного центра — на подготовительные курсы ИСАА при МГУ было зачислено около 30 студентов. После окончания подготовительных курсов 10 из них не поступили, а после второго семестра трое были отчислены. Таким образом, на 20 миллионов российских мусульман осталось 15 потенциальных специалистов. Им дали возможность учиться дальше, но МГУ для мусульман в рамках этой программы уже практически потеряно! Следует сказать о том, что ДУМ Нижегородской области СМР было выделено только одно место. Наш единственный представитель в этой группе студентов — Ильдар Нуриманов — занял первое место по рейтингу и в 2008 году окончил МГУ с золотой медалью и красным дипломом.

Государственное образование будущих специалистов в вопросах мусульманской религии решает целый ряд их проблем. В рамках религиозного учебного заведения (медресе или исламского вуза) упор делается на религиозные дисциплины с добавлением тех предметов, которые так или иначе связаны с Исламом, как, например, арабский язык или история стран Востока. Так, Казанский РИУ дает студенту на начальных курсах такую же учебную программу, как и медресе, в то время как разрыв между ними, разница в их статусе должна существовать. За 4–5 лет невозможно постигнуть все тонкости исламского знания, а современный имам должен быть еще и грамотным в области светских дисциплин, к тому же в совершенстве владеть несколькими языками. Только такой наставник, проповедник и преподаватель сможет увлечь за собой людей, только высокообразованный религиозный деятель востребован сегодня обществом; если же в исламском учебном заведении не преподаются светские дисциплины в необходимом объеме, это значит, что его выпускники не смогут работать имамами и проповедниками в современном обществе.

Вопросы трудоустройства этих выпускников, отсрочки от призыва в армию и выплаты стипендий во время учебы, отсутствие

государственной лицензии у наших медресе и исламских вузов, низкий профессионализм выпускников и связанная с этим комплексом проблем их социальная не востребованность оказались в российских условиях не просто нерешенными, но не решаемыми в принципе. Однако каковы же тогда были причины невнимания наших имамов, духовных управлений мусульман к президентской программе? Как представляется, одной из причин такого положения дел является то, что данная спецпрограмма стала конкурентом нашим исламским институтам и другим исламским учебным заведениям, у которых зачастую не хватает студентов. Вторая причина заключается в том, что сегодня, к сожалению, пока еще не все наши руководители понимают преимущества, заложенные в этой программе, что обусловлено сильным разрывом между Духовным управлением мусульман и образовательным процессом в целом. Вместе с тем потребность и интерес к светским специальностям в вопросах Ислама огромны, что понимается государством. Поэтому целевая президентская программа была продолжена.

После того как стало ясно, что президентская программа обучения мусульман в МГУ провалилась, ее перенесли в другие вузы. С сентября 2005 г. в рамках целевой программы президента РФ по направлению СМР 9 нижегородцев поступили на факультеты лучших вузов страны: 2 – в Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «культурология», 2 – в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), 10 – в ННГУ. В ННГУ мусульманам дали 10 мест на факультете международных отношений по специальности «регионоведение». Из них 5 – нижегородцы, 3 – представители ЦДУМ и по 1 – от Ингушетии и Кабардино-Балкарии. В двух других вузах, участвующих в этой программе, 30 мест были разделены между СМР и другими мусульманскими центрами. Администрация президента РФ дает нам беспрецедентные возможности: на 10 мест в МГЛУ претендовало по «мусульманским квотам» 16 человек, в то время как общий конкурс в лингвистической программе составляет 224 человека на одно место! Нижегородцы, поступавшие в ННГУ по

общему конкурсу, набирали 34–37 баллов, в то время как самый высокий балл, набранный мусульманами по спецпрограмме, 22. То есть нам создают все условия — учитесь, поступайте фактически без конкурса.

В последние годы выработана новая форма сотрудничества между светскими и исламскими вузами. Она заключается в создании учебных комплексов, объединяющих два этих типа вузов. Это произошло в Москве, Казани, Махачкале, Нальчике, Нижнем Новгороде. В последнем городе в единой связке работают ННГУ и НИИ им. Х. Фаизханова. Меньше чем за год нами были изданы десятки учебных пособий, посвященных роли Ислама и мусульманского сообщества в современном мире, татарской философской мысли, истории мусульман Волго-Уральского региона, суфизму, вышел в свет учебный словарь «Ислам в Приволжском федеральном округе». Естественно, здесь мы не действуем в изоляции. С нами активно сотрудничают ученые-исламоведы из Москвы (это прежде всего Институт востоковедения РАН, МГУ, РГГУ), Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Махачкалы, других центров.

С 2004 г. начинается издание единственного в России журнала исламской доктрины «Минарет». С 2005 г. ДУМНО совместно с Нижегородским государственным университетом начало издавать ежеквартальный альманах «Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты». Выходят в свет ежегодные издания «Рамазановские чтения», посвященные мавлиду и хаджу. Наряду с изучением местных проблем здесь особое внимание уделяется современному развитию Ислама, развитию ситуации в мусульманских регионах на постсоветском пространстве. С прошлого года действует всероссийский сайт Islam.RF, уже получивший заслуженное признание прежде всего за аналитику высокого уровня. Стоит особенно отметить, что все наши издания выходят регулярно. Все эти ресурсы реально используются преподавателями, аспирантами и студентами.

Таким образом, если какое-либо духовное управление мусульман направляет на учебу в светский вуз своих студентов, оно не должно затем в течение 4–5 лет ждать выпуска готового богослова. Напротив, оно будет обязано не просто контролировать процесс обучения, а наполнять его практическим содержанием, то есть начитывать определенный набор дисциплин и проводить со студентами большую часть внеурочного времени, для того чтобы этот будущий теолог стал действительным, практикующим мусульманином. Именно эти выпускники светских вузов, ранее получившие мусульманское профессиональное образование, в будущем должны стать костяком для мусульманских теологических отделений в светских вузах. Рост численности мусульман как в регионах, где традиционно они составляют большинство или значительный процент населения, так и других больших городских центрах актуализирует эту задачу. Альтернативой имамам со светским образованием, как уже указывалось, особенно в больших городах, уже являются подпольные медресе и радикальные секты, прикрывающиеся исламскими лозунгами. Для эффективной работы с молодежью уже сегодня многие имамы ДУМНО имеют по три образования (религиозное и два светских), владеют четырьмя языками: татарским, русским, английским, арабским. Поэтому в нашем регионе, несмотря на все сложности, деятельность мусульман находится в легальной плоскости под контролем ДУМНО и государства.

Хочу на конкретном примере показать продуктивность и эффективность той работы по духовному попечительству, о которой я говорил выше. В ННГУ в течение 10 лет на факультете международных отношений нашими сотрудниками — я имею в виду Духовное управление мусульман, — слушателям преподаются хадисы, аяты, акиду и т. д. Я, еще будучи аспирантом ННГУ, имел возможность стать помощником руководителя кафедры... Исламские исследования возглавил не вчерашний атеист, но практикующий мусульманин, который имеет соответствующее светское, а также религиозное образование, ученую степень кандидата

политологических наук — и на совершенно законных основаниях преподает исламские дисциплины.

Для этого необходимо качественное светское образование. Поэтому, например, мы, нижегородские мусульмане, храним верность традициям своих предков: просвещение и наука поглощают львиную долю нашего бюджета. Особое внимание уделяется высокому уровню подготовки имамов. В современных условиях для повышения конкурентоспособности и признания их элитарной роли имамы ДУМНО, выпускники медресе продолжают обучение в светских вузах страны: в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете; Московском государственном лингвистическом университете по специальности «переводчик-арабист»; в Нижегородском государственном университете (ННГУ) на факультете международных отношений; в Волго-Вятской академии государственной службы. Сегодня многие имамы имеют по три образования (религиозное и два светских). С 1999 г. на базе ННГУ им. Н. И. Лобачевского существует программа «Исламские исследования», около 500 человек, из которых несколько десятков получили свидетельства государственного образца. С сентября 2005 г. в рамках целевой программы президента Российской Федерации по направлению СМР нижегородцев поступили на факультеты лучших вузов страны: в ИСАА при МГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный лингвистический университет, Нижегородский государственный университет. В этом году появились и первые выпускники. Так, первый дипломированный выпускник медресе Ильдар Нуриманов в этом году окончил обучение в бакалавриате Института стран Азии и Африки Московского государственного университета и получил диплом специалиста в Волго-Вятской академии государственной службы. Сейчас он возглавляет издательский дом «Медина».

Уже к 2004 г., за 10 лет работы медресе «Махинур», около 170 человек получили религиозное образование по специальностям «имам-хатыб» и «преподаватель основ Ислама». Около

140 выпускников приступили к исполнению обязанностей в качестве имамов и преподавателей мактабов и медресе или продолжили обучение в высших исламских учебных заведениях в Москве и Казани. Они возглавили мусульманские приходы в Нижнем Новгороде и области, Красноярске, Москве, Ярославле, Казани, в Чеченской Республике. Многие выпускники медресе продолжили образование в светских высших учебных заведениях. Значительная часть также обучаются в мусульманских высших учебных заведениях Саудовской Аравии и других мусульманских стран.

Среди студентов НИМ «Махинур» — не только нижегородские татары, но и таджики, узбеки, чеченцы, представители других народностей. Таким образом, медресе, создававшееся изначально для решения локальных проблем нехватки кадров имамов и преподавателей основ Ислама, за годы своей работы приобрело популярность и авторитет во многих регионах, а выпускники медресе существенно укрепили группу нижегородских и российских имамов. Поэтому регион сейчас обладает своими профессиональными кадрами имамов и преподавателей для возрожденных мечетей области и для вновь открываемых мактабов и медресе.

С 2001 г. функционирует филиал медресе «Махинур» — «Медина». Он располагается в селе Медяны на территории Исламского комплекса. С 2001 г. на базе медресе «Медина» работают специальные курсы повышения квалификации для имамов, преподавателей воскресных школ и учителей общеобразовательных школ (в рамках подготовки кадров для преподавания предмета «Религии России»).

В образовании стоит шире использовать языки и традиции российских мусульман. Об интеграционной и межэтнической роли, например, татарского языка говорят следующие факты. По результатам переписи 2002 г. в Приволжском федеральном округе на 4 063 720 этнических татар приходится 4 355 618 человек, владеющих татарским языком. В Башкортостане на 990 702 татар приходится 1 396 947 человек, владеющих татарским языком, при том что из 1 221 302 башкир только 1 056 871 владеют родным

языком. Таким образом, седьмая часть населения ПФО и абсолютное большинство мусульман округа владеют татарским языком. Этот потенциал надо использовать, а не убирать часы, направленные на изучение в школах и вузах языков, литературы и истории мусульманских народов России.

Таким образом, противостояние экстремистским тенденциям нужно начинать со школьной и вузовской скамьи. И здесь важно параллельное изучение русского, родного и (или) титульного языка республики, российского и шариатского права, истории России и региона. Человек, знающий и любящий свою Родину и свой народ, никогда не будет добиваться перемен антиконституционными, насильственными методами. Но нам нужно неустанно нести эти знания в массы, и здесь важно сотрудничество государства и духовенства, религиозных и светских учебных заведений в выработке основ многоконфессионального и многонационального российского гражданского общества.

ОБРАЗОВАННОЕ МОЛОДОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ЭЛИТАРНОЕ СОСЛОВИЕ ПУГАЕТ СТОЯЩИХ ЗА СЕГОДНЯШНИМИ АПОЛОГЕТАМИ КАДИМИЗМА ИДЕОЛОГОВ¹

Возрождение исламского образования в России связывают со следующими фактами: в 1988 г. в Москве было создано первое в округе ДУМЕС медресе «Исмаилия», в 1988 г. — в Уфе медресе имени муфтия Ризаэтдина Фахретдина. В исламском образовании россиян начала 1990-х гг. главенствовали две тенденции: обучение имамов и молодежи в зарубежных исламских центрах и открытие местных образовательных учреждений. В целом, большинство экспертов указывает, что развитие системы исламского образования в нашей стране в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. можно охарактеризовать словами «хаотично» и «бессистемно». Определенная система складывается во второй половине 2000-х гг., прежде всего, в связи с помощью государства, выражаемой в сотрудничестве ряда религиозных учебных заведений высшего типа со светскими вузами. Во многом это было вызвано необходимостью противостояния экстремизму и радикализму.

Эта помощь государства естественно не может решить вопрос наполнения собственно религиозных программ в том, что касается догматики (акиды) и вопросов права (фикха). Поэтому до сегодняшнего дня остро стоит вопрос о религиозно-правовой принадлежности исламских вузов — нередко в стенах одного вуза работают и проповедают соответствующие взгляды и знания представители совершенно разных богословских традиций и приверженцы разных мазхабов (преподаватели, обучавшиеся в России,

¹ Доклад Мухетдинова Д. В. на Международном научно-методическом семинаре «Актуальные проблемы развития этнического и религиозного разнообразия в контексте мусульманских образовательных процессов: российский и зарубежный опыт» в рамках VII Мусульманского форума «Россия и исламский мир: векторы модернизации на пространстве СНГ», 15 ноября 2011 г., Нижний Новгород.

Саудовской Аравии, Египте или Малайзии, имеют воззрения, принципиально отличающиеся друг от друга). По предмету фикха каждый преподает то, чему его учили в той или иной стране, без учета местной правовой традиции.

Учитывая то, что последним двадцати годам неопределенности и хаоса предшествовали еще семьдесят с лишним лет отсутствия исламских учебных заведений в России, то несложно представить себе, из какой ямы — а точнее, небытия — приходится выбираться отечественной мусульманской богословской школе.

В 1990-е гг. мусульманские лидеры решали сугубо практическую задачу — готовили имамов для мечетей и пытались донести до только что бывшего советским народа хотя бы основы религиозных знаний. В эти годы вопрос о восстановлении богословской школы даже не ставился. В итоге мы имеем сотни и тысячи брошюр по основам ислама, но очень мало фундаментальных богословских трудов, тысячи проповедников-самоучек и единицы по-настоящему подкованных богословов. Как результат — отсутствие у представителей законных религиозных структур интеллектуальных и кадровых ресурсов для создания фундаментально новых концепций, которые могли бы преподнести традиционные исламские ценности в адекватной сегодняшнему дню форме. Тогда как экстремисты говорят на понятном молодежи языке IT-технологий и преподносят им привлекательные концепты социальной справедливости, якобы основанные на нормах исламской догматики и права.

Мы высоко ценим подвиг наших старших товарищей, которые в конце 1980-х — 1990-е гг. восстановили исламские институты в России, но сейчас судьба российской уммы решается не количеством приходов, а качеством обучения и уровнем богословских дискуссий. Цена вопроса даже не в деньгах, а в общей стабильности ситуации и в человеческих жизнях.

В 1990-е гг. чума экстремизма, свирепствовавшая на Северном Кавказе, казалась локализованной там, в горах, и не актуальной для остальной России. Время показало, что это далеко не так.

Когда на рубеже 2000–2010-х гг. в относительно экономически благополучных регионах вроде Башкортостана радикалы ушли в лес или взялись за оружие, оказалось, что исламское образование — это не только сфера интересов мусульман, но и общегосударственных интересов, причем интересов жизненных.

Неслучайно на встрече с членами Общественной палаты Российской Федерации 20 января 2011 г. президент России Дмитрий Медведев указал: «Еще один вопрос, крайне сложный и исключительно важный для нашей страны, — это поддержание гражданского мира в нашем государстве, гражданского мира, межнационального и межконфессионального согласия. Это не только обязательное условие модернизации нашего государства, это само собой разумеется, я даже об этом не хочу рассуждать. Это просто обязательное условие сохранения нашего государства в том виде, в котором оно сегодня существует».

Эту же тему глава государства развил 5 июля на встрече с муфтиями в Нальчике. «Помощь религиозным лидерам — важнейшая тема. [...] Веками ислам развивался в России как одна из традиционных конфессий, а вот вбросы экстремизма и радикальных течений появились совсем недавно, и они крайне опасны. Но этим должны заниматься не государственные служащие или, во всяком случае, не только государственные служащие. Этим, прежде всего, должны заниматься проповедники, потому что это проблема всей мусульманской уммы».

В 2005 г. было дано начало государственной Программе по подготовке специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Фактически, это и есть инструмент инкорпорации мусульман в российское интеллектуальное сообщество, подготовка элиты и кадров, которые могли бы стать локомотивами модернизации, качественного и содержательного развития российского исламского дискурса. Беспрецедентная возможность для молодых мусульман по направлению духовных управлений получить престижнейшие профессии в лучших учебных центрах страны — не об этом ли мечтали наши предки? Отцы-основатели

джадидизма были бы в восторге, если бы застали это время, когда государство само создает социальные и образовательные лифты для молодых талантливых мусульман из глубинки, тем самым создавая шанс качественного рывка вперед. Именно это — образованное, состоявшееся социально и экономически, молодое — мусульманское элитарное сословие и пугает стоящих за сегодняшними апологетами кадимизма идеологов.

К счастью, государство не идет на поводу у провокаторов, и программа, о которой сказано выше, была продлена еще на три года. Но пока приложение образования и талантов проучившихся по данной программе молодых специалистов довольно узкое. Духовные управления сами оказались не готовы к тому, что в их ряды вольются молодые и амбициозные кадры. В Издательском доме «Медина» сегодня работает десять выпускников программы, получивших образование в Московском государственном университете, Санкт-Петербургском государственном университете и Московском государственном лингвистическом университете. Это специалисты, одинаково хорошо владеющие арабским и английским языками, имеющие большие карьерные планы и амбиции в хорошем смысле этого слова. Но, к сожалению, этот пример едва ли не единственный из известных мне, большинство духовных управлений проявляют в этом направлении пассивность.

В то же время считаю, что и со стороны государства процесс контроля за ходом программы должен быть более пристальным. Ответственные структуры в органах власти также нуждаются в специалистах, более тонко разбирающихся в исламской проблематике. Усилия государства в сфере исламского образования должны быть более тонко откалиброваны, для того чтобы результативность была более высокой и решались конкретные задачи.

Сам факт существования программы, о которой идет речь, — тектонический сдвиг, имеющий далеко идущие последствия не только для России, но и для всего СНГ, так как она стала толчком к принятию аналогичных решений и в других странах Содружества. И это очень важно, так как мы имеем общее языковое

пространство — русскоязычное, — и не секрет, что носители экстремистских идеологий мигрируют из одной страны в другую на пространстве бывшего СССР. Поэтому мы должны в постоянном режиме работать с выходцами из стран СНГ, вовлекать их в образовательное пространство мусульман России, на всем пространстве идеологически бороться с носителями радикальных антигосударственных идей

Большое видится на расстоянии. Сегодня мы не можем в полной мере оценить значимость и преимущества этой возможности, и семь лет — слишком малый срок для того, чтобы получить реальные результаты после более чем девяноста лет безвременья. Но то, что мы имеем сегодня, — лишь пора цветения, впереди должны быть и плоды. Наивно было бы ожидать решения стратегических проблем, копившихся целый век, за пять–семь лет. Считаю, что темпы поступательного, опережающего развития нельзя сбавлять еще как минимум десять лет, после чего мы вправе ожидать снятия напряженности и коренного улучшения ситуации в сфере исламского образования.

15 ноября 2011 г., Нижний Новгород

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА¹

*Уважаемые организаторы и участники VI Международного форума
«Ислам в мультикультурном мире»!*

От имени Духовного управления мусульман Российской Федерации, Совета муфтиев России и себя лично я приветствую вас братским мусульманским приветствием Ассаляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатуху – Мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

Свой доклад я хотел бы озвучить в продолжение тех тезисов, которые позавчера озвучил в пленарной части международной конференции с участием президента Ирана Хасана Рухани.

Говоря о радикализации мусульман, о тенденции мусульманской молодежи, некритично воспринимать пропаганду крайностей и экстремизма, мы понимаем, что эти процессы обеспечиваются множеством апологетов воинствующего, узкого понимания ислама, целой богословской индустрией. Именно идеологические, а не материальные, ценности гарантируют, в конечном счете, бесперебойное обеспечение человеческим ресурсом террористических группировок. Работа по ограждению мусульманской молодежи от экстремизма должна начинаться, по моему убеждению, с интеллектуального диалога и полемики с представителями радикальных течений, если они не перешли грань и не пролили кровь. Я убежден, что с этими людьми возможен и необходим интеллектуальный диалог, поскольку они являются нашими братьями в исламе, пусть и заблудшими. Этот диалог должен вестись на всех уровнях и, в конечном счете, должен приобрести полноценную форму богословской дискуссии, которая, как я полагаю, вскроет все слабые стороны их подхода. К сожалению, до сих пор диалог шел медленно, и, возможно, в этом

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на VI Международном форуме «Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма», 17 декабря 2016 г., Казань.

одна из причин того, почему джихадистские течения пользуются популярностью у молодежи.

В Священном Коране сказано: *«Держитесь крепко за вервь, которую Аллах (протягивает вам), и не разделяйтесь»* (Св. Коран, 3: 103). Всевышний (хвала Ему) также говорит: *«Воистину, верующие – братья. Поэтому примиряйте (любых) двух (борющихся) братьев и бойтесь Аллаха, – быть может, вы обретете милость»* (Св. Коран, 49: 10).

Я не стану перечислять все аяты Корана, где подчеркивается необходимость единения и примирения. Тема единства ислама и единства мусульман является одной из базовых в Коране и аутентичной Сунне.

Движения такфиристского типа разрушают эту связь внутри уммы. Но, несмотря на это, я считаю, что провозглашать их неверными на основе их деяний значит уподобляться им самим. Делая это, мы закрываем путь к интеллектуальному диалогу, о котором шла речь выше. Обратим внимание на название нашего форума – «Ислам в мультикультурном мире: межконфессиональное согласие и преодоление радикализма». Каждая религия исходит из безусловной истинности своей доктрины и ошибочности других вероучений. Тем не менее, мы считаем нужным вести межрелигиозное взаимодействие и сотрудничество. При этом отказываем в праве изложить свою позицию и быть услышанными единоверцам, которые потеряли связь с гуманистической, нравственной природой ислама и встали на путь ригоризма, однако не потеряли веры по тем признакам, которые были сформулированы Пророком (мир ему) и многими поколениями ученых. В этом проявляется уязвимое место нашей идеологической позиции, некая двойственность, которая молодежью воспринимается как лицемерие и релятивизм.

Как известно, проблема веры и неверия – это очень тонкий и сложный богословский вопрос. В каком-то смысле мотивацию такфиристов можно понять, поскольку они, в конце концов, не обращаются к такфиру как к самоцели, но используют его в качестве средства демаркации: определив, что такое вера

и каково правильное, на их взгляд, вероубеждение, они автоматически записывают в число неверных всех тех, кто не придерживается этого вероубеждения.

Более того, если не кривить душой, то нужно признать, что в истории ислама это было нормальной практикой — таким образом отдельные течения (мутазилиты, традиционалисты, ашариты, исмаилиты и др.) очерчивали свои границы и противопоставляли себя другим. Известный индонезийский мыслитель Нурколиш Маджид отмечал, что на то имелись не только богословские, но и социально-политические основания; возможно, в своей критике средневекового эксклюзивизма, характерного, кажется, для большинства направлений ислама (за исключением отдельных крупных муджтахидов), мы не всегда справедливы и не всегда учитываем сложность ситуации того времени. Как бы то ни было, но такфиристская и эксклюзивистская позиция в наше время уже неактуальна; сейчас мы больше нуждаемся в единении перед лицом внешних угроз и вызовов современного мира.

Нужно четко осознать, что единство уммы — это, прежде всего, духовное единство, но никак не единство во всех богословских и философских вопросах; учитывая многомерность ислама, последнее в принципе невозможно, иначе нам придется сузить ислам до какого-то одного типа вероубеждения — будь то традиционализм, ашаризм, матуридизм и пр.; я уже не говорю о том, что внутри самих этих школ нет доктринального единства, и при таком подходе, в конечном счете, наш «ислам» ограничится «единственно правильным» мнением какого-нибудь шейха, философа или политического активиста. Не это ли один из главных признаков такфиристского течения?

Таким образом, я полагаю, что в интеллектуальном диалоге с такфиристами необходимо, прежде всего, выбить почву из-под ног их такфира, а это значит — сменить установку с узкого и эксклюзивистского понимания ислама на плюралистичное понимание. Это может делаться как с помощью правовых и богословских аргументов (наиболее яркий пример — работы Абу Ханифы, ал-Газали

и Ш. Марджани), так и с помощью современного исторического анализа, который показывает богатство и многомерность ислама.

Но это лишь первый этап диалога. Как правило, в основе такфиристских и радикальных движений лежит определенное вероубеждение, нередко подробно развитое. И тут мы должны иметь собственную интеллектуальную платформу, которая могла бы выступить серьезной альтернативой их вероубеждению, основанному на архаизирующем понимании ислама. Полагаю, что унификация подобной платформы невозможна, поэтому поделюсь лишь нашими разработками в этой сфере, не претендуя на то, что я выражаю истину в последней инстанции.

Я убежден, что адекватный диалог с такфиристами невозможен на почве архаизирующей платформы. Это не будет решением, поскольку не отвечает на те реальные вызовы, которые перед нами ставит современный мир. Ответ же может быть найден в обновленческом движении. Наша рабочая команда в ДУМ РФ и ММФ уже долгие годы ищет ответы на эти вызовы, и нам удалось развить интеллектуальную платформу обновленческого типа, которая получила наименование коранического гуманизма.

В методологическом плане коранический гуманизм призывает:

- к систематической критике слепого таклида;
- к обращению к контекстуализированному иджтихаду;
- к критике хадисоцентричности;
- к возвращению рационалистической установки;
- к преодолению эксклюзивистских черт как отдельных исламских течений, так и уммы в целом;
- к преодолению тенденции к внутренней замкнутости уммы.

В содержательном плане основные идеи коранического гуманизма сводятся к следующему:

- признание братства и многообразия человечества;
- признание исконной правоверности человеческой природы и ее сущностной неизменности;
- вера в универсальность божьего водительства и, как следствие, признание религиозного плюрализма;

— вера в боговдохновенный характер всех писаний авраамической традиции — в том числе Евангелия и Торы;

— вера во всеохватность божественной милости, или в возможность конечного спасения всех людей (апокатастасис).

В своих работах мы подробно обосновываем, что коранический гуманизм является исконным кораническим учением и что каждый из приведенных тезисов укоренен в Коране. Кроме того, все эти идеи в том или ином виде высказывались крупнейшими интеллектуалами, богословами, муджтахидами ислама, и мы, по сути, претендуем лишь на то, что следуем той обновленческой линии, которая имелаась в исламе уже с VIII в.

Таким образом, в рамках ДУМ РФ и ММФ мы разрабатываем вполне конкретный обновленческий проект, который мог бы выступить концептуальной альтернативой такфиризму и джихадизму и который позволил бы дать один из умеренных ответов на вопрос о соотношении исламских принципов и модерна. Повторюсь, что мы допускаем возможность и иных проектов. Все это должно развиваться в рамках детальных научных дискуссий, учитывающих как классическую исламскую традицию, так и современное исламоведение. Я полагаю, что процесс глобальной дискуссии запущен, и потому XXI век не станет веком такфиристских и джихадистских движений, а станет веком интеллектуального и плюралистичного понимания ислама.

Спасибо за внимание!

17 декабря 2016 г., Казань

КОРАНИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСТВА В XXI ВЕКЕ¹

Уважаемые организаторы и участники III Всероссийской научно-практической конференции «Фахретдиновские чтения»!

От имени председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина и от себя лично я приветствую вас братским мусульманским приветствием: «Ас-салям алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

Сегодня мы говорим с вами о серьезных вещах. Наша конференция посвящена кораническому гуманизму как основе системы просвещения российского мусульманства в XXI в. Я бы хотел сначала немного поразмышлять о термине «просвещение», а затем перейти к рассмотрению конкретных мер, необходимых для осуществления всесторонней программы.

Итак, термин «просвещение»... Как известно, само это понятие в том значении, в котором мы его употребляем, было введено во Франции в XVIII в. Эпоха Просвещения, прежде всего во Франции и Англии, была двойкой: с одной стороны, она принесла рационализм, свободомыслие, развитие науки — все то, что актуально и по сей день; с другой стороны, она обычно ассоциируется с богоборчеством, атеизмом, критикой религиозности. Несмотря на последнее, нельзя не отметить, что необходимость просвещения изначально обосновывалась французскими философами ссылками на Библию. Сам термин «просвещение» развит на основе светового символизма, характерного для Библии и других священных книг авраамической традиции. Все положительное — Бог,

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на II Всероссийской научно-практической конференции «Фахретдиновские чтения» по теме «Коранический гуманизм как основа системы просвещения российского мусульманства в XXI веке», 18 апреля 2016 г., Уфа.

Писание, знание, истина, благо, любовь — ассоциируется со светом, а все отрицательное — невежество, страсти, эгоцентризм, ненависть — с тьмой. Таким образом, тот рационалистический импульс, который задала эпоха Просвещения, коренится в авраамической духовной традиции.

Вспомним, что в Благородном Коране Всевышний назван словом «Свет» («Нур»):

«Аллах – Свет небес и земли... Аллах направляет к Своему Свету, кого пожелает...»¹

В другом месте говорится:

«Аллах – Покровитель тех, которые уверовали. Из глубин темноты Он ведет их к свету. А покровители тех, кто отрицает веру, – идола, ведущие их от света к глубинам темноты...»²

Неверующие, отвергнувшие знамения Всевышнего, сравниваются со слепыми, пребывающими во мраке:

«... (Положение неверующих) подобно мраку во глубине морской пучины. Его покрывает волна, над которой находится другая волна, над которой находятся (темные) облака. Один мрак поверх другого! Если он вытянет свою руку, то не увидит ее. Кому Аллах не даровал света, тому не будет света»³.

При этом сам Коран неоднократно называется «Светом»:

«О люди! Воистину, вам явилось доказательство от вашего Господа, и Мы ниспослали вам свет (который) ясен»⁴.

И другие Писания авраамической традиции именуются «Светом»:

«Мы ниспослали Таурат (Моисею), в котором содержится верное руководство и Свет... Вслед за ними Мы направили Ису, сына Марьям, с подтверждением истинности того, что было прежде ниспослано

¹ Коран, 24: 35.

² Коран, 2: 257.

³ Коран, 24: 40.

⁴ Коран, 4: 174.

в Таурате. Мы даровали ему Инджиль, в котором были верное руководство и Свет...»⁵

Почему Слово Всевышнего названо «Светом»? Потому что оно несет свет веры и знания, оно просвещает сердца людей, делая их мягкими и восприимчивыми. Вера, смирение и миролюбие неразрывно связаны со знанием и интеллектуальной просвещенностью. Благородный Коран является Светом еще и в том смысле, что он содержит ясные знамения, айаты, которые, помимо Книги, даны также во Вселенной и в нас самих. Коран является руководством к дешифровке айатов Вселенной и айатов в нашей душе. Он содержит в себе все знание, это настоящая энциклопедия знаний. Всевышний говорит:

«...Мы ничего не упустили в Книге...»⁶;

«...Всякую вещь Мы подсчитали в ясной Книге (доказательств)»⁷.

Таким образом, если мы правильно поймем эти и другие айаты, то увидим, что просвещение в исконном кораническом (или шире – авраамическом) смысле означает просвещение своего сердца светом веры и знания, то есть Словом Божиим, которое отражено в Книге, во Вселенной и в нас самих. Подлинное кораническое просвещение предполагает развитие как нравственных качеств: смирения, милосердия, умеренности, человеколюбия и прочее, – так и интеллектуальных качеств, в частности, всего того, что касается построения интегральной системы знания. Об этом уже шла речь в докладе муфтия шейха Равиля Гайнутдина на «Вторых Бигиевских чтениях», так что я не буду повторяться. Отмечу лишь, что, к сожалению, для реализации программы просвещения такого типа сделано мусульманами пока еще очень мало.

Итак, я наметил фундаментальные принципы просвещения. Теперь хотелось бы конкретизировать эти базовые положения.

⁵ Коран, 5: 44, 46.

⁶ Коран, 6: 38.

⁷ Коран, 36: 12.

Я полагаю, что концептуальной основой системы просвещения должен быть коранический гуманизм. По этой теме написано немало трудов, поэтому я лишь вкратце резюмирую основные положения коранического гуманизма. Можно выделить пять таких положений: братство человечества, убежденность в исконной правоте человеческой природы, вера во всеобщность Божьего водительства, этнический и религиозный плюрализм, вера во всеохватность Божественной милости.

Первое положение коранического гуманизма — это убежденность в том, что все люди являются братьями. Безусловно, эта идея возведена Благородным Кораном и подтверждена личным примером Пророка (мир ему), который говорил: «О люди, воистину у вас один Господь и один прародитель, а потому нет превосходства араба над неарабом, неараба — над арабом, светлокожего — над темнокожим, темнокожего — над светлокожим, разве только по их благочестию» (Ибн Ханбал). Кроме того, братство человечества всегда подчеркивалось ведущими умами нашей уммы. Напомню прекрасные слова суфия Абу Мухаммада Саади: «Сыны Адама — это спаянные друг с другом части (одного тела), / Ибо сотворены из одной сущности... / О ты, кого не печалит страдания других, — нельзя тебя назвать человеком!» Я убежден, что здесь возведен высочайший нравственный идеал, к реализации которого мы должны стремиться.

Второе положение коранического гуманизма — это убежденность в исконной правоте человеческой природы (фитра). Айаты Благородного Корана и достоверные хадисы однозначно свидетельствуют о том, что люди правоты по природе, и лишь воспитание вносит в их умы смуту. Замечу, что такая убежденность служит противоядием от ненависти на религиозной почве и вообще от ненависти любого типа — мы можем негативно оценивать лишь грех, а не самого человека, который по природе чист.

Третье положение коранического гуманизма — это вера во всеобщность Божьего водительства. Согласно Корану, Господь всегда наставлял человечество, отправляя к нему посланников. И нет

народа, к которому не был бы отправлен посланник¹. Это значит, что все человечество, а не только один или несколько народов, является «богоизбранным».

Четвертое положение коранического гуманизма — это вера в этнический и религиозный плюрализм. Согласно Корану, этническое многообразие является Божьим знаменем², равно как и религиозное многообразие³. Следовательно, стремление к этнической и религиозной унификации является богопротивным делом. Мы должны творчески подойти к факту этого многообразия, сумев извлечь из него позитивные выводы о феномене религиозности и о роли богооткровенного и человеческого компонентов в этом феномене.

Наконец, пятое положение коранического гуманизма — это вера во всеохватность божественной милости. Эта идея возвещается в аяте Корана, где Всевышний говорит:

«...Моя (милость) объемлет всякую вещь...»⁴

И она же повторяется в хадисе-кудси, переданном ал-Бухари: «Воистину, милость Моя превышает гнев Мой!» Идея всеохватности божественной милости, предполагающая конечное спасение всех людей и признание разных путей к Богу, наиболее ярко возвещена в трудах таких великих ученых, как Мухйи ад-дин ибн ал-Араби, Ибн Таймийя, Ибн Каййим ал-Джаузийя и Муса Бигиев. Она как никогда востребована в наше время!

Итак, я полагаю, что намеченная выше концепция просвещения, в основе которой лежит принцип коранического гуманизма, в равной мере актуальна и для системы образования, и для работы СМИ, и для издательской деятельности. Учитывая сложность современной ситуации — отсутствие собственной богословской и правоведческой школы, недостаток кадров, низкий уровень

¹ Коран, 16: 36.

² Коран, 30: 22.

³ Коран, 11: 118–119.

⁴ Коран, 7: 156.

образования среди мусульман, низкий уровень знаний об исламе среди немусульман и прочее, — я считаю, что в деле просвещения необходимо придерживаться единой стратегии. Концептуальный каркас этой стратегии должна составить идея коранического гуманизма, а конкретные меры по реализации стратегии могут варьироваться. Я убежден, что российским мусульманам не хватает именно концептуального единства в данной сфере. До сих пор не удалось сформировать единого дискурса, который бы транслировался и в систему образования, и в СМИ. Безусловно, ислам по природе плюралистичен, и разнообразие мнений должно в идеале приветствоваться, но в трудные времена — во времена, когда отсутствует нормальная система образования, когда мы завалены потоком контрпропаганды со стороны псевдо-исламских течений — необходимо сплотиться вокруг общей идеи. Именно над этим я предлагаю подумать в рамках нашей конференции.

В завершение моего доклада хотел бы напомнить одну важную вещь, о которой часто забывают. Когда мы читаем приводившиеся выше айаты о свете, о знании, дарованном людям, то мы вольно или невольно примеряем это к себе. Действительно, ведь так похоже, будто это о нас сказано, что Всевышний направляет к Своему Свету кого пожелает¹ и выводит уверовавших из мрака к свету². Так вот, таким особо «просвещенным» нечего и говорить о просвещении; человек, считающий себя пупом земли, не испытывает потребности в просвещении. Он и так просвещен, а все остальные — во тьме неверия. К сожалению, такая эксклюзивистская и эгоцентристская позиция является основой невежества и в конечном счете — неверия.

Более взвешенный подход предлагает Абу Хамид ал-Газали в «Воскрешении наук о вере». Перечисляя правила чтения Корана, он пишет, что одним из важнейших правил является отречение: такая установка предполагает, что человек относит к себе

¹ Коран, 24: 35.

² Коран, 2: 257.

айаты, посвященные осуждению неверных и нерадивых, а айаты, упоминающие праведных, относит к другим людям. Ал-Газали проципательно замечает: «Кто в близости своей от Бога почувствует, как он далек от Него, тому, страшщемуся, Бог явит милость за его страх, чтобы он возвел его на другую, более высокую степень близости. А кто, пребывая в отдалении от Него, ощутит близость к Нему, тот обманется покоем (безопасностью), которая отодвинет его на более низкую степень, чем та, на которой он был». В контексте нашей дискуссии это значит, что не следует переоценивать себя. Каждый должен спросить себя – насколько он сам нуждается в просвещении? Очевидно, просвещение нужно начинать с себя. И это тоже один из принципов, которого нам следует придерживаться в нашей работе.

18 апреля 2016 г., Уфа

ПРОБЛЕМА ХИДЖАБА В КОНТЕКСТЕ СВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Несколько дней назад я дал довольно подробное интервью portalу Лента.ру², где прокомментировал сложившуюся ситуацию вокруг татарской школы в Мордовии, высказывание Рамзана Кадырова и более общую проблему *хиджаба* в контексте светской системы образования. Как я отметил в интервью, эта тема является очень сложной и неоднозначной. Не знаю, связано ли это со сложностью темы или с не до конца точными формулировками, данными мною, но значительным числом людей я был понят неверно. Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я, будучи главным редактором международного богословского журнала «Минарет Ислама», решил посвятить следующий его номер всецело проблеме *хиджаба* в исламе и статусу *хиджаба* в светском обществе. Для этого журнала я начал готовить большую статью, где подробно и с цитатами из первоисточников разьясню свою позицию по данному вопросу. Призываю моих критиков дожидаться выхода этой статьи, прежде чем делать выводы, опираясь на собственные интерпретации.

Сейчас же я хотел бы лишь тезисно разьяснить свою позицию. Прежде всего, я хочу сказать, что ислам понимается мною максимально плюралистично — на что я указывал в многочисленных статьях и книгах³. Я не ограничиваю ислам суннитской его интерпретацией, хотя и считаю себя суннитом. Кроме того, я считаю себя приверженцем ханафитской школы права, но это не означает,

¹ Статья Мухетдинова Д. В., опубликованная на сайте Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Нижегородской области (Нижегородский мухтасибат). [Электронный ресурс] // URL: <http://islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=7399> (дата обращения: 24.01.2017).

² См.: «Рамзан Кадыров все объяснил одной фразой». Должны ли мусульманки носить хиджаб в школе. Интервью от 27 января 2017 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/articles/2017/01/27/hijab/> (дата обращения: 24.09.2021).

³ См. сборник моих докладов: Мухетдинов Д. В. Ислам в XXI веке: программа обновления: сб. докладов. М.: ИД «Медина», 2016.

что я обязываю себя следовать всем средневековым предписаниям, сделанным в рамках этой школы (не говоря уже о том, что здесь имеется значительное разнообразие). Полагаю, что установка Абу Ханифы на личное суждение, критику хадисоцентричности и контекстуальное истолкование Корана — это то, в чем мусульманский мир нуждается сейчас наиболее всего. И именно эти идеи получили развитие в российской богословской школе (Ш. Марджани, Р. Фахретдин, М. Бигиев и др.).

Проблема *хиджаба* в контексте светской системы образования — это частный случай более масштабной проблемы соотношения классического *фикха* и общества модерна. Я полагаю, что решение этой проблемы должно заключаться в существенной реформе *фикха*, и этот потенциал к реформированию заложен в самом *фикхе*, в частности в представлении о его контекстуальности, в идее *фикха иститаа*, в идее главных целей *шариата* (*макасид аш-шари'а*) и многом другом. В данном плане я являюсь убежденным сторонником обновленческого движения в исламе (*тадждид*); кроме того, разные варианты *фикха* я мыслю как разные варианты адаптации универсального коранического послания к конкретным социокультурным и политическим условиям, и, на мой взгляд, это вообще является нормативным пониманием⁴. Применительно к нашим условиям мы должны говорить о *фикхе* меньшинств (*фикх ал-акаллийат*) — эта идея уже много лет развивается *шейхом* Юсуфом ал-Карадави и другими учеными; но фактически она была заложена еще в российской богословской школе в концепции «русского мусульманства»⁵ и в раннемусульманской практике.

Применительно к проблеме *хиджаба* нельзя придерживаться чисто формалистичного подхода, поскольку такой подход противоречит общим целям *шариата* (*макасид аш-шари'а*), в частности цели общего блага (*маслаха*). Мы должны оценить, во-первых,

⁴ См.: «Открытое послание о главной беде мусульман» Мухаммада Садыка Мухаммада Юсуфа, 2015 г.

⁵ См. работу М. Бигиева «Азбука ислама».

социально-политический контекст; во-вторых, законодательство Российской Федерации; в-третьих, гражданский статус мусульман Российской Федерации; в-четвертых, конкретное исламское правовое установление, касающееся *хиджаба*, и его источники; в-пятых, релевантность этого установления для современного периода; в-шестых, более общий контекст применения этого положения, то есть способствует ли это применение в данном контексте благу *уммы* или идет во вред религии Всевышнего.

Я, разумеется, не берусь ответить на все эти вопросы. Возможно, часть из них мне удастся осветить в грядущей статье. Сейчас я хочу лишь подчеркнуть, что проблему следует рассматривать комплексно, чего и требует классический *фикх*. Позволю себе некоторые замечания в связи с этим.

Светский характер системы образования

В Конституции Российской Федерации, поддержанной гражданами России, в том числе мусульманами (а значит – российские мусульмане взяли на себя определенные обязательства в этом отношении), заявляется о светском характере государства и отделении государства от религии. Как я показываю в своей работе «Российское мусульманство: традиции *уммы* в условиях евразийской цивилизации» (раздел «О необходимости переосмысления секуляризма в евразийском контексте»), светские модели разнятся. Например, французская модель *laïcité* предполагает отсутствие выражения религиозных атрибутов в публичном пространстве. Но британская или американская модель секуляризма совсем иная, и она ближе к полирелигиозной и поликультурной модели. В этой работе (я призываю людей, стремящихся хорошо понять мою позицию, обратиться к ней) я отмечаю, что в России должна быть разработана собственная модель секуляризма, притом это должно делаться совместно и осознанно. Такая модель должна отражать чаяния граждан, а значит, в ней с необходимостью должна быть закреплена роль традиционных

религий – христианства, ислама, иудаизма и буддизма; а также роль традиционных ценностей (на самом деле, негласно это и так принято, о чем можно судить по положению ЛГБТ-движений в современной России).

Светскость – это обязательно антирелигиозность. Скорее, это общее пространство, в котором сосуществуют представители разных идентичностей. В этом плане, например, мединское общество времен Пророка (мир ему) может быть названо «светским», о чем в действительности свидетельствует «Мединское соглашение». И если мы выстраиваем общее пространство, в котором могли бы существовать христиане, мусульмане, буддисты, иудеи, атеисты, саентологи и пр., то нам нужно как следует продумать это пространство.

Этот тезис применим и к системе образования. В случае с *хиджабом* мы имеем дело, фактически, со следующим: выстраивается общее пространство, в котором могли бы обучаться носители разных идентичностей. Это пространство не является строго мусульманским, христианским или иным. Оно должно быть продумано так, чтобы удовлетворить нужды всех. Фактически уже имеется консенсусная система светского образования, однако проблема *хиджаба* до недавнего времени не вставала. Почему? Потому что не было идеи унификации школьной формы. То есть по целому ряду причин появилась такая идея, и вопрос встал ребром. Какие возможны стратегии его решения?

Первая стратегия

Для проработки стратегии мы, мусульмане России, должны исходить из двух фактов. Мы являемся мусульманами, а значит – приверженцами Божественного Закона (*шарʿ*) в той или иной его интерпретации, представленной конкретной школой *фикха*. С другой стороны, мы являемся гражданами Российской Федерации, у нас есть паспорта Российской Федерации, а значит – мы взяли на себя обязательства соблюдать законы нашей страны,

придерживаться принципов, заложенных в Конституции, в частности принципа секуляризма (кто подвергает второй тезис сомнению, тот может смело готовить документы к эмиграции, иначе с исламской точки зрения придется считать его мунафи́ком, или лицемером). Отсюда следует, что мы *должны заботиться не только том, как соблюсти законы шариата, но и том, как соблюсти законы Российской Федерации* (а если они в чем-то нас не устраивают, то проявлять активную гражданскую позицию и способствовать их изменению). Применительно к ситуации в школе это означает, что мы должны заботиться не только о своих правах, но и о правах представителей других религий.

Первая стратегия решения проблемы *хиджаба* – это требовать создания такой школьной формы, которая допускала бы ношение *хиджаба*. На чем такое требование может быть основано? Я убежден, что оно должно основываться на том факте, что ислам является одной из традиционных религий РФ, притом с более чем тысячелетней историей. В России проживает значительное число мусульман, а некоторые регионы почти полностью являются исламскими. Могут ли представители других традиционных религий требовать что-то подобное? Я убежден, что да. Должен быть продуман гибкий вариант школьной формы, допускающий покрытие головы (к тому же покрытие головы имеет многовековую традицию в православии).

Однако у этого решения есть и негативные стороны. Прежде всего, оно немного противоречит Конституции и законодательству. Я говорю «немного», поскольку понятие «традиционных религий» имеет юридический статус, однако сфера его применимости четко не оговорена. Иными словами, неясно, можно ли апеллировать к «традиционности» своей религии как к юридическому аргументу? Кроме того, сама идея традиционности косвенно дискриминирует другие религии и религиозные движения. Если мусульманкам разрешено носить *хиджабы*, то на каком основании пастафариянцам – приверженцам нового религиозного движения, проповедующего веру в Летающего Макаронного

Монстра, — будет запрещено приходить в школу в своем головном уборе – дуршлаге? (Во многих странах они уже фотографируются на паспорт с дуршлагом на голове).

Иначе говоря, мы должны четко осознавать: заявляя о своей «традиционности» и стремясь придать этому понятию юридический статус, мы косвенно дискриминируем представителей «нетрадиционных» религий (ср. то же самое в связи с понятием «традиционной» и «нетрадиционной» семьи). У нас есть аргументы в пользу этого, но готовы ли мы пойти на это? Тут требуется широкая общественная дискуссия. В упоминавшемся разделе книги «Российское мусульманство...» я призывал более четко определить понятие «традиционной религии» и ввести этот термин в Конституцию, чтобы сохранить нашу культуру и определиться с перспективами ее развития. Однако, повторюсь, решение (прежде всего с моральной точки зрения) само по себе довольно спорное.

Вторая стратегия

Есть и другая стратегия решения проблемы с *хиджабами* – вероятно, многим мусульманам она покажется еще более спорной. Если первое решение, грубо говоря, можно представить как «формирование пространства секуляризма на основании ценностей четырех традиционных религий», то второе решение предполагает движение по пути Франции, то есть «формирование пространства секуляризма как абсолютно нейтральное с религиозной точки зрения». Конечно, многим идея о сохранении «нейтралитета» в отношении Бога и Его законов покажется кощунственной. Но предлагаю над этим тоже поразмыслить.

Что означает данная стратегия? Она означает введение унифицированной формы, то есть школьная форма должна быть одинаковой для всех школ во всех субъектах РФ. Разумеется, такая форма не будет предполагать *хиджаб*, поскольку в России, являющейся светским государством, никому в голову не придет требовать

от всех девочек ношения платка. Положительная сторона данной стратегии состоит в том, что она позволяет организовать пространство для сосуществования представителей разных религий на «общей почве». Да, мусульманки не смогут надеть *хиджаб*, но и пастафарианцы не смогут надеть дуршлаг. Думаю, эта аналогия ясна, и каждый сможет привести множество других сходных примеров. Принимая эту стратегию, мусульмане признают необходимость секуляризма как формы сосуществования и идут на некоторую жертву – в том числе для того, чтобы соблюсти договоренность с другими членами общества. Большая ли это жертва? Все зависит от того, признаёт ли мусульманин (и мусульманка) ношение *хиджаба* частью *религиозной* практики и насколько это важная часть религиозной практики (сама эта тема с богословской точки зрения является спорной, что еще будет показано ниже).

Если мусульманка считает, что прийти в школу без *хиджаба* – это обесчестить себя, то при принятии указанной стратегии возможны несколько вариантов: пойти учиться в религиозную школу, финансируемую за счет религиозных организаций (об этом см. ниже); заниматься домашним обучением и вести активную протестную деятельность; покинуть страну и дать ребенку образование в стране, которую вы считаете «исламской».

Впрочем, я полагаю, что эта вторая стратегия – стратегия «нейтрального секулярного пространства» – даже с точки зрения консервативного классического *фикха* может быть принята российскими мусульманами. Это обусловлено иерархическим пониманием предписаний *шафиата*, притом в основе иерархии лежат общие цели *шафиата*, а конкретные предписания – вроде предписания носить *хиджаб* – являются чем-то вроде ответвления (т. е. проводится четкое различие между *усул* и *фуру'*). Если выполнение конкретного предписания («носить *хиджаб*») в данных социокультурных обстоятельствах мешает реализации главных целей *шафиата* («благо *уммы* и религии», достигаемое посредством личного примера, в частности всестороннего образования

и просвещения), то конкретное предписание может быть временно отвергнуто. Конечно, это отдельная большая тема, которая требует подробных доказательств, и я не настаиваю на истинности моей трактовки. Но я думаю, что теоретизирование в этом направлении вполне возможно и с правовой точки зрения допустимо¹.

По этой же причине я считаю, что создание религиозных школ, финансируемых из негосударственных фондов, может являться не более, чем частичным решением проблемы. Да, в таких школах девочки смогут свободно носить *хиджаб*. Но получают ли они здесь качественное и современное образование? Куда они пойдут после этих школ, если в вузах от них снова потребуют снять *хиджаб*? Кроме того, массовый отток мусульманских учащихся в религиозные школы будет способствовать ограничению круга общения и сегрегации населения. У нас ведь нет цели создавать в России параллельное «исламское общество»?!

Как бы то ни было, все это пока на уровне теоретизирования, поскольку, судя по всему, решение по школьной форме еще до конца не проработано. Нам, российским мусульманам, нужно определиться с позицией. Я обозначил две основные стратегии формирования секулярного пространства: стратегию секулярности с опорой на традиционные религии и стратегию секулярности с опорой на нейтральное унифицированное пространство. О позитивных и негативных сторонах обеих стратегий я написал. Наверное, возможны и другие стратегии, но я полагаю, что все они так или иначе будут связаны либо с первой, либо со второй моделью.

Замечу, кстати, что все вышесказанное применимо не только к проблеме *хиджаба*, но и к другим вопросам. В интервью я говорил

¹ О классических и современных моделях *фикха*, базирующихся на идее *макасид аш-шафи'а* и *маслаха*, см.: Hallaq W. B. A History of Islamic Legal Theories: an introduction to Sunnī uṣūl al-fiqh. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. Pp. 207–255. Также указанная проблема неоднократно обсуждалась в индонезийском контексте, чем-то похожем на российский: M. van Bruinessen «Liberal and Progressive Voices in Indonesian Islam» (2009).

о том, что однозначное разрешение *хиджаба* — без подробной юридической проработки этой темы (в частности, без утверждения концепции «традиционных религий» и определения сферы ее применимости) — создаст прецедент, который позволит мусульманам или представителям других религий (возьмем более экзотичные варианты — кришнаитам, саентологам, пастафарианцам и пр.) требовать изменений в школьной программе и в школьном распорядке. Это может создать настоящий хаос, который отрегулировать юридически, обеспечив при этом права всех верующих, совершенно невозможно.

Представим следующую ситуацию. Иудеи откажутся учиться по субботам. Мусульмане откажутся учиться по пятницам. Кто-нибудь откажется учиться в другие дни недели. Это потребует полного изменения расписания. Кроме того, мусульмане вполне могут захотеть скорректировать расписание занятий в соответствии с пятикратным *намазом*, что тоже вносит хаос. Это только самое безобидное. А как насчет того, чтобы углубиться в классический *фикх*? Хорошо, тогда вполне можно найти *фетвы*, где запрещается рисование, музыка и танцы. Что с этими предметами будем делать? Наверняка найдутся люди, которые не захотят сидеть за одной партой или учиться в одном заведении с «*кафирами*». Если еще больше покопаются в средневековом *фикхе*, то, вероятно, натолкнутся на идею о том, что девочкам вообще не следует получать образование, не говоря уже о том, чтобы сидеть в одном классе с мальчиками. Так можно зайти очень далеко! (Ради интереса предлагаю ознакомиться со средневековым трактатом Ибн Каййима ал-Джавзийи *Китаб ахкам ан-ниса*; он посвящен как раз актуальной для нас теме). Кому-то покажется, что я фантазирую, но это действительные настроения многих современных мусульман, особенно из числа молодежи. Поверьте, я знаю, о чем говорю, поскольку регулярно общаюсь с молодежью. Все эти требования — следствие безответственной позиции, следствие отсутствия понимания того, что мусульмане имеют обязательства не только перед другими мусульманами, но и перед другими людьми, которые,

как гласит известный *хадис*, переданный Ахмадом ибн Ханбалом, также являются нам братьями.

Итак, в связи с рассмотренной проблемой я призываю к дискуссии и анализу разных стратегий, если мы не хотим, конечно, чтобы этот вопрос решали за нас.

Проблема хиджаба с точки зрения теологии

В интервью мною была высказана мысль о том, что проблема *хиджаба* является дискуссионной. Заметьте, я не сказал, что отрицаю необходимость ношения *хиджаба* — я вообще не выразил тут своей позиции, поскольку тема с теологической точки зрения большая и сложная. Я лишь сказал, что этот вопрос дискутируется. И только за эту фразу на меня обрушился шквал критики. К сожалению, это свидетельство уровня образованности нашей *уммы*, ведь достаточно вбить в гугле «hijab controversy», чтобы сразу найти десятки англоязычных публикаций, где это обсуждается (как исламоведами, так и теологами).

Вкратце опишу суть дискуссий. Главный тезис критиков ношения *хиджаба* состоит в том, что *хиджаб* — это не часть религиозной практики, и он вообще не имеет отношения к религии. Коранические *айаты*, которые приводятся в пользу *хиджаба*, интерпретируются неверно и вне контекста их ниспослания (*асбаб ан-нузул*). *Хиджаб, никаб, бурка* — все это изначально культурные, а не религиозные обычаи; и лишь в средневековом *фикхе* они были «освящены» традицией (как и многое другое, касающееся унижения женщин). Ислам необходимо очистить от таких традиций, вернувшись к первоначальным установлениям Корана. Короче говоря, аргументы критиков ношения *хиджаба* свидетельствуют о том, что мы имеем дело с позицией так называемого «интеллектуального салафизма», характерного в целом для деятелей обновленческого движения. Впрочем, не все сторонники этой позиции формулируют свои идеи в столь резкой форме (резкой прежде всего по отношению к средневековому *фикху*).

Я в целом согласен с главным тезисом обновленческого движения — с необходимостью проводить различие между Словом Божиим и локальными установлениями *фикха*, в частности средневекового *фикха*: если Слово Божье вечно, то установления временны и могут быть пересмотрены в изменившихся условиях. Именно к этому призывали представители российской богословской школы, и именно в этом смысл «открытия врат» *иджтихада*. Что касается моей позиции по поводу *хиджаба*, то ее более подробно я сформулирую в статье, которая выйдет в журнале «Минарет Ислама». На мой взгляд, тут нужен гибкий подход, который исходил бы из верной герменевтики Корана (принцип «контекстуального *иджтихада*»¹) и из интересов большинства мусульманского населения. Сейчас же я хочу лишь проиллюстрировать свой тезис о том, что эта тема является дискуссионной, приведя некоторые примеры.

Статья Мухаммада ‘Абдо²

Один из крупнейших представителей обновленческого и реформаторского движения, *шейх* Мухаммад ‘Абдо (1849–1905) еще более ста лет назад издал работу, в которой объяснил, что *хиджаб* является необязательным для женщин, которые стремятся заниматься общественными профессиями и проявлять себя в общественной сфере деятельности. Он утверждал, что ни Коран, ни *шариат* не требуют от женщин носить *хиджаб*. По его словам, данный факт является базисом его работы (*фетвы*), в противном случае он не стал бы рассматривать данный вопрос, поскольку законы Всевышнего не могут быть поставлены под сомнение. С точки зрения ‘Абдо, *хиджаб* и *никаб* стали частью исламского общества после смешения этого общества с другими культурами. К ним апеллировали некоторые мужчины, поскольку покрывало скрывает

¹ См. работы Фазлура Рахмана и его последователей.

² Источник на арабском языке см.: Полное собрание сочинений шейха М. ‘Абдо. Т. 2. Труды на социальные темы. Каир: Дар аш-Шурук, 2008. С. 104–111.

движения женщин и ограничивает их способность соблазнять мужчин. Но в реальной жизни, согласно 'Абдо, ничего такого не происходит. 'Абдо спрашивает: если ситуация такова, то почему мужчин, находящихся в обществе женщин, не просят покрывать себя чем-нибудь, чтобы ограничить их соблазн? Получается, женщины лучше контролируют себя, чем мужчины? 'Абдо завершает *фетву* тезисом о том, что *хиджаб* и *никаб*, играющие важную роль в обществе, не имеют никакого отношения к исламу как религии.

Позиция Мусы Бигиева³

Крупнейший российский богослов Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949) рассматривал интересующую нас тему в работе «Женщина в свете Священных *айатов* благородного Корана» (1933). Вкратце его позицию можно резюмировать следующим образом.

Прежде всего, упоминающийся в Коране *хиджаб* не имеет никакого отношения к культурному обычаю, распространенному среди современных восточных народов; коранический *хиджаб* — это не материальный *хиджаб*, а символ чести женщины, ее достоинства и целомудрия. Обычай покрывать голову и лицо был распространен во многих цивилизациях задолго до ислама, и он может связываться с достоинством и целомудрием, однако эта связь вторична и необязательна. На ношении *хиджаба* не следует настаивать как на религиозной обязанности. Если он есть и у женщины есть достоинство, то замечательно. Если его нет, но имеется достоинство, целомудрие и другие прекрасные качества, то тоже замечательно. Если же нет этих качеств, но есть материальный *хиджаб*, то это бесполезная тряпка. Приведу несколько цитат из работы Мусы Бигиева.

³ Источник: Бигиев М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. (Антология татарской богословской мысли). Полный русский перевод работы см. на сайте «Российское мусульманство». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.islamrf.org/musabigiev9>

О мотиве написания работы и о важности смотреть не на форму, а на содержание. Бигиев пишет:

«Несмотря на то что в мусульманской юридической литературе в отношении вопросов, касающихся женщины, имеется незначительная разница между подходами того или иного мазхаба, наши богословы не выработали общего мнения по женскому вопросу. Благодаря сильному влиянию прекрасного сочинения достопочтимого Касима Амина “Тахрир ал-Мар’а” (“Освобождение женщины”) в Египте, Индии, Турции и России появились и распространились сотни книг и статей, посвященных женской проблеме. В одно время даже возникли окрыляющие призывы интеллектуального движения. К сожалению, большинство этих произведений и статей вели речь главным образом о проблемах хиджаба и грехопадении. Они больше говорили о недостатках женщины в связи с особенностями ее сотворения или умственных способностей. В них усиленно муссировались мотивы виновности женщины в силу присущих ей очарования и соблазнительности. Я внимательно отнесся к данной проблеме и прочитал все публикации...

Перестав быть завесой – пардэ, скрывающей за собою лик женщины, хиджаб превратился скорее в красивое украшение женского лица. В таких местах, как Египет или Хиджаз, он встречается редко: у десяти женщин из ста, а то и вообще имеет тенденцию к исчезновению. Несмотря на это в арабской периодике вплоть до наших дней продолжались бурные, но совершенно бесполезные споры по данному вопросу, хотя с точки зрения женщин дискуссии о хиджабе сегодня уже не имеют значения, и сам он в своем сегодняшнем виде не имеет уже ценности в общественной жизни. И все же если бы в словах и мыслях пишущей на эту тему братии отсутствовали бы обвинения или двусмысленные намеки в адрес мусульманских женщин, то я мог бы понять обе полемизирующие стороны – как тех, кто ратует за хиджаб, так и тех, кто выступает за открытые лица женщин – суфур. Одна позиция возникла на почве гордости и почитания национального или в целом восточного обычая, другая, призывая следовать обычаям и моде западной культуры, отражает естественное, природное право женщин.

Если бы почтение и уважение к женщине обеспечивались верой, что присуща нации, законами государства и общей моральной атмосферой, то не было бы необходимости в хиджабе, а вопрос о необходимости снятия покрывала с женского лица не являлся бы возмутителем спокойствия».

О том, что стоит за кораническим термином *хиджаб*. Бигиев пишет:

«Хиджаб, который несколько раз упомянут в Благородном Коране, ни в прямом, ни в переносном смысле не является хиджабом в том значении, в каком он известен нам на Востоке... Хиджаб, который несколько раз упоминается в айатах Благородного Корана, хоть в переносном, хоть в прямом смысле, ни в каком своем значении не является известным нам материальным хиджабом.

Один вид хиджаба, и самый важный его вид, согласно священным айатам Благородного Корана, является необходимым и законным. Этот хиджаб не относится к лицу или телу женщины, но подразумевает ее честь и права. Этот хиджаб не материальный кусок ткани, а ее достоинство, честь, невинность...

Откройте страницы Писания, взгляните на текст: все повеления, запреты и обращения, имеющиеся в этом священном аяте, обращены к мужчинам. В этом аяте нет ни одного повеления, ни одного слова, обращенного к женщинам. А коль так, можно ли вообще говорить о том, что хиджаб обязателен для женщин? Поэтому слово “хиджаб”, которое имеется в священном аяте: “...то просите из-за занавеси (хиджаб)” – никоим образом не может означать покрывала, обернутого вокруг головы, лица и тела женщины».

О хиджабе в связи с целями *шариата*. Бигиев пишет:

«Благородный Законодатель устанавливает прекрасные правила и полезные средства, которые выбраны или могут быть выбраны на пути движения к искомой цели. Например, если принять накидку для лица в качестве символа чести и достоинства или по собственной воле женщины, или следуя национальной традиции, то исламский шариат освящает и укрепляет добрую волю женщин и национальные обычаи. Если же какой-то другой народ не принял накидку для лица, в силу отсутствия в ней необходимости, то исламский шариат не будет упрекать

ту целомудренную нацию и не будет навязывать ношение такой детали одежды. Он будет удовлетворен достоинством и нравственной чистотой женщин».

О турецкой революции и отказе от *хиджабов*. Бигиев пишет:

«Прекрасная революция турецких тюрок, полностью освободившихся от накидок лицемерия, отбросила прочь накидки для лица. Многократно возросло почтение к женщине по сравнению с прошлым. Женщины, как минимум, избавились от ярлыка “опасного соблазна”».

Таким образом, коранический *хиджаб*, согласно Бигиеву, является прежде всего символом достоинства и чести. Рассматривать его как средство прикрытия интимных частей тела — значит вульгаризовывать послание Священного Корана и проявлять женоненавистничество. Материальный *хиджаб* может быть прекрасным символом, если он надевается добровольно и женщина является достойной его. Однако он также может стать «накидкой лицемерия», если его принуждают носить, проявляя при этом неуважительное отношение к женщине. И именно так, согласно Бигиеву, обстояло дело в Турции и большинстве «исламских» стран (стоит отметить, что Бигиев понимает материальный *хиджаб* в широком смысле — и как накидку для головы, и как накидку для лица и тела в целом — то есть он одновременно рассматривает и *хиджаб*, и *никаб*).

Позиция доктора Абу эл-Фадла

Доктор Абу эл-Фадл (род. в 1963 г.) является одним из крупнейших современных специалистов по исламскому *шариату*, проблеме реформы *фикха*, проблеме ислама и прав человека, проблеме положения женщины в исламе. Он преподает в Калифорнийском университете. Он автор десяти книг по исламоведению и сотен статей по теме. Будучи американским мусульманином, Абу эл-Фадл часто выступает в американской прессе («*The New York Times*», «*The Washington Post*», «*The Wall Street Journal*»), отстаивая интересы *уммы*. Его позиция интересна для нас прежде всего тем, что это пример

использования контекстуального *иджтихада* в рамках светского общества. В конце 2016 г. эл-Фадл издал *фетву*, посвященную *хиджабу* (т. е. в узком смысле — покрытию головы). Она имеет следующий заголовок: «О том, что разрешено не носить *хиджаб*»¹.

Эл-Фадл анализирует релевантные коранические *айаты*, а также *хадисы* и литературу по классическому *фикху*. Кроме того, он учитывает то обстоятельство, что подозрение к *хиджабам* в западном обществе возросло, и их ношение может иметь негативные последствия с точки зрения общих целей *шариата* (т. е. вредить распространению религии Всевышнего). Эл-Фадл делает следующий вывод:

«Если хиджаб заставляет женщину выделяться на фоне других женщин и привлекает к ней ненужное внимание, неся риск нанесения ей вреда, то для женщин, проживающих в Соединенных Штатах, допустимо НЕ носить хиджаб. Это также связано с тем, что, согласно социальным привычкам и обычаям США, женщина, демонстрирующая свои волосы, не будет считаться нескромной или распущенной. По моему мнению, стремление женщины защитить свое право носить хиджаб, приводящее лишь к тому, что она выделяет себя из толпы и становится возможным объектом нанесения вреда, в целом противоречит целям шариата. Для целей шариата гораздо важнее, чтобы женщина сосредоточила внимание на просвещении своих сограждан в вопросах ислама и мусульманской уммы, а не привлекала взгляды своим внешним видом.

Кроме того, я хотел бы подчеркнуть: это довольно иронично, что в современную эпоху хиджаб стал символом исламской идентичности. С исторической и теологической точки зрения покрытие головы было распространено в некоторых христианских и иудейских направлениях, и оно имело там подтверждение в виде текстовых предписаний, которые являются гораздо более ясными и однозначными, чем в случае ислама. Очень странно, что с 1970-х гг. мусульмане избрали хиджаб составной частью политики идентичности, хотя указания их Священного

¹ Полная версия фетвы на английском языке. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scholarofthehouse.org/drabelfafaon.html>

Писания гораздо менее однозначны, чем указания иудейского или христианского Писаний. В хиджабе нет ничего специфически исламского, кроме того факта, что мусульманские общественно-политические движения начиная с 1970-х гг. сделали его частью исламского “катехизиса”. По моему мнению, смирение, скромность и личная набожность являются гораздо более значимыми в глазах Всевышнего, чем любые формальные физические наряды, несмотря на их кажущуюся священность».

Заключение. Важность информационного фона

Итак, я завершаю свою заметку, которая выросла уже до объемов статьи. Хочу еще раз подчеркнуть свои тезисы, чтобы не было никаких двусмысленностей:

— мы живем в светском обществе и являемся гражданами России, то есть сознательно взяли на себя правовые обязательства светского плана;

— *фикх* контекстуален, и правовые нормы подлежат изменению;

— применительно к проблеме *хиджаба* в школе это означает, что нам нужно выработать единую стратегию действий, отстаивая свои права: я сформулировал лишь две стратегии, их может быть гораздо больше, давайте обсуждать;

— пока вопрос *хиджаба* «повис» в правовом поле; бездумное разрешение или запрещение *хиджабов* — без проработки более общей стратегии и понимания того, как организовывать светское пространство, — сможет создать прецедент, который запустит необратимые и нерегулируемые процессы, способные посеять хаос в светской сфере в целом и в школьном распорядке в частности;

— в исламской теологии действительно имеется дискуссия вокруг проблемы *хиджаба*, что заметно на примере работ Мухаммада ‘Абдо, Мусы Бигиева, Абу эл-Фадла и сотен других богословов и мыслителей.

Как мы видим, вопрос является сложным. Я привел мнения одного из основателей обновленческого движения, ведущего

представителя российской богословской школы и ведущего западного мусульманского мыслителя. Думаю, этого вполне достаточно для обоснования того, что дискуссия по теме *хиджаба* в исламской теологии имеет место. Можно было бы привести еще десятки публикаций представителей обновленческого движения (Н. Маджид, Ф. Рахман и др.), исламских феминисток (Р. Хассан, А. Вадуд и др.) и ученых Ал-Азхара, которые писали об этом. Но не будем торопить события — все эти материалы мы представим в одном из ближайших номеров журнала «Минарет Ислама», где также будет дана моя развернутая статья по теме. Пока же отсылаю любопытных читателей, владеющих иностранными языками, к следующим ресурсам:

— оксфордская библиография по проблеме женщины в исламе (там есть раздел про *хиджаб*):

<http://oxfordbibliographiesonline.com/view/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0092.xml?rskey=paqCd-v&result=182>;

— общая информация о дискуссии в Ал-Азхаре по проблеме *хиджаба*:

<http://worldmuslimcongress.blogspot.ru/2012/05/al-azhar-confirms-hijab-is-not-part-of.html>;

<http://www.alwatanvoice.com/arabic/news/2013/11/13/458855.html>

Если найдутся люди, которые скажут, что для них все это — не аргумент, что *хиджаб* — это *иджма* ученых, что нужно придерживаться исключительно средневековых норм *фикха* и пр., то таким людям я хотел бы задать следующий вопрос: почему тема *хиджаба* вас вообще так интересует? Со средневековой точки зрения, в светской школе «творяется» куда более масштабные «нечестия»: девочки сидят рядом с мальчиками, девочки и мальчики общаются друг с другом; музыка, рисование, изучение «кафирского» языка — все это крайне негативные явления. Почему за *хиджаб* так уцепились-то? Тут я хотел бы отослать к уже упоминавшемуся труду Ибн Каййима ал-Джавзийи, чтобы люди понимали, что

такое средневековая точка зрения на положение женщины. Также советую ознакомиться с дискуссией Х. Фаизхана со своими единоверцами-*‘алимами*, которые считали, что изучение русского языка или ношение русской одежды — это *куфр*. Вообще становление джадидистского движения в России дает нам множество примеров мракобесия и сексизма, прикрывающегося «исламским *фикхом*». Очень поучительная вещь!

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что изложенные мною идеи всецело обусловлены моей более общей философской позицией, согласно которой сейчас в *умме* идет борьба между обновленческими и архаизирующими тенденциями¹; я являюсь убежденным сторонником обновленческого движения, в частности российской богословской школы. В двух словах трудно объяснить, почему так сложилось, но в целом могу сказать, что это, на мой взгляд, единственный приемлемый и жизнеспособный проект для современных мусульман. Я считаю, что архаизирующие тенденции ведут нас в сторону того же, к чему пришли «Талибан», ДАИШ и «Ал-Каида». Следует всячески бороться с подобным вырождением религии на почве формализма и лицемерия. Безусловно, *умма* в целом еще не созрела до принятия обновленческих идей в полном виде, но постепенно она будет двигаться именно в этом направлении, о чем свидетельствует движение ее интеллектуальной элиты². И наша научная, богословская и издательская деятельность ориентирована на распространение обновленческих идей³.

Между тем стоит отметить, что *информационный* фон, в котором в России сейчас подается тема *хиджаба*, в целом является негативным. Высказывание нашего министра образования Ольги Васильевой является показательным: хотя в философском плане я с ним согласен, все же оно демонстрирует непонимание

¹ Более подробно об этом см. мой сборник: Мухетдинов Д. В. Ислам в XXI веке: программа обновления.

² См.: книгу: Sh. T. Hunter (ed.) Reformist Voices of Islam. New York, 2009.

³ См. наши издания: альманах «Исламская мысль: традиция и современность»; журнал «Минарет Ислама»; журнал «Ислам в современном мире» и др.; все это представлено на сайте: idmedina.ru.

важности этой темы для миллионов мусульман России, непонимание важности классического *фикха*, а также того факта, что ставшее уже нормой в западной культуре и западном христианстве противопоставление «формы» и «содержания» не так легко применимо в случае с исламскими законами (по крайней мере для большого числа людей). Я хочу сказать, что *хиджаб* можно критиковать с богословских позиций, но нельзя отрицать того факта, что эта норма является важной для значительной части населения. К сожалению, СМИ демонстрируют полнейшее невежество в данном отношении, что может привести, с одной стороны, к росту исламофобии, а с другой стороны, к негативной реакции со стороны самих мусульман. Я бы призвал к умеренности как со стороны СМИ, чиновников, так и со стороны самих мусульман. Нужно максимально подробно и аргументированно излагать исламский взгляд на эту проблему (что, я надеюсь, мне удалось сделать в этом очерке), не ограничиваясь броскими фразами из «Инстаграма», «Фейсбука» или других социальных сетей. Пока наши дискуссии не выйдут за границы соцсетей и не обретут форму полноценных научных публикаций и конференций, мы не сможем выработать адекватный современным условиям и современным потребностям дискурс. К сожалению, значительная часть мусульман все еще далека от понимания этого.

Литература

‘Абдо М. Полное собрание сочинений. Т. 2. Труды на социальные темы. Каир: Дар аш-Шурук, 2008. С. 104–111.

Бигиев М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. (Антология татарской богословской мысли). Полный русский перевод работы см. на сайте «Российское мусульманство»: <http://www.islamrf.org/musabigiev9>

Мухетдинов Д. В. Ислам в XXI веке: программа обновления: сб. докладов. М.: ИД «Медина», 2016.

Мухетдинов Д. В. «Рамзан Кадыров все объяснил одной фразой». Должны ли мусульманки носить *хиджаб* в школе. Интервью от 27 января 2017 г. [Электронный ресурс]. // URL: <https://lenta.ru/articles/2017/01/27/hijab/> (дата обращения: 24.09.2021).

Bruinessen M. van. Liberal and Progressive Voices in Indonesian Islam. 2009.

Hallaq W. B. A History of Islamic Legal Theories: an introduction to Sunnī uṣūl al-fiqh. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

Sh. T. Hunter (ed.) *Reformist Voices of Islam. New York, 2009.*

КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ ВЫСОКОЗНАЧИМЫХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ»: АКТУАЛЬНОСТЬ И СЛАБЫЕ МЕСТА¹

Уважаемые коллеги!

Приступая к рассуждению о высокозначимых нравственных ценностях, мы имеем в виду прежде всего национальные, религиозные, патриотические чувства людей, историческую память, оскорбление, унижение и пренебрежение которых подавляющее большинство людей воспринимают болезненно. Именно поэтому вопрос, который нас собрал сегодня, требует самого внимательного и обстоятельного изучения. Я считаю нужным изложить ряд своих тезисов.

1. Обсуждаемая концепция закона прямым образом коррелирует с принятыми несколько лет назад законодательными нормами об уголовном наказании за оскорбление чувств верующих. Поэтому нам следует четко представлять себе правоприменительную практику и реальный достигнутый эффект от этого закона.

Уязвимость данной инициативы в том, что сложно обозначить четкие границы понятия «высокозначимые ценности» на юридическом языке (равно как и прежде — понятия «религиозные чувства верующих»). Тогда высказывалось много скепсиса относительно выработки адекватного определения и терминологического аппарата, и сегодня эти же опасения имеют место быть. Нужно учитывать чрезвычайно многосложный, многосоставный характер российской цивилизации, нам крайне нежелательно довести дело до конкуренции и столкновения высокозначимых нравственных ценностей, потенциально грозящих дисгармонизацией межнациональных и межконфессиональных отношений. К примеру, личность Иосифа Виссарионовича Сталина, чья деятельность

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на заседании Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты Российской Федерации, 29 марта 2017 г., Москва.

разными частями нашего общества удостоивается диаметральных оценок, но, кстати, для обеих крайних точек этого диапазона личность Сталина является высокочаимой ценностью — как кумир или как антикумир. Не так давно в нашей стране появились памятники Ивану Грозному — «крепкому государственнику». Однако о том, что царь Иоанн IV стал причиной национальной катастрофы для многих этносов России и установка памятника оскорбляет историческую память миллионов людей, не подумали.

Если обратиться к этической составляющей высокочаимых ценностей, следует отдавать себе отчет и в том, что есть риск довести саму идею о нравственности до абсурда.

На первый взгляд в рамках сложившейся идеологической модели, здесь вроде бы все ясно: есть «традиционные российские», то есть патриархальные ценности, и «антиценности», привносимые современным Западом.

Но при ближайшем рассмотрении эта схема не выдерживает критики. Действительно, все религии мира имеют единый гуманистический базис, который в большей или меньшей степени совпадает с Моисеевыми заповедями. Любая религия запрещает убивать, воровать, клеветать, и сегодня такие фундаментальные нарушения человеческого общежития регулируются законом, например Уголовным кодексом. Когда же мы отступаем от этих общезначимых запретов, мы попадаем на поле конкретных религий и моральных традиций. Оказывается, что «традиционные ценности» разных религий вовсе не едины, а в ряде вопросов как раз таки противоречат друг другу.

В Коране сказано: «...*Женитесь на женщинах, понравившихся вам: на двух, трех, четырех...*»¹ — а вот, например, Иисус Христос в Евангелии от Матфея (гл. 19) явственно говорит о моногамии. Кроме того, Иисус запрещает разводы, в то время как в Коране Бог их разрешает, и половина 65-й суры Корана (она так и называется — «Развод») посвящена регламентированию разводов.

¹ Коран, 4: 3.

Так нравственно или безнравственно разводиться? Или русским нельзя, а татарам и башкирам можно? В Коране также говорится о монашестве: «...*Монашество они выдумали сами. Мы не предписывали им этого...*»² Значит ли это, что мусульмане должны игнорировать нравственные поучения русских старцев из-за их нелегитимного, с божественной точки зрения, статуса? И таких вопросов множество.

Борьба за нравственный облик рискует немедленно выродиться в лицемерие, ханжество и фальшь.

Пророк Мухаммад (да благословит его Бог и приветствует) говорил: «*Никого не спасут дела его*». Когда же его спросили, относится ли это и к нему самому, он ответил: «*И даже меня, если только Бог не окажет мне Свою милость*»³. В рай же может попасть лишь тот, кто может поручиться «*за то, что находится между его челюстей и между его ног*»⁴, то есть за полную чистоту своего языка, помыслов и плотских вожелений! Об этом же говорит и Иисус Христос фарисеям, приведшим к нему прелюбодейку: «*Кто из вас без греха, первый брось на нее камень*»⁵. Так давайте же не будем уподобляться тем фарисеям! «*Что гордится земля и пепел?*»⁶ — вопрошает ветхозаветный мудрец, и с ним невозможно не согласиться.

2. Очень важно всем нам понимать, как мировые религии, в частности христианство и ислам, смотрят на вопрос оскорбления и попраения религиозных чувств в контексте отдельно взятой личности. Говорящий пример из истории пророка Мухаммада (мир ему). Пророк (мир ему) молился за язычников Мекки и Таифа, которые не просто высмеивали и оскорбляли его, но и травили, побивали, проливали его кровь, писали против него гнусные

² Коран, 57: 27.

³ «Сахих» ал-Бухари, 6463.

⁴ «Сахих» ал-Бухари, 6474.

⁵ Ин. 8: 7.

⁶ Сир. 10: 9.

стихи, а в то время, когда он пребывал в земном поклоне молитвы, выливали ему на голову помои и отходы животного. Несмотря на все это, Посланник Аллаха неустанно молился за них со словами: *«Господи, прости им, ибо не ведают они, что творят! Господи, покажи им путь прямой!»* — так, как научил его Сам Создатель через Свое послание Кораном. То есть усмирение своего эго, равнодушие к попыткам унижить — важная часть этики единобожия. Все библейские пророки терпели оскорбления и не возвращали хулителям зло, демонстрируя иную парадигму мышления, силу духа и милосердие. Убежден, что этот пример сохраняет свою актуальность и сегодня, подчеркивая, что в личностном плане наилучшей реакцией верующего человека на оскорбление должно быть прощение и проявление снисхождения.

3. Иного подхода требует тем не менее рассуждение о реакции на унижение и оскорбление в контексте всего общества. Безусловно, если всякий невежда начнет позволять себе хулить своего соседа, результатом станет хаос в обществе. Дискутируя онлайн или офлайн в кругу своих единомыслителей и во внешней аудитории, я неизменно подчеркиваю: если ты принял паспорт гражданина Российской Федерации и расписался в соответствующей графе, ты тем самым подтвердил свое обязательство соблюдать законы этого государства и не имеешь права, в том числе и с точки зрения религиозного учения, нарушать эти законы.

Если мы хотим достичь консенсуса в этой области, вероятно, нам следует собрать группу из светских специалистов по этике и истории отечественной мысли и ведущих богословов всех традиционных конфессий страны. Пусть они определяют «общий знаменатель» — что можно считать традиционными ценностями. Четкое прописывание конкретных положений будет представлять собой реальный межконфессиональный и, шире, общественный диалог.

В качестве позитивного решения вопроса я бы хотел предложить всем нам следовать указанию Всевышнего, данному в Коране:

«Пусть люди Инджиля [Евангелия] судят согласно тому, что Аллах ниспослал в нем...»¹

То есть: пусть каждая община, каждая религиозная организация порекомендует своим членам, что можно считать нравственным, а что — нет. Общую основу нашего социального поведения и взаимоотношений составлял и будет составлять светский российский закон, единый для всех. То же, что он не регламентирует, останется на совести каждого взрослого свободного человека и каждой религиозной общины нашей необъятной страны:

«Вам ваша религия, а мне — моя!»²

Каждый вопиющий случай святотатства совершается личностью вследствие того или иного нравственного выбора. И каждый раз это означает, что рядом с кощунником или кощунницей не оказалось другой личности, которая нейтрализовала бы всю эту злобу и желчь, смягчила мятежную душу и показала пример милосердия. И мы, религиозные деятели, должны быть первыми, кто делает это.

29 марта 2017 г., Москва

¹ Коран, 5: 47.

² Коран, 109: 6.

ПРОФЕССОР ДАМИР МУХЕТДИНОВ — О ТЕОЛОГИИ, ЭКОЛОГИИ И ИТОГАХ РАБОТЫ ЦЕНТРА ИСЛАМСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПбГУ В 2021 ГОДУ¹

Отрывок из интервью руководителя Центра исламских исследований СПбГУ профессора, доктора теологии Дамира Мухетдинова, рассказавшего об исламской теологии и особом внимании мусульманского сообщества к экологии.

— Как исламская теология сегодня развивается в Университете? Вы стали первым, кто защитил докторскую диссертацию по теологии, кто следующий?

— Помимо того, что в СПбГУ продолжает работать программа по подготовке исламоведов в рамках направления «Востоковедение», для нас очень важно, чтобы наши кадры имели и богословское, и светское образование, чтобы быть востребованными в духовной и интеллектуальной сферах.

Не менее важно, чтобы выпускники продолжали обучение в теологической аспирантуре и выходили на защиты диссертаций по специальности «теология» по собственным правилам СПбГУ. Ведь именно здесь, в Петербургском университете, учились и работали наши великие отечественные богословы. Это то, без чего сегодня невозможно формирование новой идейной элиты ислама, и наши совместные усилия направлены именно на это.

Сейчас диссертации готовят несколько наших выпускников. Для нас важно, чтобы защиты прошли в Санкт-Петербургском университете. Тематика работ очень широкая, но все они так или иначе связаны с обновленчеством: исламский феминизм, исследования в области исламской экзегетики по трудам Ат-Табари, влияние традиции одного из старейших университетов мира Аль-Азхара на взгляды

¹ Интервью с Мухетдиновым Д. В., опубликованное на официальном сайте Санкт-Петербургского государственного университета, 9 января 2022 г.

российской уммы, религиозная философия Аш-Шатыби, исламская сотериология (учение о спасении человека). Одна из диссертаций будет посвящена исламскому модернизму в рамках отечественной богословской школы в конце XIX — начале XX века. Будущие соискатели публикуются в научном журнале «Ислам в современном мире» — это та площадка, где исследования проходят апробацию.

Хотелось бы добавить, что в 2021 году Центру исламских исследований при содействии Фонда поддержки исламской культуры удалось организовать обучение по дополнительным образовательным программам для сотрудников Духовного управления мусульман и педагогических работников религиозных образовательных учреждений. Всего было реализовано шесть программ в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и онлайн. Обучение прошли более ста человек. Тематика разная — от правового обеспечения деятельности религиозных организаций до богословского дискурса в контексте глобализации. Особое внимание уделили междисциплинарности, которая сегодня не только крайне актуальна для светского образования, но выходит на первый план и в религиозных дисциплинах.

— В контексте международной повестки нельзя не спросить о теме Международного мусульманского форума, который прошел в декабре. Почему была выбрана именно такая тема — «От экологической проповеди к экологическому мышлению»? Как вопросы экологии вошли в исламскую повестку?

— Вопросы бережного отношения к окружающему миру никогда не выходили из поля внимания ислама. Священное писание обязует человека заботиться о природе, ставя этот вопрос в сферу личной, духовной ответственности. Разумеется, сегодня весь мир обратил взоры на экологические проблемы, этому была посвящена Конференция ООН об изменении климата в Глазго.

Мир, в котором мы живем, — это наш общий дом. Поэтому все те глобальные проблемы, с которыми мы только начинаем сталкиваться, в итоге могут привести к страданиям человека — голоду, болезням. Ответственное отношение к природе в исламе

рассматривается через призму личной ответственности перед обществом в целом. Именно в XX веке права человека, ключевая роль личности стали приоритетной ценностью. Остановило ли это мировые войны, геноциды, наращивание военных мощностей — вопрос, ответ на который, впрочем, очевиден. Похожая ситуация сегодня — в экологии, когда личный комфорт и неограниченное потребление воспринимаются как должное. Человечество отдалилось от осмысления реальности через призму духовности, об этом шла речь и на Форуме по укреплению мира в мусульманских обществах в Абу-Даби. Мы должны пересмотреть взгляд на проблему соотношения человеческих прав и меры ответственности.

9 января 2022 г.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Уважаемые гости! В мае 2003 г. в рамках научно-практической конференции, посвященной 10-летию Духовного управления мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области, мне уже приходилось выступать с докладом по вопросам развития исламского образования в России. В том докладе я пытался обосновать необходимость создания единого учебного пространства в мусульманской общине нашей страны, причем двигаться как в сторону выработки единых учебных программ и пособий, так и в направлении методически-административного выравнивания разрозненных ныне учебных заведений. Актуальность этих задач сегодня не только не отпала, но, наоборот, резко возросла. В течение многих лет тщательно обдумывавшаяся нами идея создания трехступенчатой системы исламских учебных заведений в случае ее воплощения в жизнь стала бы сегодня достойным ответом на такие новые вызовы современности как внедрение в учебные программы школ и вузов основ православия, исламофобия, отражающаяся сегодня и на работе наших медресе и воскресных школ при мечетях.

К великому сожалению, разновекторность развития духовных управлений мусульман России, их разобщенность не позволили не только приступить к созданию трехступенчатой системы исламского образования, но даже — к обсуждению этой, заслуживающей внимания программы развития в этой сфере. Но наши предложения не остались незамеченными. Весной этого года они были еще раз оглашены на совещании руководителей духовных управлений мусульман и исламских учебных заведений в Москве.

¹ Мухетдинов Д. В. О перспективах развития исламского образования в России // Исламское образование в России: проблемы современности: Материалы научно-практического семинара, 29 октября 2004 г. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2005. С. 35–43.

Как мы утверждали уже несколько лет тому назад, одним из первых шагов на пути к созданию эффективного исламского образования в России должна быть унификация учебных заведений в соответствии с той системой, которая существует в нашей стране в области светского образования. Эта система выверена жизнью, полностью соответствует исламской традиции и представляет собой градацию всех учебных заведений на учебные заведения высшего, среднего или средне-специального и начального образования. Высшее учебное заведение дает студенту высшее образование, присваивает ему соответствующую специальность и заверяет ее документом государственного образца. Вуз — сложнейшая и уникальная система преподавания, которая может быть создана только на основе соответствующей базы; преподавательский состав вуза должен состоять из специалистов, имеющих ученые степени в области светских наук или богословия. Вуз обязан иметь государственную аккредитацию. В условиях нашей действительности проблема заключается в том, что при отсутствии лицензирования религиозных учебных заведений статус «исламского института» или даже «университета» может присвоить себе любой желающий. Юридически и по уровню знаний выпускник такого института ничем не отличается от слушателя обычных вечерних курсов при мечетях.

В том докладе, о котором я уже упоминал выше, говоря о «высшем исламском образовании», я имел в виду, в первую очередь, Российский исламский университет в Казани. Тогда я считал, что РИУ должен быть единственным исламским вузом в России или хотя бы одним из немногих, потому что не может в каждом городе быть по исламскому университету, уже хотя бы потому, что в России нет такого числа профессиональных преподавателей, способных преподавать богословские науки. Таким образом, нашу общую задачу я на тот момент видел в том, чтобы способствовать росту потенциала и оперативных возможностей РИУ.

Сегодня, однако, я вынужден в значительной степени откорректировать свою позицию. Заставляет это сделать сама жизнь.

Во-первых, наше государство стало активно продвигать идею теологического образования в светских вузах. Как всегда, наиболее развернуто эту программу воплотили представители РПЦ. Государство само финансирует преподавание богословских дисциплин, полностью обеспечивая образовательную подготовку студента в вузе высококвалифицированными преподавателями с докторскими и профессорскими дипломами. При этом представителю церкви остается лишь наполнить, так сказать, содержанием форму этого учебного процесса. Заниматься преподаванием основ религии в светском вузе имеют право только дипломированные специалисты, и недостатка в таких профессионалах в православной церкви нет. И по готовности учебных программ, и по наличию преподавательского состава, и по числу вузов, уже внедривших или готовых в ближайшее время заняться преподаванием основ православия — в общем, и качественно, РПЦ опередила многочисленные духовные управления мусульман на сотни шагов вперед, в то время как мусульмане оказались неспособными вписаться в этот процесс. Преподавание теологии в светском вузе, равнодоступно для представителей всех религий, и мы отстаем здесь по собственной вине, из-за собственной инертности и разобщенности.

Второй причиной, заставляющей меня несколько пересмотреть свою позицию по системе высшего исламского образования, стала замедленность в продвижении вперед Российского исламского университета. Я не хочу критиковать деятельность РИУ, однако замечу, что десяток выпускников в год — это цифра, не соответствующая статусу вуза. Я полагаю, мы не сможем подготовить грамотных дипломированных специалистов для российской мусульманской уммы в рамках уважаемого мной РИУ, и единственный выход, самый разумный и вполне естественный, — воспользоваться предложением государства о преподавании теологии в светских вузах, как это сделали православные. При этом мы должны четко понимать: государство не будет учить нас, наших юных мусульманских студентов религиозной практике.

Практическое наполнение теоретической базы, получаемой студентом в вузе, должны предоставить не государственные, не вузовские преподаватели, а представители ислама. Таким образом, когда духовное управление мусульман, заключив соответствующий договор с определенным вузом, направляет на учебу по специальности «теология» или «исламская теология» своих студентов, оно (духовное управление) не должно затем сидеть, сложа руки в течение 4–5 лет, и ждать выпуска готового богослова. Напротив, такое духовное управление будет обязано не просто издалека контролировать процесс обучения, а, как я уже сказал, наполнять его практическим содержанием, то есть начитывать определенное количество часов конкретных дисциплин, связанных с религиозной практикой, и проводить со студентами большую часть внеурочного времени для того, чтобы будущий теолог стал настоящим практикующим мусульманином. Плюсы такого сотрудничества государства и ислама налицо: грамотные, подготовленные в России дипломированные улемы смогут реально противостоять натиску как псевдоисламского радикализма с его «амирами», так и якобы традиционного «местного варианта ислама» с его «устазами». Не мы предложили светским вузам эту систему внедрения духовного образования, и раз они, вместе с РПЦ, настаивают на внедрении в жизнь именно этой программы, наша задача – вписаться в нее. Престижность вузовского образования очевидна; понятно и то, что именно светские вузы предоставляют отсрочку от армии и выплачивают стипендию, что немаловажно в нашей действительности. Разницу между дипломом настоящего вуза и какого-нибудь «исламского института имени имама такого-то» на Кавказе также объяснять не стоит. Вопросы заключаются лишь в том, какую учебную программу вузовского уровня мы можем предложить, и кто из представителей духовных управлений мусульман, обладающий необходимым дипломом, станет ее воплощать в жизнь. Очевидно, что решать эти проблемы нужно сообща, а не по принципу «каждый сам за себя», как это происходит в наших духовных управлениях до сих пор.

Следующий уровень трехступенчатого образования — среднее и среднеспециальное учебные заведения. Полтора года тому назад, загруженный нерешаемыми проблемами социального плана, связанными с деятельностью нашего Нижегородского медресе «Махинур», я предлагал кардинально уменьшить количество медресе по России или преобразовать их в особые образовательные центры, специализирующиеся по определенным направлениям. Скажем, некое медресе могло бы стать центром по арабистике, или же центром изучения Корана. В этом случае рядовые медресе готовили бы имамов и проповедников среднего уровня, а будущие арабисты или знатоки Корана получали бы образование в этих специализированных центрах. Это предложение до сих пор остается актуальным, прежде всего, в целях предотвращения падения престижа исламского образования.

Однако большинство задач, стоящих перед медресе, так и остались невыполненными. У многих медресе в России нет государственных лицензий, они не могут предоставить студенту отсрочку от армии, большинство сталкивается с серьезными финансовыми проблемами. Это только вершина айсберга, а ведь есть еще и проблема трудоустройства выпускников медресе — лишь малая часть их в дальнейшем пойдет на работу в мечеть, лишь единицы станут имамами. А учебный процесс требует постоянного финансирования. Существует и такая проблема, как излишнее, неоправданно пристальное внимание со стороны спецслужб. Следует учесть и то, что в течение 2–3 лет нереально воспитать имама как личность, как богослова, как исламского преподавателя. При всем этом существует огромное число медресе. Каждое сталкивается с нехваткой преподавательских кадров и денег и, кроме того, вынуждено еще конкурировать с другими медресе. Есть ли выход из этого замкнутого круга?

На сегодняшний день мы в Нижнем Новгороде пришли к выводу о том, что среднее исламское образование изживает себя и требует кардинального пересмотра самой концепции системы образования. Один из выходов я уже предложил — это

перепрофилирование двух-трех существующих, готовых к этому медресе в специализированные центры. Но что делать подавляющему большинству российских медресе? Мы считаем, что следует поменять саму специфику этого звена в нашей трехступенчатой системе. Нам следует специализироваться на людях более старшего возраста, которые уже отслужили в армии, наладили свой быт и состоялись как личности в местах своего проживания. В этом случае медресе станут готовить работников именно для той социальной ниши, которая так и осталась пустой за десять лет функционирования самой системы медресе — прежде всего, сельских имамов и преподавателей ислама на селе. Соответственно, снимутся проблемы невостребованности выпускников, непризнанности диплома государством и отсутствия отсрочки от армии. Наконец, возрастет престижность медресе, поскольку именно работа с рядовыми мусульманами является нашей ключевой задачей, воплощать которую в жизнь должны сельские имамы.

Безусловно, такой шаг потребует пересмотра учебных программ медресе, однако не это самое главное. Более важно то, что, только поняв потребности времени и своевременно пересмотрев подходы к решению насущных задач, мы сможем адекватно реагировать на те или иные изменения социально-политической атмосферы в обществе. Для этого нужны воля и объединение усилий руководителей всех мусульманских духовных управлений и учебных заведений, организаций и структур! Если мы не успеем вовремя внести изменения в нашу жизнь, нас ждет или забвение по примеру ушедших в сектантство старообрядцев, или радикализация общества с неизвестным исходом. Важно и то, что только в сотрудничестве с властями мы сможем отстоять свои позиции — это не лозунг и не пустые слова, и к такому выводу уже давно пришли все региональные духовные управления мусульман.

Теперь позвольте мне перейти к анализу перспектив развития учреждений начального образования. Прежде всего, следует заметить, что преподавание религии в школе также относится к начальной форме образования, однако объективно сегодня мы,

мусульмане, совершенно не готовы к этому нововведению. Помимо отсутствия единых методик и учебных программ у нас отсутствует самое главное для его внедрения — кадры. Очевидно, что воспитанный в светской традиции преподаватель, не сможет не только привить школьникам любовь к исламу, веру в Аллаха, но и просто объективно осветить наше вероучение. Следовательно, реальные преимущества в результате внедрения религиозного образования в школах получит только православная церковь. Здравое размышление показывает нам единственный выход из этой критической ситуации — школа должна оставаться светской.

Почему бы нам не взять в качестве примера такую развитую демократическую страну, как Финляндия? Там каждый гражданин при устройстве на работу должен предъявить свидетельство об окончании курсов — по системе ликбеза — по основам своей религии. Таким образом, всякий совершеннолетний и дееспособный человек проходит обязательные двух-трех-недельные курсы, которые можно сравнить с курсами по вождению для автолюбителей. Здесь нет углубленного изучения предмета с практическим разрешением сложных вопросов; речь пойдет только о самом кратком, но интенсивном ознакомлении с основами вероучения, мировоззрения и ритуала. Вот именно такая форма начального исламского образования при мечетях, абсолютно доступная для всех российских мечетей и чрезвычайно полезная в нашем обществе поголовной религиозной неграмотности, и должна стать нашей целью. По большому счету, уже сегодня подобная форма образования и является самой массовой и распространенной. Она существует и при мечетях, и на разных официальных и неофициальных курсах. Вероятно, в ближайшем будущем ее значение будет только расти. Нашей задачей становится ее легализация во всех направлениях — от сопоставления имеющихся учебных программ до разъяснения представителям государства ее значимости и востребованности.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-СУРСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Уважаемые участники встречи!

Руководитель ДУМНО, досточтимый Умар-хазрат Идрисов говорил: изучение истории татар — мишарей — дело богоугодное, нужное всем нам. Мы, татары — мишари, традиционно правоверные мусульмане, последователи Пророка Мухаммада, и это ни в коем случае не должно забываться даже в условиях глобализирующегося мира.

В последнее время многое сделано для того, чтобы изучить, понять наше историческое наследие. И чем больше мы обращаемся к собственной истории, тем больше проникаемся благодарностью к предкам, уважением к ним.

Более того, мы удивляемся подвижничеству нижегородских мусульман в деле распространения идей Ислама по внутренним районам России. Если вдуматься, то в ходе миграций татар в другие регионы и города нашего обширного Отечества, могучей России, которые осуществлялись прежде всего по экономическим причинам, происходило еще нечто, связанное с духовностью. Это нечто чрезвычайно важно для нас.

По сути, шел процесс проникновения в социокультурное пространство регионов внутренней России мусульманских идей, осваивалась иная по культурным параметрам, русскоязычная среда.

В результате завязывались тесные контакты и развертывалось взаимодействие людей разных этнически и конфессионально. Татары — мусульмане Нижегородчины смело проникали в самые

¹ Мухетдинов Д. В. Приветствие // Религиозное образование мусульман Волго-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: материалы ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» — «Духовное наследие», 15 июля 2007 — Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. С. 16–18.

отдаленные уголки Российской империи: Финляндию, Польшу, западные и центральные губернии страны. Они создавали и развивали мусульманские приходы в столичных городах России: Москве и Санкт-Петербурге. Эти сюжеты еще предстоит глубоко исследовать, но уже сегодня понятно, что роль татар — мишарей в распространении идей Ислама по территории России несомненно велика.

Мусульманские общины Финляндии имеют нижегородские татаро — мишарские корни. И об этом знают не только нижегородцы. Недавно у меня была прекрасная возможность убедиться в этом — во время поездки в Финляндию к нашим братьям — мусульманам. Мусульмане Финляндии с большим уважением вспоминают своих предков, выходцев из Актукова, Уразовки, Овечьего Оврага, Рыбушкина, Чембилея и многих других нижегородских селений.

Нижегородские мусульмане влияли на жизнь махаллей в Польше, Эстонии, Латвии, Литве. Имамы из нижегородских татар руководили приходами Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Курска, Твери, других городов или просто являлись активными прихожанами.

Конечно, эти факты вселяют гордость в наше этническое сознание и требуют того, чтобы мы продолжали изучение нашей мишарской истории. И это делается не для того, чтобы возвысить себя над другими частями татарского этноса и поддаться гордыне. Это большой грех. Это делается, чтобы отдать должное нашим предкам. А они этого достойны.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ¹

Ключевой проблемой российской уммы сегодня является проблема адекватности отечественной мусульманской элиты задачам, стоящим перед современностью. Сегодня региональные муфтии напрямую общаются с главами субъектов федерации, членами Федерального Собрания, крупными бизнесменами, иностранными дипломатами, парламентариями. На долю мухтасибов и районных имамов приходятся контакты с главами местных администраций, депутатами представительных органов, местными бизнесменами. Нельзя здесь не упомянуть юристов, чиновников, ученых, преподавателей. За плечами все этих людей зачастую не одно светское образование, ученая степень, многолетний опыт работы. Приходящие в мечеть верующие, особенно в городах, обычно являются специалистами с высшим образованием или студентами. Да и традиционная российская мусульманская деревня уходит в историю. Маленькие деревни вымирают, а в оставшихся больших селах или райцентрах все больше становится квалифицированных специалистов, людей с высшим образованием. На Нижегородчине, с ее традиционной тягой прежде всего к московской агломерации, эти процессы видны более явно. Но урбанизированный на три четверти Татарстан тоже здесь мало отличается. Достаточно пройти по коридорам казанских вузов, а затем проехаться вдоль сельской местности, чтобы понять, где сейчас находится татарская молодежь. Мы уже не говорим обо все более многочисленных мигрантах с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии,

¹ Доклад представлен в соавторстве с доктором исторических наук, профессором Хабутдиновым А. Ю. *Хабутдинов А., Мухетдинов Д.* Опыт и перспективы подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты в России // Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: сборник работ и статей по исламскому образованию – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. С. 179–198.

все чаще встречающихся на улицах российских городов. Какой же ответ дает на это мусульманское духовенство?

В последние годы молодое поколение мусульман все более резко ставит вопрос о конкурентоспособности лидеров более чем 40 Духовных управлений российских мусульман. Среди упреков, не связанных со ссылками на лица, можно отметить отсутствие единой эффективной структуры (подобной РПЦ МП), самостоятельных источников финансирования, системы начального и профессионального религиозного образования. У российских мусульман все чаще возникает представление, что приверженцы православия занимают все больше ключевых постов в российской элите, а мусульмане становятся аутсайдерами, обреченными на более низкий социальный статус. При этом, принимая этот низкий статус, мусульмане фактически подстраиваются под образ жизни христианских соотечественников, например отказываясь от ношения хиджаба и участвуя в корпоративных развлечениях. Наиболее активно выражает протест против этого молодежь в лице ее достаточно образованной части. На Северном Кавказе такое сопротивление все чаще проявляется в вооруженных формах, в других регионах России — путем создания общественных организаций и системы параллельного конфессионального образования. После таблиговцев, ваххабитов и хизб ут-тахрировцев российская публика узнала и о нурсистской альтернативе системе Духовных управлений. В стране действуют и суфийские группы, ориентированные на иностранных шейхов. При всей разнородности этих группировок их объединяет одно — стремление молодых людей создать полнокровные мусульманские общины, которые они не видят в городских условиях. Здесь речь идет только о Волго-Уральском регионе, ситуация на территории Южного федерального округа намного хуже.

Наиболее тревожным является то, что мусульманское духовенство оказалось не в состоянии противостоять антигосударственным тенденциям. Муфтии Северного Кавказа говорят о ненужности светского образования для себя и в стенах мусульманских

вузов. Поэтому духовенство не в состоянии дать адекватный ответ радикальным агитаторам. Особенно это характерно для Северного Кавказа. Сотрудник МВД Дагестана Расул Гаспаров так характеризует эту ситуацию: «Сами представители Духовного управления мусульман Дагестана признают, что у них мало пропагандистов. А вот в подпольных структурах любого молодого человека могут сразу же “поставить на место”. Причем, все делается настолько просто. Говорят: “У тебя нет машины, а у такого-то соседа есть. Откуда у него деньги? От несправедных трудов”. Там много безработной молодежи. Обычно таких людей находят в мечетях. Там идет знакомство, обмен адресами. Каких-то открытых призывов в наших мечетях нет, как нет и открытой агитации. Еще один момент: человек, окончивший медресе или иное духовное учебное заведение, попадает в поле зрения экстремистов, которые могут “вылепить” из него боевика или террориста. Тогда и появляется такой вербовщик, который в беседе манипулирует темой “о пороках” общества, с которым нельзя не согласиться»¹.

Иногда духовенство само берет на себя функции власти, что противоречит российскому законодательству. Ведущий московский специалист по Дагестану В. Бобровников уже в 1997 году пришел к выводу, что в горном северо-западном Дагестане основной единицей организации общества стал джамаат (мусульманская община). В условиях распада советской плановой экономики произошел генезис «горных мусульманских общин, узурпировавших основные права и функции советских коллективных хозяйств. Попавшие в зависимость от них горные колхозы и совхозы постепенно сливаются с институтами джамаата. Сегодня мусульманская администрация большинства обследованных мною общин руководит не только религиозной, но и хозяйственной жизнью горцев. Джамаат следит за соблюдением единого севооборота, ремонтирует дороги, мосты

¹ Хабутдинов А. Ю. Опыт подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты: джадидская система образования // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2006. – № 2 (4).

и оросительные каналы на территории своего колхоза, собирает со своих членов штрафы и налог на содержание сторожей, охраняющих колхозные угодья от потравы соседями». При этом «главы администраций... не более как марионетки в руках сельских дибиров (имамов. — Авт.). Их роль обычно сводится к исполнению решений имама и сельского схода. Большинство абсолютно безвольны». В. Бобровников указывает, что в последующие годы эта тенденция только усиливается и распространяется на большие территории. Особенно опасна радикализация молодого поколения. Так, социолог З. Абдулагатов указывает: «Позиция молодежи Дагестана увеличивает вероятность сделанного предположения: она усматривает больше положительного, чем старшее поколение, в политической деятельности исламского духовенства, во введении шариата в общественную жизнь, более, чем другие возрастные группы, поддерживает возможность отказа государству в повиновении по конфессиональным причинам».

В ответ историки традиционно отмечают, что сходная реакция со стороны молодого образованного поколения уже возникала на рубеже XIX–XX вв., особенно в годы революции 1905–1907 гг. Эсеры и большевики стремились использовать молодежный радикализм и перевести его в плоскость захватившего страну насилия. Тогда джадиды смели во многом снять эту критику и дать адекватный, ненасильственный, в рамках законов ответ на поставленные вопросы. Поэтому к их опыту все чаще обращается постсоветское поколение российских мусульман, ориентированное на совмещение ценностей религии своих предков с российскими законами.

Изучение особенностей становления татарской элиты, как и в других наших работах, основывается на теории борьбы за владение и перераспределение различных видов капитала, принадлежащей перу классика французской социологии Пьера Бурдьё. Вспоминая эту теорию, отметим, что мусульманское духовенство в досоветский период представляло важнейшую группу элиты у татар, обладало культурным и символическим капиталом. На современном этапе в Татарстане оно не входит в политическую

элиты. Для мусульманских этносов России эту теорию впервые применил американский социолог турецкого происхождения Адиб Халид. Он рассмотрел противостояние джадидов (модернизаторов) и кадимистов (сторонников консервативно-охранительного направления) в Средней Азии на рубеже XIX–XX вв. за владение и перераспределение «культурного капитала» в соответствии с концепцией П. Бурдьё. Центральной чертой джадидской реформы Халид назвал именно соревнование за социальное существование мусульманской элиты. Вопрос о ее существовании как таковой встал особенно остро в условиях создания индустриального общества. Для татарского общества в конце XVIII – начале XX веков можно выделить четыре группы традиционной национальной элиты – улемов (духовенство), дворянство (мурз), буржуазию и светскую интеллигенцию.

Вначале рассмотрим позицию различных групп татарской элиты на переход от схоластической системы образования к системе образования Нового времени. Сама система мусульманского образования, то есть воспроизводства элиты у татар, отражала реалии ситуации, существовавшей до середины XIX века. Духовное образование вполне обеспечивало потребности буржуазии в условиях фактической монополии на торговлю среди единоверцев, особенно в Казахстане и Туркестане. Включение этих районов непосредственно в сферу контроля русской администрации кардинально изменило ситуацию. Татары оказались в состоянии неравноправной конкуренции с русской буржуазией за контроль над экономикой Казахстана и Туркестана. Строительство железных дорог, соединивших Туркестан с европейской Россией и Закавказьем, качественным образом изменило характер и объемы торговли. Отсутствие банковских учреждений у татар также не давало возможности для концентрации капитала. Перед крупной татарской буржуазией возникла потребность овладения языком общеимперской администрации и системой торговли по европейским стандартам. Поэтому именно буржуазия выступила основным заказчиком создания школы, совместимой с реалиями

российской экономической жизни и системы образования. Вместе с тем эта система образования должна была сохранять мусульманский характер как для подготовки имамов и улемов, так и для учителей светских школ и бизнесменов, работающих преимущественно с мусульманами.

Новая буржуазия отличалась, как правило, ориентацией на модернизацию мусульманского образования по варианту джадидов в отличие от ориентации предыдущих поколений на схоластическое образование. Во второй половине XIX века татарская буржуазия была вынуждена перейти от средневековой торгово-промышленной деятельности к усвоению устоев капитализма Нового времени. По определению классика социологии Макса Вебера, такая система организации наряду с употреблением свободного труда и ориентацией на товарный рынок включала в себя также отделение предприятия от домашнего хозяйства и введение рациональной бухгалтерской отчетности. В связи с крахом мануфактурного производства татарская буржуазия вновь оказалась на стадии не промышленного, а торгового капитализма. Расширение Российской империи и ее зон экономического влияния, преимущественно в восточном и южном направлении, приводит к все большей ориентации татарской буржуазии сугубо на посредническую торгово-закупочную деятельность. Она становится все более зависимой как от единого общероссийского рынка, так и от сотрудничества с русской буржуазией. Особенно тесная связь между распространением Российского государства и экономической активности наблюдалась у татар-мишарей в Монголии, Маньчжурии, Финляндии, а также вдоль линий железных дорог. Благодаря этому во многом изменяется сам тип торговца. Первопроходец, постоянно подвергающийся риску разбойных нападений в степях или репрессий в деспотических государствах, ведущий торговлю путем товарообмена, добывающий прибыль соответственно риску, превращается в законопослушного гражданина, прежде всего зависимого от чиновников. Соответственно для него все важнее становилось знание русского языка, законов,

принципов функционирования российской экономики. Но работа преимущественно с мусульманами требовала сохранения религиозной идентичности и конфессионального образования.

Поэтому несомненно, что одной из целей, обусловивших создание медресе «Хусаиния» в Оренбурге, была подготовка квалифицированных служащих для торговых фирм братьев Хусаиновых. Не случайно, что они завещали крупнейший в России вакф в 300 000 рублей медресе «Хусаиния» именно на нужды образования. Учебный план разряда «игдадия» на 1906–1907 гг. включал наряду с религиозными и общегуманитарными дисциплинами преподавание таких предметов, как физика, химия, геометрия и тригонометрия, психология, логика, элементарное право (немусульманское), гигиена и медицинские знания, политэкономия и торговое дело, бухгалтерия. Таким образом, по сути получался специалист не только по религиозным дисциплинам, но и по региональной экономике.

Второй группой сторонников реформы образования выступила часть духовенства, в основном в городах и районах дисперсного расселения татар, особенно в Приуралье, Казахстане и среди мишарских общин. В 1870–1890-е гг. усиливаются оппозиционные настроения духовенства, выступившего идеологом сплочения общества в защиту религии и религиозной школы. Создание государственных начальных школ обозначало окончание монополии духовенства в системе образования. По утверждению М. Гроха, «с приходом капитализма Церковь... потеряла главный бастион своей политической и экономической власти, и духовенство оказалось в какой-то степени в «вакууме власти»... Многие священники были открыты для различных форм радикализации».

Татарское духовенство оказалось в состоянии исторического выбора в отношении системы образования. Если неприятие системы Ильминского объединило все мусульманское духовенство, то по отношению к системе Исмагила Гаспринского оно разделилось. Первым ее поддержал Шигабетдин Марджани. Часть татарского духовенства, включая муфтия Салим-Гирея Тевкелева, осознавала,

что традиционная система образования находится в кризисе. Наибольшую поддержку новому национальному образованию оказали суфии Зайнулла Расули и Галимджан Баруди, выполнявшие функцию посредников между религиозными низшими слоями и ориентированными на светские изменения представителями буржуазии. По утверждению Мирослава Гроха (Хроха), именно «духовенство было орудием социальной коммуникации как между центром и провинциями, так и внутри локальных общин и регионов», выполняя функции главного канала информации о жизни нации и о жизни крестьянских общин соответственно.

Третьей группой, выступившей в поддержку системы Гаспринского, были мурзы. Они были недовольны введением системы министерских школ, которые обозначали утрату ими контроля над духовной жизнью своих общин. Именно мурзы являлись представителями интересов мусульманского населения в органах самоуправления в Уфимской губернии. Своеобразным компромиссом являлось существование Уфимской татарской учительской школы в 1872–1889 гг. Большинство ее выпускников представляли интересы именно мусульманских общественных деятелей. Однако упразднение этой школы обозначало устранение условий для компромисса между мусульманской элитой и государством в сфере образования.

Четвертую группу будущих сторонников «ысул джадид» образовывала светская интеллигенция в лице преимущественно выпускников Казанской и Уфимской татарской учительской школ. Они ставили своей целью переход от русскоязычной светской начальной школы к национальной светской школе, как минимум на уровне среднего, а затем и высшего образования. В 1893 году преподаватель КТУШ Шакирджан Тагиров и выпускник УТУШ учитель Имаметдин Сайфуллин создали первые азбуки по звуковому методу на языке казанских татар.

Таким образом, Исмагилу Гаспринскому к середине 1890-х гг. удалось обеспечить единство групп элиты. Мусульманская элита России постаралась воспользоваться условиями революции

1905–1907 гг. для реформы системы образования. Пиком мусульманского политического движения во время революции является III Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся 16–21 августа 1906 года в Нижнем Новгороде. В постановление съезда по вопросам образования вошли следующие пункты. Было принято решение о введении всеобщего начального образования на родном языке. В средней школе языком преподавания становился «тюрки». Автономная мусульманская система образования была приравнена в правах к государственной и финансировалась государством и земствами. Местные общины контролировали школы. Главным методическим и аналитическим центром, контролирующим программы и учебную литературу, становился Всероссийский союз учителей с его регулярными Всероссийскими съездами учителей (прототип Всероссийского мусульманского союза учителей и его съездов в 1917–1918 гг.). В крупных городах открывались мужские и женские учительские институты. Только медресе сохраняли статус духовных учебных заведений и переходили под контроль комиссии Духовного собрания.

Рассмотрим реализацию этой программы в основных джадидских медресе у татар, тем более что целостная реформа медресе началась, по сути, в 1905–1907 гг. Центрами джадидизма у татар стали медресе «Мухаммадия», «Апанаевское» (оба в Казани), «Галия», «Усмания» (оба в Уфе), «Хусаиния» (в Оренбурге), «Расулия» (в Троицке), «Буби», где программа включала в себе преподавание религии на основе Корана и сунны, истории ислама, татарского языка, тюрко-татарской истории и научных дисциплин. Максимальный срок обучения составлял 14 лет. В медресе «Мухаммадия» было 3 разряда: начальное «ибтидаия», составлявшее курс мектеба и включавшее в себя 5 классов, в том числе и подготовительный; второе среднее «санавийя» — 6 классов, где выпускали мулл, мугаллимов, азанчи; высшее «галия», — 3 класса, готовило мулл высокой квалификации и ректоров медресе — мударрисов. Другой вариант предлагало медресе «Хусаиния» в Оренбурге, где было четыре разряда: начальное «ибтидаия», включавшее в себя 3 класса; среднее

“рушдия” — 4 класса; подготовительное к высшему «игдадия» — 4 класса; высшее “галия” — 3 класса. Подобный вариант был использован в уфимских медресе «Усмания» и «Галия».

Параллельно обратим внимание на результаты этой реформы, исходя прежде из личностей мударрисов и выпускников, ставших выдающимися деятелями и видными представителями национальной элиты.

1. Медресе «Мухаммадия» («Галеевское») в Казани было учреждено в 1882 г. имамом 5-й соборной мечети г. Казани Галимджаном Мухамметзяновичем Галеевым (Баруди) и его отцом купцом Мухамметзяном Ибнаминовичем Галеевым, в честь которого и названо.

Первый камень в основание основного здания медресе заложил в 1891 г. выдающийся шейх ордена «Накшбандийа» Зайнулла Расули, чьим мюридом был Галимджан Баруди. Она стала первым джадидским медресе, когда в 1891 г. Баруди начал обучать шакирдов. Шакирды в течение 14 лет изучали здесь арабский, турецкий, русский языки, риторику, каллиграфию, математику, геометрию, физику, географию, психологию, методику и педагогику, медицину и гигиену, правоведение, философию, всеобщую историю, историю России, историю тюркских народов и другие предметы. Религиозные предметы в джадидском варианте включали в себя фикх (право), фараиз (наука о правилах раздела имущества), тафсир (толкование Корона), хадисоведение, сира (жизнеописание пророка Мухаммада), акида (догматика), ахлак (основы морали), историю ислама, ислам и другие религии. Баруди приглашал в медресе видных представителей науки и культуры, политических и общественных деятелей для проведения занятий, включая доктора Абубекра Терегулова, членов ЦК и казанского бюро «Иттифака» Саид-Гирея Алкина и Юсуфа Акчуру. В 1904–1905 гг. последний впервые у татар прочел курс тюркской истории и политической истории.

На базе медресе рядом улемов круга Г. Баруди было создано в период российской революции 1905–1907 гг. и воссоздано в 1917 г. Общество духовенства. В медресе возникло мощное шакирдское

движение со своей подпольной организацией «Берек», которое провело в мае 1907 года съезд и поставило целью создание образовательной автономии татар в соответствии с решениями III Всероссийского мусульманского съезда. Кроме краткосрочного периода в дни революции 1905–1907 гг. отношения между мугаллимами и шакирдами были дружелюбными и рабочими.

В «Мухаммадии» насчитывалось до 500 учащихся и 20 мугаллимов (преподавателей). Здесь преподавали видные улемы, составившие ядро авторов журнала «Дин ва-л-адаб»: Ахметжан Мустафа, Кашшаф Тарджемани, Мухаммад-Наджиб Тюнтяри, Шехер Шараф. Они во многом составили основу джадидских учебников по религиозным дисциплинам. В «Мухаммадии» получили образование муфтий ОМДС Мухмад-Сафа Баязитов, ученые и общественные деятели: Худжа Бадиги, Саид Вахида, Газиз Губайдуллин, Гимад Нугайбек, Гали Рахим, Галимджан Шараф; революционеры: Хусаин Ямашев, Камиль Якуб; писатели: Фатих Амирхан, Зариф Башири, Фатхи Бурнаш, Маджид Гафури, Камиль Тинчурин, Галиаскар-Камал, Наки Исанбет, Мирза Укмаси, Мухаммед Гали, Файзулла Туйкин; артист Зайни Султанов; дипломат Ибрагим Амирхан, Хикмет Биккенин; композиторы: Султан Габяши, Салих Сайдашев; художник Баки Урманче. В 1917 г. Галимджан Баруди был избран муфтием ЦДУМ (до смерти 1921), а его мюриды Кашшаф Тарджемани и Габдулла Сулеймани – казьями. В годы Гражданской войны последние выполняли ключевые функции посредников с центральными властями: Кашшаф Тарджемани как представитель ЦДУМ при СНК, Габдулла Сулеймани – как имам Московской Соборной мечети. Почти никто, кроме Камиля Якуба (погибшего в 1919 г.), не стал видным советским функционером. «Мухаммадия» связана прежде всего с улемами, национальными общественными деятелями, вынужденно ставшими только учеными-гуманитариями в советскую эпоху и представителями творческой интеллигенции. Кроме ряда представителей творческой интеллигенции, почти все они были репрессированы.

2. Апанаевское медресе («Кул буе», «Касимия»). Оно начало существование в 1770-е гг., когда в Казани была выстроена вторая каменная мечеть (Апанаевская). В конце XIX – начале XX вв. в медресе преподавали просветитель Ахмад-Хади Максуди, отец башкирской автономии, и выдающийся тюрколог Ахмад-Заки Валиди, драматург Гафур Кулахметов. Здесь в конце XIX – начале XX вв. учились Галиджан Баруди, выдающиеся татарские писатели Загир Биги и Гаяз Исхаки, улем Муса Биги, председатель Милли Идарэ Садретдин Максуди, драматург Галиаскар Камал, писатели Мухаммед Гали, Афзал Шамов, народный певец Камиль Мутыги, языковед Мухамметжан Фазлуллин. Под влиянием Г. Баруди программа приближалась к программе «Мухаммадии».

3. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге было создано в 1889/1890 учебном году братьями-миллионерами Ахметом баем и Гани-баем Хусаиновыми. Курс обучения составлял 14 лет. В медресе преподавались в джадидском варианте такие религиозные дисциплины, как фикх, ысул фикх, фараиз, тафсир, хадисоведение, сира, акиду, ахлак, историю ислама, вааз ва хитбат (искусство проповеди). Одновременно преподавались и дисциплины естественнонаучного цикла: физика, химия, геометрия и тригонометрия, психология, логика, элементарное право (немусульманское), гигиена и медицинские знания, политэкономия и торговое дело, бухгалтерия. Но медресе прежде всего славилось своим гуманитарным циклом. Ученики медресе изучали русский, арабский, фарси, французский, немецкий языки. Шакирдам преподавалась татарская, русская, арабская, персидская литература. В медресе изучались всемирная и российская история, история татар.

В «Хусаинии» насчитывалось до 500 учащихся и 35 мугаллимов. Шакирды медресе продолжали обучение в каирском «аль-Азхаре», Стамбульском и Бейрутском университетах. Вместе с тем ряд шакирдов продолжили обучение и в российских вузах. Среди преподавателей татарского языка и литературы в разные годы были такие классики, как Шариф Камал, Сагит Рамеев, Джамал Валиди, Фатих Карими. Медресе дало таких классиков татарской

литературы, как Джаудат Файзи, Тухфатулла Ченекей, Хади Такташ, Муса Джалиль, писатель и общественный деятель Афзал Тагиров. Среди выдающихся специалистов по татарскому языку и литературе необходимо назвать Джамала Валиди, Фатиха Карими, Габдрахмана Сагди. Медресе славилось авторами учебников по дисциплинам естественнонаучного и литературоведческого циклов.

Основной слабостью медресе считалось отсутствие авторитетного улема мударриса, так как выпускник медресе Кышкар Габдулла Давлетшин принадлежал к числу традиционалистов. Поэтому во многом учебный процесс и состав преподавателей определялся вначале братьями Хусаиновыми, а затем попечительским советом. В результате преподаватели и шакирды были крайне общественно активны и притом принадлежали к зачастую разным направлениям политического спектра.

В медресе преподавали улемы Риза Фахретдин (муфтий в 1921–1936 гг.), Муса Биги, Тахир Ильяси, учились Джихангир Абзгильдин (ректор уфимской «Усмании» и секретарь «Голямалар Шура-сы»), Габдулла Шнаси, Закир Кадыри. В досоветский период медресе и его попечительский совет были центрами общественной активности мусульманских либералов Оренбурга, включая депутатов Госдумы Мухмад-Закира Рамиева (Дэрдменда), Гайсу Еникеева, лидера Оренбургского мусульманского губернского бюро Ф. Карими. В годы Гражданской войны шакирды медресе составили основу мусульманских советских органов на Южном Урале. В отличие от Казани и Уфы, где медресе были ликвидированы и не стали центрами подготовки советской элиты, медресе «Хусаиния» было переименовано в Татарский институт народного образования (ТИНО), сохранило свой преподавательский состав до 1925 года.

4. Медресе «Расулия» при Пятой соборной мечети г. Троицка Оренбургской губернии (ныне Челябинской области) было основано в 1884 году на средства казахского бая Алтынсарина шейхом и мударрисом Зайнуллой Расули.

«Расулия» с самого начала была крупнейшим в России центром ордена Накшбандийа, куда к шейху стекались десятки тысяч мюридов из регионов от Поволжья до Китая. Особенно много было мусульман Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей (обе — ныне Казахстан). Вначале «Расулия» была чисто конфессиональным учебным заведением, где в программе обучения преобладали традиционные богословские дисциплины логика и калам. Но Расули был противником схоластики, поэтому преподавание в медресе концентрировалось на изучении Корана и хадисов по богословским трудам Габдуннасыра Курсави и Шигабетдина Марджани.

Шейх Зайнулла достаточно быстро передал медресе сыну Габдуррахману (муфтий ЦДУМ в 1936–1950 гг.). Он получил образование в медресе «Расулия», в 1899 году совершил хадж и стал шейхом ордена Накшбандийа, затем продолжил образование в каирском университете «аль-Азхар». В 1903 году Габдуррахман вернулся в Троицк, где в «Расулие» начал преподавание арабского языка и нового тогда предмета «история ислама». В это же время Зайнулла-ишан передал руководство медресе сыну. Габдуррахман окончательно перестроил медресе на джадидский лад. Программа преподавания включала в себя фикх, ысул фикх, фараиз, тафсир, хадисоведение, сира, акиду, ахлак, историю ислама. Среди светских дисциплин были татарский, арабский и русский языки, чистописание, чтение, российская, татарская и всеобщая история, логика, этика, гигиена, география, естествознание, физика, химия, зоология и педагогика. При медресе была открыта первая в Троицке типография, где печаталась, в частности, первая казахская газета «Айкап» («Заря»). Не случайно именно во многом по инициативе Расулевых казахские приходы вошли в 1917 году в состав ЦДУМ.

В 1906 году Габдуррахман Расули стал членом религиозной комиссии III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. Комиссию возглавлял Г. Баруди. Глубоко символично, что именно здесь впервые официально сотрудничали первый и последний муфтии единого ЦДУМ. В 1950 году муфтием

уже ДУМЕС стал выпускник «Расулии» Ш. Хиялетдинов (муфтий в 1950–1974 гг.).

«Расулия» имела 11-летний учебный курс. В 1913 году там было 13 преподавателей и 240 шакирдов. В медресе Троицка в это время преподавали такие выдающиеся ученые, как Габдельбарри Баттал и Газиз Губайдуллин. В городе возникли первая татарская женская гимназия и учительская семинария, где работала Мухлиса Буби, педагогический техникум. После смерти отца в 1917 году Габдурахман возглавил его приход. Вскоре медресе «Расулия» было преобразовано в татаро-башкирский педагогический техникум.

Основной заслугой медресе стала подготовка имамов и педагогов для части Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана.

4. Медресе «Усмания» было одним из первых в России и первым в Уфе джадидским медресе. Она была официально открыта в 1887 году при Первой соборной мечети Уфы. Основателем и мударрисом был Хайрулла Усманов – имам первого прихода и ахун Уфы. Впоследствии медресе было названо в его честь. Первоначально это была типичное старометодное медресе. С 1895 г. ахун Хайрулла начал его реформировать по-джадидски. Преобразования сначала коснулись начальных классов, где детей стали обучать грамоте по звуковому методу, расширили программу (в нее были включены история ислама, таджвид, а также светские предметы: татарский язык, арифметика, география). Затем медленно стали обновляться и старшие классы. В январе 1897 года при медресе открылся русский класс. Число шакирдов «Усмании» доходило до 500. Неоднократные попытки в 1890–1900-х гг. создать на базе медресе татарскую учительскую школу взамен упраздненной правительственной блокировались Министерством народного просвещения. Постепенное обновление медресе продолжалось до смерти Х. Усманова. К преподаванию привлекались выпускники Стамбула и Каира: Хабибулла Ахтямов, Хатмулла Фазылов, Зыя Камали. Последний в 1906 году создает собственное медресе «Галия». С 1907 года начинается второй этап в истории медресе.

Его возглавил мударрис Джихангир Абзгильдин, который ввел здесь программу своего родного медресе «Хусаиния». В 1915 году после конфликта З. Камали с попечительским советом медресе «Галия» «Усмания» впервые получила устойчивое финансирование. Сюда перешел заместитель директора «Галии» Габдулла Шнаси, получивший образование в «аль-Азхаре». В 1910 году здесь обучались 242 шакирда и работали 10 мугаллимов. В отличие от «Галии» «Усмания» продолжила традицию подготовки имамов.

Осенью 1917 года медресе под руководством мударриса Джихангира Абзгильдина фактически превратилось в основное медресе Диния Назараты, где наряду с ним к преподаванию приступил целый ряд улемов, включая муфтия Галиджана Баруди, председателя Всероссийского союза духовенства Хасан-Гату Габяши, казья Габдуллу Сулеймани, ректора «Галии» Зыю Камали, улемов Габдуллу Шнаси, Мухаммад-Наджиба Тюнтяри, Закира Кадыри, Мубаракшу Ханафи. История медресе завершилась в начале 1918 году, когда оно было преобразовано в татарскую гимназию.

5. Медресе «Галия» в Уфе. Его основателем в 1906 году после обучения в «ал-Азхаре» стал Зыя Камали. В 1914 году религиозным предметам в медресе отводилось всего 28,2% времени, арабскому языку – 14,7%, тюркскому – 4,9%, русскому – 14,1%, светским наукам – 35,6%, другим предмета – 2,5% времени. Образование в «Галие» составляло два разряда: подготовительное к высшему «игдадия» – три класса; высшее «галия» – три класса и охватывало шесть лет. Наряду с традиционными для джадидского медресе предметами особе внимание уделялось философии (в том числе ислама), истории религий.

С 1910 года начинается массовое изгнание татарских мугаллимов из Степей и Туркестана. В ответ на требования о принадлежности учителя к конкретной племенной группе «Галия» резко увеличила прием шакирдов-нетатар (казахов, туркмен, черкесов, адыгейцев и т. д.). В 1913 году здесь обучались 114 шакирдов. Всего «Галию» окончили более 1400 шакирдов. В 1917–1918 гг. на базе

медресе прошли учительские курсы, а в 1919 году оно было преобразовано в татарскую гимназию.

«Галия» была близка по программе к светскому учительскому институту. Почти никто из выпускников медресе даже не пытался сдать экзамен при ОМДС на должность указного муллы. В 1915 году Камали потерял поддержку попечительского совета медресе, который обвинил его в превращении медресе в учительскую школу. Вместо сторонника совета Габдуллы Шнаси завучем медресе стал Галимджан Ибрагимов, который в этот период начал активно заниматься пропагандой идеи самостоятельности каждого из тюркских народов России. Среди других преподавателей: вышеупомянутые Ахмад-Заки Валиди, Закир Кадыри, казый ОМДС Хасан-Гата Габяши, один из основателей татарской социал-демократии, лидер Уфимского губернского Милли Шуро (Национального совета) Гумер Терегулов, языковед Худжа Бадиги. «Галия» была первым татарским медресе, где были созданы автономные организации казахов и башкир и их рукописные журналы. В 1917 году вчерашние шакирды «Галии» Шарифджан Сунчалаяй, Гасим Касимов, Салах Атнагулов, Фатих Сайфи, Гибадулла Алпаров составили ядро организации уфимских татарских левых эсеров под руководством Г. Ибрагимова. Они стали основными деятелями советского режима среди мусульман Уфимской губернии, оппонентами Милли Идарэ и Уфимского губернского Милли Шуро и лично Гумера Терегулова. Здесь учился первый посол СССР в Саудовской Аравии и Йемене Карим Хакимов. Из медресе вышли классики татарской литературы: Шаехзаде Бабич, Хасан Туфан, Наки Исанбет, Сайфи Кудаш, учился Маджид Гафури. Здесь учились узбекский писатель Мирмухсин Ширмухаметов, казахские поэты Байембет Майлин и Магжан Жумабаев.

В лице «Галии» и Камали возникла школа для средних и низших слоев буржуазии, отличная от общетюркской школы, руководимой сторонниками и лидерами «Иттифака». Медресе дало преимущественно функционеров советского режима, вначале левых эсеров, потом ставших большевиками, а также литераторов.

6. Медресе «Буби» размещалось в селе Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии, ныне Агрызского района Татарстана, одно из первых в России джадидских медресе. Оно было официально открыто в 1881 году как приходское медресе при Иж-Бобьинской мечети имамом Габдельгаллямом Нигматуллиным. С 1895 года в медресе начали преподавать его сыновья Габдулла и Губайдулла Буби. Они и их сестра Мухлиса Буби, создавшая женское медресе, превратили медресе в подобие учительского института, готовящего как преподавателей, так и преподавательниц. Ежегодно здесь устраивались и летние учительские курсы. «Буби» превратилось в конце 1900-х гг. в основной татарский педагогический центр, где наряду с акидой, фикхом, хадисами, тафсиром и историей ислама преподавались русский и французский языки, фарси, арабский и турецкий языки и литература, математика, физика, химия, география, биология и зоология, всеобщая история. В медресе значительное место уделялось обучению риторике, дискуссиям, а также изучению основ политического движения. Религиозные предметы занимали только 16% времени.

С медресе Буби тесно связана группа татарских национальных коммунистов, примыкавших к «правому правительству» Татарстана Кашшафа Мухтарова (1921–1924). Это были первый нарком земледелия АТССР Юнус Валиди (автор политики «возвращения татар на Волгу»), Гасым Мансуров (2-й заместитель председателя Совнаркома АТССР, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Татобкома РКП (б)), председатель академического центра при наркомате просвещения Татарстана Гаяз Максудов. Все они были смещены с постов к середине 1920-х г. Медресе дало писателей Наджипа Думави и Садри Джаллала, классика литературоведения Джамала Валиди.

Мы рассмотрели шесть основных джадидских медресе с точки зрения личностей мударрисов, времени существования, срока обучения, личностей преподавателей и учащихся. По сути, создание джадидского варианта образования в старших разрядах медресе при наличии соответствующих преподавателей и учебной литературы

совпадает по времени с революцией 1905–1907 гг. К сожалению, ряд медресе либо не сумели провести преподавание по полному циклу по причине закрытия, либо осуществили не так много выпусков. Относительно роли преподавателей и учащихся этих шести медресе нужно сказать нижеследующее. Они дали пятерых муфтиев, поочередно возглавлявших ОмДС – ЦДУМ в 1917–1950 гг. (Баязитов, Баруди, Фахретдин, Расули, Хиялетдинов). Если учесть, что предыдущий муфтий ОмДС был назначен в 1885 году, то реально эти пятеро муфтиев охватывают исторический период, вместивший в себя революции, мировые войны и переход России от аграрного общества к индустриальному. Из этого же круга формировался состав казыев до разгрома ЦДУМ в 1937 году и членов Голямалар Шурасы при ЦДУМ. Эти медресе связаны с именами выдающихся улемов: Мусы Биги, Зыи Камали, Закира Кадыри.

К сожалению, трудно сказать, кто из представителей крупной буржуазии получил образование в этих медресе. Но в целом буржуазия в это время начала предпочитать коммерческие училища. Мурзы традиционно продолжили получать образование в светских и военных государственных учебных заведениях. Однако буржуазия и дворянство создали традицию вхождения в попечительские светлы медресе, особенно в Уфе и Оренбурге. Медресе сыграли выдающуюся роль в формировании татарской советской бюрократии, особенно в Уфимской и Оренбургской губерниях. Несколько меньший вклад внесли медресе в формирование общенациональных политиков, среди них братья Максуди и Гаяз Исхаки. Наибольшее значение медресе сыграли в создании системы современного образования. Это особенно касается религиозного образования (уничтоженного к началу 1920-х гг.) и гуманитарного образования (эту традицию во многом сохраняют сегодняшние татфаки). Преподавателями медресе были созданы тюрко-татарская история (Хасан-Гата Габяши, Юсуф Акчура, Ахмад-Заки Валиди, Газиз Губайдуллин), татарское литературоведение и текстология (Саид Вахиди, Газиз Губайдуллин, Гали Рахим, Джамал Валиди), языкознание (Галимджан Ибрагимов, Худжа

Бадиги). В стенах этих медресе учились, пожалуй, все классики литературы, кроме Тукая.

Сегодня же низкий уровень образования руководства Духовных управлений, отсутствие у них предыдущего опыта работы в высших учебных заведениях не дает возможности выстроить грамотно учебный процесс, позаботиться о распределении выпускников. В итоге получается не только малое число выпускников вообще, но и работающих по специальности в частности. Особенно четко это видно на примере Российского исламского университета в Казани. Так, в 2005 году государство потратило на него 18 млн руб. и получило семь выпускников. По некоторым данным, только двое из них работают имамами в татарских приходах, в небольших городах. Минимальная годовая цифра выпускников падала до шести человек. Нам ничего неизвестно о направлении выпускников РИУ в те ключевые городские приходы, где идет фундаменталистская пропаганда, или для работы с радикально настроенной молодежью. Если учесть, что с 1998 года ректор медресе был председателем ДУМ РТ и аппараты обоих центров во многом совпадали, то непонятна их кадровая политика. Ведь наряду с бедными сельскими приходами имеются и весьма обеспеченные городские приходы. В досоветский и даже советский период высокий уровень религиозного образования был гарантией того, что бывший шакирд получит высокодоходный приход, а в досоветский период возглавит медресе. Сегодня в РТ целый ряд мухтасибов не обладают ни высшим светским гуманитарным, ни профессиональным религиозным образованием, но продолжают занимать посты. Поэтому большинство и сегодняшних шакирдов РИУ не видят перспектив концентрации на повышении своего профессионального религиозного уровня и одновременно учатся в светских вузах. Как правило, выпускники идут работать по своей светской специальности, не связанной с мусульманской тематикой.

Изменившаяся ситуация с образовательным цензом и образом жизни активных мусульман требует решения. Но кто же займется

этой проблематикой духовно-нравственного и догматического образования мусульман? Ведь единый религиозный образовательный, организационный и финансовый центр отсутствует. Если посмотреть на сегодняшнюю российскую умму, то важнейшими аспектами здесь являются наличие более чем 40 Духовных управлений (в отличие от единой эффективной структуры, подобной РПЦ МП), отсутствие самостоятельных источников финансирования и целостной мусульманской системы начального и профессионального религиозного образования. Все эти три аспекта находятся в тесной взаимосвязи. Наибольшие возможности для решения проблем имеет Татарстан. Республиканской системе профессионального религиозного образования уже скоро исполнится 15 лет.

Вопрос финансовой необеспеченности будущих имам-хатыбов стоит чрезвычайно остро. Уже ко второй половине XIX в. система натурального обеспечения мулл за счет гошера начала давать сбои. На селе имамы для поддержания религиозной инфраструктуры и достойного уровня жизни все чаще начинали заниматься коммерцией и другого рода деятельностью. Поэтому студенты исламских вузов должны быть двукрылыми (по выражению Исмаила Гаспринского), то есть иметь полноценное религиозное и светское образование. Но это не должны быть, допустим, диплом имама и инженера, а дополняющие друг друга дипломы в сфере филологии, политологии, юриспруденции, администрирования. Так, уже в медресе «Хусаиния» по сути существовало два отделения: религиозное и научное. Может ли сегодня хотя бы одно российское мусульманское учебное заведение похвастаться хотя бы одним педагогом или выпускником такого уровня? Поэтому, когда некоторые современные муфтии и имамы противятся превращению в РИУ в полноценный мусульманский университет, поневоле задаешься вопросом: кто из них себя считает более выдающимся алимом, чем Риза Фахретдин?

Для России в целом и Нижегородчины в частности исторически актуален опыт казанской «Мухаммадии», где традиционно

учились уроженцы нашего края. Среди них имам Ярмарочной мечети, затем казый ЦДУМ Габдулла Сулеймани, имам Московской Соборной мечети Ахметзян Мустафин, исполнявший некоторое время обязанности муфтия ЦДУМ, и многие другие улемы и мударрисы. «Мухаммадию» не зря называли «татарским университетом», и этим традициям мы стремимся следовать.

Вопрос о создании адекватной современности мусульманской элиты становится все более острым. Это не первая статья одного из авторов на данную тему. Вуз — сложнейшая и уникальная система преподавания, которая может быть создана только на основе соответствующей базы; преподавательский состав вуза состоит из специалистов, имеющих ученые степени в области светских наук или богословия, но здесь не нужно забывать о том, что мусульманские богословы сегодня не обладают дипломами о соответствующем образовании; вуз обязан иметь государственную лицензию и пройти аккредитацию. Особую остроту дискуссии придал прошлогодний конфликт вокруг РИУ. В 2006 году четвертый (специальный) выпуск альманаха «Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты» был посвящен проблемам мусульманского профессионального образования. В нем, в частности, были представлены статьи ректоров двух исламских университетов России: Московского исламского университета (Марат Муртазин) и Российского исламского университета (Ильдус Загидуллин). Глубоко не случайно, что они оба получили высшее гуманитарное образование в стенах двух старейших университетов страны: Санкт-Петербургского и Казанского. Ильдус Загидуллин после нескольких месяцев руководства РИУ, сопровождавшегося кампанией писем части преподавателей за его отстранение от должности, ушел в отставку. Любопытно, что если вначале подписанты требовали назначения на пост ректора РИУ имама, то затем они не возражали против другого светского деятеля, также выпускника КГУ, доктора политологии Рафика Мухаметшина.

Поэтому опыт высшего светского образования приходит на помощь образованию религиозному, которое не может самостоятельно выйти на уровень высшей школы. В апреле 2006 года Совет муфтиев России распространил проект «Концепции развития исламского образования в России», разработанный по согласованию с управлением внутренней политики администрации Президента РФ. Автором концепции является Марат Муртазин, заместитель председателя Совета муфтиев России, председатель Совета по исламскому образованию, ректор Московского исламского университета и Московского исламского института. Эта концепция и подготавливаемая концепция Исламского образовательного комплекса во главе с Российским исламским университетом в Казани включают варианты светского высшего образования с исламским компонентом. Этот этап обеспечивается исламскими университетами. В соответствии с концепцией развития исламского образования в России цель этого этапа: «подготовка специалистов широкого профиля по специальностям исламская теология, философия, история, педагогика и т. п., одновременно обладающих необходимым уровнем религиозных знаний»¹.

В современном мусульманском мире наука ушла из стен медресе в стены университетов. Проректор Московского исламского университета Гульфия Юнысовна Хабибуллина указывает, что «в арабских и некоторых странах Ближнего и Среднего Востока, в Индонезии и других странах, где распространен ислам, религиозное образование является составной частью системы общего образования». Первым начал эту традицию Хусаин Фаизхани, который предпочел преподавание в Санкт-Петербургском университете месту имама и мударриса. Возьмем, например, татарскую историографию. Ее первые классики Шигабетдин Марджани, Риза Фахретдин, Мурад Рамзи-Мекки, Хасан-Гата Габаши были

¹ Мухетдинов Д. В. Мусульманское духовенство России: возможности и пути возрождения статуса группы элиты. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и внешнеполитический аспекты. – 2006. – № 2 (4).

имамами и мударрисами. В начале прошлого века выдающиеся историки Газиз Губайдуллин, Ахмад-Заки Валиди, Джамал Валиди, Габдельбари Баттал уже не были имамами, но преподавали в медресе. В советское время история мусульман находилась под запретом или подвергалась чудовищным искажениям. Но в постсоветский период историей мусульман занялись вполне светские историки. Сегодня имамы должны учиться у них, чтобы самим стать профессионалами в этой сфере...

СИСТЕМА РОССИЙСКОГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ¹

В Послании президента Федеральному собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. был сделан особый акцент на том, что «такой многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной федерации, как Россия, в мире больше не существует». Поэтому в ряду основных факторов, способных серьезно упрочить единство страны, президент назвал поддержку национальных традиций и культур народов России, обозначив ее «не только условием укрепления федеративных основ, но и условием согласия в нашем обществе, единства российской нации – как залога стабильного, цивилизованного развития всей страны». Он также подчеркнул, что «межнациональный мир – это одна из главных наших ценностей.

В настоящее время продолжает оставаться актуальной угроза расширения географии и учащения террористических вылазок, в основе которых лежит игра на нетерпимости по религиозному признаку. В первую очередь в этом смысле своеобразной «мишенью» является мусульманская религия и ее приверженцы. Это общемировая тенденция, актуальная и для нашей страны.

Особую значимость для России этот вопрос имеет и потому, что на протяжении многих лет в нашей стране в условиях социально-экономической и политической нестабильности фактически не велось работы по подготовке кадров для мусульманских религиозных и образовательных учреждений, что создало серьезный вакуум в этой сфере, который стали активно заполнять миссионеры из зарубежных стран. При этом многие молодые люди, придерживающиеся исламской традиции, прошли обучение прежде всего в некоторых странах Ближнего Востока, подвергшись мощной идеологической обработке, чуждой российским мусульманам.

¹ Мухетдинов Д. В. Система российского исламского образования: пути развития // Ислам в современном мире, 2010. 3–4 (15–16). С. 28–34.

Все это создает серьезную угрозу безопасности Российской Федерации.

Известно, что одной из наиболее эффективных мер по улучшению ситуации и предотвращению ее ухудшения в будущем является восстановление и развитие отечественной системы мусульманского образования, чему государство на нынешнем этапе уделяет особое внимание.

В 2002 году президент Российской Федерации поручил Министерству образования и науки РФ «в первоочередном порядке разработать комплекс мер по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского». В целях исполнения данного поручения, а также ставя перед собой широкие задачи поддержки традиций и культуры народов России, традиционно исповедующих ислам, воспитания межнациональной, межконфессиональной толерантности, профилактики экстремизма, Минобрнауки России во взаимодействии с вузами, находящимися в ведении Рособразования, и религиозными организациями — духовными (исламскими) образовательными учреждениями разработал и осуществляет на протяжении ряда лет (с 2005 года) комплекс мер, направленных на решение поставленных задач путем создания системы подготовки специалистов по истории и культуре ислама. В силу различных причин объективного и субъективного характера такая деятельность стала осуществляться сравнительно недавно, а потому справедливо утверждать, что этот процесс находится в своей начальной стадии. Тем не менее за последнее время проведена достаточно объемная работа, в которой принимают участие как органы исполнительной власти (администрация президента РФ, Министерство образования и науки РФ и др.), так и мусульманские общественные и религиозные деятели. Эта работа проводится по нескольким направлениям и носит комплексный характер.

Среди мер следует назвать организацию некоммерческого благотворительного Фонда поддержки исламской культуры, науки

и образования. Сформированы попечительский совет фонда, правление, которые аккумулируют и распределяют денежные средства, переводимые в адрес российских мусульман исламскими государствами по линии ОИК и через другие организации. Председателем попечительского совета является академик Е. М. Примаков, председателем правления – М. Ф. Муртазин.

В 2007 году Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования на непосредственную поддержку деятельности исламских учебных заведений, задействованных реформой исламского образования (6 исламских университетов и университетских центров), выделил 13,5 млн рублей (гранты были разделены на три части с последовательной отчетностью).

Этот вид грантов позволяет исламским вузам направлять средства на нужды по обеспечению учебного процесса: ремонт помещений, закупку учебной и религиозной литературы, техники, мебели и т.д., а также на деятельность аттестационных комиссий, особое внимание которых сосредоточено на лицах, проходивших образование за рубежом.

С 1 сентября 2007 г. установлены и выплачиваются персональные стипендии фонда лучшим студентам исламских вузов, а также лучшим студентам государственных вузов, принятым по целевым программам поддержки исламского образования. Размер стипендий составляет 2 тыс. рублей в месяц. 75 стипендий установлено для исламских студентов, обучающихся в государственных вузах, 75 – студентам исламских учебных заведений (университетов). На стипендии в 2007 г. выделено 1,8 млн рублей. Такой подход позволяет составить поименный реестр лучших студентов и создать условия для их эффективного использования в будущем.

Ежемесячные стипендии учреждены сроком на год и выплачиваются по результатам семестров (с сентября по февраль, с марта по август включительно). Размер данной стипендии составляет 2000 рублей в месяц каждая.

В программе участвуют 7 государственных вузов страны:

1. Московский государственный лингвистический университет.

2. Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.

3. Смольный институт свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

4. Московский государственный институт стран Азии и Африки.

5. Северо-Кавказский государственный технический университет.

6. Кубанский государственный университет.

7. Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Основными критериями отбора стипендиатов являются хорошая успеваемость и отсутствие задолженностей по учебе, работа в научных и творческих коллективах учебного заведения, участие в общественной жизни учебного заведения, а также тяжелое материальное положение студента или иные социальные причины.

Фондом прорабатываются также дополнительные финансовые механизмы, стимулирующие будущих выпускников продолжить работу в исламских религиозных организациях или вузах.

На 31 января 2008 г. по всем этим видам грантов выделено 15,3 млн рублей, из них выплачено 10,83 млн рублей, получено отчетов о расходовании средств на 5,42 млн рублей.

Следует отметить, что на федеральном уровне проводится серьезная работа по решению проблемы подготовки кадров для духовных управлений мусульман России. К примеру, в Министерстве образования и науки РФ регулярно проводятся совещания, посвященные развитию мусульманского образования в нашей стране. Вопросы предотвращения на законодательном уровне попыток радикализации и «раскачивания» российской уммы, в частности в молодежной среде, обсуждаются и в Государственной думе Российской Федерации.

В России также успешно действует целевая президентская программа подготовки кадров для духовных управлений мусульман в светских вузах.

Кроме того, организованы 7 высших учебных заведений, которые будут осуществлять образовательную деятельность с целью

подготовки мусульманских религиозных деятелей внутри нашей страны.

Важно отметить, что первый выпуск таких специалистов состоялся летом этого года. Свое обучение завершили первые студенты, направленные учиться в МГУ имени М. В. Ломоносова по рекомендациям духовных управлений мусульман для целевой подготовки по образовательным программам высшего профессионального образования с углубленным изучением различных аспектов истории и культуры ислама. Из числа завершивших обучение бакалавров регионоведения 3 выпускника продолжают обучение в магистратуре, 8 человек уже начали работу в духовных образовательных учреждениях и религиозных организациях (в том числе 2 выпускника – в Ставропольской и Владикавказской епархии Московского патриархата Русской православной церкви).

На сегодняшний день Минобрнауки России организует обучение на бюджетной основе 222 студентов, направленных по рекомендациям духовных управлений мусульман для целевой подготовки.

Во всех этих процессах принимает участие и аппарат полномочного представителя президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Ведь на его территории проживает почти 40% мусульман России. По имеющимся данным, в Приволжском федеральном округе учебный процесс осуществляет 171 специалист высших и средних исламских учебных заведений. В обучении задействованы около 1800 слушателей: студенты, имамы, проходящие переподготовку, прихожане на специально организованных курсах при медресе.

В начале 2007 г. была завершена программа по выплате денежных грантов молодым имамам и студентам медресе в регионах округа. Регулярно проводятся заседания рабочей группы по вопросам конфессиональной политики, сохранения исторического и духовного наследия (исламская секция) Общественного совета по развитию институтов гражданского общества в Приволжском федеральном округе. Одним из наиболее значимых направлений является

работа с молодыми активистами мусульманских движений. Первым шагом стало проведение 14 мая 2007 г. в Нижнем Новгороде первой Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии» (вторая конференция была проведена ровно через год также в Нижнем Новгороде). Далее последовал Фестиваль мусульманской молодежи Поволжья, прошедший 15 июля 2007 г. в Казани. На фестивале присутствовали молодые люди — члены мусульманских молодежных объединений, представители власти, духовенства, научных кругов. В 2007 г. в интернет-пространстве появился сайт «Мусульмане Поволжья», призванный в конструктивном русле вести обсуждение насущных проблем российской уммы, в том числе по вопросам религиозного образования.

Таким образом, начата комплексная деятельность по восстановлению и развитию отечественной системы государственной поддержки мусульманских духовных и образовательных учреждений. В случае системного подхода к этой работе в течение нескольких лет возможно осуществить подготовку лояльно настроенных кадров мусульманского духовенства, с которыми можно будет вести конструктивный диалог. В свою очередь это будет способствовать предотвращению распространения радикальных и экстремистских идей в мусульманской среде России и противостоять транснациональному исламскому терроризму.

Очевидно, что и само мусульманское сообщество не должно оставаться в стороне от решения обозначенных проблем.

Высшие исламские учебные заведения на территории Российской Федерации зарегистрированы в Москве, республиках Татарстан и Башкортостан, Нижегородской области, а также некоторых республиках Северного Кавказа.

По данным Комитета по делам религий правительства Республики Дагестан, на начало 2008 г. в республике действуют 13 лицензированных исламских вузов с преподавательским составом в 137 человек, в которых обучаются более 2600 студентов.

В 2007 г. начал функционировать Северо-Кавказский университетский центр исламской науки и образования (Махачкала), включающий в себя Дагестанский исламский университет имени Мухаммада Арипа и Институт теологии и религиоведения.

Институты теологии и религиоведения функционируют также в г. Хасавюрт и с. Чиркей.

Наибольшей популярностью среди молодежи пользуются Дагестанский исламский университет имени Мухаммада Арипа, Исламский университет имени Имама Шафии (Махачкала), Исламский университет имени Сайпулы Кади (г. Буйнакск), Исламский университет имени Имама Ашари, Исламский университет имени Саитбека Даитова (г. Хасавюрт) и др.

Кроме того, в ЮФО действуют Курчалоевский исламский институт имени А. Кадырова (Чечня), Северо-Кавказский исламский университет имени Абу Ханифы (Нальчик, КБР), Карачаево-Черкесский исламский институт имени Имама Абу Ханифы (Черкесск, КЧР). В октябре 2008 г. было объявлено об учреждении Российского исламского университета имени Кунта-хаджи Кишиева в Грозном. Учебный процесс начнется в 2009 г. Таким образом, в ЮФО на настоящий момент действуют 16 исламских вузов, всего по России – 20 (МИУ, РИУ в Казани, РИУ в Уфе, НИИ имени Х. Фаизханова в Нижнем Новгороде).

Сегодня в центральной части Российской Федерации программы высшего профессионального религиозного образования реализуют Московский исламский институт (МИУ) Совета муфтиев России, Российский исламский университет в Казани и Российский исламский университет ЦДУМ России в Уфе.

Зарегистрированное в октябре 2005 г. негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский исламский институт имени Х. Фаизханова» также разрабатывает программу высшего профессионального религиозного образования. Сегодня Нижегородский исламский институт функционирует в большей степени как научно-исследовательский институт. На его базе готовятся учебные пособия, издаются учебники

и монографии, проводятся исследования по актуальным проблемам ислама и других имеющих важное значение вопросов. В настоящее время в институте готовится пакет документов для получения лицензии на ведение образовательной деятельности.

Московский исламский университет (ректор М. Ф. Муртазин) был создан в 1999 г. на базе Московского высшего духовного исламского колледжа, существовавшего при Духовном управлении мусульман европейской части России с 1994 г. Таким образом, в МИУ религиозное образование практически включено в учебную программу по светскому направлению «Теология».

Что касается студентов, то в 2007 учебном году в стенах МИУ обучалось на втором курсе 12 студентов (в том числе 2 девушки), а на первом — 20 студентов.

Таким образом, в Москве пошли по пути интеграции религиозного компонента в светскую гуманитарную специальность — светское теологическое образование и мусульманское религиозное приходится «совмещать» в рамках де-юре двух разных вузов, де-факто — одного «теологического» факультета.

Российский исламский университет (ректор Р. М. Мухаметшин) был основан в 1998 г. Духовным управлением мусульман Республики Татарстан, Советом муфтиев России и Институтом истории Академии наук Татарстана. В настоящий момент в Российском исламском университете имеются подразделения:

Факультеты:

- о теологический,
- о исламских наук.

Кафедры:

- о естественно-гуманитарных дисциплин,
- о филологии и страноведения,
- о исламского вероучения,
- о исламского права.

Центр подготовки хафизов Корана.

Центр исламской экономики.

В университете обучаются в разные годы в среднем около 200 студентов различных национальностей более чем из 20 регионов Российской Федерации и ближнего зарубежья.

Имеются цифры на 2007–08 учебный год. Общее количество студентов на дневной и заочной формах обучения — 416 человек (253 — очная форма обучения, 163 — заочная). Из них студентов женского пола: 49 — очная форма обучения и 58 — заочная.

Количество выпускников в 2006 г. (факультет исламских наук) — 17.

Количество выпускников в 2007 г.: факультет исламских наук — 15, теологический — 10.

Количество выпускников в 2008 г.: факультет исламских наук — 10 человек, теологический — 16.

В октябре 2005 г. при университете была открыта мечеть, с сентября 2006 г. для девушек, обучающихся в РИУ, действует общежитие.

РИУ ведет просветительскую деятельность: участвует в организации конференций, издании научной и богословской литературы, еженедельно проводит при университете лекции по основам ислама для всех желающих. РИУ намерен реализовать в жизнь программу повышения квалификации преподавателей медресе и выявлять наиболее способных шакирдов для их дальнейшего обучения в зарубежных вузах.

Российский исламский университет, учрежденный Центральным духовным управлением мусульман России (Уфа), имеет свои филиалы в г. Октябрьске Республики Башкортостан, Самаре, д. Алкино Похвостневского района Самарской области, Оренбурге и Астрахани. Университет существует в этом качестве с 2003 г., ранее этот вуз назывался Исламским институтом имени Р. Фахреддина. Институт был создан на базе медресе, открытого в Уфе еще в 1989 г., однако традиции мусульманского образования в этих стенах еще более древние: один из корпусов университета: здание исторического исламского медресе «Галия», основанного сто лет назад — в 1906 г.

В университете два факультета: теологический и педагогический. Выпускники этих факультетов получают высшее профессиональное религиозное образование по специальностям соответственно «теолог ислама» и «преподаватель исламской теологии и арабского языка». Через четыре года они получают квалификацию бакалавр, по окончании пяти лет обучения — дипломированный специалист, через шесть лет — магистр. Возможности обучения в аспирантуре РИУ, как и вышеназванные мусульманские вузы, пока не имеет.

По данным на октябрь 2008 г., в вузе обучаются 700 человек (включая филиалы). В 2008 году было 58 выпускников.

В ряду других важных мероприятий и результатов, достигнутых совместными усилиями государства и религиозных организаций, можно назвать:

- о подготовку и апробацию нового учебно-методического обеспечения по направлению подготовки (специальности) «теология»;
- о создание Северо-Кавказским государственным техническим университетом в 2007 г. и организованное им при поддержке других вузов Рособразования постоянное обновление в Интернете специализированного портала «Исламское образование»;
- о другие мероприятия, реализуемые в рамках ежегодно заключаемых соглашений о сотрудничестве между вузами Рособразования и духовными (исламскими) образовательными учреждениями в Махачкале, Нальчике, Казани, Уфе, Москве и Нижнем Новгороде.

Помимо прочего, стремление выжить в пространстве российского законодательства толкает российские исламские вузы на преподавание религиозных дисциплин в рамках обучения по светской специальности «теология».

Важным событием этого года и знаковым результатом совместной работы можно считать и то, что впервые Пятигорским государственным лингвистическим университетом произведен набор студентов по специальности «теология» с блоком конфессиональной подготовки по исламской теологии. Важно подчеркнуть, что

такой специальный блок дисциплин по указанной специальности был разработан Московским исламским университетом и утвержден Минобрнауки России в 2007 г.

Наиболее острая проблема российского исламского религиозного образования заключается в том, что количество выпускников указанных вузов не просто мало, но по специальности из них практически никто не работает, несмотря на значительные финансовые затраты. Так, по имеющимся данным, в 2005 г. на РИУ государство потратило 18 миллионов рублей и получило 7 выпускников. Только 2 из них работают имамами в татарских приходах в небольших городах. Минимальное количество выпускников падало до 6 человек. Отсюда вытекает проблема серьезной нехватки квалифицированных кадров.

Несмотря на очевидный прогресс в деле развития мусульманского образования в России, остается нерешенным целый комплекс проблем концептуального плана. Среди них выделю следующие.

Совокупность исламских начальных, средних и высших учебных заведений по всей России не сложилась в систему, несмотря на происшествие практически 20 лет с момента открытия религиозных свобод (примерно в это время и начался процесс открытия исламских религиозных учебных заведений, а пик активности пришелся на начало и середину 1990-х гг.). По-прежнему нет интегрированности ни по вертикали (по линии начальное – среднее – высшее), ни по горизонтали (между вузами различных регионов).

Что касается интеграции по вертикали, в этом направлении пионером стало ДУМЕР, которое ввело единый образовательный стандарт для начальных и средних учебных заведений (разработан Советом по исламскому образованию при СМР). Проблема в том, что большинство крупных и наиболее востребованных медресе России расположено вне территории юрисдикции ДУМЕР. Кроме того, не предусмотрена возможность продолжения образования в исламском вузе после окончания медресе со 2–3-го курса (исключение составляет ЦДУМ РИУ, которое курирует деятельность ряда средних медресе).

Относительно интеграции по горизонтали, можно констатировать, что первый шаг уже сделан – в ноябре 2007 года учрежден Совет ректоров исламских высших учебных заведений России. В учредительном собрании приняли участие ректор РИУ Рафик Мухаметшин, ректор МИУ Марат Муртазин, ректор Института теологии и религиоведения Максуд Садилов, ректор НИИ имени Фаизханова Дамир Мухетдинов, ректор Северо-Кавказского исламского университета Шарафутдин Чочаев. Председателем совета избран ректор РИУ Рафик Мухаметшин. 28 марта 2008 г. в Казани на базе РИУ состоялось первое заседание Совета ректоров исламских высших учебных заведений России. Его участники – ректор Российского исламского университета Рафик Мухаметшин, ректор Северо-Кавказского исламского университета имени Имама Абу Ханифы (Республика Кабардино-Балкария) Шарафутдин Чочаев, ректор Института теологии и религиоведения имени Мамма-Дибери аль-Рочи (Республика Дагестан) Максуд Садилов, ректор Нижегородского исламского университета имени Хусайна Фаизханова Дамир Мухетдинов, проректор Российского исламского университета (Уфа, в юрисдикции ЦДУМ) Равиль Мамлеев.

В каком направлении необходима интеграция высших исламских учебных заведений в России? В данное время разработан и принят стандарт по образовательному направлению «теология» с квалификацией бакалавр. Стандарт разрабатывался и апробировался на протяжении нескольких лет МИУ и РИУ (Казань) и был утвержден в профильном методическом совете при факультете истории МГУ имени Ломоносова. И первые выпускники уже получили диплом гособразца. Но отсутствие необходимости утверждать единый стандарт по религиозным направлениям, по которым нет и не будет дипломов гособразца, так как эта сфера вне ведения государства, ведет к тому, что в каждом вузе религиозные образовательные направления, специальности совершенно отличаются, так же как отличаются и учебные программы. Таким образом, нет единых критериев оценки деятельности вузов с точки зрения

качества. Проводимые олимпиады по арабскому языку и исламским наукам между представителями различных исламских вузов (проведена в марте 2008 г. в Казани) могут дать лишь косвенные данные по качеству подготовки выпускников.

Отсутствию интеграции способствует не только факт административного деления мусульманской уммы на центры (ЦДУМ, СМР, КЦМСК), но и отсутствие единого понимания целей и задач деятельности исламских вузов. Так, в середине 1990-х был широко распространен подход, что исламские вузы — это кузница высокообразованных имамов, другими словами — религиозных деятелей. Такой взгляд на концепцию высшего исламского религиозного образования присущ функционерам из духовных управлений мусульман, муфтиям и сформирован в середине 1990-х, когда бурное строительство новых мечетей в крупных городах сопровождалось громаднейшим кадровым голодом. К слову, эта позиция находила понимание в глазах руководства крупнейших исламских фондов и меценатов процветающих государств Персидского залива и обеспечивала приток спонсорских денег на обустройство данных университетов. Принципиально иной подход постулируют представители национальной интеллигенции, которые считают, что современный исламский вуз должен готовить прежде всего мусульманскую интеллигенцию, которая одинаково осведомлена и в сфере так называемых религиозных, и в сфере светских наук, органично сочетает в себе обе идентичности (общегражданскую и мусульманскую) и готова работать как в мусульманских, так и в светских учреждениях — в области образования, госучреждениях, средствах массовой информации и т. п. Именно эти принципы были заложены в основу учреждения Российского исламского университета в Казани в 1998 году (сформулированы академиком М. Усмановым и М. Махмутовым), и, по большому счету, именно конфронтация между этими двумя позициями привела к конфликту между учредителями вузов в 2006 г. В итоге был найден компромиссный вариант назначения ректором Рафика Мухаметшина — светского ученого без религиозного образования

и не владеющего арабским языком, однако имеющего авторитет в кругах религиозных деятелей Татарстана. Как показывают два года, практически прошедшие с момента его избрания ректором, вуз выбрал второй путь развития – религиозные направления остались в прежнем объеме (специальности «коранические науки», «шариатские науки»), а светские («теология») с каждым годом привлекают все больше студентов. Запланировано открытие еще двух направлений: 031201 «методика преподавания иностранных языков и культур», 060600 «мировая экономика».

До сегодняшнего дня остро стоит вопрос о религиозно-правовой принадлежности тех или иных исламских вузов: нередко в стенах одного вуза работают и проповедают соответствующие взгляды и знания представители совершенно разных богословских традиций и приверженцы разных мазхабов (преподаватели, обучавшиеся в России, Саудовской Аравии, Египте или Малайзии, имеют воззрения, принципиально отличающиеся друг от друга). По предмету фикх каждый преподает то, чему его учили в той стране, без учета местной правовой традиции. Именно поэтому и важна унификация учебных программ всех российских исламских вузов по основным религиозным дисциплинам – фикху, тафсиру и т. п.

В последние годы эта проблема привлекла к себе должное внимание руководителей региональных мусульманских структур (духовных управления мусульман), о чем свидетельствует то, что на Северном Кавказе многие вузы названы в честь имамов аш-Шафии или Абу Ханифы – как явное свидетельство приверженности их мазхабам. Тем не менее за этапом декларации своей приверженности должен следовать этап масштабной научной работы по подготовке учебно-методической базы, прежде всего учебной литературы. В этом направлении большая работа проделана ИД «Медина» (это книги, касающиеся богословских проблем: Тафсир Корана Абдуллы Юсуфа Али, серия «Ханафитское наследие»; ряд научных изданий, в том числе выходящих по результатам

проводимых конференций, журналы и газеты, освещающие события, имеющие важность для всей российской уммы).

Проблема квалификации исламских вузов объективно является болезнью роста исламской системы образования. На сегодняшний день руководящий состав исламских вузов представляет собой два вида контингента: 1) светские ученые, не имеющие религиозного образования, но имеющие научную степень и способные организовать учебный процесс в соответствии со стандартами высшего академического образования; 2) религиозные деятели с классическим богословским образованием, совершенно не знакомые с традициями академической науки, не способные наладить образовательный и научный процессы. Ситуация усугубляется еще и тем, что этот второй тип и по линии религиозного образования не представляет собой профессионалов высокого класса. К сожалению, из крайне малого количества выпускников зарубежных исламских вузов со степенью магистра, проживающих в России, практически никто не работает в сфере высшего исламского образования (за очень редким исключением).

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН¹

Вторая половина XIX в. стала периодом буржуазных реформ в России. Для российских мусульман выделяется два периода просветительской деятельности в это время. Первый период связан с собственно 1860-ми гг., со временем «великих реформ» Александра II. Вторым периодом начиная с 1880-х гг. стала эпоха джадидизма, получившая широкий масштаб уже в 1890-е гг. Первый период реформаторства связан с именами Шихабутдина Марджани и Хусаина Фаизханова, второй – с именем Исмаила Гаспринского и его соратников джадидистов. Хусаин Фаизханов выступил с проектом создания групп светской татарской элиты и духовенства, обладающих основами современных научных знаний. Смерть муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Габдулвахиды (Абд ал-Вахида) Сулейманова в 1862 г. создала вакуум власти среди мусульман округа ОМДС на целых три года и потенциальную возможность для реформ. Ш. Марджани стремился занять пост муфтия. В таком случае проект медресе являлся одной из составляющих реформы ОМДС. По проекту Х. Фаизханова 1862–1863 гг. предусматривалось создание 10-классного медресе. Х. Фаизханов прямо писал, что «европейским языкам, географии, медицине и естествознанию обучаются на русском языке, а остальным предметам – на тюркском». В медресе должны были преподаваться мусульманская юриспруденция и арабская филология. Через три года обучение дробилось на два отделения. Учащиеся духовного отделения становились муллами без сдачи экзамена в ОМДС, причем они фактически приравнивались к русскому духовенству и освобождались от налогов и службы в армии. Тем

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Всероссийской научно-практической конференции «Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман», 26 мая 2011 г., Москва.

самым образовывалась бы группа имамов и мударрисов, независимая от произвола верхушки ОМДС и принадлежавшая к привилегированным слоям. Вторая группа должна была получать образование по образцу русской гимназии и иметь право поступления в университет. Х. Фаизханов писал, что «после выхода из университета эти шакирды, сердца которых озарены лучом ислама, а сами воспитаны в духе мусульманского благочестия, могли бы оказать большую заслугу мусульманам».

Х. Фаизханов достаточно высоко оценивал имеющиеся достижения: «Сейчас, слава Аллаху, повелителю обоих миров, у нас есть большие ученые, мударрисы, у нас есть большое количество медресе, в которых обучаются многочисленные шакирды! Разве не хватает этого нашему народу для гордости и славы? Уже два-три столетия мы живем в подчинении русских — христианского народа, однако мы не изменили ни нашего образа жизни, ни обычаев и традиций, ни языка. Среди нас есть богатые люди, владеющие миллионами рублей. Они без какого бы то ни было принуждения выплачивают вмененный им шариатом закат, помимо этого добровольно жертвуют большие суммы. Также усилиями наших богачей и мулл год от года в каждой деревне строятся мечети и медресе, еще красивее, чем прежние, в мечетях возглашается азан, читаются коллективные пятикратные молитвы. Стараниями мулл треть мужчин и женщин из простонародья, даже половина из них, умеет писать и читать».

Однако Х. Фаизхан осознает преимущество современной европейской модели образования по сравнению со средневековой схоластической: «Посмотрите на русских детей, учащихся в гимназии! Они учатся там с десяти до семнадцати, восемнадцати лет. За такое малое время получают много знаний. Они за семь лет хорошо овладевают грамматикой родного языка, получают исчерпывающие знания по риторике, в результате очень хорошо пишут по-русски. Они два-три урока в неделю изучают свою религию, и в этом они не обделены. Изучают мировую историю, кратко знакомясь с древней, средневековой и новой историей. Подробно знают русскую историю. Изучают иностранные языки: латынь,

французский, немецкий, греческий, а некоторые и татарский; знают морфологию и синтаксис, и если не могут свободно говорить, то читают со словарем и понимают книги на этих языках. Они изучают арифметику, алгебру, географию, астрономию, геометрию, логику, различные естественные науки. Мы не говорим, что они в совершенстве знают все эти науки, хорошо их усваивают. Однако они знакомятся с предметом науки, терминами, основными проблемами, в результате они понимают, о чем идет речь, и могут говорить на темы, относящиеся к этим наукам».

Какие же науки необходимы самим мусульманам? По мнению Х. Фаизханова, это логика, математика, геометрия, медицина, земледелие, химия, физика, механика, русский язык, персидский язык (для будущих имамов).

Х. Фаизханов прекрасно понимал, что средневековая схоластика является препятствием для прогресса татарского общества: «В частности, татары России в большинстве необразованный народ, и из-за невежества своего не могут постичь смысл и мудрость установлений шариата. У них в руках – оставшиеся со старых времен, бог знает кем написанные книги. В этих книгах есть безосновательные слова, порождающие фанатизм и религиозное соперничество. Эти несчастные им слепо верят. Самая авторитетная группа среди них – это те, кого называют образованными, просвещенными. Однако и большинство из последних необразованны и не знают ничего, кроме шариатских наук, из-за бедности и отсутствия обустроенных медресе». Х. Фаизханов собирался выстроить систему медресе среднего уровня «в Оренбурге, Семипалатинске, Троицке, Астрахани, Буинске, в больших деревнях, которые являются центрами ислама, можно открыть медресе, назначить туда по два-три преподавателя, и там можно было бы заканчивать первый курс нашего медресе»¹.

¹ Хусаин Фаизханов. Тарихи-документаль жыентык. Казань, 2006. С. 12–57; см. пер.: Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2008.

Во многом близкие идеи о реформе образования Исмаил Гаспринский изложил в 1878 г. в статье «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения». Он сформулировал здесь и свои основные теоретические постулаты об отношении мусульман России к русской государственности и основным направлениям реформ в мусульманском обществе. Первым стал тезис об исторической неизбежности поглощения земель бывших тюркских ханств российским государством. Далее И. Гаспринский остановился на культурном развитии мусульман России. Образ жизни мусульман в сфере культуры не изменился со времен независимых ханств. Наоборот, основы научных дисциплин в медресе были утрачены и заменены схоластикой. Абсолютно не изменился образ жизни основной ячейки общества – традиционной общины. По утверждению И. Гаспринского, «всякая такая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма».

Признание бессмысленности ассимиляционной политики неизбежно должно привести к выработке других механизмов включения мусульман в общественную жизнь России. И. Гаспринский предложил сделать татарский язык языком преподавания в государственных начальных и ремесленных школах. Преподаватели таких школ должны были получить образование в 9–10 реформированных медресе, превращенных фактически в учительские институты². Эта программа представляла собой целостную совокупность мер, направленных на создание культурных институтов общества на уровне национальной начальной школы. При этом такая школа обеспечивалась преподавателями из лиц собственного вероисповедания и учебной литературой.

В 1898 г. И. Гаспринский выпускает книгу «Рухбар мугаллимин яки мугалимлэре юлдаш» («Помощник учителю») – справочник

² *Исмаил-бей Гаспринский*. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения // Исмаил-бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Фонд «Жиен»; Татар. кн. изд-во, 1993. С. 16–58.

для учителя джадидистской школы. В число ее предметов вошли чистописание, письмо, чтение на тюркском и арабском, счет в размере четырех действий арифметики, тюркская морфология, а также основы веры. Преподавание ведется на родном языке учащихся¹. Таким образом, происходит введение светской школы на родном языке, где религиозные предметы занимают только четыре часа в неделю.

Имя Хусаина Фаизханова как критика схоластической системы образования было известно уже в конце позапрошлого века. Так, симбирский имам Джамалетдин Сеюндуков на страницах газеты «Тарджеман» указывал, что упадок системы образования осознавали Х. Фаизханов, Ш. Марджани, муфтий ОМДС Салимгирей Тевкелев².

Хусаин Фаизханов в силу своего рождения в пределах тогдашней Симбирской губернии, своего образования в Казани и служебной карьеры в Санкт-Петербурге не поддерживал тесных связей с Нижним Новгородом. К тому же татарская мусульманская буржуазия, в первой половине 1860-х гг. еще ориентированная преимущественно на среднеазиатские рынки, не видела причин для отказа от бухарской системы образования. Наоборот, после введения Правил 1870 г. об обязательности преподавания русского языка в медресе и запрета на приобретение недвижимости в Средней Азии и казахских степях (1868) мусульманские баи все больше ориентировались на внутрироссийские рынки. Этим воспользовался Исмаил-бей Гаспринский. Основатель джадидизма не только проводил на Нижегородской ярмарке сбор средств для издания газеты «Тарджеман», но и в 1887 г. к приезду муфтия ОМДС М. Султанова приурочил открытие образцового новометодного мектеба³.

¹ Гаспринский И. Рухбар мугаллимин яки мугаллимлэре юлдаш. Бакчасарай, 1898.

² Тарджеман. 1894. 14 января.

³ Тарджеман. 1887. 30 мая.

В конце XIX в. практически все татары-оптовики на Нижегородской ярмарке были видными общественными деятелями. Они контролировали на местах целые сети мечетей и мектебов, финансировали медресе и благотворительные общества. Среди наиболее видных промышленников можно упомянуть симбирского миллионера, суконного короля Хасана Тимербулатовича Акчурина и владельца фабрики по производству сукна из Кузнецка Саратовской губернии Юсуфа Аминовича Дебердеева. Казань представляли будущие лидеры казанского бюро «Иттифака» купцы Мухаммад-Бадретдин Абдулкаримович Апанаев, Садык Сафинович Галикеев, Саид Гайсович Мусин и Сулейман Мухаметзянович Аитов. Из Иркутска приезжал торговать пушниной Шагидулла Шафигуллин, содержавший центр джадидистского образования в Акзегитове Цивильского уезда Казанской губернии. Оренбург представлял Хусаин Махмутович Хусаинов из семейного клана Хусаиновых, а Троицк Оренбургской губернии — Мулла-Гали Яушев⁴. Практически все они вошли в число сторонников джадидизма, названных лично И. Гаспринским в 1893 г.

Единство российских мусульман было нарушено, когда в период революции 1905–1907 гг. часть молодежи восприняла лозунги классовой борьбы. На II Всероссийском мусульманском съезде в январе 1906 г. И. Гаспринский обратился к молодым радикалам: «Если подобная вам горячая одухотворенная молодежь будет служить нации, будет поднимать ее культурный уровень, тогда мы будем говорить о классовых противоречиях; у нации, не имеющей культуры, не может быть промышленности, так как ее нет, еще рано для классовой борьбы. Наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы готовить пути для роста культуры. А следующие за нами подготовят дальнейшее». Исмаил Гаспринский четко выразил свои идеи и на III Всероссийском мусульманском съезде,

⁴ Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань: Идеал-Пресс, 2001. С. 98–100, 151–152, 168–173; Сентоткин С. Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI в. до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 352–354.

состоявшемся 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде. Он призвал к тому, чтобы единую религиозную автономию российских мусульман возглавили Г. Баруди и Ю. Акчура. Таким образом, муфтием должен был стать *улама*, а его помощником — юрист.

К сожалению, возможности для просвещения и объединения российских мусульман были окончательно подорваны к концу 1920-х гг. Абсолютное большинство сторонников И. Гаспринского из числа представителей различных мусульманских народов СССР было репрессировано. О нем можно было возможно говорить только отрицательно, причем львиная доля информации была недостоверной или вывернутой наизнанку.

В постсоветскую эпоху наследие И. Гаспринского получило новую актуальность в связи с необходимостью интеграции на пространстве СНГ. Культурно-просветительские методы имеют гораздо больше шансов для объединения, чем откровенно политические. Поэтому в рамках Издательского дома «Медина» мы обращаем приоритетное внимание на исследование развития мусульманской цивилизации на евразийском пространстве. Здесь фундаментальным проектом являются энциклопедические словари серии «Ислам в Российской Федерации». Уже вышли в свет пять словарей: «Ислам на Нижегородчине»; «Ислам в центрально-европейской части России»; «Ислам в Петербурге», «Ислам в Москве» и «Ислам на Урале». В настоящее время ведется активная работа над следующими томами серии: «Ислам в Поволжье», «Ислам в Татарстане» и «Ислам в Башкортостане». Ряд томов уже начали переводить на фарси, есть предложения по переводу на арабский язык. Сейчас ведется работа над структуризацией данного проекта в рамках создаваемого при Духовном управлении мусульман Европейской части России (ДУМЕР) Института исламской энциклопедии им. Ризаэтдина Фахретдина. В целом намечено создание 12-томного энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации». Началась подготовительная работа над томами, посвященными развитию ислама в Сибири и на Дальнем Востоке, а также на Северном Кавказе. Уже поступают

предложения по созданию новых словарей, посвященных Казахстану, Средней Азии, Украине.

Важным фактором, способствующим сотрудничеству авторов словарей, является целый ряд научных форумов, посвященных выдающимся деятелям мусульманского мира России. Среди них нужно отметить всероссийские мусульманские форумы и Фаизхановские чтения на Нижегородчине, Фахретдиновские чтения в Уфе. Данный форум, посвященный Исмаилу Гаспринскому, открывает серию научных конференций, проводимых в Москве. Мы глубоко благодарны ее участникам и надеемся, что это мероприятие станет первым в череде научных форумов, проводимых в российской столице.

Литература

Хусаин Фаизханов. Тарихи-документаль жыентык. Казан, 2006.
Пер.: Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: Медина, 2008.

Исмаил-бей Гаспринский. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения // Исмаил-бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Фонд «Жиен»; Татар. кн. изд-во, 1993. С. 16–58.

Гаспринский И. Рухбар мугаллимин яки мугалимлэре юлдаш. Бакчасарай, 1898.

Сенюткин С. Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI в. до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001.

Тарджеман. 1887. 30 мая; 1894. 14 января.

Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX века. Казань: Идеал-Пресс, 2001.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Вслед за наступившей свободой совести в начале 1990-х годов все религиозные общины переживают бум своего возрождения, и одно из самых заметных мест в этом плане принадлежит мусульманской умме России. По всей стране открываются десятки исламских медресе и сотни или даже тысячи курсов по изучению основ религии; многие медресе учреждаются на месте старых, дореволюционных, тем самым автоматически закрепляя за собой имидж «возрожденных» некогда общепризнанных центров по исламскому богословию. При ближайшем рассмотрении независимо наблюдателю, конечно, становилось очевидным, что ни о какой преемственности традиций между дореволюционными медресе и современными учебными заведениями — пусть даже с тем же названием и в том же здании — не могло быть и речи, поскольку слишком огромным, непреодолимым был разрыв между прошлым и настоящим. Непреодолимость двух систем исламского образования — дореволюционного и современного — состояла даже не в том, что прошло слишком много времени между этими двумя всплесками мусульманской активности, но на совершенно ином уровне: неузнаваемо изменилось общество, начиная со среды обитания и образа жизни и заканчивая общим менталитетом и социальным положением человека. Тем не менее мы продолжали апеллировать к прошлому, игнорируя нашу действительность, и более того, молодежь из числа мусульман в 1990-х гг. активно откликнулась на призыв обучаться религии предков в самом престижном — «со времен Габдуллы Тукая» — исламском медресе в N-ном городе.

¹ В основу статьи положены: Материалы научно-практического семинара, посвященного 10-летию Нижегородского исламского медресе «Махинур» 29 октября 2004 г. «Исламское образование в России: проблемы современности». — Нижний Новгород. — 2005. — С. 35–42.

По прошествии нескольких лет стало ясно, что многочисленность мусульманских учебных заведений, их стремление продолжить историческую традицию дореволюционных времен, их пафосные названия не стали панацеей от всеобщей бездуховности, и более того, не удалось справиться с самой главной задачей, стоящей перед нами, — создание широкой и значимой прослойки грамотных специалистов в области исламского просвещения и проповеди. Могло ли быть иначе, учитывая то ужасное состояние, в котором находилась религия после семидесяти лет ее тотального подавления? Наверное, и нынешним, пусть и малозаметным, результатам в исламском преподавании нужно радоваться, постоянно сравнивая их с периодом забвения религии. Однако нам все же хотелось бы активизировать деятельность на этом поприще, создать более эффективные условия работы, тем более что мы живем в очень сложное время, время глобального антиисламского заговора, выдерживая при этом многоуровневую конкуренцию со стороны других религиозных и светских групп.

Конечно, нельзя напрочь отвергать все результаты сложившейся в эти годы системы исламского образования, в конце концов многие из нас получили базовые знания, и не самого плохого качества, в этих медресе. Мы вообще выступаем против принципа «разрушить все до основания, а затем...». Вовсе не разрушать, а созидать на основе того, что наработано за эти годы, — вот наша задача. Здесь можно провести аналогию — может быть не самую корректную, но из нашей действительности: вспомним, сколько футбольных клубов было создано в первые постперестроечные годы, и каждый из них самостоятельно стремился к успеху (как правило, мало чего добившись), однако, когда пришло время профессионализма в этой сфере, их число стало стремительно сокращаться.

Один из первых шагов на пути к созданию эффективного исламского образования в России для некоторых, видимо, нелегкий, но крайне необходимый, — унификация учебных заведений в соответствии с той системой, которая существует в нашей стране

в области светского образования. Эта система выверена жизнью, является логичной и полностью соответствует исламской традиции и представляет собой градацию всех учебных заведений на высшие, средние или средние специальные и низшие. Высшее учебное заведение, институт или университет, дает студенту высшее образование и присваивает соответствующую специальность, причем документы выпускника должны быть признаны государством. Вуз – сложнейшая и уникальная система преподавания, которая может быть создана только на основе соответствующей базы; преподавательский состав вуза состоит из специалистов, имеющих ученые степени в области светских наук или богословия. Вуз обязан иметь государственную аккредитацию. Проблема как раз в том и заключается, что в условиях отсутствия лицензирования религиозных учебных заведений статус института или даже университета может выписать себе любой желающий; естественно, студенты, обучающиеся в таком липовом вузе, даже не подозревают, насколько далека его учебная программа от настоящей, преподаваемой в светском институте. Знаете ли вы, сколько так называемых «исламских институтов» расплодилось на Северном Кавказе? А кто в состоянии сказать, чем выпускник такого института отличается от слушателя обычных вечерних курсов при мечетях?

В нашей сегодняшней действительности никто не возьмется сказать, каков должен быть изучаемый минимум в том или ином исламском учебном заведении, поскольку отсутствует нормативная база, регламентирующая исламское богословское образование в целом. Однако, руководствуясь здравым смыслом и преподавательской практикой, я лично нахожу ненормальным то положение, при котором выпускник казанского «высшего исламского медресе» за шесть лет своего обучения проходит всего 39 предметов (так записано в дипломе), в то время как студенты нашего, «не высшего» Нижегородского медресе «Махинур» всего за три года изучают 43 предмета. Очевидно, что число предметов, уровень их преподавания может различаться в разных учебных

заведениях, но все-таки методические основы преподавания должны быть разработаны и стандартизированы. Именно в соответствии с этими стандартами мы сможем определить, какое учебное заведение соответствует или, наоборот, не соответствует заявленному им статусу, сможем узнать в целом об уровне преподавания в том или ином медресе или исламском институте.

Тщательно обдумывавшаяся нами идея создания трехступенчатой системы исламских учебных заведений в случае ее воплощения в жизнь стала бы сегодня достойным ответом на такие новые вызовы современности, как внедрение в учебные программы школ и вузов основ православия, исламофобия, отражающаяся сегодня и на работе наших медресе и воскресных школ при мечетях. К великому сожалению, разновекторность развития Духовных управлений мусульман России, их разобщенность не позволили не только приступить к созданию трехступенчатой системы исламского образования, но даже к обсуждению этой заслуживающей внимания программы развития в этой сфере, хотя наши предложения не остались незамеченными.

Сегодня наше государство стало активно продвигать идею теологического образования в светских вузах. Как всегда, наиболее развернуто эту программу воплотили представители РПЦ. Государство само финансирует преподавание богословских дисциплин, полностью обеспечивая образовательную подготовку студента в вузе высококвалифицированными преподавателями с докторскими и профессорскими дипломами. При этом представителю церкви остается лишь наполнить, так сказать, содержанием форму этого учебного процесса. Заниматься преподаванием основ религии в светском вузе имеют право только дипломированные специалисты, и недостатка в таких профессионалах в православной церкви нет. И по готовности учебных программ, и по наличию преподавательского состава, и по числу вузов, уже внедривших или готовых в ближайшее время заняться преподаванием основ православия, – в общем и качественно РПЦ опередила многочисленные духовные управления мусульман на сотни шагов вперед, в то

время как мусульмане оказались неспособными вписаться в этот процесс. Преподавание теологии в светском вузе равнодоступно для представителей всех религий, и мы отстаем здесь по собственной вине, из-за собственной инертности и разобщенности.

Я не хочу лишний раз критиковать деятельность исламских вузов, однако замечу, что десяток выпускников в год — это цифра, не соответствующая статусу вуза. Я полагаю, мы не сможем подготовить грамотных, дипломированных специалистов для российской мусульманской уммы в рамках только лишь исламских вузов, и единственный выход, самый разумный и вполне естественный, — воспользоваться предложением государства о преподавании теологии в светских вузах, как это сделали православные. При этом мы должны четко понимать: государство не будет учить нас, наших юных мусульманских студентов религиозной практике. Практическое наполнение теоретической базы, получаемой студентом в вузе, должны предоставить не государственные, не вузовские преподаватели, а представители ислама. Таким образом, когда Духовное управление мусульман, заключив соответствующий договор с определенным вузом, направляет на учебу по специальности «теология» или «исламская теология» своих студентов, оно (Духовное управление) не должно затем сидеть сложа руки в течение 4–5 лет и ждать выпуска готового богослова. Напротив, такое Духовное управление будет обязано не просто издали контролировать процесс обучения, а, как я уже сказал, наполнять его практическим содержанием, то есть начитывать определенное количество часов конкретных дисциплин, связанных с религиозной практикой, и проводить со студентами большую часть внеурочного времени для того, чтобы будущий теолог стал настоящим практикующим мусульманином. Плюсы такого сотрудничества государства и ислама налицо: грамотные, подготовленные в России дипломированные улемы смогут реально противостоять натиску как псевдоисламского радикализма с его «амирами», так и якобы традиционного «местного варианта ислама» с его «устазами». Наша задача — вписаться в эту программу,

разработанную государством вместе с вузами. Престижность вузовского образования очевидна; понятно и то, что именно светские вузы предоставляют отсрочку от армии и выплачивают стипендию, что немаловажно в нашей действительности. Разницу между дипломом настоящего вуза и исламского института также объяснить не стоит. Вопросы заключаются лишь в том, какую учебную программу вузовского уровня мы можем предложить и кто из представителей Духовных управлений мусульман, обладающий необходимым дипломом, станет ее воплощать в жизнь. Очевидно, что решать эти проблемы нужно сообща, а не по принципу «каждый сам за себя», как это происходит в наших Духовных управлениях до сих пор.

* * *

Продолжая развивать ту систему, которая видится нам в качестве должной и единственно возможной сегодня в России, замечу, что исламских институтов — просто по определению — не может быть много в нашей стране, ибо даже в мусульманских странах с их развитой богословской школой и многовековыми традициями, с поддержкой на правительственном уровне и в соответствующем верующем обществе число религиозных вузов можно пересчитать по пальцам одной руки. Такой исламский вуз должен продолжать традицию сложившейся системы исламских медресе, соответствовать требованиям татарско-башкирской богословской идеологии, иметь возможность привлечь к преподаванию высококвалифицированные кадры, в первую очередь из числа профессуры светских вузов. Незрелость всей системы исламского образования в целом приводит к тому, что особо большой разницы между уровнем исламского вуза и медресе не слишком значительна. То есть исламский вуз дает студенту, по крайней мере на начальных курсах, примерно такую же учебную программу, как и медресе, в то время как разрыв между ними, разница в их статусе должна. Вероятно, исламский вуз должен все же ориентироваться на привлечение

в ряды студентов в первую очередь людей, уже имеющих необходимую первоначальную базу исламских дисциплин — ту самую базу, которую можно приобрести в медресе. Тогда можно будет не тратить драгоценное время, значительные силы и финансовые средства на то, чтобы обучать первокурсников исламского института или университета арабской азбуке и коротким сурам Корана. Таким образом, такой вуз станет высшей точкой в сфере исламского образования в России. Некоторые могут возразить — станет высшей и недостижимой для многих желающих, может быть, даже для большинства. Попробую заранее подискутировать: да, мы стоим на той позиции, что богословов с высшим образованием не может и не должно быть много.

Позиция нашего Духовного управления известна: муфтиев в нашей стране, простите за выражение, развелось так много, что либо у нас каждый второй должен быть теологом, либо называющие себя этим «титолом» даже не подозревают, какое значение он несет. Сподвижники Пророка (с. а. в.), признанные знатоки шариата, взявшие его из рук самого Посланника Аллаха, боялись выдать фетву, чтобы не угодить в Адский Огонь, обещанный Пророком (с. а. в.) каждому, кто принял неправильное решение. А в нашей стране, где знатоков шариата просто не может быть много, от силы 4–5 человек, каждый председатель Духовного управления мнит себя муфтием, причем подавляющее большинство из них не в состоянии не только принять, но даже и правильно огласить уже принятую фетву. Мы настаиваем на том, чтобы количество в этой сфере стало переходить в качество. Также и с исламским вузом: лучше меньше, да лучше (имея в виду качественно и профессионально подготовленных выпускников). Ведь за 4–5 лет невозможно постичь все тонкости исламского знания — а современный имам должен быть еще и грамотным в области светских дисциплин, а также и в совершенстве владеть несколькими языками. Только такой наставник, проповедник и преподаватель сможет увлечь за собой людей, только высокообразованный религиозный деятель востребован сегодня обществом. А это значит, что

надо поступиться количественными показателями абитуриентов исламского вуза в пользу иных критериев. Исламский университет или институт, если только его руководство имеет намерение достичь значимых показателей в сфере исламского образования, должен будет прийти к выводу о необходимости набора студентов только из числа тех, кто уже имеет необходимый дисциплинарный минимум.

Этот минимум студент имеет возможность получить, в медресе, которое будет соответствовать среднему или среднему специальному учебному заведению. Какие предметы должно проходить на уровне этого звена? Как уже было сказано, сегодняшняя действительность показала никчемность исключительно религиозной подготовки без необходимого уровня светских знаний. Приведу яркий пример: когда я учился в Священной Мекке вместе с десятками других молодых людей из России, вместе с нами там был юноша из Татарстана, который брал дополнительные уроки по Корану и хадисам у тамошних учителей в Запретной мечети. Один из учителей, руководствуясь доступным ему толкованием Корана, внушил нашему молодому «герою», что именно Солнце вращается вокруг Земли, но никак не наоборот. Парень был из числа очень набожных, но достаточно ограниченным в своих познаниях мира — он приехал в Мекку, не окончив средней школы. Уверовав во вращение Солнца вокруг Земли, он стал обучать этой и подобным другим «правильным» мыслям своих товарищей — 15–16-летних юношей из России. Представьте себе ситуацию, когда этим молодым имамам, получившим образование не где-нибудь, а в самой Мекке, придет время проповедовать в России. Даже в сельской местности, не говоря уже о городе, они не смогут увлечь образованных людей, и снова религия останется уделом стариков и малограмотных женщин. А ведь мы стремимся к построению грамотного исламского общества, привлекательного для всех слоев населения и приемлемого для разных этнических групп.

* * *

Медресе должно стать таким учебным заведением, где выходцы из разных социальных классов получали бы не только религиозные знания — в том минимуме, чтобы работать имамом-хатыбом или проповедником, — но и набор светских дисциплин. Учебная программа медресе должна быть методически выверена и соотнесена с программами профессионально-технических училищ или техникумов.

Какое количество медресе должно быть в России? Очевидно, что из всех выпускников всех существовавших в последнее десятилетие медресе в нашей стране по своему профилю — в области религиозной деятельности — работает не более нескольких процентов. Это значит, что подавляющее большинство медресе работают, что называется, впустую и эффект от их деятельности близок к нулевому. Финансирование медресе — задача, которую должно взять на себя региональное Духовное управление мусульман или же несколько управлений вместе, — должно идти по целевому, а не остаточному принципу, однако материально обеспечить 5–10 медресе не под силу никакому, даже самому богатому ДУМ. То же самое касается кадрового состава преподавателей: специалисты не должны быть распылены по одному-два человека на десяток малоэффективных медресе. Пусть лучше будет наоборот: в двух-трех учебных заведениях станут работать по несколько грамотных преподавателей, и именно они вытеснят всех прочих, вошедших в эту систему на волне повышенного интереса к религии, но не имеющих специальных навыков преподавания и соответствующих знаний. Учебные программы и пособия, необходимые нашему обществу, смогут быть разработаны при взаимодействии руководства нескольких медресе, а выработать единые стандарты обучения сегодня просто не представляется реальным, учитывая полное отсутствие не просто координации между разными медресе, но и сам стиль обучения, само устремление того или иного исламского учебного заведения.

Приведу пример: Нижегородское медресе «Махинур» не ставит своей целью в течение трех лет обучить студента арабскому разговорному языку — мы понимаем, что это нереальная задача; но читать и понимать текст аятов Корана и хадисов наш выпускник должен. Однако он также должен уметь правильно донести свои знания до слушателя, а для этого ему необходимо грамотно владеть русским языком, что является проблемой не только лишь для выходца из татарского села. Таким образом, мы несколько смещаем акценты, стремясь в первую очередь подтянуть своего студента до уровня современного среднестатистического, достаточно грамотного гражданина. Естественно, задача собственно медресе — выпуск имама и проповедника, и с этим у нас, аль-хамду Лиллях, все прекрасно, однако нас не устраивает уровень сельского муллы, поэтому мы, помимо прочего, даем студенту знания компьютеров и базового английского языка, представления об этике и культуре не только исламского, но и современного светского общества. Все это делается с целью воспитания специалиста в области ислама на уровне современных требований.

Позвольте мне довести до логического конца мысль о том, как нам видится вся цепь исламского образования в России на ближайшую перспективу. Большая часть действующих сегодня медресе, видимо, работают на уровне воскресных школ по преподаванию азов религии. Словом «медресе» следует называть только средние специальные учебные заведения по подготовке имамов-хатыбов и проповедников с дневной формой обучения и оговоренной учебной программой как в области собственно религиозной подготовки, так и в светской части. Следующее звено — высшее исламское образование, исламский вуз. И, наконец, последняя ступень — аспирантура и докторантура, не разработанная на сегодняшний день в нашей стране совершенно. Позволю только заметить, что такая форма обучения должна быть, а соответствующие ученые степени в области богословия должны присваиваться некой специально созданной комиссией.

Эта цепь исламского образования может и должна стать наиболее эффективной и заметной во всей истории развития ислама в нашей стране. Мы готовы на конкретных примерах, с цифрами в руках доказать необходимость развития именно такой системы, с одной стороны, и показать неэффективность существующей — с другой. Но как же быть тем регионам, тем Духовным управлениям, которые уже имеют свои собственные учебные заведения, не попадающие в озвученный мною проект? Очевидно, что любое достижение перестает быть таковым, если не имеет развития, если не выдерживает конкурентоспособности и не предлагает какие-либо новации. На наш взгляд, ситуация такова: если в некоем медресе не преподаются светские дисциплины и русский язык в необходимом объеме, это значит, что его выпускники не смогут работать имамами и проповедниками в современном обществе. Закрывать такое медресе вовсе не следует, его нужно перепрофилировать. Например, пусть медресе в городе N станет знаменитым на всю страну центром по изучению арабского языка или же не имеющим конкуренции по всей России центром Тахфиз аль-Куран. Естественно, учебная программа такого профильного центра-медресе должна быть составлена на высоком уровне. Арабское языковое училище должно получить государственную лицензию на преподавание арабского языка, а в его учебную программу должны быть включены такие специализированные предметы, как каллиграфия, фонетика, морфология, риторика, культура речи и прочие лингвистические дисциплины. То же самое с центром Тахфиз-уль-Куран: здесь обязательны для преподавания тиява, махрадж, 7 видов чтений, таджвид и т. д. Тогда мы у себя, в Нижнем Новгороде, будем говорить абитуриентам и студентам: «Вы желаете стать грамотными арабистами или знатоками Корана? Обращайтесь в город N, а мы готовим имамов и проповедников среднего уровня». Таким образом, мы сможем создать ситуацию, когда все ступени исламского образования и все учебные заведения будут объединены единой программой развития, и предотвратим резкое падение престижа исламского образования. Не 20

преподавателей будет приходиться не 5–6 студентов, как это имеет место кое-где в казанских медресе, а наоборот.

Необходимо заметить, что старшее поколение учителей в медресе не владеет методологией преподавательской деятельности, они не могут составить грамотных программ обучения, не имеют представления о расписании. Мы ведь даже не знаем, сколько страниц должно быть в дипломной работе выпускника, а о многих вопросах имеем очень приблизительные, субъективные представления. Эта ситуация ненормальна, и в ходе реформирования исламского образования в стране в целом должна возникнуть новая ситуация, при котором к этому самому актуальному вопросу нашей уммы будут привлечены специалисты.

У многих медресе в России нет государственных лицензий, они не могут предоставить студенту отсрочку от армии, большинство сталкивается с серьезными финансовыми проблемами. Это только вершина айсберга, а ведь есть еще и проблема трудоустройства выпускников медресе — лишь малая часть их в дальнейшем пойдет на работу в мечеть, лишь единицы станут имамами. А учебный процесс требует постоянного финансирования. Существует и такая проблема, как излишнее, неоправданно пристальное внимание со стороны спецслужб. Следует учесть и то, что в течение 2–3 лет нереально воспитать имама как личность, как богослова, как исламского преподавателя. При всем этом существует огромное число медресе. Каждое сталкивается с нехваткой преподавательских кадров и денег и, кроме того, вынуждено еще конкурировать с другими медресе. Есть ли выход из этого замкнутого круга?

На сегодняшний день мы в Нижнем Новгороде пришли к выводу о том, что среднее исламское образование изживает себя и требует кардинального пересмотра сама концепция системы образования. Один из выходов я уже предложил — это перепрофилирование двух-трех существующих, готовых к этому медресе, в специализированные центры. Но что делать подавляющему большинству российских медресе? Мы считаем, что следует поменять саму

специфику этого звена в нашей трехступенчатой системе. Им следует специализироваться на людях более старшего возраста, которые уже отслужили в армии, наладили свой быт и состоялись как личности в местах своего проживания. В этом случае медресе станут готовить работников именно для той социальной ниши, которая так и осталась пустой за десять лет функционирования самой системы медресе, — прежде всего сельских имамов и преподавателей ислама на селе. Соответственно будут сняты проблемы невостребованности выпускников, непризнанности диплома государством и отсутствия отсрочки от армии. Наконец, возрастет престижность медресе, поскольку именно работа с рядовыми мусульманами является нашей ключевой задачей, воплощать которую в жизнь должны сельские имамы.

Безусловно, такой шаг потребует пересмотра учебных программ медресе, однако не это самое главное. Важнее то, что, только поняв потребности времени и своевременно пересмотрев подходы к решению насущных задач, мы сможем адекватно реагировать на те или иные изменения социально-политической атмосферы в обществе. Для этого нужны воля и объединение усилий руководителей всех мусульманских Духовных управлений и учебных заведений, организаций и структур! Если мы не успеем вовремя внести изменения в нашу жизнь, нас ждет или забвение, или радикализация общества с неизвестным исходом. Важно и то, что только в сотрудничестве с властями мы сможем отстоять свои позиции — это не лозунг и не пустые слова, и к такому выводу уже давно пришли все региональные Духовные управления мусульман.

В связи с вышеизложенным резюмирую задачи, которые являются базовыми для занимающихся вопросом об исламском образовании в России:

- разработка учебно-методических стандартов для начальных и средних профессиональных исламских учебных заведений;
- выработка форм контроля и внутриконфессионального негосударственного лицензирования данных учебных заведений;

— создание и представление учебных пособий для преподавания краеведческих дисциплин с изучением местной исламской истории в государственных школах в местах проживания мусульман.

Заранее предвидя вопрос о финансировании организационной структуры, которая займется реформированием исламского образования, хочу высказать мысль о необходимости долевого участия Духовных управлений мусульман в организации ее работы. То, что должна сделать эта структура, чрезвычайно важно: это и утверждение нормативов учебных программ, и проверка соответствия учебных планов, и вопросы квалификации преподавательского состава, и унификация учебных пособий. Кроме того, такая структура должна решать насущные вопросы по обмену студентами и обмену преподавательскими кадрами между разными учебными заведениями, а также вопросы трудоустройства выпускников. Например, у нас в области есть регионы, куда мы хотели бы взять выпускников из Казани, однако в силу отсутствия даже подобия координации между Духовными управлениями и медресе мы не можем реализовать эту идею на профессиональном уровне. Попутно выскажу и еще одну мысль: учебные заведения обязаны координировать свою работу с Духовными управлениями, потому что переизбыток или недостаток выпускников способен сыграть немалую роль в развитии ситуации в регионе в целом.

Этими вопросами должны заниматься грамотные специалисты, которые будут работать над проблемами реформирования исламского образования, будут иметь представление о числе учебных заведений в каждой местности, количестве преподавателей и их квалификации, числе студентов, учебных программах и специализации того или иного медресе или учебных курсов.

* * *

Мусульмане оказались мало готовыми к тому, что уже сегодня в государственных школах и вузах страны вводится теологическое

образование, а именно предмет «основы православной культуры». Одна из причин этого видна — православная церковь сама явилась лоббистом такого решения, подготовив все материалы заранее, однако это не является оправданием тому, что мы до сих пор не выработали необходимого решения. Уже сегодня нужны готовые программы по предмету «краеведение» для средней школы, в рамках которых изучались бы история и настоящее местных мусульман в местах их проживания.

Как известно, в последнее время проводится массированная атака процерковных деятелей по вопросу внедрения в светскую школу в нарушение Конституции РФ предмета «основы православной культуры». Во многих регионах России в школы и детские сады, в техникумы и ПТУ уже отправились преподаватели-миссионеры. Безусловно, опасность тотальной христианизации ощущается прежде всего в городе, где мусульмане не проживают компактно, в татарских же селах дело обстоит несколько иначе. Однако угроза, нависшая над сельской школой, также связана с религиозным компонентом.

Я имею в виду, конечно, проблему общей бездуховности и безнравственности, порожденную нашим временем. Если в советские времена существовали какие-то нормативы, строгие законы, не позволявшие восторжествовать хаосу, то на сегодня единственным сдерживающим фактором в обществе может быть только мораль. Рост преступности, в том числе подростковой, падение нравственности в школах и учебных заведениях — это факт, на который нельзя закрывать глаза. Алкоголизация населения, растущая на его фоне психологическая депрессивность и всеобщая деградация могут быть предотвращены исключительно созданием качественно иной моральной атмосферы в обществе.

Конечно, я не выступаю за превращение светской государственной школы в религиозную. Наоборот, принцип нашей работы на селе заложен в наших уставных документах: медресе — младшая сестра государственной школы, и исходя из этого тезиса должны работать наши проповедники и имамы. В современных условиях

ребенок должен получить прежде всего качественное среднее образование, ибо даже отучившийся в арабской стране имам не сможет работать со своими прихожанами, не имея должного уровня светской грамотности. Внешкольное обучение вообще не должно конкурировать или мешать изучению школьной программы, это относится и к воскресным курсам при мечетях. Однако преподаватели не должны забывать, что если ребенок с раннего детства воспитан в имане (вере) и таква (богобоязненности), это предотвратит его дальнейшее развращение нынешней аморальной средой. Задумайтесь над тем, что наш Пророк Мухаммад, с. а. в., говорил: «Поиск знания есть долг каждого мусульманина». Всякий человек, воспитанный в вере, просто обязан выполнять предписания нашего Пророка, а значит, согласно этому хадису, должен учиться хорошо и отлично и стремиться к постижению высот Знания.

Некоторые преподаватели сельских школ ставят в вину воскресным религиозным школам то, что обучение в них отрывает детей от выполнения домашних заданий, изучения основной школьной программы. Конечно, каждый случай такого рода должен быть отдельно изучен: факультативные занятия ни в коем случае не должны мешать овладению школьной программой. Однако нам показалось, что эти упреки надуманны и явно преувеличены: неужели на селе в свободное от учебы время дети занимаются исключительно выполнением домашних заданий? Вовсе нет, и хорошо, если они заняты работой по хозяйству. Очевидно, надо просто объективно отнестись к нашей действительности, взвесить все за и против и только потом вынести свое суждение по вопросу факультативных курсов по краеведению с исламской составляющей.

Хочу заметить, что в целом мы, нижегородские татары-мусульмане, не являемся носителями мусульманской культуры как таковой. В настоящее время мы представляем собой воспитанников усредненной светской атеистической русской культуры, а поколение нынешних школьников растет в условиях европеизирующейся, тяготеющей к Западу, либеральной и тоже атеистической

культуры. Попробую доказать свои тезисы: в наших учебных заведениях всегда есть место портретам Пушкина, Ломоносова, Менделеева — мы вырастаем на их трудах, нас учат по их заповедям. Никто не говорит, что это плохо. Но скажите, пожалуйста, где, в каком законе, в каком уставе школы написано, что запрещено вывесить портрет Хусаина Фаизханова — крупнейшего знатока татарской словесности, виднейшего богослова и философа, или портреты Саади, Марджани — величайших ученых и беллетристов своего времени! Честно говоря, мы даже далеко не всегда знаем имена своих ученых, которыми некогда по праву гордились наши предки. Наша молодежь с радостью готовится к празднованию 8 Марта или Нового года — но разве какой-нибудь закон запрещает готовиться к празднованию Курбан-байрама, или Уразы-байрама, или Мавлида? Подготовить открытки, нарисовать плакаты, выучить стихотворения на эту тему или суру из Корана... Разве это запрещено законодательством?

Наоборот, скоро мы все окажемся перед фактом, что Русская православная церковь введет свои миссионерские предметы под видом «основ православной культуры» в школьные часы, а мусульмане тем временем не имеют даже наработок в плане преподавания в школе факультативных краеведческих предметов с исламской спецификой.

Проявлением растущей вестернизации нашей культуры являются западные фильмы, молодежный сленг, новые культурные мероприятия, внедряемые в молодежную среду (типа Дня святого Валентина, о котором, кстати говоря, мы вообще ничего не знаем). А вот тот факт, что девушки — учащиеся воскресной исламской школы в одном из сел Нижегородчины пришли на занятия в сельскую школу в платках, вызвало раздражение и ненависть некоторых преподавателей. То есть американо-английскую культуру мы всячески поддерживаем или по крайней мере ничем ее не сдерживаем, а вот исламскую культуру — под запрет. Это не только несолидно, но просто недопустимо в условиях полной потери национальной самобытности в татарских районах нашей области.

Ведь многие сельские школы находятся под угрозой закрытия — более того, уже даже некоторые села оказались на грани вымирания. Татарская культура все более выветривается не только из нашего школьного образования, но даже из сельского быта.

Итак, мы оказываемся бессильными перед огульным пьянством, перед разворотом и потерей своей татарско-мусульманской идентичности; более того, уже завтра нам грозит фактическая христианизация, навязываемая государством. Но даже в этих условиях мы все еще боимся возрождения исламской культуры в тех формах, которые нам никто не запрещает развивать!

Мы прекрасно осознаем, что система исламских медресе не может и не должна составлять конкуренцию сельской государственной школе; более того, далеко не все даже из числа желающих учиться по религиозной стезе пойдут на самом деле в медресе. У нас есть возможности и средства помочь нашей татарской школе снова встать на ноги, повысить уровень, в том числе материальный, а также развернуться в сторону наших мусульманских корней. Это единственный путь, чтобы выжить в этих условиях тотального давления со всех сторон, и это единственная возможность сохранить будущее нижегородских татар. Нашей задачей является создание предпосылок к преподаванию в школе краеведения с учетом исламской специфики наших сел, и это будет достойным ответом на введение ОПК.

Чтобы не быть голословным, приведу ряд цифр по поводу нашей деятельности на селе. В настоящее время филиалы Нижегородского исламского медресе «Махинур» работают в 13 селах нашей области. Кроме того, в трех селах наши сотрудники читают лекции в государственных школах. В некоторых селах, где работают филиалы медресе, учащимся доступны для посещения компьютерные классы, вводится английский язык, работают библиотеки — в отличие от умирающих сельских библиотек. Итак, наша задача — не конкурировать, а помогать сельской школе.

Те школы, с которыми мы сотрудничаем, ежегодно получают от нас наборы книг, подарки для самых выдающихся учеников

и учителей; мы даже идем на оказание финансовой помощи в некоторых случаях. Нами движут исключительно гуманные мысли по спасению, поддержке и дальнейшему развитию татарской национальной культуры, составной и неотъемлемой частью которой является исламская религиозная культура.

Речь идет о целенаправленной работе, которую мы предлагаем вести совместно с ДУМНО всем сельским школам в татарских селах нашей области. Мы должны попытаться вывести нашу татарскую школу на новый, качественно более высокий уровень и полагаемся в этом деле на помощь и поддержку Всевышнего Аллаха.

* * *

Теперь позвольте мне перейти к анализу перспектив развития учреждений начального образования. Прежде всего следует заметить, что преподавание религии в школе также относится к начальной форме образования, однако объективно сегодня мы, мусульмане, совершенно не готовы к этому нововведению. Помимо отсутствия единых методик и учебных программ, у нас отсутствует самое главное для его внедрения – кадры. Очевидно, что воспитанный в светской традиции преподаватель, не сможет не только привить школьникам любовь к исламу, веру в Аллаха, но и просто объективно осветить наше вероучение. Следовательно, реальные преимущества в результате внедрения религиозного образования в школах получит только православная церковь. Здоровое размышление показывает нам единственный выход из этой критической ситуации – школа должна оставаться светской.

Почему бы нам не взять в качестве примера такую развитую демократическую страну, как Финляндия? Там каждый гражданин при устройстве на работу должен предъявить свидетельство об окончании курсов – по системе ликбеза – по основам своей религии. Таким образом, всякий совершеннолетний и дееспособный человек проходит обязательные двух-трехнедельные курсы, которые можно сравнить с курсами по вождению для автолюбителей.

Здесь нет углубленного изучения предмета с практическим разрешением сложных вопросов; речь пойдет только о самом кратком, но интенсивном ознакомлении с основами вероучения, мировоззрения и ритуала. Вот именно такая форма начального исламского образования при мечетях, абсолютно доступная для всех российских мечетей и чрезвычайно полезная в нашем обществе поголовной религиозной неграмотности, и должна стать нашей целью. По большому счету, уже сегодня подобная форма образования и является самой массовой и распространенной. Она существует и при мечетях, и на разных официальных и неофициальных курсах. Вероятно, в ближайшем будущем ее значение будет только расти. Нашей задачей становится ее легализация во всех направлениях — от сопоставления имеющихся учебных программ до разъяснения представителям государства ее значимости и востребованности.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Образование всегда играло огромную роль в исламе, т. к. именно выходцы из духовных учреждений становились опорой мусульманского вероучения, что в принципе характерно для всех конфессий. В связи с этим, начиная с эпохи перестройки, возникла потребность в подобных учебных заведениях, поскольку в Советском Союзе возможность получить религиозное образование была минимальной. Как правило, желающие обрести исламские знания вынуждены были выезжать в Среднюю Азию, где традиции мусульманского образования в какой-то мере продолжали существовать. Одним из самых известных религиозных учреждений того времени являлось медресе «Мир-и-Араб», расположенное в Бухаре. Именно там учились в свое время большинство сегодняшних имамов и муфтиев Российской Федерации.

Исходя из сложившейся ситуации, во многих российских регионах стали организовываться различные курсы по изучению ислама. Понимая, что подобные курсы не соответствуют современным требованиям и не отличаются высоким уровнем, часть молодежи выражала желание учиться за рубежом, где исламское образование стояло на порядок выше, чем в России и даже в среднеазиатских республиках. Одновременно с этим в крупнейших мусульманских центрах, таких как Казань, Уфа, Махачкала, Назрань, Нальчик, Москва, Нижний Новгород были созданы учебные заведения более высокого уровня, получившие официальную регистрацию и лицензию.

Однако высшее исламское образование в 1990-е гг. молодые российские мусульмане могли получить только лишь за рубежом. В основном они отправлялись для этого в вузы Саудовской Аравии,

¹ Мухетдинов Д. В. Основные проблемы в деле развития мусульманского образования в России // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве: сборник статей. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 110–119.

Кувейта, Катара, ОАЭ, Иордании, Сирии, Египта, Турции, Малайзии, Пакистана, Ирана, Ливии, Алжира, Туниса, Марокко, Судана. Иногда российских мусульман-студентов можно было встретить также в Йемене, Индонезии, Ливане, Омане.

В тот период десятки тысяч молодых людей из числа российских мусульман получили возможность выехать на учебу в исламские государства. Казалось бы, российский ислам получил в их лице надежный кадровый потенциал, благодаря которому процесс возрождения мусульманской религии пойдет чрезвычайно быстрыми темпами, и рост религиозных и образованных людей будет происходить в геометрической прогрессии. Тем не менее, процесс массового выезда молодых мусульман для учебы в исламские государства — процесс, не имеющий прецедентов в истории России — не дал достаточного положительного эффекта для роста могущества уммы.

Попробуем обозначить некоторые особенности, которые повлияли на недостаточную эффективность результатов их учебы:

1) Слабый контроль за этим процессом со стороны мусульманских структур.

2) Из этой проблемы возникла следующая: полный разноречивый критерий студентов, отправляемых за рубеж. Для принимающей стороны — исламского вуза в мусульманских странах, критерий был только один — принадлежность студента к исламу. Это определялось на основе имени студента, или имени его родителей. Вступительные экзамены для россиян в исламских вузах были либо простой формальностью, либо отсутствовали вовсе. Так среди российских студентов появилось значительное число людей со слабой и низкой общеобразовательной подготовкой.

Таким образом, зарубежное высшее исламское образование оказалось обесцененным таким подходом, при котором за рубеж поехали «все, кому не лень», процесс их отправки и обучения не контролировался, окончить вуз удавалось лишь единицам. Не менее важно и то обстоятельство, что практически ни с одним мусульманским государством у России не были подписаны договоры

о признании дипломов друг друга. Следовательно, человек, отучившийся 5–7 лет в исламском вузе, не получал легитимные, с точки зрения российской юриспруденции, документы об окончании образования.

В 2000-х гг. проблемами исламского образования озаботилась государственная власть. Она осуществила ряд мероприятий, направленных на унификацию учебных программ, ликвидацию радикальных идеологий из учебных программ. В 2002 году Президент Российской Федерации поручил Министерству образования и науки РФ «в первоочередном порядке разработать комплекс мер по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского». В целях исполнения данного поручения, а также ставя перед собой широкие задачи поддержки традиций и культуры народов России, традиционно исповедующих ислам; воспитания межнациональной, межконфессиональной толерантности, профилактики экстремизма, Мин-во образования и науки России во взаимодействии с вузами, находящимися в ведении Рособразования, и религиозными организациями – духовными (исламскими) образовательными учреждениями разработали и осуществляют на протяжении ряда лет (с 2005 года) комплекс мер, направленный на решение поставленных задач путем создания системы подготовки специалистов по истории и культуре ислама. В силу различных причин объективного и субъективного характера, такая деятельность стала осуществляться сравнительно недавно, а потому справедливо утверждать, что этот процесс только находится в своей начальной стадии. Тем не менее, за последнее время проведена достаточно объемная работа, в которой принимают участие, как органы исполнительной власти (Администрация Президента РФ, Министерство образования и науки РФ и др.), так и мусульманские общественные и религиозные деятели. Эта работа проводится по нескольким направлениям и носит комплексный характер.

Среди мер следует назвать организацию некоммерческого благотворительного фонда «Фонда поддержки исламской культуры,

науки и образования». Сформирован попечительский совет Фонда, Правления, которые аккумулируют и распределяют денежные средства, переводимые в адрес российских мусульман исламскими государствами по линии ОИК и через другие организации.

Следует отметить, что на федеральном уровне проводится серьезная работа по решению проблемы подготовки кадров для Духовных управлений мусульман России. К примеру, в Министерстве образования и науки РФ регулярно проводятся совещания, посвященные развитию мусульманского образования в нашей стране. Вопросы предотвращения на законодательном уровне попыток радикализации и «раскачивания» российской уммы, в частности, в молодежной среде, обсуждаются и в Государственной думе Российской Федерации.

В России также успешно действует целевая Президентская программа подготовки кадров для духовных управлений мусульман в светских вузах.

Таким образом, начата комплексная деятельность по восстановлению и развитию отечественной системы при мусульманских духовных и образовательных учреждениях. В случае системного подхода к этой работе, в течение нескольких лет удастся осуществить подготовку лояльно настроенных кадров мусульманского духовенства, с которым можно будет вести конструктивный диалог. В свою очередь, это будет способствовать предотвращению распространения радикальных и экстремистских идей в мусульманской среде России.

Очевидно, что и само мусульманское сообщество не должно оставаться в стороне от решения обозначенных проблем. Более того, можно и нужно поставить дополнительную задачу к той цели, которую наметило для себя государство в вопросе исламского образования. Цель государственной программы понятна — подготовить государственных чиновников, которые будут так или иначе влиять на исламскую умму. Задача мусульманской уммы, на мой взгляд, должна заключаться в подготовке исламских деятелей, которые смогут так или иначе влиять на государство. Но до сих пор, несмотря

на очевидный прогресс в деле развития мусульманского образования в России, остается нерешенным целый комплекс проблем концептуального плана. Среди них выделю следующие:

Совокупность исламских начальных, средних и высших учебных заведений по всей России до сих пор не сложилась в систему, несмотря на то, что прошло практически 20 лет с момента начала религиозного возрождения. По-прежнему нет интегрированности ни по вертикали (по линии — начальное — среднее — высшее), ни по горизонтали (между вузами различных регионов).

Да, в области интеграции по вертикали Духовное управление мусульман Европейской части России ввело единый образовательный стандарт для начальных и средних учебных заведений, который был разработан Советом по исламскому образованию при Совете муфтиев России. Проблема в том, что ряд крупных медресе России расположено вне территории юрисдикции Совета муфтиев России. Кроме того, не везде предусмотрена возможность продолжения образования в исламском вузе после окончания медресе со 2–3 курса.

Относительно интеграции по горизонтали можно констатировать следующее. Казалось бы, первый шаг уже сделан — в ноябре 2007 года был учрежден Совет ректоров исламских высших учебных заведений России. 2 ноября 2007 года на II Всероссийском мусульманском форуме, в Москве, с аналогичной инициативой выступил председатель СМР шейх Равиль Гайнутдин. Состоялось несколько заседаний Совета ректоров исламских высших учебных заведений России. Но концептуального видения, каким образом развивать высшее исламское образование в России, до сих пор нет.

В каком направлении необходима интеграция высших исламских учебных заведений в нашей стране? В данное время разработан и принят стандарт по образовательному направлению «теология» с квалификацией бакалавр, первые выпускники уже получили диплом государственного образца. Но отсутствие необходимости утверждать единый стандарт по религиозным направлениям, по

которым нет и не будет дипломов гособразца (так как эта сфера находится вне ведения государства), ведет к тому, что в каждом вузе религиозные образовательные направления, специальности совершенно отличаются, так же как отличаются и учебные программы. Таким образом, нет единых критериев оценки деятельности вузов с точки зрения качества. Проводимые олимпиады по арабскому языку и исламским наукам между представителями различных исламских вузов могут дать лишь косвенные данные по качеству подготовки выпускников.

Отсутствию интеграции способствует не только факт административного деления мусульманской уммы на центры (ЦДУМ, СМР, КЦМСК), но и отсутствие единого понимания целей и задач деятельности исламских вузов. Так, в середине 1990-х был широко распространен подход, что исламские вузы — это кузница высокообразованных имамов, другими словами — религиозных деятелей. Такой взгляд на концепцию высшего исламского религиозного образования присущ функционерам из духовных управлений мусульман, муфтиям и сформирован в середине 1990-х, когда бурное строительство новых мечетей в крупных городах сопровождалось громаднейшим кадровым голодом. К слову, эта позиция находила понимание в глазах руководства крупнейших исламских фондов и меценатов процветающих государств Персидского залива и обеспечивала приток спонсорских денег на обустройство данных университетов. Принципиально иной подход постулируют представители интеллектуальных кругов. Они считают, что современный исламский вуз должен готовить, прежде всего, мусульманскую интеллигенцию, которая одинаково осведомлена и в сфере т. н. религиозных, и в сфере светских наук, органично сочетает в себе обе идентичности (общегражданскую и мусульманскую) и готова работать как в мусульманских, так и в светских учреждениях — в области образования, госучреждениях, средствах массовой информации и т. п. Именно эти принципы были заложены в основу учреждения Российского исламского университета в Казани в 1998 году (сформулированы академиком М. Усмановым

и М. Махмутовым) и по большому счету именно конфронтация между этими двумя позициями привела к конфликту между учредителями вузов в 2006 году. Окончательного ответа, куда двигаться дальше, мы пока так и не услышали.

До сегодняшнего дня остро стоит вопрос о религиозно-правовой принадлежности тех или иных исламских вузов — нередко в стенах одного вуза работают и проповедают соответствующие взгляды и знания представители совершенно разных богословских традиций и приверженцы разных мазхабов (преподаватели, обучавшиеся в России, Саудовской Аравии, Египте или Малайзии, имеют воззрения, принципиально отличающиеся друг от друга). По предмету фикха каждый преподает то, чему его учили в той стране, без учета местной правовой традиции. Именно поэтому и важна унификация учебных программ всех российских исламских вузов по основным религиозным дисциплинам — фикху, тафсиру и т. п.

В последние годы эта проблема привлекла к себе должное внимание руководителей региональных Духовных управлений мусульман, о чем свидетельствует то, что на Северном Кавказе многие вузы названы в честь имамов аш-Шафии или Абу Ханифы — как явное свидетельство приверженности их мазхабам. Тем не менее, за этапом декларации своей приверженности должен следовать этап масштабной научной работы по подготовке учебно-методической базы — прежде всего учебной литературы. В этом направлении Издательский дом «Медина» выпустил серию «Ханафитский фикх» (на сегодня издано 6 книг), издал один из самых современных тафсиров Корана на русском языке, выпускает еще многие наименования современной богословской литературы. Президент России Д. А. Медведев на встрече с лидерами северокавказских республик и Духовных управлений мусульман региона отметил, что «бандформированиям по-прежнему удастся втягивать под свое крыло, в свою преступную деятельность молодых людей». Основным средством пропаганды здесь стал интернет. При этом «если говорить о влиянии на умы экстремистских сайтов

и нормальных сайтов, которые объясняют природу ислама, догматы, сайтов, которые существуют в нашей стране, то, к сожалению... это будет не в пользу такого рода сайтов, которые у нас созданы, в том числе и в соответствующих университетах... Мы никого не заставим отказаться от интернета, и мы понимаем, что заблокировать такого рода экстремистские сайты мы не сможем». Действительно современные средства коммуникации без проблем проникают в каждый дом. Именно поэтому уже который год на сайтах islamrf.ru и islamnn.ru мы ведем пропаганду исламской догматики и моральных основ, стоящих как кость в горле, экстремистам. Конечно, хочется говорить всем приятные вещи, а не слушать угрозы в свой адрес. Но такова уже цена правды!

Основную же учебную нагрузку принял на себя сайт Издательского дома «Медина»: idmedina.ru. Как известно, в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама были выпущены учебные пособия во многих вузах страны. На словах это звучит красиво. Реально же на выставках показывают чуть ли единственный экземпляр, который, естественно никому не дарят, да и в библиотеках его не найти. Такой вот суперэксклюзив. У нас же Нижегородский исламский институт им. Хусаина Фаизханова тесно сотрудничает с факультетом международных отношений Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. При этом мы не только снабжаем своими учебными пособиями книгохранилища и коллег, но и вывешиваем их на сайтах. Так на idmedina.ru можно прочитывать множество учебных пособий.

Проблема квалификации исламских вузов объективно является болезнью роста исламской системы образования. На сегодняшний день руководящий состав исламских вузов представляет собой два вида контингента — 1. Светские ученые, не имеющие религиозного образования, но имеющие научную степень и способные организовать учебный процесс в соответствии со стандартами высшего академического образования; 2. Религиозные деятели с классическим богословским образованием, совершенно

не знакомые с традициями академической науки, не способные наладить образовательный и научный процессы. Ситуация усугубляется еще и тем, что этот второй тип и по линии религиозного образования не представляет собой профессионалов высокого класса. К сожалению, из того крайне малого количества выпускников зарубежных исламских вузов со степенью магистра, проживающих в России, практически никто не работает в сфере высшего исламского образования (за очень редким исключением).

В целом очевидно, что самыми главными проблемами российских мусульман являются отсутствие единства и низкий уровень грамотности руководящих кадров. На этом играют различные внешние силы, которые стремятся приумножить разногласия в умме и поставить образовательный процесс под свой контроль. На самом деле эти две проблемы, как и все прочие, вытекают из другой, более значимой: финансовой несамостоятельности российских мусульман. Как же преодолеть ее?

Изучая историю ислама, шариат и современный мир, легко прийти к выводу о том, что в действительности ключевыми проблемами мусульманской уммы России являются:

- 1) отсутствие института вакфов;
- 2) неработающая система закята;

Для преодоления этих проблем мусульманские организации России должны быть заинтересованы в самом широком сотрудничестве с исламскими государствами в деле: развития вакфов, возрождения системы закята и объединения мусульманской уммы.

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Приветствую участников семинара «Учебные пособия и хрестоматии для реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием ислама: результаты мониторинга и перспективы практического применения».

В своем докладе я хотел бы вкратце рассмотреть проблему подготовки учебных пособий по исламской тематике в стратегической перспективе. На протяжении многих лет мы в ДУМ РФ и ИД «Медина» занимаемся подготовкой учебных пособий для специалистов с углубленным знанием ислама, и я хотел бы поделиться своим опытом в этой сфере, рассмотреть проблемы, с которыми часто приходится сталкиваться.

Мне представляется, что главная проблема, которая часто упускается из виду при планировании учебных пособий такого типа, это проблема репрезентации, или представления, знаний. Очевидно, репрезентация знаний обусловлена культурой. Если мы возьмем труды арабских ученых X в., труды греческих ученых II в., труды европейских ученых XVII в. и сопоставим их друг с другом, то, несмотря на генетическую близость научных традиций, мы увидим существенное различие. Это касается как естественнонаучных работ, так и гуманитарных трудов. Разумеется, гуманитарной науки это касается в гораздо большей степени, а мы сейчас говорим именно о сфере гуманитаристики. Таким образом, планируя подготовку пособий для специалистов с углубленным знанием ислама, было бы неплохо определиться, в какой форме будет репрезентировано это знание и с опорой на какую научную традицию.

Все мы понимаем, что нельзя взять, например, пособия, по которым учатся студенты Ал-Азхара и просто перевести их на русский

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на семинаре «Учебные пособия и хрестоматии для реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием ислама: результаты мониторинга и перспективы практического применения», 6 декабря 2016 г., Санкт-Петербург.

язык. Это другой менталитет, другая культура, другой способ подачи материала. При этом также нельзя взять и советские пособия по исламоведению, поскольку в них отражены марксистско-ленинские предрассудки, касающиеся традиционного общества. Поэтому неслучайно, что на высшем государственном уровне в последнее время часто говорится о необходимости возрождения отечественной богословской школы. Вероятно, именно российская богословская школа, представленная именами А. Курсави, Ш. Марджани, Г. Буби, Р. Фахретдина, М. Бигиева и другими, могла бы стать тем фундаментом, на котором будет возрождаться отечественное богословие и отечественное мусульманское исламоведение.

Тем не менее нельзя забывать о том, что российская богословская школа существовала с конца XVIII до середины XX в. Ее представители в основном были неплохо знакомы с европейским исламоведением и пытались объединять в своих трудах классическую исламскую с европейской научной традицией. Однако уровень европейского исламоведения первой половины XX в. был невысок. При этом сама исламская интеллектуальная традиция в течение второй половины XX в. проделала долгий путь, связанный с активной деятельностью обновленческого движения. Таким образом, российская богословская школа отражает уровень развития исламской и европейской науки начала XX в., а труды отдельных богословов зачастую написаны в средневековом ключе. В таком виде она не может служить образцом репрезентации исламоведческого знания для современных студентов.

Я полагаю, что решение указанной проблемы должно иметь комплексный характер. Российская богословская школа, как одна из форм обновленческого движения в исламе, способна стать концептуальным фундаментом для возрождения отечественной школы мысли. Это так, поскольку мы являемся, пусть и далекими, но все-таки преемниками этой школы; она близка нам в тематическом и методологическом плане. Беря ее за основу, мы все же не можем игнорировать тот прорыв в западном исламоведении и в исламской мысли, который произошел во второй половине

XX – начале XXI в. Таким образом, соединив лучшие элементы этих трех образовательных и научных традиций – российской, европейской и исламской в широком смысле, – мы должны получить наиболее полноценную исламоведческую школу. И появление такой школы актуально не только с просветительской точки зрения, но и с научной, поскольку сейчас налицо кризис отечественного исламоведения.

Я думаю, формирование подобной школы имеет под собой прецедент в виде современного европейского и американского исламоведения. Это исламоведение в основном отошло от ориенталистских установок, что связано не только с общим плюралистским и антиглобалистским трендом в гуманитарных науках, но и с появлением большого числа мусульман-исламоведов, получивших и европейское, и классическое исламское образование. Назову лишь имена Сеййида Хосейна Насра, Уильяма Читтика, Тарика Рамадана, Мухаммада Халила, Тима Винтера, Джонатана Брауна. Эти люди совершили переворот в изучении суфизма, хадисов, истории фикха, ашаритского калама и др. Они сами являются продуктом сочетания исламской и европейской идентичностей – «европеизированными мусульманами». Надеюсь, что при правильной организации образовательного процесса мы тоже через какое-то время взрастим ученых такого уровня – «российских мусульман».

Таким образом, я полагаю, что при репрезентации знания в учебных пособиях для специалистов с углубленным знанием ислама нам необходима долгосрочная стратегия. Я вижу ее суть в том, чтобы ориентироваться на европейскую и американскую исламоведческие традиции, сочетая ее современные наработки с достижениями отечественного исламоведения и российской богословской школы. Именно это стратегическое направление выбрано нами в ДУМ РФ и ИД «Медина», и его плоды можно видеть в многочисленных пособиях, а также в философском ежегоднике «Исламская мысль: традиция и современность» и научном журнале «Ислам в современном мире».

Между тем мы не настаиваем на том, что эта стратегия является единственно верной, и потому готовы к рассмотрению альтернатив. Мы исходим из того, что любая рациональная и долгосрочная стратегия лучше, чем отсутствие таковой.

6 декабря 2016 г., Санкт-Петербург

СТРАТЕГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСТВА¹

Уважаемые участники VII Международного форума «Ислам в мультикультурном мире»! Приветствую вас традиционным мусульманским братским приветствием: «Ас-салям алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение! Имею честь выразить вам приветствие и братское пожелание плодотворной и успешной работы в рамках конференции от имени председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина.

Выражаю свою искреннюю признательность Казанскому федеральному университету в лице ректора Ильшата Рафкатовича Гафурова, директору Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Рамилю Равиловичу Хайрутдинову, организаторам и соорганизаторам Международного форума «Ислам в мультикультурном мире», который является одной из крупнейших ежегодных исламоведческих площадок в России.

Позвольте мне в рамках сегодняшнего пленарного заседания рассуждать и излагать свои тезисы в качестве представителя российского мусульманства и представителя мусульманского духовенства. Человеческая цивилизация претерпевает тектонические сдвиги в своей структуризации, в самих принципах организации человеческих сообществ. Феномен глобализации и смена технологического уклада приводит не только к стремительной трансформации материальной стороны нашей жизни, но и ставит многие вопросы гуманитарного и этического характера (к примеру, вопросы клонирования, биоинженерии, искусственного интеллекта и др.). Физический и интеллектуальный контекст наших теоретических размышлений о развитии ислама сегодня

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на VII Международном форуме «Ислам в мультикультурном мире», 10 ноября 2017 г., Казань.

принципиально иной даже по сравнению с повесткой, сформулированной модернистами конца XIX – первой половины XX в.

Будучи мусульманами, россиянами, мы не можем не задавать себе вопросов о том, какова наша стратегия, каким мы видим свое место в обществе будущего и что мы должны предпринять сегодня для достижения своего достойного места в человеческом сообществе завтрашнего дня.

В течение последних лет мы работаем над программой обновления исламского интеллектуального дискурса, основополагающие идеи которого большинству из участников нашей конференции так или иначе известны. Опираясь на принцип гуманизма коранического откровения, мы призываем к гуманизации исламского дискурса и продвижению таких принципов, как нравственный консерватизм, признание плюрализма мнений как неотъемлемой части исламской традиции и божественного установления, диалога цивилизаций, культур и религий, утверждению милосердия как важнейшей составляющей межчеловеческих взаимоотношений.

На нашей сегодняшней конференции позвольте подробнее остановиться на четырех тезисах, раскрывающих общие подходы к осмыслению стратегии развития российского мусульманства в контексте вызовов и возможностей сегодняшнего и завтрашнего дня.

Первый тезис заключается в необходимости изучения наследия той ветви исламской богословской мысли, которая получила название «неомодернизм» и интеллектуальный материал которой частично затрагивает проблемы эпохи модерна и постмодерна, а также смены технологического уклада. К представителям этой ветви можно отнести шейха Ал-Азхара Махмуда Шалтута, пакистанского философа Фазлура Рахмана, алжирского философа и мыслителя Мухаммада Аркуна, индонезийского мусульманского ученого Нурхолиса Маджида, египетского теолога Насра Абу Зайда и других мыслителей. Большинство из представителей исламского неомодернизма получили как исламское религиозное, так и западное образование, и расцвет многих из них происходил в структуре

западных интеллектуальных институтов. Это направление мысли ищет в том числе ответы на вопросы о том, как возможно сочетание вечных принципов ислама с эпохами модерна, постмодерна и любой другой эпохой; каким образом возможна контекстуализация исламских принципов жизнеустройства. Применительно к современности это означает переосмысление наследия, деконструкцию традиции, сформировавшейся с VIII–IX вв. н. э. В частности, в следующих вопросах: природа Корана как текста; характер коранических установлений; статус Сунны; роль Пророка (мир ему) и место политического измерения в исламе; место рационализма и всех классических вопросов исламской философии, включая проблемы калама, фалсафы, значение суфизма и так называемого нового суфизма.

Наш второй тезис заключается в необходимости изучения и актуализации российской богословской школы как одного из направлений обновленческого движения, тесно связанного с египетским модернизмом и другими школами исламского модернизма. Развитие отечественной модернистской мысли приостановилось со смертью Ризы Фахретдина, Зия Камали и Мусы Бигиева и во второй половине XX в. не происходило, между тем даже их труды в области фикха, будучи механически перенесенными в современность, будут выглядеть анахронизмом и утопией. Отдавая дань их заслугам в области богословия, мы не должны останавливаться, но должны продолжать интеллектуальный богословский поиск. К слову, некую замещающую роль в интеллектуальном процессе российских мусульман сыграла и исламоведческая советская школа, ярчайших представителей которой в силу глубины их познаний и широты охвата материала можно причислить к улемам второй половины XX в.

Исходя из этого, наш третий тезис — это необходимость сформулировать стратегию развития российской мусульманской молодежи, в том числе и стратегию развития исламского образования на всех его уровнях, включая уровень Болгарской исламской академии, успех которой немислим без формулирования

ее концептуальной основы. Неомодернизм и обновленная версия российской богословской школы могли бы послужить той самой искомой основой возрождения отечественного мусульманского образования, с которой связано и стремление преодолеть тенденцию радикализации мусульманской молодежи и ее отток в экстремистские воззрения. При этом важно, чтобы происходило становление образовательных заведений как пространства аргументированной дискуссии. Контраргументация в таком диалоге с приверженцами буквализма должна опираться на объяснение контекстуальности религиозных положений, выработанных в Средневековье. Классическим здесь является пример фетвы Ибн Таймийи о дозволенности поднятия бунта против немусульманских правителей, которая в настоящих условиях однозначно подпадает под определение экстремизма, но имеет ярко выраженный контекстуальный характер относительно своей исторической эпохи и общественно-политических условий.

Возникновение живого интеллектуального процесса в учебных заведениях немислимо и без общего переформатирования исламского дискурса, на сегодняшний день заключенного в тисках неестественной и антинаучной дихотомии «традиционного» и «нетрадиционного» ислама. И это есть наш четвертый тезис – утверждение, что подобные грубые обобщения не только не отражают всю сложность и пестроту исламского интеллектуального и богословского ландшафта, но и уводят нас от понимания сути проблем и их решения. Нам необходимы демократизация дискуссии и продвижение мысли о плюралистичности исламской интеллектуальной традиции, отход от термина «традиционный ислам», к несчастью превратившегося в инструмент давления в корпоративной конкуренции. Для людей, сколь-либо глубоко изучавших исламское богословское и философское наследие, не секрет, что представление о некоем «исламском золотом стандарте» – «каноне» – есть не более чем иллюзия. Исламский мир развивался в русле многих парадигм, в условиях плюрализма мнений, допускающего различные толкования постулатов соответственно контексту.

Нужно изучать и разъяснять, какого рода положения актуальны для современной эпохи, а какие могут считаться устаревшими, разрабатывать аргументацию для ведения диалога и полемики с апологетами таклида.

Здесь мы подходим к формулированию задачи уже совсем другого порядка, а именно необходимости выработки новой методологии и нового концептуального каркаса осмысления исламской традиции и построения исламских сфер знания. Даже само классическое деление сфер знания на фикх, фалсафу, калам и так далее может считаться устаревшим. Все это подталкивает нас осознать тот факт, что эпоха модерна, постмодерна и современность ставит перед исламским миром вызовы принципиального характера, вынуждая мысль и интеллектуальные подходы трансформироваться таким образом, чтобы образовать второй формативный период исламской мысли. Если первый формативный период мы связываем с образованием мазхабов, с развитием исламской мысли начиная с VIII–X вв. н. э., то второй формативный период должен рождаться в максимально демократической обстановке, в открытых честных дискуссиях, для которых требуется открытая, независимая площадка.

Подчеркну, что все высказанные тезисы мыслятся к имплементации во взаимодействии классической исламской традиции с традицией академического исламоведения. В прошлом исламоведение отчасти развивалось как наука, имеющая в своем основании колонизаторское целеполагание (сознательное или бессознательное). Однако в последние полвека ситуация кардинальным образом изменилась, в науку пришла черед новых поколений исследователей, сочетающих и западные, и исламские традиции. Критическое отношение к исламоведению перестает быть актуальным — напротив, при построении новой теологической стратегии исламоведческий материал должен стать одним из доноров этих процессов.

Я очень рад отметить, что Ресурсный центр развития исламского и исламоведческого образования Казанского федерального

университета как раз является одной из таких площадок, на которых вырабатываются общие для всех участников диалога опорные точки для дальнейшего развития.

Ресурсный центр состоялся как некий хаб, аккумулирующий передовые наработки и из профессионального исламоведческого сообщества, и из исламских образовательных и интеллектуальных центров. Такой подход к формированию интеллектуального процесса имеет в Казани глубокие корни. Отмечу, что в текущем году исполняется 150 лет с момента, когда великий улем Шихабутдин Марджани начал преподавать исламскую теологию в светском учебном заведении – Татарской учительской школе в Казани.

В настоящее время в Татарстане ведется подготовка к тому, чтобы содержательно отметить 200-летие со дня рождения Марджани в будущем 2018 г. Напомню, что с призывом организовать к 200-летию Марджани научную и культурно-просветительскую программу на государственном уровне впервые выступил наш духовный лидер муфтий шейх Равиль Гайнутдин. Убежден, что Казанский университет примет самое активное участие в организации этого значимого события, и выражаю нашу готовность к сотрудничеству в содержательном наполнении юбилейных мероприятий.

Как вы знаете, Духовным управлением мусульман Российской Федерации основана ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Чтения имени Шихабутдина Марджани». «Вторые Марджаниевские чтения» состоятся с 22 по 24 ноября в Санкт-Петербурге. Приглашаю принять в них участие тех ученых, которым близки идеи обновленчества и ислаха, равно как приглашаю к дискуссии и тех наших коллег, кто выражает свое категорическое несогласие со взглядами богословов-модернистов.

10 ноября 2017 г., Казань

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЛИМДЖАНА БАРУДИ И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО НАСЛЕДИЯ В НАШИ ДНИ¹

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Уважаемые участники Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения духовного наследия мусульман России: история и современность»!

От имени председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина и себя лично я приветствую вас братским мусульманским приветствием: «Ас-саляму алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!» — мир вам, милость Всевышнего и Его благословение!

В своем докладе я хотел бы сказать несколько слов об особенностях творческой и практической деятельности Галимджана Баруди, а также об актуальности его наследия в наши дни.

Безусловно, Галимджан-хазрат является одним из крупнейших представителей российской мусульманской богословской школы. Его имя стоит рядом с именами А. Курсави, Ш. Марджани, Х. Фаизханова, Р. Фахретдина, М. Бигиева и др. Однако его главной особенностью как богослова и мусульманского ученого является активная деятельность в области исламского образования и просвещения. Помимо известной реформы медресе, здесь нужно упомянуть также тот факт, что почти все работы Баруди направлены на практические вещи и посвящены разъяснению вопросов, касающихся ислама. В этом плане особенно выделяются его статьи в журнале «Ад-дин ва ал-адаб», которые были призваны ответить на насущные потребности мусульман того времени, а также пособия для учащихся медресе, которые с целью популяризации знания писались Баруди на старотатарском.

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения духовного наследия мусульман России: история и современность» к 160-летию со дня рождения Г. Баруди, 16 февраля 2017 г., Казань.

Реформа исламской системы образования задумывалась Баруди как умеренная. Целью Баруди было создание такой системы, которая позволяла бы сочетать лучшие методики, разработанные мусульманами, и новую систему европейского образования. Она мыслилась как интегральная система знания, объединяющая в себе исламскую и европейскую традиции.

Реформа образования представлена в творчестве Баруди в тесной связи с реформой в области исламской мысли, в частности в области фикха. Подобно многим другим отечественным богословам, он полагал, что схоластика мутакаллимов и реакционность факихов завела исламскую цивилизацию в тупик. Эта тенденция была наиболее ярко представлена кадимистами, с которыми нередко полемизировал Баруди. Он отдавал себе отчет в том, что современность — или, как мы теперь говорим, «модерн» — поставила перед мусульманами новые глобальные вызовы, которые требуют переосмысления всей предшествующей традиции. Хотя у Баруди не было масштабного проекта такого переосмысления, сравнимого, например, с проектом Бигиева, все же он сделал несколько шагов в этом направлении.

В данном отношении следует напомнить о таких двух решениях Баруди, шедших вразрез с классической традицией, как позволение читать проповедь (хутбу) на татарском языке и даже позволение молиться на татарском языке. Если мотивация первого решения ясна, поскольку она касается проблемы исламского просвещения, то мотивация второго решения свидетельствует о том, что Баруди стремился выйти за границы формализма фикха: по его мнению, молитва должна произноситься искренне, с чистым сердцем и пониманием — только тогда она будет принята Всевышним; но как возможна такая молитва в случае, если человек не знает арабского языка и просто произносит заученные фразы?

Делая шаги в сторону масштабного переосмысления исламской традиции, Баруди в целом оставался в лоне ханафитского фикха, и в этом нет противоречия, поскольку сама ханафитская

школа с ее исконным акцентом на рациональности (акл) и рассуждении (рай) содержит в себе динамический потенциал для реформы. Тем не менее Баруди не призывал к слепому таклиду, но учил проверять конкретные правовые решения на их соответствие Корану и Сунне. Он сам нередко обращался к решениям других мазхабов как к более аргументированным. На этот счет Баруди писал: «Если на какое-либо положение имеется довод и его верность очевидна, то надо с радостью принимать его всегда, даже если он против твоего мазхаба, твоих привычек, твоих обычаев, перенятых от отцов и дедов, и того, чему ты научился от своих преподавателей и учителей. В религии степень истины превышает отцов и дедов, учителей и преподавателей, даже имамов мазхаба. Ради религии и ее положений каждый должен пожертвовать собой и своим мнением и мазхабом. Если явно проявится положение религии в каком-либо разделе, то ничье слово и мазхаб никакого имама не может стоять против него, всем этим надо пожертвовать ради этого положения».

Одним из ярких примеров отхода от положений ханафитов-матуридитов является признание со стороны Баруди трехсоставного определения веры, включающего, помимо намерения и внутреннего убеждения (тасдик) и вербализации (икрар), также внешнее действие (амал) (в то время как ханафиты-матуридиты принимают двусоставное определение). Однако такое признание не привело Баруди к практике такфира других мусульман за то, что они не следуют конкретным установлениям религии. Баруди вообще выступал резко против практики такфира, о чем свидетельствуют его многочисленные высказывания.

Наконец, я хотел бы обратить внимание на следующий интересный факт. С одной стороны, Баруди был суфием, муридом шейха Зайнуллы Расулева, и он видел в тасаввуфе внутреннее измерение религии – сердце ислама. Баруди критиковал ишанизм, суеверия и нововведения, однако суть тасаввуфа для него была тождественна неизменному ядру религии Всевышнего. С другой стороны, Баруди был салафом – в подлинном смысле

этого слова, то есть он обращался к основам религии и к тем заветам, которые были указаны праведными мусульманами (салаф салих) ранней эпохи. В данном плане примечательно то, что, наряду с Ризаэтдином Фахретдином (автор отдельного труда по Ибн Таймийи), он являлся одним из популяризаторов наследия Ибн Таймийи среди российских мусульман. Иными словами, он был далек от той поверхностной оценки творчества Ибн Таймийи, которая бытует среди многих мусульманских деятелей; скорее, он смог воспринять творчество великого исламского муджтахидов во всей его полноте — здесь он похож на некоторых реформаторов Нового и Новейшего времени. Я имею в виду муфтия Египта шейха Мухаммада Абдо, его ученика Рашида Риду, Мухаммада ал-Газали, Нурхолиса Маджида и других, которые также сумели увидеть в Ибн Таймийе поборника иджтихада и многогранную личность.

Приведу в связи с этим оценку творчества Ибн Таймийи, которую Алимджан-хазрат дал в одном из писем, адресованных Ризаэтдину Фахретдину:

«Возможно, в прежние времена я был из России единственным обладателем хорошего мнения про Ибн Таймийю. Смею предположить, что в последнее время в этом моим товарищем являетесь и Вы.

Путь Ибн Таймийи в своей сути прекрасен. С 1872 г. я пользовался его трудами, в начале через произведения любимого мной Кануджи, а после и напрямую, из книг самого хазрата. По моему мнению, приведенные его противниками претензии к нему в большинстве своем не имеют основы. Он был человеком с сильным сердцем и знаниями и в каждом своем слове и направлении был храбр и смел. Только не получил воспитания на пути тасаввуфа и не приобрел долю из их вкусов. Думаю, что это является причиной официозности и терминологичности его знаний, которые подобны океану».

Итак, в своем докладе я выделил несколько общих характеристик творчества Баруди, которые имеют для нас особую важность:

- деятельность в области исламского образования и просвещения;
- стремление сочетать исламскую и европейскую интеллектуальные традиции;
- реформа фикха и призыв искать истину как в других мазхабах, так и вне границ конкретного мазхаба;
- отказ от практики такфира;
- гармоничное сочетание тасаввуфа, ханафитской традиции и традиционализма.

Если попытаться кратко и емко охарактеризовать фигуру Галимджана Баруди, то я бы сказал, что он был сторонником интеллектуального тасаввуфа и салафийи. Баруди — это суфий и джадидист-реформатор. Выделенные выше особенности его творчества крайне важны для современного российского мусульманства. В последние годы много говорится о возрождении отечественной мусульманской богословской школы, но, к сожалению, мы пока еще далеки даже от понимания того, что такое российская мусульманская богословская школа. На самом высоком уровне я отмечаю следующие печальные тенденции: подавление свободомыслия; ограниченность средневековыми правовыми и теологическими формами мышления; широкая практика такфира; формализм и фарисейство; демонизация некоторых крупных муджтахидов как из числа салафов, так и из числа мутакаллимов и суфиев; стремление изолировать исламскую традицию от европейской традиции — в частности, от исламоведения — и многое другое.

2017-й — год 100-летия исторического события — избрания впервые российскими мусульманами своего муфтия, которым и стал Галимджан-хазрат. Показательно, что это произошло в Москве, будущей столице страны Советов. Как символично и то, что именно в Москве в 1921 г. закончится земная жизнь муфтия. Авторитет и всеобщее признание Баруди резко контрастировали с реноме его предшественника муфтия Мухаммад-Сафы Баязитова — последнего из муфтиев — председателей ОМДС, назначенного императором.

К сожалению, спустя 100 лет мы наблюдаем навязанных мусульманам, надутых административным ресурсом самозванных муфтиев. Разумеется, псевдомуфтиям такого образца выгодно невежество и архаизм мусульман, их маргинализация, поскольку в среде свободно и критически мыслящих богословов такие псевдомуфтии неконкурентоспособны.

Если мы хотим быть верны заветам Галимджана Баруди и российской мусульманской богословской школы в целом, то нам нужно стремиться к преодолению тенденций упрощенчества, изоляционизма, архаизации. Я полагаю, что это может быть сделано только путем глубокого переосмысления традиции и осознания того факта, что Слово Божье вечно, а конкретные правовые и теологические решения всегда локализованы в истории. Сейчас в умме идет напряженная борьба между обновленческими и архаизирующими тенденциями. Я убежден, что только на пути обновления (таджид) и исправления (ислах) мы сможем уберечь умму от еще более масштабного кризиса, от возврата к средневековым и ригористским моделям мышления и мировоззрения. Обновление означает тотальное переосмысление традиции – фикха, калама, тасаввуфа, фалсафы, истории ислама, корановедения и других, – деконструкцию традиции, которая осуществляется с целью докопаться до истины. И только этим путем мы сможем выполнить завет Баруди, сформулированный в его замечательном высказывании: «Ради религии и ее положений каждый должен пожертвовать собой, и своим мнением, и мазхабом».

В конце, пользуясь случаем, от имени муфтия шейха Равиля Гайнутдина, хочу пригласить подлинных богословов, теологов и специалистов в Москву на X юбилейную ежегодную международную образовательную конференцию «Барудиевские чтения».

16 февраля 2017 г., Казань

ИСЛАМ В РОССИИ: ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

В новейшую историю России 1987–1988 годы можно считать точкой начала воссоздания мусульманского религиозного образования, когда практически синхронно появились первые медресе в регионах Поволжья, на Северном Кавказе и в Москве. Так как львиная доля активного мусульманского духовенства России на тот период была представлена выпускниками медресе Мир Араб в Бухаре и Ташкентского исламского института, вполне естественно, что в период становления вновь созданные медресе и исламские институты опирались на бухарскую и ташкентскую школу и методологию. Вскоре в педагогический состав учебных заведений влились преподаватели, прибывшие из арабских стран и Турции, а также наши сограждане, обучавшиеся в зарубежных образовательных центрах. Это привело к хаотичности, мозаичному характеру развития исламского образования. В финансировании образовательной деятельности руководители учебных заведений, чаще всего кроме образования, предоставлявших своим студентам еще и полный пансион без оплаты стипендии, обращались к помощи иностранных спонсоров – фондов и частных жертвователей.

Таким образом, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. ключевыми проблемами развития исламского религиозного образования стали, с одной стороны, минимизация иностранного финансового и идеологического влияния, с другой – унификация образовательных стандартов, внедрение неких универсальных критериев оценки качества преподавания и подготовки учащихся и через это преодоление общей мозаичности картинки. К примеру, в настоящее время в России действует как минимум в два раза

¹ Выступление Мухетдинова Д. В. на Научно-практической конференции «Ислам в России: традиции и современность, опыт регионов», в рамках VIII Межрегионального форума мусульманской культуры «Мусульманский мир-2018», 5 апреля 2018 г., Пермь.

меньше исламских институтов и университетов (по названию), нежели было еще 20 лет назад, когда наименование института могло взять себе учебное заведение, чей уровень подготовки никак не превышал уровень медресе. В 2000-е годы произошла некая стабилизация в понимании целей и задач, стоящих перед различными уровнями религиозного образования, — от общей религиозной грамотности в отношении культа и религиозного воспитания в рамках воскресных курсов при мечетях, через уровень медресе, готовящих духовенство, к уровню исламских высших учебных заведений, выпускники которых привлекаются в дальнейшем к преподавательской деятельности, к работе в аппаратах духовных управлений мусульман и к служению в качестве духовенства. В тот же период были учреждены коллегиальные органы, объединяющие руководителей учебных заведений различных юрисдикций для координации своей деятельности.

В среде мусульманского духовенства, а также на уровне государственно-конфессионального диалога был достигнут консенсус о необходимости скорейшего качественного рывка в отечественном исламском образовании и выведении его на уровень конкурентоспособности с ведущими мировыми центрами исламского образования. Был сформулирован принцип, согласно которому молодым российским мусульманам рекомендовано выезжать за рубеж для получения исламского образования только после получения базового исламского образования в отечественных медресе или институтах, т. е. для углубления уже имеющейся базы знаний и совершенствования знания арабского языка. Разумеется, эта установка могла иметь и имеет только рекомендательный характер, согласно законодательству запрещать кому бы то ни было выезжать за рубеж религиозные организации не имеют права.

Новый этап развития исламского образования был связан с принятием государственного стандарта по теологии, и в частности, стандарта по исламской теологии, а также с имеющей огромное значение Программой подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Это государственная программа, за

реализацию которой сегодня отвечает Правительство Российской Федерации. Средства программы идут не на оплату текущих расходов, в финансировании которых учебные заведения по-прежнему испытывают большие сложности, но на развитие учебно-методической базы, в том числе и обеспечение качественными учебными пособиями, поощрение научных исследований.

Возможность получить диплом по исламской теологии государственного образца, укрепление профессорско-преподавательского состава исламских вузов, сыграли, безусловно, свою большую роль в повышении привлекательности отечественных исламских заведений в глазах абитуриентов. Отток российской молодежи в исламские учебные заведения Турции, арабского мира, Юго-Восточной Азии продолжается, но его масштабы снизились очень заметно.

Главная трансформация исламской образовательной системы в связи с принятием госстандартов и прикреплением исламских институтов к светским учебным заведениям заключалась в появлении некоего гибрида между светским гуманитарным образованием и классическим религиозным. Выпускники теологических факультетов сегодня имеют гораздо более широкую общегуманитарную подготовку, позволяющую свободно работать в контексте всего российского общества, а не только в пределах мусульманского сообщества, но обратной стороной медали является нехватка учебных часов для более глубокой концентрации на собственно исламских дисциплинах. Еще одним результатом стал синкретизм методологий исламских наук и академической традиции в рамках исламских учебных заведений.

Здесь мы подходим к следующему логическому этапу развития исламского образования, а именно к пониманию, что российское мусульманство как особая часть исламской цивилизации и органичная часть российского социума, не может довольствоваться лишь воспроизведением имеющегося корпуса знаний, теорий и трактовок исламского учения. Для интеллектуального развития 25-миллионной российской уммы нужны богословы, которые создавали бы актуальный интеллектуальный продукт и развивали исламские богословские дисциплины. На высоком уровне

задача воссоздания отечественной школы богословия была озвучена в 2013 году в ходе встречи президента В. Путина с лидерами крупнейших мусульманских религиозных организаций.

Таким образом, стала очевидна надобность подготовки молодого поколения мусульманских интеллектуалов, имеющих как религиозную, так и светскую подготовку. Это подразумевает, что курс обучения этих высококвалифицированных кадров фактически будет превышать четырехлетний или шестилетний курс бакалавриата или магистратуры, а также необходимость создания условий для обучения в аспирантуре и докторантуре плюс социальную поддержку молодых специалистов.

Решение этих задач также ведется в рамках Плана мероприятий по реализации программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. В настоящее время десятки выпускников Московского исламского института и других учебных заведений в структуре ДУМ РФ и Совета муфтиев России обучаются в магистратуре и аспирантуре Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что развитие исламского образования происходит неравномерно. Ярким примером тому служит тот факт, что несмотря на возможность государственной аккредитации религиозных вузов, из более чем дюжины российских исламских вузов до сих пор лишь три выдают дипломы государственного образца. Это в том числе, учрежденный ДУМ Российской Федерации Московский исламский институт, и Российский исламский институт, соучредителем которого является Совет муфтиев России.

В то же время, отмечу: уже достигнутые успехи исламской системы образования в России, в частности найденные работающие и дающие результат форматы государственно-исламского сотрудничества в части подготовки кадров и минимизации зависимости от зарубежных спонсоров вызывают большой интерес в странах западной Европы, где, как известно, сама мусульманская умма отличается разнородностью, дезорганизацией и большой

степенью зависимости от зарубежного спонсорства в широком смысле этого слова.

Суммируя изложенные выше этапы развития исламского образования в России, укажу перечень наиболее актуальных задач, стоящих в этой области перед исламскими организациями:

1) способность карьерными и социальными перспективами привлекать талантливых выпускников школ;

2) решение задачи финансирования текущей деятельности, укрепления материально-технической базы всех уровней, включая средние медресе и исламские вузы;

3) создание учебных заведений, которые готовили бы кадры для общин, расположенных восточнее уральского хребта, развитие мусульманской научно-интеллектуальной жизни в Сибири;

4) развитие взаимоотношений между российскими исламскими учебными заведениями и зарубежными исламскими вузами на принципиально новой базе, основываясь на соглашениях о сотрудничестве и с четким мониторингом результатов такого сотрудничества;

5) изучение опыта и наработок в области исламских исследований и подготовки специалистов немусульманских стран, прежде всего, Западной Европы, значительно преуспевших в развитии исследований на стыке исламских и академических дисциплин;

6) формирование диссертационного совета по исламской теологии и таким образом, завершение трехступенчатой системы образования и создания возможностей для защиты диссертаций по исламской теологии в России, что в будущем могло бы стать привлекательной перспективой и для мусульман стран СНГ;

7) значительное укрепление в ближайшие годы качества языковой подготовки учащихся исламских учебных заведений. Сегодня требуются кадры, владеющих, кроме родным, как минимум одним восточным и одним европейским языком на уровне, позволяющем вести исследования и принимать участие в международном научном процессе. Также скорейшего внимания требуют сферы источниковедения, текстоведения, научного перевода.

Кроме того, хочу упомянуть о еще одной задаче, которая жизненно важна для мусульманского сообщества России в целом. Речь идет о предстоящем внедрении предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в различных модулях. Проблема подготовки педагогов и учебных пособий для российского мусульманства стоит очень остро. До сих пор не совсем ясно, будут ли допускаться до преподавания в школах соответствующих дисциплин специалисты, имеющие диплом теолога. При прохождении дополнительной педагогической подготовки, это представляется наиболее разумным вариантом для всех традиционных религий. Однако при реализации такого сценария, ДУМ РФ ходатайствует о значительном увеличении бюджетных мест в светских вузах по направлению исламская теология или о изыскании возможностей для подготовки необходимого количества теологов в исламских вузах.

5 апреля 2018 г., Пермь

ОТЧЕТ О ПРОВОДИМОЙ ДУХОВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ МУСУЛЬМАН РФ РАБОТЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ¹

Прежде всего, сердечно благодарю наших уважаемых муфтиев, как принято говорить, руководителей федеральных муфтиятов, представляющих три основных центра нашей страны – ЦДУМ, ДУМРФ, КЦМСК. Я еще раз всем нашим коллегам хочу напомнить, что именно по их просьбе поддержать российское исламское образование, которая была адресована главе государства в далеком 2002 г., стартовала и реализуется эта сегодняшняя программа.

В предыдущие годы при непосредственном участии правительства Российской Федерации, Администрации Президента РФ, светских вузов-партнеров была проделана колоссальная работа, разработаны тысячи учебных пособий, книг, проведено огромное количество научно-практических и теологических конференций и других мероприятий. Благодаря этой Программе десятки тысяч людей в нашей стране, от Владивостока до Калининграда, смогли пройти образовательные курсы, получить профессиональные навыки, познакомиться друг с другом и сблизить свои взгляды и сердца.

Наша организация – Духовное управление мусульман Российской Федерации – функционирует в 66 субъектах страны, в которых работают централизованные, местные и образовательные религиозные организации в составе ДУМ РФ. Мы стараемся максимально эффективно пользоваться той возможностью, которую предоставило нам государство в течение последних двух десятилетий. Вы знаете, что по нашему направлению – по направлению ДУМ РФ – 50 человек училось или продолжает учиться в стенах двух старейших и ведущих вузов нашей страны: Московском государственном университете им. М. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете. В МГУ это

¹ Из выступления Мухетдинова Д. В. в режиме онлайн на заседании Совета по исламскому образованию, 22 декабря 2020 г.

Институт стран Азии и Африки, в СПбГУ – Восточный факультет. Только в уходящем году Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, который с января 2020 г. стал основным и единственным оператором Программы и получает финансирование со стороны государства, профинансировал по нашей просьбе обучение 16 человек в МГУ и СПбГУ. Таким образом, на сегодняшний день 32 наших сотрудника-имама являются одновременно и студентами ИСАА МГУ или Восточного факультета СПбГУ.

Вы помните выступление бывшего полпреда президента РФ в Приволжском федеральном округе Михаила Бабица, который на всех заседаниях в разных городах округа много говорил о трехступенчатой системе исламского образования: начиная от мектебе и медресе и заканчивая исламскими вузами и магистратурой. Но мы не принимали этот вариант системы, у нас было свое академическое видение, вершиной которого является докторантура. Вы знаете, что совсем недавно состоялась первая в России защита докторской диссертации по исламской теологии в стенах государственного вуза – СПбГУ, и, Ин ша Аллах, я надеюсь, что в январе будет уже вручен диплом и зафиксирован этот прорыв в области исламской теологии. Я сейчас пытаюсь сказать не лично о себе, а о том, что наши с вами мусульманские духовные лидеры, ученые, преподаватели, педагоги приобрели прямую возможность получать не документы, которые признаются отдельно взятыми исламскими вузами, а, возможно, и лишь отдельно взятыми духовными управлениями, а признаются органами государственной власти как полноценные дипломы о защите кандидатских и докторских диссертаций.

В 2021 г. мы начинаем праздновать 1100-летие принятия ислама народами Волжской Булгарии. Предполагается комплекс мероприятий, который будет проходить два года. Муфтием шейхом Равилем Гайнутдином поставлена задача в ближайшие два года подготовить еще несколько человек, выходящих на защиту докторских диссертаций по исламской теологии, и почти около десятка человек уже сейчас находятся на финишной прямой по защите кандидатских диссертаций. Вы знаете, у наших православных

коллег есть один доктор православной теологии, теперь есть один доктор исламской теологии, но у них большое опережение по кандидатам теологических наук — 8 человек. Поэтому нам с вами есть над чем работать. Уже 15 лет работает Совет по исламскому образованию, и пора уже реально готовить и кандидатов, и докторов наук, заниматься конкретными делами. Бакалавры, магистры, аспиранты уже успешно работают, мы координируем эту деятельность, определяем темы их будущих магистерских, кандидатских диссертаций, не пуская это на самотек. Мы считаем, что под нашим наставничеством они смогут стать достойными учеными и оказаться полезными не только российской умме, но и всему мировому исламскому сообществу, так как на сегодняшний день, по словам европейских политиков, ислам нуждается в большой реформации, в осмыслении и переосмыслении.

В плане научных конференций и курсов повышения квалификации мусульманских религиозных деятелей наша организация, наверное, ведущая в стране, потому что мы проводим около десяти больших научных конференций каждый год в течение уже 15 лет. Например, известные всем «Фаизхановские чтения» стали в этом году по счету уже 16-ми. То же касается «Чтений» имени Галимджана Баруди, Шихаб ад-дина ал-Марджани, Мухлисы Буби, которые проводятся в разных городах нашей страны. В этом году мы впервые подключили Новосибирск и Омск, и вот уже в далеких сибирских городах правоверные мусульмане, активисты, преподаватели смогли наконец-то узнать о плодах нашей совместной деятельности, чем же занимаются Москва, Казань, европейская часть страны. В следующем году мы планируем расширить географию и провести подобные мероприятия уже и во Владивостоке, Хабаровске, других далеких от центра регионах нашей страны, чтобы как можно больше охватить и федеральных округов, и региональных структур, и наших верующих людей.

Еще раз подчеркну, коллеги, что курсы повышения квалификации и конференции занимают значимое место в жизни российских мусульман. Принимая план на 2021 г., обращаем внимание

коллег из Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, Администрации Президента и Правительства РФ: мы должны трезво смотреть на все это, не поддаваться уговорам, мол, достаточно одной конференции, достаточно одних курсов. Я уверен, что вы все сами десятки лет были участниками этих программ и понимаете, какую пользу они принесли нам в сближении наших взглядов, и после многих лет раздоров, непониманий, оставшихся нам от 1990-х гг., мы смогли все это преодолеть благодаря конструктивному подходу и совместному проведению мероприятий в разных уголках нашей страны. Тем самым можно сказать, что эта Программа теологически, теоретически и эмоционально сблизила ее участников.

Касательно учебной литературы и учебных пособий скажу следующее. Вы помните, коллеги, что Владимир Владимирович Путин в городе Уфе озвучил очень важную, на мой взгляд, фразу о необходимости возрождения отечественного богословского наследия. Буквально на днях, на пленарной части конференции в Уфе, я делал доклад по теме традиционного ислама, в котором я рассуждал об осмыслении этого понятия. Ведь одно дело помпезно озвучивать красивые слова о возрождении богословского наследия, а другое — реализовывать это, наполнять смыслами и понимать, какой выхлоп это может дать и к каким последствиям привести. Это совершенно разные вещи. Мы прекрасно понимаем, читая работы таких «либералов», прогрессивно мыслящих людей, как Риза Фахретдин, и Муса Бигиев, и Шихаб ад-дин ал-Марджани, и Курсави, и других великих авторов Урала, Поволжья, Кавказа, Сибири, что в их наследии есть вещи, которые необходимо переосмыслить и комментировать с учетом реалий XXI в. Не все, что было сказано ими в веке XIX, является допустимым с точки зрения федерального законодательства, и дабы не получить, выражаясь словами нашего президента, «двушечку», нужно очень четко все корректировать, делать сноски или научные комментарии соответствующим текстам.

Поэтому, как и сказал уважаемый Рафик Мухаметшин, мы очень щепетильно отнеслись к этой работе, привлекая к написанию

рецензий специалистов, имеющих вес в научно-академическом сообществе. Московский исламский институт лидирует по количеству научных изданий и широте круга привлеченных специалистов, он подготовил основной корпус богословской литературы, а это, уважаемые коллеги, 11 трудов Мусы Джаруллаха Бигиева на русском языке, 10 трудов на старотатарском, на котором он писал, это 10 работ муфтия Ризы Фахретдина и еще несколько десятков работ известных муджаддидов XIX и XX вв., фамилии и имена которых должны быть знакомы любому уважающему себя человеку, считающему себя интеллигентом и интеллектуалом от ислама. Я говорю про имена таких людей, как Мухаммад Абдо, Рашид Рида, ибо все наши ученые XIX в. — и северокавказские ученые, и поволжские, и уральские — в той или иной степени были их учениками. А так как эти ученики по приезду в Россию возглавляли медресе, как то, к примеру, сделал Зыяэтдин Камали, основав крупнейшее новометодное медресе в Уфе, то, по сути, вся последующая интеллигенция Татарстана, Башкортостана, Дагестана, других республик Северного Кавказа вышла из «их штанов», является продуктом вот этих ученых джадидов, муджаддидов XIX–XX вв. Но, уважаемые коллеги, еще раз обращаю ваше внимание на то, что рецензенты — это ведущие сотрудники академических учреждений нашей страны: Институт востоковедения, Институт философии, МГУ, СПбГУ. И мы выбирали профессионалов, которые специализируются именно на творчестве того или иного ученого, знакомы с его трудами, не являются дилетантами и известны в самых широких научных кругах нашей страны. Я считаю, что, используя такой подход, мы выведем отечественное исламское образование на совершенно иной качественный уровень. И, как говорил Исмаил-бей Гаспринский в своей известной работе «Русское мусульманство», «я надеюсь, что российские мусульмане будут в авангарде всего мирового исламского движения». Этого я всем нам и желаю.

Ас-салям алейкум ва рахматуллахи ва баракатух!

22 декабря 2020 г. Выступление в режиме онлайн

КАК ЛОМОНОСОВ, ОН СТРЕМИЛСЯ К БОЛЬШИМ ЗНАНИЯМ¹

Мыслитель, предвосхитивший общественно-политические движения джадидизма и модернизма в исламском мире; ученый-энциклопедист, чьи познания включали богатство тюрко-татарского нематериального наследия; источниковед редкого дарования и настойчивости, человек, оставшийся верным своему призванию, — это Хусаин Фаизханов. О наиболее ярких страницах научной биографии ученого и праздновании 200-летия со дня его рождения рассказывает первый заместитель председателя ДУМ РФ, главный редактор Издательского дома «Медина» доктор теологии, профессор Дамир Мухетдинов.

— **Уважаемый Дамир-хазрат, 200-летие со дня рождения Хусаина Фаизханова совпадает с проведением в России Года учителя и наставника. Давайте с этого аспекта и начнем, ведь Хусаин Фаизханов не только блестящий востоковед, но и, на мой взгляд, выдающийся педагог!**

— Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Лично для меня Хусаин Фаизханов — не просто некая условная фигура теолога, востоковеда, исламоведа, которому я посвящаю свои работы и свои научные исследования. В 90-е годы прошлого века, когда началась моя преподавательская деятельность, он стал для меня примером для подражания, путеводной звездой. «В Пророке для вас — наилучший пример», — сказано в Священном Коране. Для мусульман это непреложная истина. Но есть наши родители, наши непосредственные учителя и наставники, с которых ты тоже можешь брать пример и чьими трудами ты вдохновляешься. Для меня такими историческими личностями были, во-первых, представитель общетюркского мира — Чингисхан, создатель самой крупной евразийской державы, в которой установились справедливость, мир

¹ Интервью с доктором Д. В. Мухетдиновым о научном гении Хусаина Фаизхана, опубликованное на официальном сайте Духовного управления мусульман Российской Федерации 20 марта 2023 г.

и порядок. Во-вторых, представитель исламского мира имам Абу Ханифа, человек, который, несмотря на свой высочайший авторитет, оставался самой противоречивой фигурой в истории ислама и явил нам пример несгибаемой воли, отказавшись стать верховным судьей халифата, то есть, по сути, вторым человеком государства, сохранив тем самым дух вольного человека, который своим личным трудом зарабатывает себе на хлеб насущный. И наконец, третья фигура, которая стала для меня примером, — это представитель татарского мира Хусаин Фаизханов, уроженец деревни Сафаджай Курмышского уезда Симбирской губернии. Ныне это Нижегородская область, что важно для меня, так как я занимался нижегородским краеведением.

Начальное исламское образование Хусаин получил в родной деревне. Затем отец, имея финансовые возможности, отправляет его учиться за пределы родного Сафаджая, в Заказанье. И вот этот деревенский мальчик, который вырос в сугубо традиционной татарской семье, получил сугубо религиозное образование, пусть даже у самых лучших учителей своей эпохи, коими были известный своей образованностью шейх Салих в родном Сафаджае, наставники двух крупнейших казанских медресе, а затем и Ш. Марджани (1818–1889), проявляет тягу и интерес к фундаментальной науке! Выбирая между Бухарой, где обучался его учитель Шигабутдин Марджани, и Санкт-Петербургом, куда в 1854–55 годах был переведен Восточный разряд Казанского университета, Фаизханов выбрал науку академическую. Это говорит о его большом кругозоре, о его понимании глобальных мировых процессов. Его первые биографы отмечали: без особых средств к существованию, собрав последние деньги, не зная, на что и как он будет жить в Петербурге, Хусаин Фаизханов отправляется из Казани в столицу Российской империи. Как Ломоносов, он стремился к большим знаниям.

Хусаин Фаизханов всегда ставил перед собой высокие цели и шел к их осуществлению. Он стал для меня примером того, что человек, даже если его жизнь коротка, а Хусаин покинул этот бренный мир в 43 года, может достичь больших высот! Поэтому

я был рад, увидев Указ Президента о том, что 2023 год объявляется Годом учителя и наставника. Рад, что он совпал с 200-летним юбилеем Хусаина Фаизханова.

Вы правильно отметили: Фаизханов — один из ярких представителей отечественной педагогики. Уже обучаясь в Казани у Марджани, он имел своих собственных студентов. Приехав в Санкт-Петербург и еще не будучи трудоустроенным, он частным образом у себя на квартире или на квартирах коллег давал уроки. Студенты его так полюбили, что написали обращение на имя ректора университета с просьбой зачислить Хусаина Фаизханова в штат преподавателей! Это уникальный случай.

В Петербургском университете у Фаизханова была колоссальная нагрузка: он преподавал (это трудно представить) три языка — турецкий, татарский и арабский. Он переводил материалы из учебника «Русской истории» на татарский и турецкий. Он создавал учебные пособия для студентов. Как он работал, хорошо видно по его «Краткой грамматике татарского языка». Чтобы ученик мог погрузиться в разные диалекты татарского языка, он дает в пособии текст грамоты крымского хана (это огузское наречие), фрагмент из произведения Алишера Навои (это джагатайский, или староузбекский, язык), свой перевод с арабского на тюрки фрагмента из «Калилы и Димны», текст частного письма своего друга из Бухары с многочисленными фарсизмами. Это показывает, насколько большим патриотом татарского языка был Фаизханов. Он ратовал за то, чтобы многие книги были переведены на татарский язык, чтобы татарские дети могли изучать основы ислама на родном языке. А ведь в то время татарский язык в интеллигентской среде вообще никак не воспринимался!

Поэтому Фаизханов в своей педагогической деятельности уникален. Он числился в Петербургском университете как преподаватель каллиграфии: от туберкулеза умер молодой преподаватель Ибн-йамин Аминов, образовалась вакансия, и на нее взяли Фаизханова. Так что помимо трех языков, он преподавал еще и каллиграфию. Надо признать, что владел он этим искусством блестяще, знал все

шесть традиционных арабских почерка, прекрасно читал рукописи на тюрки, арабском, персидском, казахском, киргизском и других языках. Он переписывал рукописи по просьбе Академии наук, Петербургского университета, Министерства иностранных дел Российской империи. Это говорит о его высоком профессионализме в деле каллиграфии. При этом, повторю, он преподает в университете языки, постоянно общается со своими учениками — студентами университета и учащимися медресе. Его наставничество проявлялось и по отношению к его родному брату Абдельгаллям, и по отношению к своим дочерям. Об этом тоже нельзя забывать: ведь у дочерей Фаизханова сложилась славная судьба, они были женами выдающихся людей Российской империи XIX века и оставили огромный след в истории страны. Их потомки живут в современной Германии, в России и Турции.

— **Дамир-хазрат, 200-летие татарского педагога и просветителя Хусаина Фаизханова совпадает и с 200-летием основоположника научной педагогики в России Константина Ушинского. В их наследии, в их педагогических взглядах есть, как мне видится, общие черты: это апеллирование к разуму учащегося, необходимость систематического знания. Наверное, это было вызвано требованием времени...**

— Абсолютно разделяю Ваш тезис. Фаизханов, как и Ушинский, жили в эпоху, судьбоносную для России. 1861 год — отмена крепостного права. Фаизханов проживет после этого еще пять лет. Началась эпоха Александра Второго, эпоха бурного экономического развития России. Общаясь в столице с выдающимися учеными, он видит веяния времени. Он понимает, что мусульмане катастрофически отстали от этих перемен, и если они не предпримут серьезных шагов в системе исламского образования, у них не будет никакого будущего. Поэтому, когда мы воздаем хвалу Исмаилу Гаспринскому (1851–1914), я всегда отмечаю в публикациях: предтечей джадидизма был Хусаин Фаизханов. Он первым из российских татар использует термин ислах. Он пишет о том, что необходимо возрождение богословских наук, необходимо придать им новый

дух, который соответствовал бы чаяниям времени. Он не столько пытается копировать западные модели, сколько очень рационально и органично вписывает в исламскую модель современные веяния. Он говорит о том, что татары должны быть конкурентоспособной нацией. Он обращается к русской системе образования и сравнивает, чего могут добиться дети, проучившиеся 10 лет в русской школе и татарской. Он говорит о том, что без газет, журналов, своего издательского дела, своей типографии у нации нет будущего. Все то, что будет делаться в более поздний период, уже во времена Исмаила Гаспринского, в 80-е годы, попытается апробировать Шигабутдин Марджани на основе Первой татарской учительской школы в Казани в 70-е годы. То есть сама эпоха дала импульс к обновлению.

Те же процессы происходили и в арабском мире. Мухаммад Абдо (1849–1905) или Джамалуддин аль-Афгани (1838–1897), которые родились на 30 лет позже Ш. Марджани и Х. Фаизханова, лучше вписались в эпоху обновления. В России к 80-м годам уже завершается завоевание Средней Азии, покорение Кавказа. В Петербург начинают стекаться уникальные вещи — пополняется библиотека Академии наук, коллекции Азиатского музея, происходит их каталогизация. Причем академик В. Р. Розен (1849–1908) говорит о том, что каталогизация арабских, турецких и персидских рукописей Азиатского музея была осуществлена Хусайном Фаизхановым. Это подтверждает и сам Фаизханов в переписке с Ш. Марджани.

Поэтому верно утверждение, что Хусайн Фаизханов ощущал наступление новой эпохи в истории Российского государства. У него было и понимание того, что необходимо быть частью русского мира. Еще и в этом состоит ценность Фаизханова! Он мыслит как имперский ученый. Раз мы, татары, живем в Российской империи, утверждает он, нельзя не знать русского языка, истории Российского государства и его законов.

— **Дамир-хазрат, правильно ли говорить о Хусайне Фаизханове как о человеке, который сделал себя сам (self-made-man)? Ведь, получив только исламское образование, он оставил след**

во многих светских науках: это и лингвистика, и археология, и история, и этнография, и эпиграфика. Он ученый универсальный!

— Фаизханов — одна из редких для российского мусульманства фигур, которого можно охарактеризовать как человека-энциклопедию, человека энциклопедических познаний. Помимо его огромнейшей трудоспособности и широких знаний, я сторонник того, чтобы утверждать: ему повезло с учителями. У него были великие учителя. Когда мы в татарской традиции зачастую вычеркиваем представителей востоковедческой академической науки немусульманского вероисповедания, мы делаем, я считаю, большую ошибку. Нельзя в угоду нашему татарскому самосознанию, татарскому эго, говорить: Фаизханов — ученик Марджани, как пишут во многих изданиях.

— **Но это же правда!**

— Да. Но это неполная правда! Фаизханов еще до возвращения Ш. Марджани в Казань общается с заведующим кафедрой арабской и персидской словесности Восточного разряда Казанского университета Мирзой Казембеком (1802–1870). А это ученый с мировым именем. Он блестяще владел арабским и персидским языками, уже в 17 лет написал на арабском языке книгу «Опыт грамматики арабского языка» (1819). Казембек — это тот ученый, который бросил вызов великому Флюгелю, создавшему конкорданс Корана (немецкий корановед Густав Леберхт Флюгель (1802–1870) составил первый словарь-конкорданс Корана. Работа была напечатана в 1842 г. в Германии. Второй подобный труд под названием «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги» был подготовлен Мирзой Казембеком и увидел свет в 1859 г. — Примеч. ред.). «Ключ ко всем словам...» — это величайший путеводитель по Корану, в то время не было книг ему равных, а помощником в составлении этой книги был Хусайн Фаизханов. Еще до приезда Марджани в Казань, Фаизханов

общается с учениками и коллегами Казембека – выдающимся тюркологом И. Н. Березиным (1818–1896), востоковедом профессором И. Ф. Готвальдом (1813–1897). В Петербурге круг его общения – это историк-востоковед академик В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904), профессор ат-Тантави (1810–1861) – представитель школы Аль-Азхара, человек величайшего кругозора, первый мусульманин-араб, возглавивший кафедру арабского языка и словесности в Петербургском университете...

Поэтому, на мой взгляд, не совсем правильно говорить, что Хусаин Фаизханов сам себя сделал. Он получает блестящее классическое исламское образование и не останавливается на этом, продолжает развивать свои навыки, находит правильных наставников и учителей, грамотно распределяет свое свободное время и знает, как им распорядиться, чтобы не растерять впустую. Так что окружение, среда, в которой вращался Фаизханов, сыграло большую роль в его становлении.

– **Да, его человеческие качества восхищают. Он, в моем представлении, человек очень целеустремленный и – главное – жадный до знаний!**

– Абсолютно верно. Он – одержимый. У него болит душа за дело, которым он занимается. Он понимает превосходство востоковедческой науки по многим направлениям, при этом он бросает вызов востоковедческой академической науке, которая свысока смотрела на мулл. Фаизханов всей своей деятельностью доказывал, что мулла может составить ученым конкуренцию. Когда Фаизханов умирает, великий Казембек (ему вторит и Марджани) пишет: из всех татар-мусульман Российской империи Фаизханов – единственный, кто достиг европейского уровня образования. Единственный! Где нам найти человека, подобного Фаизханову, равного ему в знаниях, в богобоязненности, нравственности?! – говорит Марджани. Два главных учителя Фаизханова сделали такие выводы.

Фаизханов очень жаден до знаний, он пытается разрабатывать все возможные направления востоковедческой науки. Он выезжает в Оренбургский край на лечение, на кумыс, но посещает

деревни, изучает памятники, собирает словарный материал и создает «Казахско-русский словарь». В то время лучшим знатоком казахского языка считался Н. И. Ильминский (1822–1891). Фаизханов критикует его, говорит, что он использует слова жителей Внутренней Орды, а они за последние несколько столетий «отатарились». Поэтому нужно смотреть другие жузы, другие районы, где сохранилась чистота казахского языка. Еще один вопрос, который нами пока еще не исследован: Фаизханов одним из первых сказал, что «Манас» — это не казахский эпос, а киргизский. Сегодня мы понимаем, что такое «Манас» для киргизского народа. Это — все. Человек, который вернул тебе историческую память, заслуживает того, чтобы его именем назвали хотя бы институт или улицу в Кыргызстане.

— Недавно Вы посетили Санкт-Петербург, где в связи с предстоящим празднованием 200-летия Хусаина Фаизханова провели ряд важных встреч, в том числе с директором Института восточных рукописей И. Ф. Поповой, где хранится наследие Фаизханова. Расскажите об этом подробнее.

— С Санкт-Петербургом связано почти 12 лет жизни Хусаина Фаизханова. Он жил там с 1854 по 1866 год. Два его основных места работы — это Восточный факультет Петербургского университета и Азиатский музей (ныне Институт восточных рукописей РАН). Поэтому с руководителями этих двух учреждений я провел переговоры. С ректором СПбГУ Н. М. Кропачевым мы обсудили создание в рамках университета оргкомитета по празднованию 200-летия Фаизханова, проведение международной конференции, установление бюста Фаизханову во дворе Восточного факультета СПбГУ и издание работ, посвященных татарскому ученому.

В Институте восточных рукописей РАН хранятся 44 рукописи, атрибутированные к наследию Фаизханова. В том числе 16 рукописей, которые он продал Азиатскому музею в 1854 году, когда приехал в Петербург и ему не на что было жить. Все они выделены в отдельную коллекцию и составляют одну из основ всей рукописной коллекции Института на арабском и тюркском

языках. Я изучил все 44 рукописи — и переписанные им по заказу императорского Азиатского музея, и те, что он приобрел в Казани. Директор института И. Ф. Попова вошла в состав оргкомитета по подготовке юбилейных фаизхановских мероприятий. Она предложила провести выставку рукописного наследия Фаизханова, чтобы можно было увидеть его великолепный почерк. Со своей стороны, мы отобрали самые интересные, самые красиво написанные рукописи для факсимильного переиздания (порядка 5 таких факсимиле). В течение последних двух лет нашими коллегами-учеными в рамках Издательского дома «Медина» проводилась сверка всех имеющихся каталогов восточных рукописей, начиная от незавершенного каталога академика Х. Д. Френа, рукописного каталога академика Б. А. Дорна и кончая каталогами, созданными в советскую эпоху А. И. Михайловой, Л. В. Дмитриевой и последним каталогом арабских рукописей под редакцией А. Б. Халидова. Все шифры, где упоминается имя Фаизханова (например, у Розена помечено «Переписано рукой Фаизханова»), собраны.

Уникальность рукописей Фаизханова заключается в том, что он старается себя идентифицировать с мусульманским сообществом, подписывая рукопись «Мулла Хусейн» или «аль-Курмышши», подчеркивая свое происхождение из Курмышского уезда. Одну из работ он подписывает «аль-Сабачай», т. е. по названию своей родной деревни. Вторая особенность рукописей Фаизханова — их качество, то, как они выполнены. На мой взгляд, это не рукопись. Это печатное издание! Как будто набрано на печатной машинке — такой у него почерк! Аккуратный, четкий. Мирза Казембек дает ему поручение переписать «Дербент-наме». Он ее переписывает. Он переписывает фрагменты из сочинения о земледелии XIV–XV столетий, посвященных сельскому хозяйству сельджукской империи. Почерком насталик он переписал рукопись Алишера Навои. Один в один! То есть коллекция рукописей Фаизханова, хранящаяся в ИВР, уникальна! Арабский, фарси, староосманский, чагатайский — сразу становится понятным уровень владения

Фаизхановым восточными языками. Для него нет преград. Он в этих языках — как рыба в воде.

Хочу обратить внимание еще на один аспект. Объем рукописей, которые переписывал Фаизханов, это не 20–30 страниц. Одна из них весит килограммов 8, в ней 900 страниц! Как это можно было переписать при свече, когда продолжительность светового дня в Петербурге часов пять?! Загадка!

— Вы провели большую исследовательскую работу в Институте восточных рукописей, познакомились в деталях с наследием Хусайна Фаизханова как ученого. Как бы Вы оценили его вклад в отечественную, а может, и в мировую науку?

— Первая заслуга Фаизханова — это расшифровка эпитафий болгар. Над этой проблемой бились лучшие умы той эпохи. Академики были не в состоянии их прочесть. Дополнительное знание чувашского языка (Сафаджай — приграничное с чувашскими и мордовскими землями село) помогло Фаизханову найти код для расшифровки эпитафий на надмогильных камнях. Он пролил свет на то, что Волжская Булгария — это наследие не только современных татар, но и современных чувашей, потому что язык болгар — это не современный татарский язык. Это тюрки, к которому близок чувашский язык. Н. И. Ильминский попытался умолить его вклад в открытие, а это было открытие, равное расшифровке письменности майя или иероглифов. Это вклад Фаизханова в мировую науку. Второе тоже, на мой взгляд, мировое открытие Фаизханова — это извлечение из главного архива МИД 378 грамот крымских ханов, в том числе выявление 103 новых документов на татарском языке. Это переписка крымских ханов с Россией и Польшей за 240 лет. Почти 1000 страниц. Кто видел ярлыки крымских ханов XV–XVI веков, тот поймет, какую работу проделал Фаизханов и сколько новых исторических документов он запустил в научный оборот. Когда управляющий архивом князь М. А. Оболенский понял, какой специалист у него работает, он обратился в Академию наук с просьбой разрешить Фаизханову поработать в архиве подольше.

Результатом работы Фаизханова в Московском главном архиве Министерства иностранных дел стала книга «Материалы по истории Крымского ханства...» Ее издал В. В. Вельяминов-Зернов под своей фамилией, но на первой же странице он отметил, что книга издана при помощи преподавателя Санкт-Петербургского университета муллы Хусаина Фаизханова. Им же были созданы и три указателя к текстам — именной, географический и терминологический. Вельяминов-Зернов указывает во введении на необходимость перевода грамот на русский язык. Парадокс отечественной науки — перевод не был сделан. А вот французы уже в 1864 году перевели представленные в книге документы с тюрки на французский язык. Таким образом, французская востоковедная школа уже с того времени начала осмыслять более чем 200-летний период отношений крымских татар с русскими и поляками. В России же, повторяю, ни татарская академическая наука, ни русские востоковеды этими документами не занимались. Они остались как памятник.

Только сейчас, по прошествии 150 лет, ИД «Медина» приступил к подготовке трехтомного издания. Один том — факсимиле. Второй том — перевод всех 378 крымских грамот со староосманского. Его делает наш уважаемый ученый Ю. А. Аверьянов, блестящий знаток тюрки. И третий том — публикация самих грамот в оригинале. Наше издание — великая дань уважения и Вельяминову-Зернову, и Фаизханову. Таким образом, в нашу отечественную востоковедную науку войдет огромное количество документов, на основе которых можно защитить не один десяток диссертаций, посвященных разным аспектам взаимоотношений России, Польши и крымских ханов за два с половиной века.

— Дамир- хазрат, возвращаясь к началу нашего разговора, а именно к деятельности Фаизханова как учителя и наставника, я думаю, стоит обратить внимание на его взаимоотношения с Ш. Марджани. Вы сами преподаете уже 30 лет, и наверняка для Вас этот аспект тоже важен — взаимоотношения преподавателя и студента, учителя и ученика. Хусаин Фаизханов

с огромным почтением относился к Марджани, но он мог возразить ему, что-то подсказать, вступить в дискуссию. Очень поучительно в этом смысле читать их переписку. В Вашей педагогической деятельности это может быть полезным?

— Когда мы издали эпистолярное наследие — переписку Фаизханова с Марджани (к сожалению, практически нет ответных писем Марджани Фаизханову), — я сразу сказал: она в обязательном порядке должна быть введена в учебный процесс во всех исламских образовательных учреждениях нашей страны. Как для любого арабиста важна книга И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», так и для начинающего студента-мусульманина переписка Фаизханова с Марджани должна стать настольной книгой. Это классика! Фаизханов, который был всего на 5 лет младше Марджани, показывает величайший образец отношения ученика к своему учителю. Марджани для Фаизханова до конца жизни — это авторитет, это устаз, это наставник, это его покровитель. Находясь на смертном одре, уже плохо владея пером, Фаизханов может недописать свое имя, но обращение к учителю останется неизменным — «Великому, светлому, уважаемому...» Все эпитеты он сохранит, обращаясь к Марджани, воздавая ему честь.

Во-вторых, вы правильно подметили, по письмам можно проследить эволюцию взглядов Фаизханова. Первое время он видит себя учеником, помощником, соратником Марджани. Он помогает ему найти ту или иную редкую книгу для написания его «Мустафад аль-ахбар...», добыть какие-то сведения. Говоря современным языком, Фаизханов заменил Марджани поисковики Гугл и Яндекс. Он консультировался с учеными Петербургского университета, Академии наук, заказывал книги из европейских библиотек или через послов иностранных государств. Позже, когда наши ученые будут работать с архивом Марджани, там будет обнаружено не менее 200 страниц, написанных рукой Фаизханова. Более того, ученые пришли к выводу, что один из величайших трудов Марджани «Мустафад аль-ахбар...», исходя из критериев современной науки, должен издаваться с двойным авторством — Марджани и Фаизханова.

Изменения концепции написания истории у Марджани — это заслуга Фаизханова. Он очень культурно, деликатно и с извинениями настаивает на том, чтобы создаваемая Марджани история не уподоблялась сборнику небылиц и басен. История должна быть основана на фундаментальных, проверенных, критически осмысленных сведениях, тогда — это наука. Он предлагает свою помощь в деле проверки сведений. Он учится у представителей великой востоковедной школы — И. Н. Березина, А. Казембека, В. В. Вельяминова-Зернова, он знает, как надо работать с источниками. Иначе получается не история, а фольклор. Поэтому мы называем Фаизханова первым, кто подготовил научный взгляд на историю происхождения татар как нации. Он заложил ту базу, которую позже будет развивать первый татарский профессор Газиз Губайдуллин (1887–1937) в своих сочинениях.

Да, Вы правильно отметили, в этом году — 30 лет моей педагогической деятельности. Вся она с самого начала строилась на концепции Фаизханова. Прочитав ранние работы о Фаизханове М. Усманова, он стал для меня эталоном. Теолог, мулла Хусеин одновременно и академический ученый. Это было важно для меня.

В рамках реформы религиозного образования мы смогли заложить в образовательную программу и академическую светскую науку, и религиозные дисциплины. Это мы сделали в рамках Московского исламского института, а до этого в медресе «Махинур» в Нижнем Новгороде. Там уже половину дисциплин составляли светские науки — русский язык, история, педагогика, психология, философия, социология. В Московском исламском институте эта линия Фаизханова продолжается.

— А программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, которая реализуется уже несколько лет, разве это не продолжение линии Фаизханова?

— Отчасти да, но тут надо иметь в виду, что первые муфтии писали прошения на имя Оренбургского губернатора о том, чтобы детей татарской элиты брали на обучение в светские вузы. При

этом предполагалась гражданская или военная карьера, никак не теология. Заслуга же Фаизханова заключается в том, что он говорил о реформе медресе, о создании сети новых медресе, что потом реализовал И. Гаспринский и В. Радлов (1837–1918). Вспомним его новометодные медресе – в Троицке, Бахчисарае, Казани, Уфе, Оренбурге. Создав такую сеть, ты имеешь на выходе другого уровня специалистов. База должна быть: выпускники должны блестяще знать арабский, тюрки, персидский, татарский, светские гуманитарные науки плюс европейские языки. В результате мы получили блестящего дипломата Карима Хакимова (1892–1938), он выпускник Оренбургского медресе. Именно выпускники таких реформированных медресе составили прослойку советской татарской интеллигенции. Эти медресе подготовили кадры для XX столетия.

– 200-летие со дня рождения Хусаина Фаизханова, в силу его очень разносторонней деятельности, я думаю, вправе отмечать не только Москва, Петербург и Казань, но и Крым, Дагестан, Казахстан, Турция... Чем порадует в юбилейный год Издательский дом «Медина»? Может быть, полноценной биографией Фаизханова на фоне эпохи?

– Полная биография Фаизханова – это глобальная задача, которая требует от автора энциклопедических познаний. Ведь каждая фигура в орбите Фаизханова – Казембек, Марджани, академик Френ, Велиханов – это океан! Поэтому мы попытаемся в юбилейный год сделать главное: ввести в научный оборот все известные нам работы Фаизханова, написанные его рукой. То есть это факсимиле, перевод на русский и перевод на современный татарский. Будут изданы его главные работы – «Ислах мадарис» (Реформа медресе), «Рисаля», «История Казани», «Касимовское ханство», плюс крымские грамоты и грамматика татарского языка. Продолжается поиск его второй грамматики и словаря казахского языка. Была у Фаизханова работа, практически законченная, по истории болгарского царства. Возможно, она находится в архиве Ш. Марджани, который мы изучаем.

Также я готовлю несколько публикаций, посвященных раскрытию личности Фаизханова как историка, педагога, теолога и реформатора.

Готовится 40 портретов жития Фаизханова — от детства до его последних лет жизни, с супругой, с детьми. Кроме этого, мы собираем воспоминания, высказывания о Фаизханове его близких и коллег.

Будет издано целиком личное дело Фаизханова, оно хранилось в Академии наук. Это 160 страниц текста.

Напомню, что в России действуют старейшие в РФ ежегодные Фаизхановские чтения. В этом году они пройдут в 20-й раз, так что научная школа фаизхановедения не увядает. Свою публикацию переработанной докторской диссертации по теологии я посвящаю 200-летию Хусаина Фаизханова.

— Благодарю Вас за столь обстоятельную беседу.

Беседовала Ольга Семина

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКАЯ УЧЕБНАЯ ГРАММАТИКА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА. КРАТКАЯ НАУЧНАЯ МОРФОЛОГИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА¹

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой публикацию двух грамматик татарского языка, принадлежащих соответственно перу Хусаина² Фаизханова (1823–1866) и его младшего брата Абделалляма³ Фаизханова (1850–1910). Следует отметить, что в первом случае речь идет о единственном труде Х. Фаизханова, увидевшем свет при жизни автора, но, к сожалению, из-за малого тиража длительное время остававшемся недоступным широкой аудитории.

«Краткая учебная грамматика татарского языка» была издана в 1862 г. литографическим способом. Хусаин Фаизханов, занимавшийся преподавательской деятельностью, нуждался в собственном пособии, которое он, несмотря на существование к тому времени отдельных работ подобного плана (И. Гиганов⁴, А. Троянский⁵,

¹ Мухетдинов Д. В. Предисловие // Фаизханов, Хусаин. Краткая учебная грамматика татарского языка; Фаизханов, Абделаллям. Краткая научная морфология татарского языка / Централизованная религиозная организация Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ин-т; Санкт-Петербургский гос. ун-т; под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотат. Т. Х. Хабибуллина. Серия «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление». М.: «ИД Медина», 2022. С. 5–16.

² Изучая творческое наследие Хусаина Фаизханова, наша редакция столкнулась с проблемой разночтения в написании его имени и фамилии: Хусейн, Гусейн, Хосэен, Фейз-Ханов, Фейзханов, Фешуханов, Фейзуханов, Файзханов, Фэезханов. Это вызваны тем, что дореволюционная транскрипция имени основывалась на арабских правилах литературного произношения, что не всегда адекватно и правильно фиксировалось в русском языке. Мухетдинов Д. В. Предисловие // Фаизханов, Хусаин. Краткая учебная грамматика татарского языка; Фаизханов, Абделаллям. Краткая научная морфология татарского языка / Централизованная религиозная организация Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ин-т; Санкт-Петербургский гос. ун-т; под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотат. Т. Х. Хабибуллина. Серия «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление». М.: «ИД Медина», 2022. С. 5–16.

³ В литературе используются различные варианты написания имени и фамилии ученого: Абделаллям, Абделаллям, Абдуаллям, Габделгаллям, Габдулгаллям. Разночтения в фамилии те же, что и в случае с его братом Хусаином.

⁴ Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. СПб., 1801. 188 с.

⁵ Троянский А. Краткая татарская грамматика в пользу учащегося юношества, сочиненная учителем татарского языка, священником Александром Троянским. СПб., 1814. 199 с.; изд. 2. Казань, 1824. 197 с.;

М. Иванов⁶, А. Казем-Бек, А. Г. Вагапов⁷, С. Кукляшев⁸, М. Г. Махмудов⁹, М. Бекчурин¹⁰¹¹, К. Насыри¹²¹³)¹⁴, подготовил сам и даже изначально потратил собственные деньги на литографирование¹⁵. Во многом ориентируясь на изданное в 1857 г. «Практическое руководство к изучению татарского языка» М. Г. Махмудова¹⁶,

Х. Фаизханов написал свою работу в достаточно короткие сроки. При этом он не ограничился собственно грамматической частью, как это делали предшественники. Х. Фаизхановым к этой части работы, где разбиралась морфология и синтаксис, были приложены тексты для чтения на старотатарском языке: двенадцатый раздел индийского памятника «Калила и Димна», переведенный им собственноручно; грамота крымского хана Джанибек Гирая (1568–1636), отрывок из поэтического произведения

Троянский А. Краткая грамматика татарского языка священника Александра Троянского. Казань, 1860. 236 с.

⁶ Иванов М. Татарская грамматика, составленная Мартианом Ивановым. Казань, 1842. 341 с.

⁷ Вагапов Г. А. Русско-татарская азбука, составленная Вагабовым, в коей помещены употребительные слова, разговоры, краткие повести и песни северных татар. Казань, 1852, 64 с.

⁸ Кукляшев С. Татарская хрестоматия, составленная Салих Джаном Кукляшевым, коллежским советником, старшим учителем арабского и персидского языков при Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Казань, 1859. 124 с.

⁹ Махмудов М. Г. Практическое руководство к изучению татарского языка. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 255 с.

¹⁰ В литературе используются различные варианты написания фамилии: Бикчурин, Бекчурин, Бекчерин, Бещерин.

¹¹ Бекчурин М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей. Казань, 1859. 128 с.

¹² В литературе используются различные варианты написания фамилии: Насыри, Насыйри.

¹³ Насыров К. Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах. [Самоучитель]. Казань, 1860. 80 с.

¹⁴ О подготовке пособий по грамматике татарского языка в Российской империи см.: Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. Л.: Наука, 1982. С. 211–212.

¹⁵ Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов — первый татарский просветитель. Н. Новгород, 2011; Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. С. 65–72.

¹⁶ Сафиуллина Ф. С. Хусейн Фейзханов // Вопросы татарского языкознания / отв. ред. М. З. Закиев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. Кн. 2. С. 413–415; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. С. 266.

тюркского поэта Алишера Навои (1441–1501) «Маджалис ан-на-фаис» («Беседы приятного»), а также частные письма¹.

Х. Фаизханов, однако, не остановился на этом и продолжил совершенствовать свою книгу. Как сообщал он сам учителю, другу и единомышленнику Шихабутдину Марджани (1818–1889) в письме от 22 октября 1864 г.: «Последние пару месяцев я занимался составлением учебника по морфологии и синтаксису нашего тюркского языка на русском языке для студентов. Полагаю, через неделю или десять дней я его завершу»².

В письме Ш. Марджани от 17 марта 1865 г. Х. Фаизханов снова говорит о своем труде: «Написал книгу о морфологии и синтаксисе нашего языка. Каждый раз, перечитывая, нахожу нужным что-то исправить, добавить или удалить. Все это тоже занимает мое время. Это мое собственное оригинальное сочинение, я ни за кем не следовал, никому не подражал, даже не смотрел ничьи другие книги»³.

Сегодня такое бесконечное стремление к совершенству модно именовать словом «перфекционизм». Но это качество отнюдь не всегда является отрицательной характеристикой. Как мы видим, по меньшей мере три года, даже сетуя на то, что это занимает время, Х. Фаизханов не оставлял затею создать более совершенную работу. К преподавательской деятельности Х. Фаизханов относился очень серьезно. Действительно радея за будущее российского востоковедения⁴, он стремился приблизить свое пособие именно к практическим занятиям. Х. Фаизханов постоянно апробировал свои материалы на занятиях со студентами, что в немалой степени способствовало пониманию того, где и что нужно изменить.

¹ Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. М.: Татар. книжн. изд-во, 1980. С. 93; Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов — первый татарский просветитель; Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 66.

² Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 103.

³ Там же. С. 103. С. 105.

⁴ Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов — первый татарский просветитель; Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 137.

Подготовленная к печати в 1864 г. новая версия пособия имела совершенно иную структуру, близкую к грамматикам арабского языка⁵. Последнее обстоятельство демонстрирует тот факт, что Х. Фаизханов в итоге пришел к такому же заключению, которое отстаивал его друг и учитель А. Казем-Бек. В частности, известный востоковед писал о предпочтительности преподавания арабского языка с ориентиром на методику, применяемую в мусульманских учебных заведениях, поскольку она наиболее продуктивна. Хотя А. Казем-Бек говорил об этом осторожно, сетуя на фактическое отсутствие пособий на европейских языках⁶, тем не менее и сам А. Казем-Бек, и Х. Фаизханов, как люди, взращенные в мусульманской среде, прекрасно осознавали преимущество той методики обучения, которая сделала прекрасными специалистами их самих. Они не могли не учитывать этот опыт при разработке соответствующих пособий для светских учебных заведений.

Между тем времени на подготовку пособия Х. Фаизханов действительно имел немного. «Так, в программе занятий со студентами Восточного факультета за 1863/1864 учебный год он отмечал, что на первом курсе читает свою “Краткую грамматику татарского языка”, а также занимается переводом и составлением фраз, приведенных в своем руководстве; со студентами второго курса разбирает перевод статей из “Краткой грамматики” и делает грамматический разбор приведенных примеров из руководства; на третьем курсе занимается переводом турецких газет и разговорным языком; на четвертом курсе — чтением и переводом частных и официальных писем на турецком языке, написанных почерками губар и дивани. Кроме того, ведет занятия со студентами первых и вторых курсов по восточной каллиграфии»⁷. Таким образом, в сво-

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии, составленное адъюнкт-профессором Мирзой Александром Казем-Бекком. Казань: Унив. тип., 1836. С. 4, 5.

⁷ Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов — первый татарский просветитель; Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 71–72.

ем преподавания Х. Фаизханов шел последовательно от российских татарских языковых реалий к османским турецким, уделяя внимание еще двум важнейшим языкам тюркского мира: узбекскому, преобладающему в Средней Азии, и крымско-татарскому, который оказал большое влияние на тюркские языки Северного Кавказа, территориально вплоть до кумыкского.

Упомянутая «Грамматика», подготовленная к изданию в 1864 г., издана так и не была, хотя, насколько известно, Х. Фаизханов обращался с просьбой к декану Восточного факультета о выделении средств на издание и получил положительный ответ¹. Как писал М. А. Усманов, «вторая “Грамматика татарского языка” Хусаина Фаизханова была составлена по-русски в конце 1864 г. и опробована как учебное пособие той же зимою на занятиях со студентами. Дальнейшая судьба этой книги также окружена тайной»². Необходимо учитывать, что в политическом аспекте после поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. тема языковой близости тюркских народов была не самой популярной.

Действительно, никаких следов этой работы обнаружить к настоящему времени не удалось, что, возможно, остается актуальной задачей для будущих исследователей. Однако сам М. А. Усманов предположил, что материалы Хусаина Фаизханова в последующем использовал его младший брат Абделаллям Фаизханов, издавший в 1887 г. на татарском языке свою «Краткую научную морфологию татарского языка» («Татар телигэ кыскача гыйльми сарыф»). При этом он «не просто механически переложил на татарский язык труд своего старшего брата, а основательно переработал его и опубликовал как самостоятельное исследование, но сохранив лучшие, по его убеждению, качества книги покойного брата»³.

¹ Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов — первый татарский просветитель; Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики. С. 72.

² Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. С. 199.

³ Там же. С. 200.

Так или иначе, мы не сможем судить об этом, полагаясь только на структурные и содержательные сходства работы Абделалляма с работой брата 1862 г., пока не будем иметь каких-то более определенных представлений о книге 1864 г. Впрочем, это обстоятельство не умаляет значения труда Абделалляма Фаизханова, даже если он в действительности взял за основу книгу Хусаина и доработал ее в соответствии с требованиями времени. Следует отметить еще один момент — Абделаллям планировал издать две части работы: первую часть он собирался посвятить морфологии, которая и вышла в свет (она, собственно, и называется так, поскольку татарское сарыф восходит к арабскому слову ас-сарф, т. е. «морфология»), вторую — синтаксису⁴. Кстати, о сопоставлении трудов Хусаина и Абделалляма Фаизхановых повествует прекрасная статья филолога Ф. Ш. Нуриевой⁵, также помещенная в настоящем издании.

Мне бы хотелось обратить внимание именно на этическую сторону дела. Я солидарен с М. А. Усмановым в том, что нужно не просто не спешить обвинять Абделалляма в плагиате⁶, но и отказаться от постановки этого вопроса вообще.

Мы не должны забывать, что и Хусаин, и Абделаллям Фаизхановы были выходцами из мусульманской культурной среды, в рамках которой сформировались их личностные ценности и жизненные установки. Получив традиционное мусульманское образование в качестве базового, они, таким образом, впитали и принятые в этой среде методологию и методику подхода к знаниям. Исследователями уже не раз отмечалась такая характеристика мусульманской историографической традиции, как компилятивность, выражающаяся во включении каким-либо автором в собственное произведение сочинений предшественников (отрывка или труда

⁴ Салахов А. М. Развитие татарской грамматической теории (на материале грамматик татарского и арабского языков XIX — нач. XX века). Казань: ИЯЛИ, 2017. С. 102–103.

⁵ Нуриева Ф. Ш. Грамматические труды братьев Фаизхановых в развитии татарской лингвистической науки // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 4.

⁶ Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. С. 200.

в полном объеме), часто без какой-либо критики, иногда с комментариями, дополнениями и сокращениями¹. С одной стороны, это было определено самим отношением к знаниям как к общему достоянию, а соответственно, и к трудам, где эти знания в том или ином виде содержались². С другой стороны, это объясняется традиционной еще для арабской культуры привязанностью к эталонам. Как отмечает, в частности, Т. М. Калинина, «такой метод существовал в древнеарабской словесности задолго до Мухаммада; с установлением же ислама стремление выразить мысль путем обращения к штампу, канону, привычному сюжету еще более усилилось, поскольку стремление к традиции было обусловлено почитанием Корана. Тот автор, который включал в свое произведение цитаты из Корана, из ранее известного произведения, кто обращался к клишированным сюжетам, к повторенным ранее штампам, был наиболее читаем и почитаем»³. При оценке деятельности того или иного представителя мусульманской культуры эти факторы учитывать необходимо, избегая таким образом каких-либо поспешных умозаключений.

Едва ли можно заподозрить Абделалляма Фаизханова в каком-либо эгоистичном умысле: реализации личных амбиций, удовлетворении стремления к славе и т. д., тем более что филология и востоковедение были вовсе не теми областями, в которых он пытался проявить себя, успешно реализовавшись в других сферах, таких как теория экономики, публицистика⁴.

¹ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 818; Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. IV. Арабская географическая литература. С. 23; Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. С. 75.

² Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. С. 75.

³ Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 8.

⁴ Валеев Р. М., Минниханов Ф. Г. Габделгаллям Фаизханов: Культурное и просветительское наследие татарского народа во 2-й пол. XIX — нач. XX в. // Вестник КазГУКИ. 2015. № 4. Ч. 2. С. 34–37.

Фундаментальность образования и широта мышления в совокупности, очевидно, с талантом, как и у старшего брата, позволяли Абделалляму достигать значительных результатов во всех начинаниях.

Следует сказать, что как раз А. Фаизханов воплотил в своей работе именно тот принцип, о котором писал А. Казем-Бек и к сообразности которого в итоге пришел и Х. Фаизханов. Он писал свою работу, ориентируясь на арабские грамматики в структуре и терминологии (в условиях объективной неразработанности лингвистической терминологии), к тому же сумел адаптировать подачу материала на татарском, исходя именно из особенностей татарского языка. Этот принцип в дальнейшем укоренился у грамматистов⁵⁶. В частности, это отразилось и в использовании не только арабской, но и татарской терминологии, основанной на арабских дефинициях⁷. Безусловно, учитывая и общий уровень науки того времени, развитие которой происходило, по сути, только в странах западного мира, нельзя не отметить методологическое значение работы А. Фаизханова. Фактически речь идет об одной из первых попыток своеобразного преодоления европоцентризма в науке. Ведь подход к грамматике любых языков базировался тогда на методе, выработанном на основе языков европейских.

Работа А. Фаизханова не являлась, конечно, первой грамматикой татарского языка, но была первой подобной работой

⁵ Нуриева Ф. Ш. Грамматические труды братьев Фаизхановых в развитии татарской лингвистической науки // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 4. С. 55–56.

⁶ По схемам арабских грамматик в конце XIX – 10-х гг. XX в. для самих татар на их родном языке были составлены, в частности, следующие пособия: Насыров К. Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики. Казань, 1891. 184 с.; Ахундов М. М. Турецкая грамматика. Елисаветиполь, 1897. 52 б.; Баруди Г. Сэвадхан (Грамотный человек). Казань, 1898. 52 б. (издавался с 1891 г.); Сарыф төрки (Тюркская морфология). Казань: Типо-лит. Импер. ун-та, 1898. 56 б.; Начиз Г. Сарыф төрки (Тюркская морфология). Казань, 1900. 326 б.; Өметбаев М. Татар нәхүсенек мохтасары (Краткий татарский синтаксис). Казань, 1901. 52 б.; Мөхәммәдрәхим А. Төрки сарыфы (Тюркская морфология). Казань: Лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1905. 56 б. и т. д.

⁷ См.: Салахов А. М. Развитие татарской грамматической теории (на материале грамматик татарского и арабского языков XIX – нач. XX века). С. 109–111.

на татарском языке, поскольку ориентировалась на «выпускников современных татарских медресе, в которых преподавание ведется по бухарскому методу», где воспитанники, проучившиеся «по десять и более лет, допускают ошибки в татарском письме по причине малого уделения внимания татарской грамматике»¹. Именно для них, людей, получающих мусульманское образование, избранный А. Фаизхановым подход являлся наиболее адекватным. Этот подход был также понятен и любому классическому исламоведу, изучающему прежде всего арабский язык. Таким образом, это обстоятельство свидетельствует и о значительном педагогическом таланте татарского ученого, ведь он озаботился тем, как добросовестно выполнить миссию донесения знаний, отыскав для этого верные методы, то есть выполнял функции преподавателя.

То, что мы знаем о двух упомянутых деятелях, представителях татарского народа, позволяет нам рассматривать все их действия исключительно в одном контексте — стремлении к прогрессу общества, идет ли речь о нем в целом или о какой-то его части, будь то российская *умма*, татарский народ или научное сообщество.

И все же для Хусаина Фаизханова на первом месте было именно служение российской *умме*. Развитие академической науки, к которому он имел самое непосредственное отношение, рассматривалось им как один из факторов, способных построить мост от консервативного мусульманского общества к мировому, общечеловеческому прогрессу². Та ответственность, с которой он подходил к своей преподавательской деятельности, собственно, присущая ему всегда, должна была способствовать развитию лишь одного аспекта этого сложного и многопланового процесса. Определяющим фактором здесь должно было стать не только знакомство представителей мусульманской культуры с особенностями

¹ См.: Салахов А. М. Развитие татарской грамматической теории (на материале грамматик татарского и арабского языков XIX — нач. XX века). С. 102.

² Мухетдинов Д. В. Предисловие редактора-составителя. // Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 17–19, 21–22.

западной, но и встречное движение со стороны представителей последней, к которой в известной степени принадлежало русское общество. Все они должны были становиться активными участниками процесса взаимной интеграции двух культурных начал в общее цивилизационное пространство — через познание друг друга: традиций, религии, языка...

Современная Россия, являясь общим домом для множества народов, соответственно, представителей различных культур и языков, должна стать воплощением такого синтеза, сложения и преумножения потенциала всего многообразия различных частей российского общества. Однако сохраняет свою актуальность вопрос взаимопонимания между гражданами единого государства. Гармония и взаимопонимание основываются на взаимоуважении. Но приходится признать: далеко не все условия, складывающиеся в российском обществе и определяющиеся во многом политикой государства, способствуют этому.

Не урегулированный в течение многих лет и не так давно вновь ставший предметом ожесточенных дискуссий вопрос о статусе титульных нерусских языков в национальных республиках Российской Федерации, особенно татарского языка в Татарстане, обнажает факт существования в государстве значительных проблем, связанных с национальной политикой. Не уходя в полемику и перечисление доводов за и против уже принятых решений (поскольку многое уже было не раз сказано и обсуждено и политическими, и общественными деятелями), хочу обратить внимание на такую сторону вопроса, которая чиновниками не поднимается, видимо, по причине недостаточного понимания последствий и значения собственных инициатив. Это вопрос уважения к национальной культуре.

Если мы хотим строить крепкое государство, в обществе которого царил бы гармония и согласие, мы не должны забывать о его изначальной пестроте. Представитель любой национальности, чтобы чувствовать себя россиянином и хотеть им быть, должен

ощущать себя комфортно в любом уголке страны. И обеспечением этого комфорта должно озаботиться государство.

Однако в ходе наблюдений за происходящим возникает ощущение, что наши законодотворцы, равно как и исполнители на местах, сознательно или нет, делают все возможное для внесения разлада в наше общество. Всевозможные запреты и отмены лишь проводят границы между различными категориями населения по этнолингвистическому признаку. Речь не только о том, что они фактически делят людей на тех, чей язык знать обязательно, а чей — нет, даже проживая на исконно занимаемых этим народом территориях. Важно также и то, что переход с обязательного изучения языка на факультативное, в течение двух часов в неделю, является приговором культуре, фактически оскорблением не просто какой-то заинтересованной категории граждан государства, но целого народа. Я буду не первым, кто задаст такой вопрос: почему нас заботят проблемы русского языка в Латвии, Казахстане или Украине, но не заботят проблемы татарского языка и языков других нерусских народов у нас же, в России? При этом в силу бедственной демографической ситуации во многих областях Центральной России и северо-западных регионов мы видим постоянный рост числа представителей тюркских народов, особенно в столицах. Их будет объединять либо российский татарский, либо другие языки, особенно турецкий. Подчеркну, что поднимаю эти вопросы в этической плоскости, но также и призываю наших законодотворцев мыслить стратегически, если их заботит судьба нашей многонациональной страны в долгосрочной перспективе и мы не хотим деструктивных последствий. Наши усилия должны быть направлены на сплочение общества, а не его разъединение. Об этом заботились и к этому стремились крупнейшие татарские ученые, к числу которых, несомненно, принадлежат братья Хусайн и Абделаллям Фаизхановы. Издание этой книги открывает череду торжественных мероприятий по случаю 200-летия со дня рождения Хусайна Фазханова.

Да помилует Аллах Хусаина и Абделалляма Фаизхановых, примет труды их на благо ислама и осенит их Своей всеобъемлющей милостью!

Весь проект с самого начала осуществлялся с благословения *муфтия шейха* Равиля Гайнутдина – председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации. Я хочу выразить сердечную признательность всем, кто внес вклад в публикацию настоящего издания – прежде всего переводчику и выпускающему редактору, Хабибуллину Т. Х., выпускающему редактору канд. филол. наук Салахову А. М., рецензентам: д-ру филос. наук, проф. Юзееву А. Н. и д-ру филол. наук, проф. Нуриевой Ф. Ш.

Искренняя благодарность Фонду поддержки исламской культуры, науки и образования за финансирование подготовки и издания книг серии «Наследие Хусаина и Абделалляма Фаизхановых».

«РЕФОРМА МЕДРЕСЕ»¹

Как выстроить отношения между мусульманским сообществом России и нашим общим государством? С одной стороны, российская *умма* должна сохранить и упрочить свое религиозное и национальное единство, с другой — интегрироваться в структуры Российского государства и общества, когда мусульмане и христиане могут мирно и плодотворно жить, и трудиться бок о бок друг с другом. Не нужно думать, что мы стали здесь намного умнее наших предков. Уровень обеспеченности, формальной образованности и владения государственным языком повысился, однако владение русским языком не спасло от массовых миграций нетитульного населения и этнических чисток не только в республиках СНГ, но и в республиках Северного Кавказа. В эпоху Марджани и Фаизхани не было лозунгов типа: «Чемодан, вокзал, Россия» и «Русские — в Рязань, татары — в Казань, со своими сами разберемся». Но, читая Фаизхани, нельзя забывать про сложности его времени. Ведь тогда буквально недавно Россия потерпела унижительное поражение в Крымской (Восточной) войне в 1853–1856 гг., а достаточно щадящие условия мира были вызваны и тем, что многие мусульманские народы и их лидеры проявили лояльность своему Отечеству. Потерпев поражение на Балканах в 1850-е гг., Россия начала свое наступление на Центральную Азию, где многие мусульмане мирно признали суверенитет империи. В 1991-м же не было войны, что не спасло страну от распада. Бывшие члены Политбюро ЦК КПСС, выпускники партшкол, работавшие в столичных коридорах власти, прекрасно знавшие русский язык и культуру, не дрогнув повели свои народы к независимости через кровь и страдания. Сепаратисты были и в эпоху Фаизхани. Россия начала 1860-х гг. пережила польское восстание, возглавляемое обладавшими весьма широкими привилегиями дворянством

¹ Мухетдинов Д. В. Введение // Фаизханов, Х. Реформа медресе / Х. Фаизханов; пер. со старотат. И. Ф. Гимадеев; под ред. Д. В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Медина, 2007. — 36 с.

и духовенством. Причем ссыльные пытались создать второй фронт среди мусульман Поволжья (казанский заговор) и Сибири, но члены *уммы* оказались лояльными императорскому престолу.

Знал ли обо всем этом контексте Фаизхани, когда создавал свои труды? Несомненно, что для него наука всегда носила перво-степенный характер, но Хусаин-хазрат никогда не был оторванным от практики кабинетным ученым. Практически каждое лето он находился в разъездах по Волго-Уральскому региону (особенно Волго-Окскому междуречью), посещал Урал и Казахстан. В казахских степях он плотно общался с Чоканом Валихановым, российским офицером и разведчиком, посетившим Восточный Туркестан (Кашгар) и проводившим зондаж среди южноказахских и киргизских племен на предмет их присоединения к России. В Петербурге же Фаизханов общался с цветом российских исламоведов, которые тогда, как и сейчас, были важнейшими экспертами властных структур в определении политики по отношению к мусульманскому миру. В письмах к Марджани обсуждается механизм утверждения кандидатуры муфтия путем согласования позиций Оренбурга и Петербурга (указываются мнения Казем-бека и Вельяминова), кадровый состав Османского посольства (появление посла-реформатора, получившего европейское образование), внешнеполитические отношения России с Турцией и Ираном, смерть бухарского эмира. Заинтересованность Фаизханова в назначении муфтия-реформатора и его планы реформы образования не стоит отделять от планов реформы российской политики по отношению к мусульманам. Так, Хусаин-хазрат указывал на возможность превращения *ахунов*² (глав духовенства городов и уездов) в настоящих *мударрисов*³ (ректоров *медресе*⁴). При этом их должны были избирать учащиеся, то есть вопрос стоял о замене

² Ахун (от перс. *ахунд* — наставник) — старший духовный сан у мусульман, глава духовенства региона.

³ *Мударрис* (араб. «преподаватель, ученый, педагог») — преподаватель, обычно ректор *медресе*.

⁴ *Медресе* (араб. «изучать») — среднее и высшее профессиональное религиозное учебное заведение для подготовки мусульманского духовенства.

фактического порядка назначения *мударрисов* купцами, финансировавшими *медресе*. Любопытно, что через 10 лет Марджани как ахун Казани сам освободится от такой жесткой опеки купцов, создав попечительский совет (*мутаваллийат*). Вероятно, Фаизхани не понимал всей кухни принятия решений и не имел в ней права решающего голоса, но был весьма осведомлен о происходящем, о чем и свидетельствуют его письма к Марджани. При этом нельзя забывать, что в условиях воспетой еще Гоголем и Пушкиным любви российских чиновников к перлюстрации писем Фаизхани выражался предельно сдержанно.

Впрочем, в «Ислах» Фаизхани достаточно откровенно выразил свое понимание имперской политики в отношении *уммы*: «Одним из законов Российского государства, правильность которого подтверждена многими веками, является помощь религиям. В частности, много возможностей дано исламу. В совсем не мусульманской стране для решения вопросов *уммы* Мухаммада открыты суды, назначены муфтии и кади из мусульман, им назначено жалованье из государственной казны. И им разрешено исполнять мусульманские нормы».

Что же это за система, которую столь высоко оценивал Фаизхани? Мы здесь говорим о российском варианте системы миллетов. «Миллет — это форма церковного и религиозного самоуправления». Ш. Марджани сравнивал институт Оренбургского Магометанского духовного собрания¹ с *шейх-ул-исламами* и *кади*

¹ Оренбургское Магометанское духовное собрание (1788–1917 гг., ОМДС) — государственно-религиозное учреждение в форме ограниченной религиозной автономии (миллета). ОМДС было единственным органом, объединявшим всех мусульман Внутренней России и Сибири. ОМДС было учреждено с целью контроля над мусульманским духовенством, кадровый состав которого полностью определялся государством, и для дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении российской политики среди мусульманского населения как внутри империи, так и за ее пределами, прежде всего в Средней Азии и Казахстане. ОМДС было коллегиальным органом, деятельностью которого руководили председатель (*муфтий*) и три заседателя-судьи (*казыи, кади*). *Муфтий* назначался императором. Кади ОМДС избирались мусульманским духовенством Казанской губернии; после 1889 г. назначались Министерством внутренних дел по представлению муфтия.

ОМДС было высшей инстанцией духовного суда с распорядительными (назначение духовного лица для разбирательства) и контролирующими (отмена решения духовного лица и вынесение

Румелии и Анатолии в Османской империи. По справедливому утверждению Франсуа Жоржона, в Османской империи *шейх-уль-ислам* представлял собой «разновидность религиозного функционера на службе Порты». Аналогичным было положение и оренбургского муфтия.

Система миллетов являлась основной формой существования немусульманских конфессиональных общин в рамках мусульманских государств. Она была сформирована еще в X веке и регулировалась нормами шариатского права. По ней мусульманский владыка обладал всей полнотой власти над территорией страны, ее военной организацией и налоговой системой. Одновременно халиф являлся главой мусульманской общины — *уммы*. Немусульманские общины, верившие в единого Бога, образовывали миллеты и имели право самостоятельно выбирать своего главу, который затем утверждался халифом. В функции патриарха, например, входили вопросы внутрицерковной жизни, образование детей-мирян, вопросы церковного права. Патриарх считался единственным законным представителем миллета перед всеми органами власти. Миллет обладал недвижимым имуществом, включавшим в себя здания мест богослужения и поклонения, образовательные и благотворительные учреждения. Швейцарский исламовед Адам Мец писал: «Сохранившиеся законы патриархов грозят лишь церковными карами...». Халиф выступал гарантом стабильности системы миллетов.

окончательного постановления) функциями. В правоприменительной практике оно руководствовалось своеобразным синтезом норм *шариата* и общероссийского законодательства. Издание фетв муфтием и кади протекало под наблюдением губернской администрации и Министерства внутренних дел. ОмДС были поручены следующие вопросы: «Давать мусульманам подчиненного им округа фетвы о верности или ошибочности деяний в религиозных делах; принятие экзаменов у лиц, назначаемых на должности выполняющих обязанности по *шариату*, *ахунов*, *мухтасибов*, *мударрисов*, *хатибов*, *имамов* и *муэдзинов* в вопросах науки, практики и морали; выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей; раздел имущества мусульман (*мирас*), заключение браков (*никах*) и разводов (*талак*) по *шариату*». ОмДС не обладало централизованной системой образования. ОмДС не имело четкой структуры и отделений на местах. В 1780–1850-е гг. ОмДС выступало инструментом интеграции казахов в структуры российской администрации, и муфтии были богословами-*улемами*. После Крымской войны 1853–1856 гг. ОмДС было запрещено вмешиваться в дела казахов, и *муфтиями* стали назначаться светские лица.

В отличие от мусульман Волго-Уральского региона России немусульмане Турции обладали рядом льгот, важнейшей из которых было освобождение от воинской повинности. Деление на миллеты в Османской империи носило и классовый характер. Мусульманский миллет представлял собой класс «аскери» (военнослужащих), а немусульманские миллеты — класс «райя» (опекаемых), то есть не служащих в армии.

Начиная с 1839 г., с момента издания хартии Гюльхане, османское правительство начало эпоху реформ — эпоху Танзимата. Официальной идеологией стала идеология османнизма — единства всех равноправных подданных империи, то есть по французскому образцу был выдвинут лозунг создания единой нации-государства при учете религиозных особенностей немусульманских народов. Эпоха Танзимата обозначала попытку завершения традиционной эпохи мусульманской государственности. Турецкая конституция 1876 г. провозглашала сохранение системы экстерриториальной автономии (миллетов) и отрицала автономию территориальную. Турецкий язык объявлялся общегосударственным, но разрешалось создание национальных школ и печати. Одновременно утверждалось равноправие всех граждан независимо от их религии. Впрочем, конституция была вскоре отменена. Таким образом, Фаизхани, как и лидеры эпохи Танзимата, приблизился к идее нации-государства, впервые провозглашенной Французской революцией 1789 г. Поэтому Хусаин-хазрат столь упорно говорит о равноправии христиан и мусульман, хотя в реальности равноправие члены российской *уммы* получают только по Декларации Временного правительства от 20 марта 1917 г.

Но вместе с тем Фаизхани четко понимает, что равноправие не обозначает единообразия. Не случайно он отмечает наличие шариатских судов, то есть решения по мусульманскому праву как минимум вопросов брачно-семейного и наследственного права. Различной должна оставаться и система образования. При этом здесь точкой опоры становится мусульманское *медресе*, хотя бы и реформированное, а не национальный вариант гимназии или другой средней школы.

Эпоха «великих реформ» 1860-х гг. была и эпохой реформы образования. В самом начале «Ислаха» Фаизхани в соответствии с кораническим *айа*том призывает россиян к соревнованию, но к соревнованию мирному: «В наши счастливые времена стараниями и проницательностью нашего кормильца, великого императора, и руководителей государства народ России освободился от гнета, рабства и соревнуется друг с другом в области просвещения и образования».

Фаизхани вступает в прямую полемику с теми последователями европейского превосходства, кто готов видеть в мусульманах людей, замкнутых только в изучении древних классических текстов, то есть фундаменталистов. В этой дискуссии Фаизхани является прямым предшественником Гатауллы Баязитова в объяснении совместимости ислама и прогресса. Хусаин-хазрат в *Ислах* утверждает: «Более всех религий ислам повелевает приобретать знание и образование. Среди *айа*тов Корана и *хадисов* Пророка есть много повелений, побуждающих получать знания, изучать науки. Ученые ислама говорят: “Каждый мусульманин, будь то мужчина или женщина, обязан получить знания в той мере, чтобы иметь правильные убеждения, отказаться от пороков, приобретать добродетель, знать нормы и постановления, необходимые в делах жизни и после смерти, и незнание не является оправданием перед *шафиатом*”. Некоторые европейцы... думают, что религия мусульман велит изучать только науки для потустороннего мира, запрещает изучать науки, полезные для дольного мира... по поводу полного отстранения от дольного мира в *хадисе* говорится: “в исламе нет монашества” [...]. Поэтому некоторые мудрые исламские правители от имени *шафиата* наказывали и сдерживали дервишей, праздно скитавшихся и называвших самих себя аскетами».

Фаизхани утверждает, что татары стремятся любой ценой дать образование своим детям: «В каждой деревне есть одна-две или три мечети и *имама*. Расходы на здание мечети, отопление, освещение, пропитание мулле обеспечивает народ *махалли*¹. Мало есть

¹ *Махалля* – местная мусульманская община (приход).

народов, которые, подобно татарам, проявляли бы усердие и в своей религии, и в знаниях, и в образовании. Сравним с русскими. До сих пор очень мало людей из простого народа, которые самостоятельно строили бы церковь, школу и отдавали бы детей туда обучаться». Но это образование требует «ислах», то есть реформы в соответствии с реалиями современности, а таких специалистов нет даже среди лиц, окончивших курс в традиционном *медресе*.

Лучшее представление о системе обучения в старометодном *медресе* бухарского типа дал Джамал Валиди. В *медресе* обычно поступали после окончания *мектеба*¹. Первый год обучения посвящался сарыф, а следующие два — *нахве* (то есть лексикологии и морфологии арабского языка). На четвертый год начиналось обучение умственным наукам — *аклийат*. Валиди так оценивал роль этого этапа схоластической школы: «Ее катехизическая система требовала от *шакирда* полного напряжения умственных способностей, мелочность ее рассуждений не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских знаний давало возможность более или менее свободно оперировать в области отвлеченной мысли». Последним этапом обучения был *наклийат*, то есть преподавание религиозных дисциплин: *калама*, *фикха* и *усул-фикха*. Но для Фаизани наряду с традиционным необходимо и современное практическое знание. Поэтому он говорит о необходимости получения *имамом* квалификации фельдшера и врача, так как в то время большинство российского населения не имело доступа к медицинской помощи и не вымирало только за счет очень высокой рождаемости. И тут Фаизхани как будто понимает саму суть планов национального проекта «Здравоохранение», то есть возможность для каждого быстро получить квалифицированную медицинскую помощь.

¹ *Мектеб* (*мактаб*, араб. «место, где пишут») — с VII века начальная мусульманская школа, ставившая своей целью обучение началам арабской письменности, исламского вероучения и нормам *шариата*.

Изложим вкратце суть проекта Фаизхани. По нему предусматривалось создание *медресе* десятилетним сроком обучения (каждый класс — по два года) в Казани. Он указывал: «Учащиеся этого *медресе* делятся на две группы. Одна группа — *шакирды* шариатских наук, они освобождаются от французского и немецкого языков, не очень необходимых гимназических предметов и русского языка в старших классах. Вторая группа — *шакирды* светских наук, они освобождаются от арабского и персидского языков, медицины, специальных предметов из числа религиозных дисциплин». Фаизхани предлагал поделить *медресе* на два отделения. В первом классе учащиеся вместе должны были изучать тюркский, арабский и фарси. Потом учащиеся духовного отделения (то есть шариатских наук) изучали тафсир, *хадисы*, риторику, стилистику, математику и медицину (до уровня фельдшеров) и становились муллами без сдачи экзамена в ОМДС, причем они фактически приравнивались к русскому духовенству и освобождались от налогов и службы в армии. В отсутствие системы медицинского обеспечения муллы становились как бы религиозным аналогом фельдшеров Башкирско-Мещеряцкого войска, выпускников Казанского университета. Тем самым образовывалась бы группа *имамов* и *мударрисов*, независимая от произвола верхушки ОМДС и принадлежавшая к привилегированным слоям общества, то есть имевшая признанный государством статус. Вторая группа (то есть светских наук) должна была получать образование по образцу русской гимназии (наряду с арабской филологией и мусульманским правом-фикхом) и иметь право поступления в университет. Таким образом, на основе среднего религиозного образования создавался общенациональный орган подготовки духовной и светской элиты.

В коллективной монографии «Хусаин Фаизханов: у истоков общественного движения мусульман-татар» (Нижний Новгород, 2006) мы рассматривали позицию Фаизхани именно с точки зрения воспитания новой элиты для реализации мусульманами новых гражданских прав, предоставленных реформами 1860-х гг., в том числе земской реформой. В «Ислах» указывается: «Местным

чиновникам известно, сколько беспорядка и несчастий происходит по причине незнания русского языка. От этого есть избавление. Особенно сегодня, когда есть законы о земстве, утвержденные с целью привить народу свободу, и много других либеральных законов. Несчастные татары не понимают смысла этого, не знают о будущей пользе». Фаизхани предугадывает консервативные народные выступления, а затем борьбу кадимистов против земских учреждений, включая школы. Наоборот, *джадиды* в начале прошлого века сумели создать на базе земских и городских училищ национальную школу, а затем преобразовать ее в светскую школу. При этом Фаизхани против смешения в одной школе представителей различных религий и наций. Гражданская лояльность у Фаизхани не предполагает отказа от своего образа жизни и костюма по примеру мигрантов. Эта верность национальным традициям прекрасно видна и на фотографиях Хусаин-хазрата.

Фаизхани прекрасно понимал, что для любого государства необходимо иметь свою автономную систему образования, включая богословское. Он осознавал, что бухарская традиция чужда духу российских мусульман, так как «до сих пор наши образованные люди учатся в Бухаре и привозят оттуда вместе со знаниями чувство религиозного соперничества. Если у нас будет подобное *медресе* и наши муллы будут в нем учиться, то будут не хуже их в исламских религиозных науках, намного будут превосходить их и в науках арабского языка (которые преподаются в Бухаре не очень хорошо) и в естественных, точных науках». Он понимает, что расширение российского влияния в Центральной Азии и его стабильное укрепление может произойти только руками самих мусульман: «В таком случае у наших образованных людей будет авторитет и внутреннее превосходство перед образованными людьми Бухары, Хивы и Туркестана. Торговлю с народами Средней Азии самыми первыми начали наши татары, до сих пор обширная торговля там большей частью ведется через татар. Россия распространила бы европейское образование в те края через татарских ученых, находилась бы на очень высоком месте

в вопросах распространения просвещения и взяла те края под свой идейный контроль». В итоге вначале русские купцы сменили татар, а затем и русский язык, и культура стали навязываться местному населению вместо собственной. Тысячелетнюю культуру Низами, Саади и Навои должна была сменить культура национальная – по форме, социалистическая – по содержанию. Стоит ли удивляться, что это этот эксперимент провалился? Что думают про это в Средней Азии? Почитайте выступления бывших профессиональных коммунистических функционеров, где они поносят русскую «колонизацию» и «оккупацию». Фаизхани понимал, что народы Средней Азии являются прежде всего мусульманами и только на этой религиозной основе возможна тесная связь с россиянами.

Но Фаизхани интересовало прежде всего просвещение сынов и дочерей татарской нации, чьими педагогами должны были стать выпускники реформированного *медресе*. При этом они оставались и *имамами*. Здесь Фаизхани предвосхищает идеи Марджани и *джадидов*. В итоге «В хороших общинах будут хорошие *имамы*, и если эти *шакирды* будут *имамами*, то необходимо, чтобы они открыли школы и обучали русскому и татарскому языкам, *шариату*». Но любая школа требует средств. Поэтому «проблема расходов на здание школы, отопление и освещение решится с помощью представителей власти, поскольку в таких больших общинах члены *махаллы* могут собрать добровольно 25–30 рублей в год на помощь. В противном случае волость и уезд могут собрать в год с каждого мужчины-мусульманина по две копейки, и необходимые деньги будут собраны». Таким образом, земства должны расходовать деньги на образование мусульман, раз члены *уммы* платят налоги.

Фаизхани четко поставил вопрос о том, что государство также должно финансировать образование мусульман. Он указывает: «Будет хорошо, если... великий император будет выделять для распространения образования хотя бы немного денег из суммы, собираемой со всего народа, в том числе с мусульман, а также немного денег из городских бюджетов таких городов, как Казань,

Оренбург, Петропавловск, Троицк, Семипалатинск». Именно за счет средств государства и местных самоуправлений в мусульманских районах и должна финансироваться система образования татар. Этого удалось добиться джадидам в 1917–1918 гг., но на сегодняшний момент право нерусских народов открывать свои школы ничем не подкрепляется в финансовом плане.

Однако не нужно думать, что Фаизхани не собирается опираться на активность самих мусульман. Среди источников доходов он указывает:

«Во-вторых, в Казани, во время ярмарки в Нижнем нужно открыть общую подписку, при старании губернаторов и муфтия можно было бы собрать довольно много денег, достаточных даже для строительства *медресе*.

В-третьих, до сих пор для строительства Духовного управления в Уфе с каждого обряда *никаха* брали 30 копеек, здание два года назад достроили. Если собирать по 20–25 копеек серебром, то в год выходила бы большая сумма.

В-четвертых, сегодня в Казани издают Коран... Если бы право на издание Корана принадлежало только этому *медресе* и никому другому, то самому *медресе* это будет обходиться в рубль с лишним, а продавать будут по три рубля... Также если право на издание некоторых религиозных книг, которые используются до сих пор (например, *Субат ал-аджизин* и другие), религиозных и научных книг преподавателей будет принадлежать *медресе* и никому другому, прибыль была бы немалой. Также при этом *медресе* надо организовать типографию, в которой можно печатать книги для других людей.

В-пятых, с одобрения и при поддержке этого *медресе* можно издавать на татарском языке журнал, основное содержание которого будет посвящено распространению образования... Каждая *махалля* будет обязана выписывать его».

Фаизхани заложил и идею создания национальной библиотеки: «Для комплектования библиотеки необходимо решение об обязательной передаче в фонд *медресе* нескольких экземпляров книг, издаваемых в России на арабском, персидском и тюркском языках».

Создание казанского *медресе* для Фаихани было лишь первым шагом. За образцом должны были последовать его копии на местах: «Если бюджет будет достаточно большим, то в Оренбурге, Семипалатинске, Троицке, Астрахани, Буинске, в больших деревнях, которые являются центрами ислама, можно открыть *медресе*, назначить туда по два-три преподавателя, и там можно было бы оканчивать первый курс нашего *медресе*».

Фаизхани предвосхитил и идеи *джадидов* о выделении стипендиального фонда для учащихся в средних и высших государственных учебных заведениях: «Также можно было бы назначить стипендию одному-двум *шакирдам* для обучения в университетах, медицинских и ремесленных учебных заведениях».

Но во всех своих предположениях Фаизхани основывается на двух ключевых принципах: религии и нации. Отказ от них приведет к краху: «начиная это дело, надо опасаться совершить что-то, что выглядело бы сомнительно с точки зрения религии. Татарский народ искренен и верен своей религии, татары сомневаются в действиях местных чиновников, не доверяют им, особенно в связи с проблемами, вызванными историческими событиями христианизации».

Фаизхани заговорил языком современного ученого, ученого-татарина и мусульманина. Через несколько десятилетий эти мысли наиболее четко сформулировал Галимджан Баруди, первый свободно избранный в 1917 г. муфтий российских мусульман: «Для личности самое великое счастье — счастье служить Родине, а для сынов нации — служить ее счастью, моя сладкая мечта — использовать достижения образованных наций. Пробуждать сынов Божьих, называемых татарами, направлять их по пути наук и знания — я понимаю эту необходимость, этим я занимаюсь. И, находя в этом священном труде согласие Аллаха, я в этом достигаю счастья».

Начало этого пути сформулировано в «Ислах мадарис». Поэтому этот скромный труд занимает выдающееся место в духовном наследии российских мусульман-татар. И теперь вам предоставляется первая возможность ознакомиться с его русским текстом...

ИЗ ПРОШЛОГО РЕЛИГИОЗНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА НИЖЕГОРОДЧИНЕ В XVIII–НАЧАЛЕ XX ВВ.¹

Введение от автора

Эта небольшая по объему книга посвящена историческому прошлому религиозного образования и воспитания татар Нижегородчины¹. Знание о жизни предшествующих поколений – это часть исторической памяти. Без понимания прошлого мы обречены на жизнь без будущего. Однако, важность изучения истории исламского, религиозного образования проистекает не только из интереса к прошлой жизни своих предков. Это вопрос современного состояния российского общества, в частности, мусульманской его составляющей. От того, чему и как будут учить в современных исламских учебных заведениях России, зависит дальнейшая жизнь российских махалля² и судьба российского общества в целом. И это не преувеличение. С каким словом обратится сегодня имам-священнослужитель к своим прихожанам, о чем расскажет учитель-мударрис ученикам своим, что узнают об исламе учащиеся-шакирды, а также ученики и студенты светских учебных заведений? От этого будет зависеть поведение российской молодежи, а, значит, и судьба страны в целом. Будет ли действовать единая система мусульманского образования в России или сохранится разобщенность в деле преподавания основ исламского вероучения? Как будут меняться, обновляться формы образовательного и воспитательного процесса в мусульманской среде России? Все эти и иные сложные вопросы не могут не волновать людей, думающих о будущем Отечества сегодня.

¹ Мухетдинов Д. В. Из прошлого религиозного мусульманского образования на Нижегородчине в XVIII – начале XX вв. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. 70 с.

Духовное управление мусульман Нижегородской области с самого начала своей деятельности (а это произошло более 10 лет назад) занималось вопросами духовного образования и воспитания, следуя традициям, заложенным Кораном и Сунной³ Пророка. Параллельно осуществлялась реализация двух важнейших направлений деятельности. Во-первых, шла повседневная практическая работа по организации и развитию воскресной школы, воскресных курсов, мектебе⁴, медресе⁵ «Махинур», медресе «Медина» и т. д. В этой работе участвовали все те, кто не был безразличен к проблемам духовности мусульман Нижегородчины. Во-вторых, проводилось на академическом уровне исследование истории нижегородских татар-мусульман группой ученых во главе с профессором С. Б. Сенюткиным.

Без соединения этих двух направлений деятельности трудно было бы налаживать работу по становлению и развитию системы образования мусульман в пределах Нижегородчины. Знание и учет местных традиций в деле религиозного обучения придает ДУМНО уверенность в том, что векторы развития религиозного образования, существующие сегодня в практике Духовного управления, выбраны правильно и находят должный отклик у членов махалля. Крепнет надежда на то, что современные мусульмане будут также верны религии Аллаха, несущей людям идеи глубокой нравственности, как и их предки.

Цель книги — осветить прошлое, показать основные вехи в развитии религиозного образования мусульман на Нижегородской земле в период с конца XVIII по начало XX вв. Автор книги надеется, что материалы, отраженные в ней, принесут пользу в деле дальнейшего совершенствования учебного процесса в мектебе и медресе Нижегородской области. А это именно та задача, которая сегодня реализуется ДУМНО и всеми заинтересованными членами местной мусульманской общины.

Глава I *Становление мектебе* *на нижегородской земле в XVIII веке*

1. Роль абызов в обеспечении преемственности религиозного мусульманского образования на нижегородской земле.

Традиции мусульманского образования на территории современного Российского государства берут свое начало в деятельности медресе и мектебе Волжской Булгарии и Хазарского каганата, затем они продолжили свое развитие в рамках Золотой Орды, Казанского ханства, а далее на всех территориях Российской империи, где существовали исламские общины.

Просвещение в татарской среде Среднего Поволжья развивалось активнее, чем в других местах проживания российских татар, что было связано, прежде всего, с давними традициями болгарских времен. Известно, что в Волжской Булгарии использовалась письменность на арабской графике, существовали не только мечети, но и религиозные школы при них. Традиция болгарского общества нашла свое продолжение и в Казанском ханстве⁶.

Татарские деревни Нижегородского Поволжья развивались как селения служилых татар только с конца XVI века. Лишь меньшая часть татарских селений Нижегородчины имеет более раннюю историю⁷. Поскольку исламские общины в них все более крепили с точки зрения мусульманской духовности, процесс передачи знаний от поколения к поколению был все более необходим и требовал совершенствования.

Первый опыт религиозного образования и воспитания накапливался благодаря деятельности абызов. Так именовали людей, способных читать Коран и просвещать других в сфере коранического знания. Упоминания о них встречаются в исторических источниках XVI–XVII веков, раскрывающих жизнь тогдашних служилых татар-мусульман. В конце XVIII века, когда епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин изучал жизнь разных народов, населявших нижегородские территории, в том числе и татар, он

подметил, что у них есть особые люди. Это и были абызы. Дамаскин писал: «У татар магометанского вероисповедания есть абызы или духовные люди, которые разумеют на арабском языке и Алкоране и толкуют ево простому народу в учрежденные у них дни»⁸.

Подчеркнем, что абызы пользовались авторитетом, так как были грамотнее прочих членов общин, являлись нравственно безупречными и поэтому могли служить примером для остальных. К тому же, отсутствие корысти они демонстрировали тем, что за просветительскую деятельность им никто не платил. Они так же, как и остальные служилые татары, шли на войну, если объявлялся очередной поход, переносили все тяготы жизни наряду со всеми. Дамаскин подчеркивал, что абызы «в равном и в том же находят ся окладе и одну и ту же платят подать и теми же землями и выгодами пользуются, Земли им даны для поселения и прокормления, даны на прадедов как во время царя Ивана Васильевича, завоевавшего Казань... это видно из данных им крепостей...»⁹.

Серьезное знание Корана давало возможность абызам просвещать своих односельчан и учить их богословским премудростям коранического знания. Нам известны и некоторые имена абызов 30-х годов XVII века тогдашних уездов: Арзамасского, Алатырского, Курмышского (ныне нижегородские земли). Это Резяп абыз Янбахтин (деревня Новые Мочалеи), Ишей абыз Бекбулатов (деревня Сабачай), Мамай Тимаев (деревня Пара) и другие.

Мировоззрение служилых татар все более укреплялось как исламское, религиозное. Обнаруженный профессором С. Б. Сенюткиным в архивных материалах документ подтверждает сказанное. Это ранний, не позднее XVI века, текст шертной клятвы на Коране, к которому прибегали мусульмане в тех особых случаях, когда надо было подтвердить правильность своих слов. Приводим его целиком, (в переводе с татарского языка на русский). Перевод был сделан одним из русских чиновников в 40-е годы XIX века.

«От искушения Дявола прибегаю к Тебе, Господи, я... обещаюсь и клянусь всемогущим моим Богом пред изданным Его Священным

Алькораном в том, что буду говорить самую правду о слышанном и виденном мною, не обольщаясь интересом, свойством или дружбою, соображая мои чувства с моими словами, изображенными в Законе Нашем, утверждаю сие тем, что если не скажу правды – тогда буду лишен:

- Милосердия Всевышнего Творца;
- Истинной веры;
- Имяни последователя Пророка;
- Молитвы обо мне потомков моих;
- Зрения Господа Бога во время Страшного Суда и Созерцания Его.

В заключение же моей Клятвы целую Слова Священного Алькорана. Аминь. Аминь. Аминь»¹⁰.

Этот документ показывает, и то, что татары-мусульмане были настроены изучать Священное Писание и нуждались в просвещении, идущем от учителей. Как правило, дети абызов становились учителями в возникавших религиозных мусульманских школах.

2. Первые мектебы на Нижегородской земле. Конец XVIII века

Обучение татар-мишарей Нижегородчины традиционно носило религиозный характер. Основной целью образовательной деятельности было воспитание учеников в духе требований коранического знания.

В XVIII столетии во всех татарских селениях Нижегородчины строились мечети, в некоторых более одной. Наличие специальных мечетских зданий давало возможность организовывать учебный процесс непосредственно при мечетях. Однако продолжал существовать по-прежнему такой вариант обучения и воспитания как семейный. В этом случае по мере развития и укрепления слоя священнослужителей появлялась возможность передавать знания в семье сыновьям и внукам имамов. Любой из мулл не отказывался передать те знания, которыми обладал, кроме своих детей, ещё и мальчикам из иных семей, если те изъявляли желание, а их родители были согласны.

На Нижегородчине старейшим мусульманским учебным заведением являлось мектебе в деревне Овечий Овраг¹¹. Отметим, что Овечевражское мектебе было основано предположительно в 1762 году¹². В 1787 году в деревне было более 100 дворов, в которых проживало более 300 мужчин¹³. И под тем же годом в документах упоминается о наличии в Овечьем Овраге мусульманской мечети. Мударрисом¹⁴ мектебе первой соборной мечети в 1787 году¹⁵ стал Абдулжалил (Абдулзямил) Биккинин. Религиозной общиной ему было назначено высокое по тем временам содержание в 100 рублей¹⁶, что говорит о том, что мусульмане ценили учителя, считая его труд необходимым.

Общее количество учеников в Овечевражском мектебе достигало к концу XVIII века 85 человек¹⁷, а в начале XIX столетия насчитывало 92 человека¹⁸. Мальчики из Овечьего Врага и окрестных деревень изучали турецкий, арабский, персидский языки, а также арифметику¹⁹. Перечень предметов, входящих в учебные программы, показывает, что Овечевражское мектебе не являлось строго кадимистским учебным заведением, а приближалось к тому состоянию, которое позже, на рубеже XIX–XX веков, будет именоваться джадидистским (новометодным).

Мектебе существовало на деньги общины. Здание хорошо освещалось и отапливалось²⁰. Абдулжалил-хазрату посильную помощь в обучении шакирдов Овечевражского медресе оказывали азанчеи Сейтбухан Аитов и его сын — Фейзулла Сейтбуханов²¹. Мальчики — шакирды не знали особых забот, кроме учебы.

Сохранились сведения, что в 1800-х годах Абдулжалил-хазрат часто приезжал в селение Сафаджай²², чтобы навестить сафаджайцев-выпускников Овечевражского мектебе и высказывал мысль, что впоследствии овечевражцы будут ездить в Сафаджай учиться²³. Так позже и произойдет. Пока же в те годы сложилось наоборот: сафаджайцы ездили за знаниями в Овечий Овраг.

Упомянем ещё одно из ранних мектебе Нижегородчины — новомочалеевское²⁴. В 1767 году при новомочалеевской мечети открывается и успешно работает первое в деревне мектебе²⁵.

Успехи работы мектебе заметно отражаются на религиозной ситуации в деревне, в частности, на количестве членов православной общины в Новом Мочалее: крещен в деревне немного²⁶ (около 1% от общего числа жителей²⁷). В 1800 году начинает свою работу ещё одна религиозная школа, которая была организована при будущей третьей соборной мечети Ново-Мочалея²⁸.

Одним из старейших на татарской земле Нижегородчины являлось также ендовищенское мектебе²⁹. С 1797 года в нём учительствовал имам Абубекяр Хасянов, получая от общины за свой преподавательский труд 70 рублей ежегодно³⁰. Если учесть, что в деревне проживало 1083 человека³¹ мусульман обоёго пола (данные 1790 года³²), то эта плата может быть расценена как вполне посильная для ендовищенцев. Попутно отметим, что упоминание о ендовищенской мечети³³, сохранившейся до наших дней и ныне действующей, относится к 1780 или 1782 годам и уже вскоре, в 1797 году, один из двух имевшихся в Ендовищах имамов стал «указным», согласно решению ОМДС³⁴. Неудивительно, что ендовищенское мектебе — одно из старейших на татарской земле Нижегородчины.

В 90-е годы XVIII века община татарской деревни Камкино³⁵ построила деревянное здание для школы. Она продолжала действовать и в начале XIX века под руководством «соборного» имама Ахмята Абдусалимова. Тогда в ней обучалось 40 мальчиков и 15 девочек³⁶.

С XVIII века вело свою историю ключищенское мектебе³⁷. В деревне Ключищи того времени имелись немногочисленные, но достаточно состоятельные жители, располагавшие приличными денежными суммами. Судить об этом позволяет анализ архивных дел, связанных с куплей-продажей земли. Из них следует, что средствами обладали такие ключищенцы как Алемай Акбердеев, Токтей Селниев и Еменкул Сеитов³⁸. Они могли внести и вносили наиболее заметные взносы в дело строительства мечети. Но надо подчеркнуть, что в те времена мечети, а также мектебе при них, возводились обычно за счет прихожан в целом, а не отдельных

меценатов. Заметим, что в первой половине XVIII века общее число жителей в Ключищах было относительно невелико. Деревня существовала с недавних времен (с 1644 года), да и петровские мобилизации уменьшили количество мужчин. Тем более значима роль религиозных чувств немногочисленных ключищенцев, построивших мечеть.

Кроме этого, была проявлена и индивидуальная инициатива. В 1797 году на средства 25-летнего ключищенца Хамита Бигилдина была создана школа. Её создание, как и строительство мечети, в которой Бигилдин был имамом, не было согласовано с чиновниками. Содержание мектебе целиком взял на себя инициатор её создания. 31 марта 1797 года он был утвержден Магометанским Духовным собранием в должности имама и мударриса. Жалованья ему не полагалось, хотя прихожане могли собирать некоторые средства для молодого имама в качестве вознаграждения (как отмечали чиновники, они собирали до 75 рублей в год). Мектебе, созданное при второй мечети деревни Ключищи, посещало 80 детей.

В конце XVIII века, как показывают приведенные материалы, наиболее талантливые представители мусульманских общин Нижегородчины сумели решить ряд важных вопросов в деле развития образования и воспитания детей в духе ислама. Они обеспечивали преемственность в передаче основ исламского вероучения: от абызов к мударрисам. Часто мударрисами становились сыновья абызов. Отцы давали религиозное образование своим детям, а те, в свою очередь, налаживали работу первых мектебе.

В условиях конца XVIII столетия после создания Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) наиболее грамотные и умелые из имевшихся имамов получили официальный статус мударрисов и были зарегистрированы в этом статусе чиновниками ОМДС.

Общины в целом, развившись материально, сумели создать соответствующие условия работы в образовательной сфере: были построены здания мечетей, которые можно было использовать

для организации учебного процесса; в некоторых селениях появились специальные здания для мектебе, труд мударрисов оплачивался членами общин, они же содержали мектебе, а порой оказывали материальную помощь учащимся. Становилось все более желающих возглавлять учебные заведения — мектебе, а преподавательский труд в религиозных школах эти люди стали считать делом своей жизни.

Глава II

Развитие исламского образования в Нижегородском крае в XIX столетии

1. Некоторые общие черты развития исламского образования в татарских деревнях Нижегородчины в начале XIX века

Татарские религиозные учебные заведения Нижегородчины представляли собой в XIX веке, как и в предыдущем, XVIII — м, мусульманские школы низшего звена и назывались арабским словом «мектебе», то есть «место, где пишут», в отличие от «медресе» (место, где читают лекции). Такое деление учебных заведений на низшие (мектебе) и высшие (медресе) имело давние традиции в исламском мире. Учителя именовались мударрисами или хальфами. По нижегородским материалам мы не встречаем категории «казый» (надзиратель), то, что фиксируют казанские историки по казанским материалам. Это означает, что проблем в сфере поддержания дисциплины среди татарской молодежи Нижегородчины было гораздо меньше, нежели в учебных заведениях Казанской губернии. Видимо, сказывались меньшие масштабы религиозных школ.

Как отмечалось ещё в XIX веке, в татарских деревнях «при каждой мечети существовало школа для мальчиков, в которой обучались почти все дети, ибо взнос за воспитание был посильным. При недостатке общего образования муллы, воспитание в татарских школах направлено исключительно на изучение Корана, или, правильнее, некоторых молитв и изречений, заучиваемых

наизусть. В этих школах учат также читать и писать по-татарски, и это заметно отражается на значительном развитии грамотности между татарами³⁹.

Немногочисленные преподаватели мектебе получали достаточное жалованье от прихожан. Источники не зафиксировали случаев каких-либо конфликтов в среде религиозных учителей по вопросам методики обучения или из-за вопросов о несправедливом распределении оплаты их труда.

Содержание преподавания носило религиозный характер. Шакирд получал знания в богословии, арабском языке, исламской литературе. Таким образом, обучение укрепляло мусульманские представления о мире в сознании людей и готовило кадры имамов.

Школы, бесплатно обучавшие детей, содержались за счет самих деревенских жителей. Внимательным отношением к детям (среди прочих богоугодных дел) мусульмане оправдывали своё земное существование.

2. Особенности развития мусульманских религиозных учебных заведений на нижегородской земле в первой половине XIX столетия

В начале XIX столетия на Нижегородчине существовало, по меньшей мере, пять мектебе, в которых продолжали наращивать свой преподавательский опыт наиболее талантливые в этом виде деятельности люди. Так, на рубеже XVIII–XIX веков в Ендовищах в качестве имамов работали Хайрулла Шакиров, Абубякир Хасянов (1769 г. р.), Хасян Алюков (1769 г. р.)⁴⁰. Все они имели вознаграждение за свой труд от общины Ендовищ. Работа исламской школы, воспитывавшей юных ендовищенцев в духе преданности исламской религии, сыграла свою роль и в том, что крещенская община в Ендовищах была невелика: в 1835 году в Ендовищах насчитывалось лишь 6 православных татар⁴¹, то есть менее 1% от их общего населения.

Постепенно количество мектебе на Нижегородчине увеличивается. С 1811 года имамом-мударрисом деревни Актуковой⁴² служил

Абдул-Газиз Салюков. Его оклад от махалля деревни составлял 40 рублей. Должность не просто имама, а мударриса говорит о том, что при мечети деревни велись учебные религиозные занятия⁴³.

В татарских деревнях постоянно пополнялся состав людей, которые были способны к преподавательской деятельности. Например, в Рыбушкино выделялась весьма крупная фигура просветителя, имама Сулеймана Салюкова. С 1799 года он начал свою деятельность как имам рыбушкинской мечети. Впоследствии получил высокое звание ахуна. О нем персонально упоминал в своем труде знаменитый ученый Ш. Б. Марджани. Как знатока норм шариата его приглашали для разрешения спорных ситуаций в татарских деревнях. Забегая вперед, скажем, что сын Сулеймана бин Соглюка, Габделвахид (1788–1863), стал третьим муфтием России.

В 1812 году чиновники фиксировали наличие в Ключищах двух приходов. В одном из них, при первой соборной мечети, насчитывалось 863 прихожанина⁴⁴. Имамом-мухтасибом и мударрисом в нем работал Фейзулла Абубекиров. А в другом приходе (второй пятивременной мечети) насчитывалось 670 прихожан. Эти люди слушали проповеди упоминаемого ранее Хамита Бигилдина, а их дети учились у него в том самом медресе⁴⁵, которое он по-прежнему «содержал своим коштом»⁴⁶.

В 1817 году при первой соборной мечети Сафаджая открылось учебное заведение, в 1828 – ещё одно (в списке 1908 года оно зафиксировано как существующее при третьей мечети)⁴⁷.

Известны случаи благотворительности при строительстве не только мечетей, но и учебных заведений. В Камкино в 1826 году «обе мечети вместо старых были вновь построены проживающим в деревне из мурзов, третьей гильдии купцом Хабибуллою Аюповым на свой кошт»⁴⁸. Он же, купец III гильдии Хабибулла Аюпов из Камкино, в 1826 году пожертвовал личные средства на учебные нужды.

В начале XIX столетия медресе Овечьего Оврага продолжало развиваться. Там учились не только жители этой деревни, но

и юноши из соседних деревень. Например, некоторые молодые люди, ставшие затем муллами в Сафаджае, учились у Абдулжалила-хазрата Биккинина.

Сохранился документ⁴⁹, описывающий состояние овечевражского медресе в 1806 году: «Училище то находится в Сергачском округе, Пошатовской волости, в деревне, называемой «Овечьем Враге» в доме, состоящем из двух покоев под управлением двух соборных мулл, одной и той же деревни Абдуллы Желила и другой деревни Ключищи Фейдуллы Абубьякирова, имея при себе 4 человек учителей из татар же разных деревень. Отопление и освещение того училища на отчете первого муллы, не взымая от учеников никакой платы, кроме благодарности, поставляя награду в будущей жизни. Учеников 92 человека, из которых некоторые живут в том же училище, другие у родственников в той же деревне; но все на своем содержании. Обучаются турецкому, арабскому и персидскому языкам и арифметике»⁵⁰.

В 1828 году овечевражская мечеть перестраивается и обновляется на средства имама и всей исламской общины деревни (тогда мусульманская махалля насчитывала 361 мужчину⁵¹). В звании имама единодушно был утвержден Мухамят Юнус Абдулзямилов, сын прежнего служителя культа А. Биккинина⁵².

Внук имама Абдулжелила (Абдулземила)-хазрата Биккинина — Садек-абзи, упорно овладевал исламскими знаниями, изучал философию и был широко известен не только среди жителей родной деревни, но и далеко за её пределами как образованный человек. Согласно воспоминаниям односельчан он написал несколько сочинений на богословские темы.

Люди из окрестных деревень приходили к нему послушать проповеди, поучиться грамоте. Авторитет его среди мусульман был очень высок. Отличался он и высокой нравственностью — «зарплату» не признавал и с шакирдов «садаку» не брал. Постоянную группу учеников он наставлял и в мектебе, и в своем доме. От подношений отказывался и при этом говорил: «Если вы захотите вспомнить о том, что было здесь в этом доме, то после моей

смерти можете “оставить богатство в доме или положить на землю около него”».

Кроме названных имен учителей из овечевражского медресе, необходимо упомянуть и прекрасно образованного сафаджайского имама Хабибуллу-хазрата Альмухаммятова. Он учился в Бухаре, а затем вернулся в родное селение. Известно также, что приблизительно в середине XIX века носивший высокое звание «ишана»⁵³ и имевший мюридов, Хабибулла-хазрат по-новому начал организацию обучения в местном медресе. О Хабибулле-хазрате создано много легенд. Его учебное заведение имело тесные связи с медресе в деревне Овечий Овраг, славившимся своими традициями и высоким уровнем преподавания. В медресе, где преподавал Хабибулла-хазрат, обучали не только чтению Корана, но и татарскому, русскому языкам и арифметике. Школа существовала за счет мечети, но ее бюджет пополнялся и взносами отдельных прихожан.

Интересно, что Хабибулла-ишан Альмухаммятов был близко знаком с Хусаином Фаизхановым⁵⁴. Х. Фаизханов родился в Сафаджае в 1828 году, в семье, родословную которой частично восстановил Марджани, учитель Хусаина⁵⁵. Кусочек шеджере Фаизханова в реконструкции Марджани выглядит следующим образом: «Абу Мухаммад Хусаин бин Фаизхан бин Файзулла бин Биккина бин Исмагил бин Тенгри Берди ал-Джабали ас-Сабаи ал-ханафи»⁵⁶, что говорит о давних сафаджайских корнях ученого. Фаизханов получил сначала домашнее образование в своей семье, а затем закончил в родной деревне одно из имевшихся в ней учебных заведений. Хусаин Фаизханов стал ученым, слава о котором далеко перешагнула за пределы родного селения. Видимо, умному мударрису Хамидулле Альмухаммятову было о чем говорить со знатоком истории и культуры татарского народа Хусаином Фаизхановым.

Хусаин Фаизханов блестяще владел несколькими восточными языками. Преподавал востоковедение и языки в Санкт-Петербургском университете в 60-е гг. XIX века. Собрал материал по истории татар и тюрок вообще, но не успел его опубликовать. По мнению философа А. Н. Юзеева, занимающегося проблемой

татарской философской мысли конца XVIII–XIX веков, эти неопубликованные исследования Фаизханова использовал Марджани при написании своих исторических работ⁵⁷. Будучи настоящим ученым, которого интересовала проблема этногенеза татарского народа, Фаизханов понимал необходимость изучения не только восточных, но и русского языка, что было важно для всестороннего научного поиска по интересующей его проблематике. Знание русского языка было необходимо, по мнению Фаизханова, ещё и потому, что «...наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке, и для того, чтобы избежать неприятностей от законов, которые все составлены на этом языке, его нужно знать»⁵⁸.

К тому же, его мысли были обращены и в сторону просветительской деятельности в татарской среде. Его не устраивала система образования, имевшая место тогда среди российских мусульман, поскольку в ней отсутствовали элементы светской учености. Он всерьез размышлял о европеизации обучения в татарских школах. Более того, им была написана (также неопубликованная) работа под названием «Ислах ал-мадарис» («Школьная реформа»)⁵⁹, в которой он рассуждал о создании в Казани медресе с обучением на русском языке географии, европейским языкам, медицине, естествознанию; на тюркском языке — мусульманской юриспруденции и арабской филологии⁶⁰. Зная об этом проекте, вышедшем из-под пера Фаизханова, можно утверждать, что он стал одним из зачинателей идей новотатарского просвещения («новометодных мектебе»)⁶¹.

Фаизханов не предполагал, что сафаджайцы, его земляки, смогут воплотить в жизнь проект новометодного медресе — в силу требуемых на его открытие и деятельность больших средств и наличия соответствующих кадров. Но помочь по-новому организовать деятельность местных татарских медресе, исходя из их возможностей, он не отказывался. В частности, сохранились сведения о том, что он помогал по-новому организовать деятельность медресе в Овечьем Овраге и в своем родном Сафаджае.

Сил на эту деятельность у Х. Фаизханова было немного. Дело в том, что ещё в 1857 году, когда Фаизханов жил в сыром и туманном Петербурге, его легкие, не выдержав атаки подобных климатических условий, оказались пораженными туберкулезом. Командировка, данная ему Петербургским университетом в апреле 1866 года для изучения быта народов киргизских степей, оказалась вынужденно прерванной. Сам он в письме к Марджани в Казань по выезде из Петербурга писал следующее: «Выехав 7 апреля из Петербурга, находясь 24 дня в Москве, 6 мая благополучно прибыл я на свою родину. Со дня приезда моего не было хорошего дня для меня — постоянно шли дожди. Ныне я ещё более ослаб, чем был во время выезда из Петербурга, изнеможен совершенно. На днях поспеет кумыс мой. Надежда только на кумыс и хорошие дни, ибо чрезмерно слаб»⁶². Фаизханову было суждено прожить на своей родине около четырех, не лучших для него по состоянию здоровья, месяцев, во время которых он и помог по мере сил своим землякам идеями о совершенствовании обучения детей в татарских селениях. В заключение рассуждений о Фаизханове позволим себе привести оценку этого знаменитого ученого, данную учителем Хусаина Ш. Марджани, пережившего своего ученика более чем на 20 лет: «Хусаин б. Фаизхан был человеком благонравным, чистосердечным, ясновидящим, благих намерений, проницательным, праведным, тонким и глубоким исследователем и мыслителем, сочинителем прекрасных произведений и множества лекций. Он постоянно занимался, изучая работы других ученых, и многое почерпнул у них, хорошо знал хронику событий, мировую историю, обстоятельства жизни правителей и был знатоком фикха и основ веры»⁶³.

Идеи Фаизханова не нашли воплощения при его жизни. Продолжали развиваться традиционные учебные заведения, придерживавшиеся мусульманской линии обучения. Старометодные школы были устойчивым традиционным институтом, имевшим многовековую духовную и материальную связь с правоверными. Количество их продолжало расти.

Тогда же, в XIX веке, недалеко от Сафаджая, в Красном Острове⁶⁴, в 1820 году имелось три соборных мечети. В 1829 году при третьей соборной мечети открылось мектебе⁶⁵. В нем получали первоначальное религиозное образование те мальчики, которые во второй половине века составят костяк мусульманских общин Красного Острова, а также некоторые будущие деревенские служители культа.

В первой трети XIX века в Новомочалее имелось три соборных мечети с двумя мектебе; в 1830 году открывается ещё одна — четвертая соборная мечеть, а при ней новое мектебе⁶⁶. Таким образом, три новомочалеевские религиозные школы возникли с 1767 по 1830 год, что свидетельствует не только о высоком уровне религиозности в деревне, но и о некотором материальном достатке её жителей.

В дальнейшем рост мектебе в татарских деревнях выглядел следующим образом. В Петряксах открылось мектебе при третьей соборной мечети. В 1850 году в Медяне также открывается мектебе⁶⁷. И когда в 1852 году в разросшейся Медяне фиксируются две мечети, мектебе продолжает функционировать. Обязанности имамов и мударрисов в них исполняют Арифилла Садеков и Абдел Вяхмят Сагидов.

Начало действовать мектебе в Старом Мочалее (1855 год). В Большом Рыбушкино в 1859 году фиксировалось документами три мектебе, в Малом Рыбушкино — одно. Особенность развития процесса заключалась в том, что в первой половине столетия шел заметный рост числа учебных заведений при медленном увеличении числа мечетей. Смысл очевиден: имея собственные мечети, мусульмане Нижегородчины налаживали повсеместно процесс религиозного образования, сохраняя и укрепляя свою этноконфессиональную самобытность. Всего в первой половине XIX века в пределах современной Нижегородской области проживало около 40 тысяч мусульман и функционировало не менее 36 мусульманских учебных заведений.

В Овечьем Враге, селении, имевшем старейшее медресе, количество мусульман продолжало расти, и в 1859 году составило более 1400 человек⁶⁸. В 60-е годы XIX века овечевражцы не только выстроили вторую соборную мечеть, но активизировали работу своего мектебе с числом учащихся около 100 человек. Свою лепту в это дело внесли руководители первого прихода Сабер Юнисов (Юнусов) и второго — Мухамет Юнисов (Юнусов)⁶⁹.

Росло население Нового Мочалея. К середине XIX века (в 1859 году) в нем проживало 1837 человек⁷⁰. В мечетях становилось тесно, и мусульмане стали думать о возведении ещё одной — пятой. Вместе с тем росло число детей, и их надо было учить в новых учебных заведениях. В связи с этим четвертое мектебе в Новом Мочалее открыло свои двери ученикам в 1886 году.

3. Развитие исламского образования в Нижегородском крае после проведения реформ Александра II

Время Великих реформ 1860–70-х годов — период, во многом изменивший жизнь российского общества, в том числе и нерусской его части. Система народного образования, как и многие другие структуры тогдашней жизни, стала объектом перемен, проводимых «сверху». Жизнь исламских мектебе Нижегородчины довольно активно развивалась. Покажем это на ряде примеров.

В 60-е годы XIX столетия мусульмане деревни Грибановой⁷¹ сочли необходимым выстроить вторую (пятивременную) мечеть. Первая уже не могла вместить всех верующих (1452 человека в 1859 году)⁷². Грамотные и ученые духовные лидеры Багаутдин Рахметуллин, Насибулла Мухетдинов преподавали догматы вероучения в начальных школах при мечетях. В деревне к 1878 году существовало 3 мектебе, в которых 80 детей постигали азы ислама⁷³.

В Антяровке⁷⁴ также возрастала необходимость постройки здания новой мечети; к середине 60-х годов оно было возведено, а на должность её имама ОМДС назначило Мухамета Салеха Феткулова. Тогда имамом первого прихода был Гаязетдин Мухаметдиаров, а место азанчея занимал с 1863 года Багаутдин Амерханов,

одновременно бывший мугаллимом в одном из существующих мектебе Антяровка⁷⁵. В двух начальных, религиозных школах деревни обучалось до 80 детей⁷⁶.

В начале 60-х годов среди служителей культа Кочко-Пожарок⁷⁷ произошли некоторые изменения, в том числе и неприятные. В марте 1860 года прихожане избрали азанчеем некоего Мухамята Закера Абдула Насерова. Вслед за тем его вызывают в Оренбург для прохождения соответствующих такому случаю экзаменов у работников Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. Однако в начале 1861 года он отказался от должности. В результате члены общины остались без азанчея, полагая, что без него они не смогут выполнять обряды («без которого не можем знать времени, когда приходить на богослужение»). Собравшись на сход, мусульмане вновь избрали нового азанчея Аксяна Салекова, который, по мнению общины, «по всем требованиям подходит». И заодно на должность учителя для местного мектебе выбрали его брата, Резвана Салекова. Однако с решением общины не согласились ставшие к тому времени «указными» имамами Ахмет Валитов и Мерсияд Ярмухаметов. Помимо прочих причин их несогласия, было и нежелание уступать оплачиваемую должность преподавателя в школе. В возникший конфликт было вынуждено вмешаться Нижегородское губернское правление, направившее дело о религиозной школе в Нижегородскую палату государственных имуществ, поскольку сама школа находилась в ее ведении. Что касается вакантной должности азанчея, то, в конечном итоге, было принято решение утвердить в ней упомянутого Аксяна Салекова⁷⁸. Такие конфликты не были типичны для Нижегородской губернии.

Продолжим примеры из жизни исламских общин Нижегородчины, показывающие, как активизировался процесс создания новых мектебе и медресе в крае. В середине XIX века кадомская исламская община достигла численности 555 человек⁷⁹, продолжавших отправлять религиозные действия в одной мечети. В начале 60-х годов на место прежнего имама пришел его сын — Минажетдин Мягдеев⁸⁰, прослуживший в кадомской мечети приблизительно

с 1862 до 1880 годы. Ему принадлежит слава открытия в деревне мусульманского мектебе. В конце 70-х годов XIX века в нем обучалось 40 кадомских детей, преимущественно мальчиков⁸¹.

Примерно столько же учащихся (35 человек) обучалось в это время в мектебе в деревне Семеновской. Оно также содержалось на личные пожертвования мусульман⁸². По всей видимости, это свидетельствует о материальных возможностях жителей деревни Семёновская в 70-е годы XIX века.

В 70-е годы XIX столетия основы исламского вероучения преподавали в трёхозерском⁸³ мектебе братья Рызвановы Юсип и Юнис. Под их руководством постигали основы религиозного вероучения 20 учеников⁸⁴.

С начала 70-х годов развернуло свою деятельность мектебе в селении Чембилей⁸⁵. Неслучайно, характеризуя образовательный процесс в татарской части Симбирской губернии (то есть там, где располагались селения татар современной Нижегородской области, в том числе и Чембилей), современник отмечал: «...их училища (медресе) процветают. Учащихся в ином медресе бывает до 150 человек и часто в татарских селениях не одна школа, а несколько; учащихся девочек у них тоже много. Но там мулла учит бесплатно или за весьма ничтожные подарки»⁸⁶.

В 70-е годы XIX века в Ключищах функционировало уже пять мечетей и при каждой из них действовало учебное заведение⁸⁷. Общее количество учащихся составляло 295 детей⁸⁸. 49 человек обучалось в 1878 году в мектебе деревни Шубино. Здесь имелись традиции преподавания основ культа, заложенные в начале XIX века меодаррисом Абдюрханом Аитовым⁸⁹ и развитые имамом Амирханом Бакташировым⁹⁰.

Процессу развития религиозного образования способствовала не только приверженность вере, но и природная любознательность. Современник отмечал следующее: «В умственном развитии татары стоят едва ли не выше русских крестьян; грамотность и письменность на татарском языке развита между ними повсеместно; они весьма способны к изучению других языков; они

любят также говорить по-русски, хотя и коверкают наши слова необыкновенно. Татарин по природе любознателен и способен к изучению наук и искусств, только недостаток учебных книг на татарском языке не дает им возможности воспользоваться вполне этими способностями»⁹¹.

Тогда в Анде⁹² жизнь религиозной общины может быть охарактеризована следующим образом. Действовали три мечети. Их посещало более 2000 верующих⁹³. Духовными лидерами общины являлись: в первой мечети — мулла Ш. Невретдинов; во второй — братья Насибулла⁹⁴ и Юсип Аксяновы⁹⁵; в третьей мечети — сын азанчя первого прихода, Шарафетдин Жедиханов (1860 г. р.)⁹⁶. Все имамы занимались религиозным образованием подрастающего поколения. Здесь в конце 70-х годов действовало мектебе с числом учащихся 15 человек⁹⁷. Кроме него при мечети действовала, созданная по решению земства, женская школа с обучением девочек рукоделию⁹⁸.

Отметим, что большее внимание в деле образования традиционно уделялось мальчикам. Однако, поскольку Коран не препятствует организации и развитию женского образования, девочки также получали религиозное образование, но не в таких масштабах. Они, кроме семейного образования и воспитания, могли придти в мечети, где им могли рассказать об основах исламского вероучения. Ещё в XIX веке наблюдатели отмечали, что «воспитанием девочек занимается обыкновенно жена муллы, которая вообще играет в женском татарском обществе весьма важную роль, гораздо выше даже, чем в русских деревнях жена священника»⁹⁹.

С 70-х годов XIX века материальное положение каргинцев¹⁰⁰ стало, по-видимому, так же как и положение татар в других деревнях, укрепляться. Каргинцы продолжали содержать две мечети¹⁰¹ и мектебе с 35 учащимися¹⁰².

В 1876 году в первую соборную мечеть Пошатово¹⁰³ на место второго имама пришел брат ахуна Х. Х. Соколова — Нежеметдин Хасянов Соколов, достойный и порядочный человек. Азанчя-ми при мечетях в этот период являлись Абдул Насеров (в первом

приходе), Ималетдин Нежеметдинов (во втором приходе, сын Н. Х. Соколова)¹⁰⁴. Тогда же действовало два мектебе, в которых изучали Коран, арабский и татарский языки¹⁰⁵.

В деревне Кузьминке¹⁰⁶ в 1878 году число верующих составило 520 человек¹⁰⁷, а в 1898 году возросло до 806 человек¹⁰⁸. Чувствовалась необходимость иметь собственную религиозную школу. В конце XIX века при кузьминской мечети усилиями общины открылась начальная религиозная школа (мектебе). Она находилась на попечении имамов А. Аксянова и молодого образованного имама Курбана Али Секамова¹⁰⁹ и успешно работала с конца XIX века и далее.

Со временем прихожане Уразовки¹¹⁰ задумались о создании в деревне собственной религиозной школы при существующей мечети; и в 70-е годы XIX мектебе было выстроено. Известно, что в 1878 году в нем обучалось начальной грамоте 50 детей¹¹¹.

В 1878 году в деревне Ендовищи функционировали уже три духовных учебных заведения; 115 человек получали в них знания в соответствии с мусульманской традицией. Изучали историю ислама, Хадисы, татарский язык, начала арифметики¹¹².

При мечетях деревни Пицы¹¹³ работали три мектебе с общим числом учащихся в 122 человека, где обучали арабскому и татарскому языкам и грамотному чтению Корана¹¹⁴. Такое количество школ было закономерным: в Пиче в 1878 году проживало почти 2 тысячи человек¹¹⁵.

При мечетях Актуково активно функционировали духовные училища. В XIX веке изучением исламской догматики основательно занимались учащиеся мектебе (50 человек по данным на 1878 г.)¹¹⁶.

До 40 детей обучалось в Камкино чтению, письму, а также языкам: татарскому, арабскому и персидскому. Учил имам Матиулла Алеев на деньги, выделяемые приходом¹¹⁷.

Приход Урги¹¹⁸ содержал учителя имама Закера Невмятулина, который «обучал детей таким предметам, как: Алит, Мовтиан,

Куран, арабский язык». По поручению ОМДС за процессом преподавания в ургинском мектебе следил мулла Сафиханов¹¹⁹.

В Нижегородской губернии в 1878/1879 учебном году в начальных татарских школах обучалось 1419 учащихся – речь идет только о мальчиках¹²⁰. Всего насчитывалось, по сведениям властей, «...в 18 деревнях по одному училищу, в которых муллы обучали татарской грамоте за счет обществ»¹²¹. Такую ситуацию власти считали не совсем нормальной, объясняя свое понимание тем, что «за муллами никакого наблюдения не ведется» и «они преподают по своей инициативе».

Исследование ведения школьного дела в интересующих нас татарских деревнях дает возможность утверждать, что сложившаяся система была пропитана традиционным духом исламизма и развивалась в кадимистском ключе.

Вместе с тем, именно во второй половине XIX столетия, а, точнее с 60–70-х годов, правительство России, как уже отмечалось, стало предпринимать некоторые шаги, чтобы среди татарской части населения страны распространить светское русское образование. С точки зрения развития Российского государства и российского сообщества как единого целого, это было вполне естественным и закономерным. Знание русского языка, являвшегося государственным, объединяло подданных империи в единое целое и облегчало управление сообществом. Однако отношение татар к этим новациям было отрицательным. Это можно понять на примере истории русско-татарских школ.

Всего лишь год работала маленькая русско-татарская школа, открытая в 1871 году в Петряксах инспектором народных училищ И. Н. Ульяновым. В следующем, 1872 году, она была переведена в деревню Новомочалей, где и просуществовала до 1915 года. Тогда, в 1915 году, она была закрыта по распоряжению Нижегородской земской управы, как не удовлетворяющая требованиям, предъявляемым к такого рода учебным заведениям. Содержание русско-татарской школы обходилось государству в 560 рублей ежегодно¹²².

В контексте книги важно отметить, что местное население не приняло эту школу, всячески саботировало её работу. По сведениям краеведа С. В. Сабирова, «население отказывалось отвести землю для строительства здания»¹²³. К 1910 году Новомочалеевское училище так и не сделало ни одного выпуска из-за нежелания родителей доводить курс обучения своих детей до конца. Если число учеников в младших отделениях доходило до 20, то в старших отделениях не было больше 3–5 человек, которые ко дню выпуска разбегались, как бы не желая получить свидетельства об окончании курса»¹²⁴.

Указом от 20 ноября 1874 года так называемые инородческие школы были переданы в ведение Министерства внутренних дел (МВД) и Министерства народного просвещения (МНП)¹²⁵. Все иноверческие школы, училища, а также частные школы, поступали под наблюдение инспекторов башкирских, киргизских и татарских школ. В число этих учебных заведений вошли и все медресе и мектебе, содержащиеся как за счет обществ, так и за счет частных лиц¹²⁶. Теперь все мектебе и медресе Нижегородской и Симбирской губерний должны были быть взяты под контроль начальства и утверждены как существующие. В том случае, если через полгода не проходила регистрация имевшихся в наличии учебных заведений, они подлежали закрытию. Если в татарских селениях возникали идеи открытия новых школ, необходимо было разрешение на их открытие, выдаваемое Министерством просвещения¹²⁷.

В главе II «Правил проектирования инструкции о татарских и башкирских школах» под названием «Наблюдения за медресе и мектебе» подчеркивалось в § 1, что «мюдаррис должен знать русский язык». Сначала требовалось «отчетливо читать и писать», а с 1880 года необходимым называлось «полное знание в объеме курса русских классов». Согласно § 13, муллы должны были представлять программу занятий попечителю округа. Однако наблюдение за работой мударриса со стороны инспектора не касалось религиозного содержания обучения (преподавания ислама). Речь шла о контроле иного рода. Инспектор должен был следить за тем,

«чтобы преподавание это велось догматически и ни под каким видом не было допускаемо толкований, противных верноподданнической преданности Государю императору... любви к отечеству России и возбуждающих неприязнь против христианского населения»¹²⁸.

Именно от попечителя зависело положительное решение об открытии новых школ. Учредителям ставилось условие: взять на себя обязательство содержать русские классы в мектебе и медресе. Общество должно было содержать и учителя русских классов. Причем, сумма годового содержания называлась довольно большая: не менее 350 рублей¹²⁹. За попечителем учебного округа оставалось право закрыть школу, если не была налажена работа русского класса¹³⁰. Это новшество губернское правление Нижегородской губернии признало «весьма полезным»¹³¹. Такого же мнения было и Симбирское губернское правление.

На Нижегородчине в татарских селах неохотно отзывались на эти новшества. Тем не менее, можно привести в качестве примера тот факт, что с 1878 года усилиями губернских властей в Пице создается «татарская одноклассная школа», находившаяся в ведении системы народных училищ. В её учебный план, наряду с иными дисциплинами, входил и русский язык¹³². Небольшая часть татарских детей училась в русско-татарских министерских училищах, расположенных в Ново-Мочалеях, Грибанове, Камкино. В Камкино во главе русско-татарской школы встал Зариф Султанов, выходец из Казанской губернии. Позднее, в 1910 году, для этого училища за счет государства было построено специальное здание¹³³.

Строительство зданий для религиозных школ (мектебе и медресе) продолжалось и в последующие годы. Запрет открывать новые школы без наличия в них русских классов на местах пытались всячески обходить. Государство не сумело строго «отследить» этот процесс и запретить создание новых мектебе на Нижегородчине с обязательным условием наличия русских классов.

Подтверждением того, что жители деревень обходились распоряжения «сверху», стало строительство новых религиозных учебных заведений. Мечеть в Базлово¹³⁴ была поставлена в 1882–1883 годах¹³⁵, её первым имамом стал А. Ж. Сантендинов. Он работал на протяжении 80–90-х годов и подготовил себе преемника: его сын Алимжан Абдул Жаббаров занял должность имама второй соборной базловской мечети¹³⁶. Он же успешно работал мугаллимом начальной, религиозной школы¹³⁷.

В конце XIX столетия по инициативе азанчя первой мечети Хусяина Аксаяева ургинцы стали собирать деньги на строительство мектебе, которое и было открыто при первой соборной мечети в конце века. В нем тогда учились только мальчики, изучавшие религиозные дисциплины¹³⁸.

Махалля Кочко-Пожарок продолжали увеличиваться количественно, составив в 1878 году почти две тысячи человек¹³⁹. Единственное существовавшее тогда мектебе посещало до 40 учеников¹⁴⁰. Обучение в мектебе Кочко-Пожарок велось на новометодной основе¹⁴¹.

В 80-е годы в Ключищах по-прежнему функционировало 5 мечетей. Это самое большое количество мечетей среди всех татарских деревень тогдашней Нижегородской губернии¹⁴². Согласно данным ахуна Соколова, в деревне насчитывалось 14 священнослужителей (9 мулл и 5 азанчеев). Это также самый высокий показатель по губернии¹⁴³. Количество членов их семейств – 77 человек (37 мужчин и 40 женщин). При пяти мечетях действовали уже 6 учебных заведений, в каждом из которых работал свой учитель. Общее количество учащихся составляло 250 человек¹⁴⁴. И снова подчеркнем, что это значительное количество и касалось учителей мусульманских учебных заведений в Нижегородской губернии (данные на 1883 год), и учащихся мектебе. Более высокие показатели были только в Маклаково – 300 учеников¹⁴⁵.

Сравним некоторые цифры. В 1878 году в Ключищах работало 5 медресе (295 обучаемых), а в 1898 году там находилось 5 мечетей. В Пице это соотношение выглядело как 3 мектебе: 4

мечети (122 ученика); в Ендовищах — 3 мектебе: 5 мечетей (115 учеников); в Татарском Маклакове — 3: 7 (180). Приведенные цифры позволяют считать, что там, где имелось большее число духовных школ, к концу XIX века значительно увеличилось количество соборных и пятивременных мечетей. Таким образом, одной из причин большего или меньшего числа мусульманских храмов в рассматриваемых селениях была разная степень охвата религиозным воспитанием сельской молодежи.

В конце XIX века в уездный центр Сергач, а также в Нижний Новгород, стали поступать заявления богатых жителей Пицы, Грибаново, Ключищ и других населенных пунктов. В них содержались просьбы разрешить начать строительство новых мечетей¹⁴⁶. Это были весьма денежные селяне, готовые выложить сотни и даже тысячи рублей, ибо средняя стоимость тогдашней деревянной мечети составляла около 1,5 тысяч рублей¹⁴⁷, а её годовое содержание требовало от 500 до 1000 рублей¹⁴⁸.

Несколько отличалась ситуация в небольших деревеньках. В них существовали мечети (по одной на селение) и образовательный процесс шел в самой мечети. Учебных заведений, действующих в отдельных зданиях, не было. В числе таких деревень долгое время были, например, Кузминка и Красный Яр.

В целом же в образовательном пространстве татарских деревень Нижегородчины к концу XIX века число мусульманских учебных заведений резко возросло.

К концу XIX века в Красном Острове возвышалось несколько исламских культовых зданий, и действовала религиозная школа (до 1918 года)¹⁴⁹. Преподаванием занимались имамы Абдулла Нежеметдинов, Ахмет Зиядетдин (первая соборная мечеть), Хайретдин Саберов, Тажетдин Батретдинов (вторая соборная мечеть), Арифулла и Халиулла Фаттахетдиновы (третья), Незаметдин Хабибуллин (четвертая), Фяхретдин Абдул-Мязитов (пятая)¹⁵⁰.

Отметим также, что в семье потомственных хазратов Аббасовых-Фаттахетдиновых родился в 1882 году Абдулвадуд Фаттахудинов. В отличие от своих братьев, оставшихся в родной

деревне Красный Остров, он был отправлен для пополнения знаний в Казань. Семейные традиции сказались, несомненно, на его воспитании и образовании, и способный молодой человек стал шакирдом у Баруди, то есть учился в знаменитом медресе “Мухаммадия”, которым руководил выдающийся татарский богослов и общественный деятель Галимджан Баруди, являвшийся также имам-хатыбом Пятой соборной мечети Казани (“Галеевская мечеть”). Более того, шакирд Абдулвадуд Фаттахуддин был, по всей видимости, одним из любимых учеников Галимджана хазрата, ибо теплые отношения между ними сохранялись и после окончания учебы.

Видимо, рекомендация учителя сыграла решающую роль при назначении 30-летнего Абдулвадуда хазрата имам-хатыбом новой Московской мечети, открытой в 1904 году в Выползовом переулке (напомним, что тогда главным мусульманским храмом в Москве была Историческая мечеть в Замоскворечье). Общение между ними не ограничивалось только религиозной сферой. Галимджан хазрат принял живое участие и в личной судьбе Вадуда-хазрата. Когда тот собрался жениться, Галимджан хазрат встретился с родителями невесты и дал самую лестную характеристику своему ученику. Абдулвадуд хазрат прослужил в Московской Соборной мечети до 1928 года имам хатыбом.

В 90-е годы XIX века мугаллимами в Старом Мочалее были Абдул Вахит Невмятуллин Шамуков, Мухамет Гирей Абдул Вахитов Шамуков (первая соборная мечеть), Невмятулла Абульханов (вторая соборная мечеть)¹⁵¹.

Просветительской деятельностью в селении Шубино занимался в те годы Мустафа-хазрат. Серьезное влияние он оказал не только на развитие махалля деревни, но и воспитал достойного сына. Его сын, Ахметзян Мустафин, родившийся в 1902 году, был в 12-летнем возрасте направлен в знаменитое казанское медресе «Мухаммадия», где получил прекрасное религиозное образование. Это позволило ему впоследствии заняться преподавательской деятельностью в родном селении. Особенностью его деятельности было

постоянное совершенствование знаний, что подтверждается тем, что он продолжал обучение у знаменитого имама Нижегородчины Хамидуллы-хазрата Альмушева. С начала 90-х годов XIX века в Петряксах начал работать имамом человек, о котором вскоре слава разнесется по всем соседним деревням. Это был Хамидулла-хазрат Фятхулла углы Альмушев. Людей притягивало к Хамидулле-хазрату его искреннее желание помочь им в деле просвещения. Он постоянно ездил в другие деревни и объяснял молодым имамам правильность выполнения обрядов. Выступал в мечетях соседних деревень с проповедями. У себя, в Петряксах, Хамидулла Альмушев был прекрасным преподавателем. И это не случайно. Кроме высоких нравственных качеств, Хамидулла имел богословское образование, полученное в медресе Бухары и священной Медине. Это был образцовый имам, прослуживший на своем посту 37 лет, обучая детей и в школе, и у себя дома.

На рубеже XIX–XX веков в Сафаджае имелось 8 мечетей, и при всех работали мектебе. К двум действующим в первой половине XIX века добавилось три, вновь открытых в 1887 (при шестой мечети), 1895 (при пятой), 1896 (при четвертой)¹⁵², а также два, открытых в 1905 году, и одно – в 1906 году. Упомянутый ранее Хабибулла-хазрат, будучи в преклонном возрасте, продолжал деятельность имама и в середине 90-х годов построил специальное здание с четырьмя помещениями для 4-х классов медресе, в котором сам по-прежнему работал мугаллимом. В этом селении преподавательской деятельностью занимались также: Хасян Нуриманов, Юнис Арифиллов (первая соборная мечеть), Незаметдин Абубякиров (вторая соборная), Нафетдин Келимуллин, Летфулла Галимов (третья), Фатяхетдин Айнетдинов (четвертая), Насретдин Абурахманов, Аббяс Ашрафов (пятая), Мухусинья Хабибуллин (шестая соборная мечеть)¹⁵³. В построенной в 1902 году седьмой соборной мечети мугаллимом стал Абдрахман Хабибуллин¹⁵⁴.

По сведениям, собранным С. В. Сабировым, после смерти Хабибуллы-хазрата в 1896 году руководство медресе перешло в руки его старшего сына Мухсинят-хазрата. Сам он был разносторонне

образованным человеком и авторитетным муллой, но, тем не менее, привлек к обучению шакирдов (учеников) специальных учителей, окончивших лучшие медресе Казани и Уфы¹⁵⁵.

На рубеже XIX–XX веков в Чембилее при мечетях действовали пять мектебе¹⁵⁶. В Большом Рыбушкино работало четыре учебных заведения: в первом из них (при первой соборной мечети) преподавал мулла Гаязетдин Мухутдинов (сын имама Мухутдина), закончивший Азимовское духовное училище; во втором (при третьей соборной мечети) мулла Ярулла Велемеев, также выпускник Азимовской религиозной школы.

В то же время в Петряксах действовало 5 мектебе, в Новых Мочалеях — 4, в Старых Мочалеях — 2, Медяне — 2, Малом Рыбушкино — 3 и т. д. Обращает на себя внимание такое любопытное обстоятельство, что в тех деревнях, где в первой половине столетия было больше учебных заведений, там к концу века было построено и больше мечетей. По-видимому, это был один из важнейших результатов работы мудarrisов: там, где изначально было больше духовно образованных молодых людей, со временем выросло большее число мечетей.

Всё образование в течение XIX столетия, как правило, выдерживалось в строго кадимистском духе. Хотя заметим, что и кадимистские учебные заведения предполагали, кроме богословских дисциплин, некоторые элементы знаний в области математики, логики и т. д.

Мусульманское образование, тщательно поддерживаемое и опекаемое прихожанами, позволяло татарам Нижегородчины сохранить свою религию и этническую культуру. Даже те из татар, кто по тем или иным причинам перешел в православную конфессию и стал крещеном, продолжали жить по шариату, придерживаясь старых традиций. С середины 1860-х годов в некоторых деревнях, где жили «отпавшие от ислама», действовали нелегальные муллы, не зарегистрированные ОМДС, и даже с первой половины 70-х годов нелегальные мечети, замаскированные под дома¹⁵⁷.

Описывая жителей Волжско-Камского края в конце XIX столетия, современник подчеркивал, говоря о татарах: «...у них понятия татарин и магометанин мыслятся нераздельно одно от другого, у них быть настоящим татаринном — значит быть вместе с тем и магометанином, и наоборот — быть магометанином — значит и быть татаринном...»¹⁵⁸. И далее о татарах: «единодушный энергичный и предприимчивый народ, более состоятельный и просвещенный (главным образом, конечно, в смысле грамотности) в сравнении с другими инородцами Волжско-Камского края — народ, ещё помнящий о своем славном прошлом, а, самое главное, всем существом своим, до фанатизма преданный магометанству»¹⁵⁹. Эта религиозность и служила основой для непрерывной активизации учебной деятельности, которая была характерна для татарских мусульманских общин.

Глава III

Социальные переломы в российской жизни XX века и их отражение в деятельности религиозных мусульманских школ в татарских районах Нижегородчины

1. Развитие системы религиозного образования на Нижегородчине в начале XX века

В новом, XX столетии, мусульмане татарских деревень Нижегородчины продолжали заботиться о развитии религиозного образования и укреплять его материальную базу. Это было возможным постольку, поскольку улучшилось материальное положение исламских общин Нижегородчины, а также наметились тенденции увеличения числа мечетей¹⁶⁰.

Многие имамы посвящали свое время обучению детей в мектебе. В Петряксах¹⁶¹ этой работой занимались Садретдин Аллямов, Бядретдин Саберов (первая соборная мечеть), Гиязетдин Закеров, Сабер Алимов (вторая соборная мечеть), Атаулла и Летфулла Якуповы (третья соборная мечеть), Феткулла Альмушев, Абдул Гани

Хафисов (четвертая)¹⁶². Имам пятой соборной мечети Арифилла Незаметдинов не был в то время мугаллимом¹⁶³.

В 1904 и 1905 годах жители Ключищ построили одно за другим два здания для приходских религиозных школ¹⁶⁴.

Преподавательской деятельностью в Медяне занимались имамы всех четырех соборных мечетей: Ахметжан Аляутдинов (первая мечеть), Кябер Вахитов и Арифилла Салехов (вторая), Хасян Хутбиходжин (3-я) и Хасян и Хусейн Жамалетдиновы (4-ая). Благодаря пожертвованиям, медянцам в 1907 году удалось открыть ещё одно мектебе в родной деревне¹⁶⁵. В 1913 году, как отмечал статистический справочник, «в деревне Медяне при речке Медянке — население татарское; 4 мечети, 2 медресе»¹⁶⁶.

В начале XX века кадомский приход возглавил сын прежнего имама и внук первого служителя культа Зейгуль (Зейнус) Бяшар Минажетдинов (1859–1937). Он стал инициатором сбора пожертвований среди членов общины на возведение нового здания религиозной школы¹⁶⁷.

Преподаванию посвятили себя новомочалеевцы-имамы: Мухамет Сафа Хутбихотжин (первая соборная мечеть), Шарафетдин Сайдашев (вторая соборная мечеть), Зиядетдин Алимов, Абдул Гани Зиядетдинов (третья) и Абдул Деян Нафеев Керимов и его сын Фазлаулла (четвертая)¹⁶⁸.

Специально для мектебе были выстроены в Ендовищах в 1902 и 1909 годах два здания.

В деревне Большое Рыбушкино преподавательской деятельностью успешно занимались (данные за 1904 год) Тажетдин Мухаметшин, Гиязетдин Мухетдинов (первая соборная мечеть), Ахметжан Рамазанов, Арибжан Ахметжанов (вторая соборная мечеть), Хаким и Ярулла Вяллемеевы (третья соборная), Саляхетдин Мухетдинов (четвертая соборная)¹⁶⁹. Три имама обучали детей в Малом Рыбушкино: Бядретдин Идрисов (имам первой соборной мечети), Хаммет Ибрагимов (второй соборной) и Исмаил Юсипов (третьей)¹⁷⁰.

В 1907 году Мухсинят Хабибуллин, о котором шла речь выше, построил новое двухэтажное школьное здание для 8-классного учебного заведения. Согласно сведениям С. В. Сабирова, мальчики и юноши, которые учились в этой школе, занимались не только вопросы исламского вероучения, но и постигали татарский, русский языки, арифметику, географию, естествознание. В том же медресе, кроме Мухсинята Хабибуллина, преподавали его братья – Малик, Няжип, Абдулбяр Хабибуллины и Ибрагим Тагиров¹⁷¹. «В этом медресе, – пишет С. В. Сабиров, – впервые в наших краях классные комнаты оборудовали партами, хотя и низкими (шакирты сидели на полу на корточках, а перед ними низкая парта, напоминающая скамейку), классными досками. В школу завезли глобус, географические карты, микроскоп и т. д.»¹⁷².

В 1909 году мусульмане Актуково специально построили под религиозную школу новое деревянное одноэтажное здание с железной крышей¹⁷³. Махалля могла себе позволить строительство мектебе. Могла потому, что многие крестьяне деревни занимались бакалейной и мануфактурной торговлей. Актуковцам (деревня тогда насчитывала 488 домов, общее количество населения 3330 человек) принадлежали 398 лошадей, стадо крупного рогатого скота достигало 440 голов¹⁷⁴.

В 1911 году община Уразовки выстроила ещё одно здание для религиозной школы.

Вместо умершего имама-мударриса пятой соборной мечети Красного Острова Фахретдина Абдул-Мязитова образовательной и воспитательной деятельностью в деревне занялся его сын – Мухесиня Фехретдинов. Он имел к тому все основания, так как обучался в Бухаре у указного муллы и мударриса Зейнульбашера Сябитова. Русский язык изучал у частных учителей¹⁷⁵.

В начале XX века в Базлово действовала частная школа Феттахетдина Сатдарова, обучавшая детей религиозным и светским знаниям до 1917 года¹⁷⁶. Согласно «Списку татарских школ Васильского уезда, получающих пособие от Васильского Уездного Земства за 1914 год» за подписью председателя управы, князя А. В. Мустафина,

частная школа Сатдарова получила 30 рублей. По 30 рублей на 1914 год было ассигновано и двум базловским мектебе. Заведующий мектебе Алимжан Абдул Жаббаров сразу получил 30 рублей, а в 1915 году ещё 30 — в счет 1914 года¹⁷⁷.

Сходная ситуация сложилась и в деревне Парше (ныне Тукай). Там тоже действовала частная школа под руководством Хайруллы Рафияжанова. И мектебе было два. Ими руководили Камалетдин Эксянов (мектебе при первой соборной мечети) и Хайрулла Рафияжанов (при второй)¹⁷⁸. Все три мектебе получили финансовую поддержку земства.

В тех же суммах (30 рублей в 1914 году) осуществилось ассигнование мектебе деревни Андреевки. Ими заведовали Саяхетдин Искаков (при 1-й мечети), Мустафа Юсипов (при 2-й мечети), Искак Мусеев (при 3-й мечети), Масум Шарипжанов (при 4-й мечети). Также по 30 рублей получили мектебе деревни Ишеевой, руководителями которых являлись Желялетдин Муртяхетдинов (мектебе при первой мечети), Миняжетдин Муртяхетдинов (при второй мечети) и Фатих Жалялетдинов (при третьей мечети).

В деревне Татарское Моклоково действовало 6 мектебе. Ими руководили Закер Ярмухамятов (при первой мечети), Шакер Ильясов (при второй), Камалетдин Ильясов (при третьей), Идрис Сафеев (при четвертой), Жалялетдин (при пятой) и Хайретдинов Фузыльжан Мухорямов (при шестой)¹⁷⁹. И все 6 мектебе получили по 30 рублей. Такие же суммы были выплачены ургинским мектебе, которыми заведовали: Аксян Шаряфетдинов (первое мектебе при первой мечети), Хусеин Аксянов (второе мектебе при первой мечети), Ниязбай Мухарямов (мектебе при второй мечети) и Якуб Саберов (мектебе при третьей мечети)¹⁸⁰. Таким образом, 23 татарские школы Васильского уезда получили в общей сложности 690 рублей: 540 — в 1914 году и остальные 150 — в 1915 году в счет 1914-го¹⁸¹.

Не всегда гладко происходило назначение на должности. Иллюстрацией тому может служить инцидент в Ключищах. 23 марта 1910 года прихожане первой соборной мечети

(согласно протоколу 115 человек¹⁸² из 160 домохозяев этого прихода) собрались для того, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Скончался имам-хатыб и мугаллим Саяхетдин Губейдулин, при обязанностях имама в первой мечети остался лишь Абдулла Нурмухамятов, которому одному приходилось трудно. Решили избрать на должность муллы сына умершего Саяхетдина – Летфуллу¹⁸³. Это был 39-летний мужчина, «хорошего поведения, жизни трезвой, судим не был»¹⁸⁴. В апреле 1910 года Сергачское уездное полицейское управление направило решение собрания прихожан первой соборной мечети деревни Ключищи в Нижегородское губернское правление с просьбой его утвердить. Кроме решения, в НГП препровождались ещё два документа: свидетельство от Симбирского городского трехклассного училища, датированное 29 апреля 1900 года, в котором отмечалось, что Летфулла Саяхетдинов успешно «выдержал испытания в знании русского языка, установленное для кандидатов на должность сельского муллы» и свидетельство ОМДС от 9 июля 1909 года, утверждающее, что «он оказался способным быть имамом-хатыбом и мугаллимом»¹⁸⁵. Последний документ носил рекомендательный характер и был не действителен без утверждения НГП. В июне 1910 года в журнале присутствия НГП появилась запись об утверждении Летфуллы Саяхетдинова муллой первой соборной мечети деревни Ключищи¹⁸⁶. Уведомление о его утверждении было направлено в ОМДС, а Л. Саяхетдинов дал, как положено, клятвенное обещание достойно выполнять свои обязанности¹⁸⁷.

Когда умирал имам-мугаллим, приход решал, кому занять вакантное место. Например, Башар Садеков, имам пятой соборной мечети Ключищ, умер в 1912 году¹⁸⁸. Естественно, встал вопрос о том, кто может заменить умершего. Учитывая количество прихожан – 124 человека, одного имама, Мянжетдина Бедретдинова, было недостаточно: он нуждался в помощнике. Мусульмане пятого прихода остановили свой выбор на фигуре Мухомята Башарова, устраивавшего правоверных по многим соображениям. Он был молод (24 года) и энергичен, воинскую повинность уже отбыл

в 1909 году, «хорошего поведения», «жизни трезвой», «не судим». Прихожане добавили к характеристике М. Башарова: «всеми нами уважаемый»¹⁸⁹. К тому же, в то время он занимался изучением русского языка, проживая в Казани на Московской улице в доме Юнисова, что было необходимо для выполнения обязанностей имама в России. За плечами у него было полученное в медресе при Азимовской мечети в той же Казани приличное богословское образование¹⁹⁰. Власти проверили правильность составленного приходом так называемого приговора, который был признан оформленным правильно. Кроме того, необходимо было утверждение кандидатуры, предложенной прихожанами, в должности в соответствии с существующим порядком в ОМДС. На основании циркуляра МВД о каждой подобной кандидатуре делался запрос местному исправнику о политической благонадежности претендующего на должность имама, о причастности или непричастности его к нежелательным религиозным мусульманским течениям тогдашней России. По сообщению сергачского исправника, за Башаровым никаких «политических грехов» не значилось¹⁹¹. После прохождения им испытаний по русскому языку (он сдал соответствующий экзамен в Княгининском высшем начальном училище) Башаров был утвержден в статусе «имама-хатыба и меодарриса» вторым муллой пятого прихода деревни Ключищи¹⁹². Как было положено в те времена, за этим последовало его клятвенное обещание на имя императора о достойном несении обязанностей в будущем¹⁹³.

В начале XX столетия в деревне Овечий Овраг произошла смена духовных предводителей деревни. Иمامом первой соборной мечети стал Хасян Шакеров Юнусов¹⁹⁴. Продолжало работать мектебе. В специально отстроенном здании («из двух больших покоев») шло изучение соответствующих предметов. В народе это училище прозвали «академией» за его высокий авторитет и известность. В начале XX века учебным процессом в овечевражском мектебе руководили имамы Абдулжелил (Овечий Враг) и Фейзулла Абубякеров (Ключищи), преподавателями для 92 обучаемых

работали четыре учителя, «татары из разных деревень». Бытовые условия для обеспечения обучения были созданы хорошие: здание мектебе хорошо освещалось и отапливалось. Обучение было бесплатным, мектебе существовало на пожертвования верующих. Перечень дисциплин, помимо теологических, включал в себя турецкий, арабский, персидский (фарси) языки, а также арифметику¹⁹⁵.

Способность овечевражцев содержать собственное учебное заведение указывало не только на их крепкие мусульманские традиции, но и на определенный уровень зажиточности. В начале XX века в этой деревне имелось достаточно состоятельных уроженцев. Один из них, уехавший тогда в Эстонию на заработки, часто (как водится среди нижегородских татар-мишарей) приезжал на родину. Земляки, шутя, подначивали его: «У тебя есть деньги, но нет достойного дома на родной земле». Приличный и просторный дом он все-таки выстроил, но до революции в нем так никто и не жил. Однако после 1917 года в нем разместилась светская школа. В 1979 году рядом со старым зданием выстроили ещё одно, для другой школы, работающей до сих пор.

В 1908 году к руководству второй соборной мечети пришел Абдул-Азим Юсупов Юнусов. Его отец просил избрать 32-летнего сына Абдул-Азима имамом, поскольку «он религию знает, человек уважаемый и звания муллы достойный»¹⁹⁶. Помощником Абдул-Азима являлся Саляхетдин Бедретдинов Алимов. Сельский учитель, сын имама Саляхетдина – Умяр, пытался начать преподавание русского языка, однако власти воспрепятствовали его усилиям. Он был вынужден уехать в деревню Пицу, где открыл учебное заведение с преподаванием русского языка.

Имамом шестой мечети Пицы в 1913 году стал её устроитель Хамза Абдул Жаббаров (1883–1938). «Избрали муллою к этой мечети однодеревенца нашего, всеми уважаемого Хамзю Абдул Жаббарова, 26 лет, отбывшего воинскую повинность и не состоящего под следствием и судом ни за какие преступления или даже проступки». Получив четырёхклассное образование в Княгининском

городском училище и выдержав испытание на знание русского языка, установленное для кандидатов на должность сельского муллы (26 апреля 1911 года), Жаббаров, имея к тому же богословские знания, полученные у пензенского губернского ахуна Патеева, был утвержден в должности имама Нижегородским губернским правлением. К присяге его приводил мулла первой соборной мечети деревни Кочко-Пожарки Юнис Фейсханов¹⁹⁷.

В 1914 году имамом первой соборной мечети прихожане избрали Дистиангера Сейтбаталлова — человека «благонадежного», весьма сведущего в обрядах. Его отцом был мулла этого же прихода Сейтбаталл Велиулин, который был уже в преклонном возрасте и поэтому не возражал против прихода сына на эту должность. ОмДС была проведена соответствующая проверка знаний Дистиангера и в Нижегородское губернское правление отправлена информация, помеченная октябрём 1911 года, что «он оказался способен быть имамом и мугаллимом». После заявления «о непринадлежности к нелегализированным партиям» и успешно пройденного им испытания на знание русского языка, Сейтбаталлов был утвержден в должности и приведен к присяге¹⁹⁸.

Мектебе продолжали действовать и в условиях войны, а количество их варьировалось от одного (как, например, в Урге имелось при мечети одно мектебе¹⁹⁹) до десяти.

Вопросы о том, каким должно быть образование в татарской среде российского сообщества и каковы политические взгляды учителей инородческих школ, начали активно обсуждаться представителями разных общественных слоев с конца XIX века, но в нижегородских местах интерес к проблемам развития просвещения в нерусских слоях населения пробудился только в начале столетия.

Так, в начале XX века в деревне Ендовищи активно обсуждались вопросы обучения в мектебе. Некоторые настаивали на необходимости изучения русского языка, другие противились этому, ссылаясь на имеющиеся случаи христианизации и русификации. Один из мулл, ратовавший за введение русского языка в учебные

планы мектебе, получил даже прозвище Кзыл-мулла (Красный мулла). В конечном итоге, в результате споров остановились на необходимости введения в учебный процесс некоторых элементов методики Гаспринского.

Увлечение новыми методиками преподавания в рамках мусульманских учебных заведений рассматриваемых селений Нижегородчины не было характерным. Такая практика в духе джадидизма выражалась единичными фактами: например, по сведениям из истории Чембилея, известно, что новометодником был мулла Хасан Салаватов²⁰⁰. Он начал преподавать в одном из мектебе деревни, которое действовало с 1907 года. Это было самое молодое из всех чембилеевских мектебе, которое было организовано при шестой соборной мечети, построенной в 1903 году. Х. Салаватов смело вводил в обучение элементы светского образования. Привлекая грамотных учителей со стороны и обеспечивая обучение среди девочек, он пригласил на преподавательскую работу из Уфы учительницу Хадичу, известную своими идеями в деле обновления процесса преподавания. В 1914 году один из состоятельных чембилеевцев, некий купец из Петербурга, создал на собственные средства школу для чембилеевских девочек. В школу проникали новометодные идеи и настроения. Ими заражались и некоторые из родителей учащихся. Так, татары того же Чембилея, а также Камкино получили газеты «обновленцев»: «Вакт» (Оренбург), «Юлдуз» (Казань). В Грибаново в распоряжении местного учителя А. Шукурова уже в 1901 году имелись издания И. Гаспринского: новый учебник по преподаванию татарского чтения (издан в 1898 году) и номера газеты «Терджуман» (на русском и татарском языках)²⁰¹.

Всего на территории Нижегородчины, по сведениям полиции, новометодная (джадидистская) практика развивалась на базе мектебе и медресе семи деревень: Актуково (две школы), Андреевке (две школы), Грибаново, Кочко-Пожарок, Парши, Сафаджая, Чембилея²⁰².

В тех же Чембилях большинство учителей-мугаллимов преподавали по-старому: Мухамет Абдрахимов, Аймалетдин Юнисов (первая соборная мечеть), Арибжан Курбан-Галеев, Халилулла Мухамет-Закер (вторая соборная мечеть), Искандяр Незаметдинов (третья соборная), Абдулла Сафиуллов (четвертая соборная), Абдрахим Курбан-Галеев (пятая соборная)²⁰³ и другие. Это было связано с их собственными возможностями и настроениями. Отметим, что большинство имамов-мударрисов получали образование в кадимистских учебных заведениях. Например, из 56 имамов Курмышского уезда Симбирской губернии 38 человек получили образование в традиционных медресе Казани и Касимова и 18 — в сельских духовных учебных заведениях²⁰⁴.

Тем не менее, и те имамы, которые обладали традиционными знаниями, не были чужды новым веяниям. Один из образованных мусульман в начале XX века заметил, что «в мусульманском мире желают научиться русскому языку, но при этом ни за что не оставляют родного и арабского. В мектебе в деревнях русскому языку совсем не учат (за очень редким исключением) и преподавание идет на татарском языке. Преподают Коран по-арабски и татарскую грамотность по звуковому методу»²⁰⁵. Татарская молодежь постоянно проявляла любознательность и жажду к новым знаниям.

Оценивая деятельность новометодных школ, краевед М. З. Хафизов писал, что «эти нового типа учебные заведения давали своим выпускникам не только религиозное, но и основательное светское образование, а также психолого-педагогическую и методическую подготовку. Эти молодые кадры, начавшие свою педагогическую деятельность в предоктябрьские годы, составили впоследствии основной костяк работников советской татарской школы в первое десятилетие её развития и работали в просвещении до конца 50-х годов»²⁰⁶.

В условиях нарастающей революционной волны правительство внимательно следило за настроениями своих подданных и, не в последнюю очередь, за политическими взглядами служителей культа, особенно за теми, кто преподавал в религиозных

школах. 16 февраля 1912 года симбирские правоохранительные органы составили список всех «мулл, при существующих в Курмышском уезде мечетях и молитвенных домах»²⁰⁷, в котором, между прочими, имамы семи чембилеевских мечетей были представлены следующим образом.

Первая мечеть: имам-хатыб, мугаллим Мухаммед Абдрахимов, окончил Азымовское училище, ни в чем предосудительном замечен не был. Имам-мугаллим Аймалетдин Юнисов, окончил медресе в Красном Острове, ни в чем предосудительном замечен не был.

Вторая мечеть: имам Халимулла Закеров, окончил Якуповское медресе в Казани. В 1907–1909 годах позволял себе критиковать действия должностных лиц. Имам Арипжан Курбангалеев, окончил Ахунское училище в Казани, состоит под особым надзором полиции.

Третья мечеть: имам Искандер Низаметдинов, окончил Якуповское училище, в 1907–1909 годах позволял себе на сельских сходах критиковать действия должностных лиц. Имам Мухунисят Искандаров, окончил Якуповское училище, ни в чем предосудительном не замечен, к мусульманскому движению не причастен.

Четвертая мечеть: имам Абдулла Сейфулов, окончил Якуповское училище, ни в чем предосудительном не замечен. Имам Искандяр Желалетдинов, окончил Казанское Ахунское училище, ни в чем предосудительном замечен не был.

Пятая мечеть: имам Абдрахим Курбангалеев, окончил Казанское Ахунское училище, ни в чем предосудительном замечен не был.

Шестая мечеть: имам Хасян Айнетдинович Салаватов, окончил Казанское Галеевское училище, ни в чем предосудительном замечен не был.

Седьмая мечеть: имам Махмут Камаев, окончил Казанское Ахунское училище, ни в чем предосудительном замечен не был²⁰⁸.

Немногочисленные крещены, жившие в татарских деревнях Нижегородского Поволжья, продолжали отправлять мусульманские обряды и так же как и мусульмане, могли получить исламское образование. Современники отмечали, что «получить образование

для отступника не трудно: двери всех мусульманских учебных заведений, несмотря на циркуляр Министерства, ему открыты, как и обыкновенному мусульманину»²⁰⁹. К тому же, в мусульманских школах тогда не было письменной регистрации, что также облегчало получение образования крещенам.

Многие преподаватели начала XX века были родом из семей сельских имамов Нижегородчины. Фактически складывались династии мугаллимов. Например, в овечевражском мектебе на смену А. Биккинину в качестве мударриса в 1828 году пришел его сын — Мухамят Юнус Абдулзямилов, затем учителями в том же мектебе стали его внуки — Сабер (имам первой соборной мечети с 1852 года) и Мухамет (имам второй соборной мечети с 1861 года). Далее, в начале XX столетия, правнуки Абдулжелила — имамы и мударрисы Саляхетдин, Хасян, Абдул-Азим. Один из внуков Абдулжелила Биккинина, организатора и первого преподавателя Овечевражского мектебе, хаджи Садек, слыл среди татар Овечьего Врага и соседних деревень богословом с философским типом мышления

Складывались династии имамов-мударрисов, среди основателей которых можно назвать Абубекара Сейфуллина (Ендовищи), Ильяса Камилова (Парша, ныне Тукай), Хамита Бигилдина (Ключищи), Хабибуллу-хазрата (Сафаджай) и др. Некоторые из нижегородских имамов получали образование в казанских учебных заведениях, часть училась на Нижегородчине. Из династий мударрисов вышли в XX веке светские учителя, способные продолжить процесс обучения в изменившихся условиях жизни татарских общин.

2. Ликвидация системы религиозного образования в татарских деревнях Нижегородской губернии в условиях советской власти

В качественно иных условиях советского времени прежние, религиозные, деятели сохраняли традиции, поддерживали мечети и верующих. После революции духовные лидеры продолжили свою работу, зарегистрировав в органах новой власти свои

приходы. Но деятельность мулл становилась все более осложненной новыми реалиями жизни татарских селений Нижегородчины. Так, в 1922 году служители культа были лишены избирательных прав, как «лица, имеющие нетрудовые доходы». Таким образом, прежних источников содержания лишились многие имамы²¹⁰.

Жизнь религиозных лидеров общин осложнялась ещё и тем, что становилось всё более трудной деятельность по воспитанию молодежи. В стране разворачивалась иная, в отличие от предшествующего времени, политика в сфере образования, проводимая новой властью.

В 1918 году только в Нижегородской губернии действовало 82 мектебе²¹¹, которые по-прежнему традиционно содержались за счет местного населения. Крупное селение имело, как правило, для своих образовательных и воспитательных нужд несколько учебных заведений, даже до 10. Постепенно помещения религиозных школ передавались светской власти для организации там обучения детей на новых идеологических принципах. 48 мектебе²¹² из 82-х указанных перешли в сеть советских учебных заведений. Многие из них довольно долго не могли наладить учебный процесс из-за нехватки финансов и тех кадров учителей, которые удовлетворяли бы интересам новой атеистической власти.

Например, в Камкино усилиями советских органов в целом и губернского отдела народного просвещения, в особенности, были организованы пять светских (советских) школ. Обучение более чем 250 детей велось в них на татарском языке. В школах преподавали: мулла Хусейн Аблязов (обучал 30 человек), его родственницы, Фатима и Канифа Аблязовы (35 учениц), родственница муллы Шаги Муллина — Марфа (два года вела занятия в помещении частного дома) и Закира Аминова (преподавала в здании бывшего мектебе)²¹³.

В Карге в 1917 году в здании мектебе расположилась советская школа I-й ступени, где в 1924 году обучалось 145 человек²¹⁴.

В Ключищах в 1918 году две из приходских школ были преобразованы в светские школы I ступени (так называемые трехлетки)²¹⁵.

Они продолжили работу в тех помещениях, которые были специально построены под школы ещё в начале XX века.

Советское время принесло и Овечьему Оврагу новые реалии: открылась библиотека с соответствующим духу времени книжным фондом, появились светские учителя. А мектебе просто перестает существовать, поскольку не хватало сил и средств его содержать.

Веяния революционного времени не обошли стороной население Кадомки. Помещения мечети и мектебе были объявлены собственностью советского государства. Оно использовало мектебе для организации светской школы и библиотеки²¹⁶.

Здания мектебе в Ендовищах были во времена Советской власти распределены следующим образом: одно под школу, а второе под волостной исполком (до 1924 года), а затем тоже под школу²¹⁷.

В 1919 году мектебе Антяровки уже не имело своего помещения, здесь расположилась светская школа²¹⁸. Были ликвидированы как религиозные училища базловские мектебе²¹⁹.

В ходе революции все пять мектебе, имеющих в деревне Чембилей, стали преобразовываться в светские учебные заведения. Собственные здания имели два из них, одно здание мектебе, построенное в 1907 году, стали использовать под светскую школу в 1924 году, другое, 1912 года постройки, было приспособлено под советское учебное заведение в 1918 году. Всего в деревне Чембилей в середине 20-х годов советская школа обучала 497 детей (250 мальчиков, 247 девочек)²²⁰.

В 1918 году религиозная школа Кочко-Пожарок была преобразована в светскую. Теперь в этом небольшом одноэтажном деревянном помещении не звучали айаты Корана. Шесть советских учителей преподавали детям иные учебные дисциплины²²¹. В 1920 году открылась библиотека, которую по партийным сводкам посещало 762 подростка (от 6 до 17 лет).

С утверждением Советской власти в здании мектебе в Семёновской к 1920 году стала действовать советская школа, где обучалось более 200 детей²²².

В здании, специально выстроенном в Медяне для мектебе в 1903 году, в 20-е годы расположилась «советская школа I ступени». Со временем именно недостатком помещений для образовательных учреждений мотивировали изъятие мечетей у верующих²²³.

В первые годы Советской власти в здании бывшего мектебе деревни Кузьминки расположилась светская школа I ступени. В 1924 году в ней обучалось 42 человека. Начала действовать сельская библиотека²²⁴.

После 1917 года шло постепенное вытеснение религиозного элемента в образовании и замена его светским. Без сомнения, мударрисы были наиболее одаренными, талантливыми людьми. Они не только сами обладали определенными богословскими знаниями, но и умели передать эти знания ученикам. Часть их в изменившихся условиях стали работать в советских школах.

Несмотря на некоторый приток в советские школы бывших мударрисов и их сыновей, в татарских деревнях сохранялось недовольство тем, как в них учили. Подтверждением тому служат попытки вернуть к жизни прежние мектебе и медресе. Так, в 1926 году мусульмане деревни Антяровка просили разрешить им открытие религиозной школы для детей, начиная с 14-летнего возраста, окончивших светскую школу I ступени. Об открытии медресе ходатайствовали и зажиточные селяне Петрякс²²⁵.

К концу 20-х годов ситуация в сфере религиозного образования резко изменилась. Советская светская школа вытеснила мектебе и медресе в советской России в целом и на Нижегородчине в частности. Возрождение религиозного образования стало возможно только в конце XX века.

Заключение

Строки Священного Исламского Писания подчеркивают, что знание увеличивает достоинство человека (Коран, 39: 9), а наиболее достойный среди мусульман тот, кто читает и владеет пером (Коран, 96: 1–6). Неудивительно, что некоторые (и их

становилось все больше и больше) из нижегородских татар уже в XVIII–XIX веках владели основами чтения и письма. К концу XIX столетия в татарских селениях Нижегородского края выросло не только много мечетей, но и мусульманских учебных заведений с большим числом обучаемых детей. Мектебе медресе становились рассадниками знаний и благонравия.

Анализ процесса исламского образования в Нижегородском крае показывает, что мусульманские школы существовали почти во всех селениях края. Мектебе были доступны детям из семей разного уровня зажиточности – за обучение платила вся община. По сути, мектебе и медресе для большинства обучаемых играли роль фундамента их религиозного мировоззрения. Для немногих давали подготовку к будущей деятельности имамов. Для всех значительно усиливали религиозное восприятие жизни.

В тех селениях Нижегородчины XIX века, где имелось большое количество мектебе, к концу столетия значительно увеличилось количество соборных и пятивременных мечетей.

Система религиозного исламского образования, сложившаяся на Нижегородской земле, вполне могла обеспечить молодых людей навыками чтения и письма на родном языке, дать им основы знания исламской религии, а также подготовить кадры имамов, азанчеев и мударрисов из жителей деревень, которые впоследствии сами обеспечивали преемственность в деле образования и воспитания подрастающего поколения.

Сложности революционного периода начала XX столетия не поколебали авторитет священнослужителей. В 20-е годы XX века мечети татарских селений Нижегородского края продолжали нормально функционировать. Что касается учебных заведений, то они были закрыты после провозглашения новой власти, а их помещения, как правило, переданы под советские школы. Возрождение религиозной мусульманской школы в России стало возможным только после ухода в прошлое атеизма в конце XX века.

Сегодня обстановка в мире так накалилась, что люди, живущие на земле и желающие спокойствия своим семьям и всему

человечеству, не могут чувствовать себя защищенными. По миру прокатилась все усиливающаяся волна терроризма, заставляющая людей постоянно думать, а что будет завтра с моими близкими, друзьями, сообществом вообще. Некоторые интеллектуалы даже считают, что сегодня, когда нужно успокоить людей, судьба человечества – в руках священнослужителей, богословов, несущих людям веру, слово Божье. И, прежде всего, надежды многих членов российского сообщества возлагаются на грамотных мусульманских ученых. От того, как будет умный знаток Корана толковать Священное Писание, зависят судьбы многих людей: как тех, кто склонен к насильственным действиям, так и возможных их жертв.

Следовательно, от правильного понимания и интерпретации коранического знания, извлечения из него глубинного общечеловеческого смысла, зависит очень многое, даже жизнь человеческая. Мусульмане, жившие на Нижегородчине, в XVIII, XIX, начале XX века, решали многие сложные проблемы своего существования. Однако насыщенный событиями XX век в ещё большей степени усложнил человеческую жизнь. Перед человечеством встали вопросы выживания. Решать их нужно сообща, опираясь на те глубокие нравственные установки, которые дает людям религия. Ислам – это то великое мирное учение, которое принимают сегодня миллионы людей. Абсурдным было бы представлять, что миллионы настроены на уничтожение людей иных конфессий, настроены на гибель неповинных людей. Лишь часть мусульман идет в экстремизм и то, прежде всего, не по религиозным, а по иным мотивам (бедность, трагедии семейного плана и т. д.).

Предки современных нижегородских татар-мусульман всегда мирно уживались друг с другом и со своими соседями, принадлежавшими к другим этносам и конфессиям. Они оставили нам опыт обучения и воспитания детей в духе человечности, сострадания, милосердия, доброты. Этот опыт – наше богатство. Будем надеяться и молить Аллаха о том, чтобы и в дальнейшем в мечетях Нижегородчины и России в целом звучали только правильно понятые

мысли Священного Писания, а в российских религиозных учебных заведениях были слышны только призывы к миру.

Примечания

¹ Нижегородчина сегодня – это Нижегородская область Российской Федерации в её современных границах. Но исторически, в разные периоды, в пространстве нынешней Нижегородчины пребывали разные территориальные единицы. Так с конца XVIII века до начала XX столетия десять татарских деревень нынешней Нижегородской области находились в рамках Симбирской губернии (Курмышский уезд).

² Махалля – официально зарегистрированный молебельный дом или мечеть; мусульманская община.

³ Сунна – пример; обычай. Пример жизни Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), как руководство для всей мусульманской общины в целом и каждого мусульманина в отдельности.

⁴ Мектеб – начальная школа, где обучались с 5 лет.

⁵ Медресе – учебное заведение второй ступени после начальной.

⁶ Подробнее см.: Народно просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. статей. – Казань, 1992.

⁷ История нижегородских татар была воссоздана в следующих научных и научно-публицистических изданиях: *Сенюткин С. Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX века. Н. Новгород, 2001; *Идрисов У. Ю. и др.* / *Идрисов У. Ю., Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX – 30-х годах XX века. – Н. Новгород, 1997; *Идрисов У. Ю. и др.* / *Идрисов У. Ю., Сенюткин С. Б.; Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. – Н. Новгород, 1998; *Сенюткин С. Б. и др.* / *Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. XVI–XX вв: Монография. – Н. Новгород, 2001.

⁸ *Дамаскин.* Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих: имянно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. 1785 – ЦАНО, ф. 2013, оп. 6 а, д. 187, лл. 5, 5 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: *Сенюткин С. Б.* Ук. соч. С. 262.

¹¹ Ныне деревня Овечий Овраг Краснооктябрьского района Нижегородской области. Исторически чаще именовалась Овечий Враг.

¹² Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО), ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 26 об, 27. См. также: *Сенюткин С. Б. и др.* / *Сенюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. – Н. Новгород, 1998. – С. 247–259.

¹³ ЦАНО, ф. 4, оп. 2, д. 1, лл. 16 об., 38 об.

¹⁴ Мударрис (меодаррис) – преподаватель мадраса (медресе) – учебного заведения второй ступени после начальной (мектебе). Обычно специалист по фикху. Знаток этико-правовых норм ислама и методики юриспруденции. Мударрисами называют также преподавателей хадисоведения, грамматики и др.

¹⁵ ЦАНО, ф. 5, оп. 41, д. 229, л. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦАНО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 26 об., 27.

¹⁸ ЦАНО, ф. 1411, оп. 822, д. 172, л. 8; Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 10. С. 441.

¹⁹ Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 10. С. 441.

²⁰ Там же.

- ²¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 26 об, 27.
- ²² Ныне деревня Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области.
- ²³ «В 1800 годах в Сафаджай к своим ученикам часто приезжал из Овечьего Оврага Абдулджамил хазрят. Как-то он сказал, что сейчас сафаджаевцы, у которых очень большая тяга к знаниям, учатся у нас в Овечьем Овраге. А очень скоро овчевражцы будут учиться в Сафаджае». Сафаджайские тетради. Рукописная история села. Цит. по: Сабиров С. В. Записки краеведа... С. 69.
- ²⁴ Деревня Ново-Мочалей Пильнинского района Нижегородской области.
- ²⁵ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО), ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.
- ²⁶ *Сенюткин С. Б.* Ук. соч. С. 278.
- ²⁷ Российский государственный архив древних актов (Москва) (далее – РГАДА), ф. 418, оп. 1, д. 85, л. 2; ЦАНО, ф. 1986, оп. 764, дд. 321, л. 10.
- ²⁸ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.
- ²⁹ Ныне деревня Ендовищи Краснооктябрьского района Нижегородской области.
- ³⁰ ГАУО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 24 об. – 25.
- ³¹ Там же.
- ³² РГАДА, ф. 1102, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ³³ ЦАНО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 24 об. – 25.
- ³⁴ (ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание) Опись делам Нижегородского наместнического правления за 1790–1797 годы В. И. Снежневского // Действия НГУАК. Т. III. Отд. 2. Нижний Новгород: Тип. губ. правл., 1898. С. 198–199.
- ³⁵ Деревня Камкино Сергачского района Нижегородской области.
- ³⁶ ЦАНО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 5 об, 6.
- ³⁷ Деревня Ключищи Краснооктябрьского района Нижегородской области.
- ³⁸ ЦАНО, ф. 161, оп. 109, д. 51, лл. 283, 283 об., 290 об., 291 об., 292 об., 294 об.
- ³⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. II. Составитель Генерального штаба полковник Липинский. СПб., 1868. – С. 394.
- ⁴⁰ ЦАНО, ф. 5, оп. 45, д. 408, лл. 7–9.
- ⁴¹ Там же, ф. 2, оп. 6, д. 232, л. 185 об.
- ⁴² Ныне Актуково Краснооктябрьского района Нижегородской области.
- ⁴³ ЦАНО, ф. 5, оп. 41, д. 229, л. 11.
- ⁴⁴ Там же, л. 25 об.
- ⁴⁵ Установленное наличие учебных заведений в начале века (в Овечьем Враге, Ендовищах, Ключищах, Парше, Петряксах, Красной Горке и др.) заставляет считать, что имамы и муллы Нижегородского края того времени внимательно следили за духовной жизнью подрастающего поколения и подготовкой себе достойной смены. (Хотя следует отметить, что некоторые деятели исламской конфессии учили своих детей в обстановке собственного дома.)
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.
- ⁴⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 45, д. 31, лл. 12 об, 13.
- ⁴⁹ Этот документ был обнаружен в ЦАНО (ф. 1411, оп. 822, д. 172, л. 8) нижегородским краеведом И. А. Кирьяновым, и копия была передана С. В. Сабирову.
- ⁵⁰ Цит. по: *Сабиров С. В.* Ук. соч. С. 70–71.
- ⁵¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 45, д. 31, лл. 29 об.–30.
- ⁵² Там же.

⁵³ Ишан — обозначение члена махалля (мусульманской общины), выделяющегося среди остальных мусульман особой образованностью, знанием исламских законов и традиций.

⁵⁴ См.: Мулла Хусейн: Библиограф. указ. / Б-ка Нижегород. Исламского медресе «Махинур»; Б-ка мечети «Рашида»; Сост. Н. А. Кустова; Ред и отв. за вып. Д. В. Мухетдинов. — Н. Новгород, 2003.

⁵⁵ Марджани Шигабутдин (1818–1889) — известный татарский ученый, мыслитель, просветитель, учитель Х. Фейзханова. Сохранились письма Х. Фейсханова Ш. Марджани // Шура. — 1916. — №№ 15–19.

⁵⁶ Приведено по: Баутдинов Г. Историк, филолог, просветитель // Татарские новости. — 2003. — № 12 (113). — С. 11.

⁵⁷ См.: Юзеев А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX вв. Казань, 2001. — С. 171–172.

⁵⁸ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф. Т. 6. Л. 246 а, б. Цит. по: Юзеев А. Н. Ук. соч. С. 177.

⁵⁹ Работой Х. Фаизханова «Ислах ал-мадарис» специально занимался М. А. Усманов. См.: Усманов М. А. Автографы Марджани на полях подлинника проекта Феизханова о школьной реформе // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. — Казань, 1990. — С. 19–129.

⁶⁰ Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. — Казань, 1980. — С. 129.

⁶¹ Подробнее см.: Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. — Казань, 1980.

⁶² Цит. по: Баутдинов Г. Ук. соч. — С. 11.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Красный Остров — ныне татарская деревня Сеченовского района Нижегородской области.

⁶⁵ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.

⁶⁸ См.: Сенюткин С. Б. Ук. соч. С. 395.

⁶⁹ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 33 об — 38.

⁷⁰ См. Сенюткин С. Б. Ук. соч. С. 395.

⁷¹ Грибаново — ныне селение Сергачского района Нижегородской области.

⁷² ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8443, л. 15.

⁷³ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

⁷⁴ Антяровка — ныне селение Краснооктябрьского района Нижегородской области.

⁷⁵ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 52 об- 55.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Кочко-Пожарки — ныне деревня Сергачского района Нижегородской области.

⁷⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 47, д. 724, лл. 2–12.

⁷⁹ Список населенных мест Российской империи... С. 25–30.

⁸⁰ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 52 об — 55.

⁸¹ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

⁸² Там же.

⁸³ Трёхозерки — сегодня татарская деревня Краснооктябрьского района Нижегородской области.

⁸⁴ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

⁸⁵ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 46 об.

⁸⁶ Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. I. Симбирск: изд. Симб. Губ. Стат. Комитета, Симб. губ. тип., 1866. С. 77.

⁸⁷ Подробнее см.: *Сенюткин С. Б. и др. / Сенюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. – Н. Новгород, 1998. – С. 164–167.

⁸⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 10 об., 55; см. также: *Идрисов У. Ю. и др. / Идрисов У. Ю., Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX – 30-х годах XX века. – Н. Новгород, 1997. – С. 67.

⁸⁹ ЦАНО, ф. 5, оп. 42, д. 16, лл. 29 об.–30.

⁹⁰ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 23.

⁹¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. I. Составитель Генерального штаба полковник Липинский. – СПб., 1868. – С. 326.

⁹² Анда – ныне селение Сергачского района Нижегородской области.

⁹³ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 63.

⁹⁴ ЦАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1485, л. 28.

⁹⁵ Там же, ф. 5, оп. 49, д. 13136, лл. 1, 4, 11, 12.

⁹⁶ ЦАНО, ф. 5, оп. 49, д. 11799, л. 1

⁹⁷ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

⁹⁸ *Хафизов М. З.* Нижегородские татары. – Н. Новгород, 1997. – С. 31.

⁹⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. II. Составитель Генерального штаба полковник Липинский. СПб., 1868. – С. 394.

¹⁰⁰ Карга – ныне деревня Краснооктябрьского района Нижегородской области.

¹⁰¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, л. 10 об.

¹⁰² Из истории нижегородских мусульманских общин. С. 67.

¹⁰³ Пошатово – сегодня деревня Краснооктябрьского района Нижегородской области.

¹⁰⁴ Там же, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 33 об, 38.

¹⁰⁵ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

¹⁰⁶ Кузьминка – ныне деревня Краснооктябрьского района Нижегородской области.

¹⁰⁷ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, л. 10 об.

¹⁰⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 49, д. 1404, лл. 12–17. Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 63.

¹⁰⁹ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-184, оп. 1, д. 22, лл. 15, 20 об, 49 об, 56.

¹¹⁰ Уразовка – ныне деревня Краснооктябрьского района Нижегородской области.

¹¹¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, лл. 10 об., 55.

¹¹² Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

¹¹³ Пица – сегодня деревня Сергачского района Нижегородской области.

¹¹⁴ Из истории нижегородских мусульманских общин... С. 67.

¹¹⁵ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 8873, л. 10 об.

¹¹⁶ Там же. С. 67.

¹¹⁷ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 9133, л. 14.

¹¹⁸ Урга – ныне деревня Княгининского района Нижегородской области.

¹¹⁹ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 9133, л. 14.

¹²⁰ Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1880. – С. 25.

- ¹²¹ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 9133, л. 14 об.
- ¹²² Подробнее см.: *Сабиров С. В.* Записки краеведа / Сост. Д. В. Мухетдинов, Н. А. Кустова, Р. А. Ахмадулина. – Н. Новгород, 2004. – С. 59.
- ¹²³ Там же. С. 69.
- ¹²⁴ Журнал Министерства просвещения. – 1915. – Август. – С. 202.
- ¹²⁵ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 9133, л. 1.
- ¹²⁶ Там же, л. 2.
- ¹²⁷ Там же, л. 2 об.
- ¹²⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 48, д. 9133, л. 4 об.
- ¹²⁹ Там же, л. 6 об.
- ¹³⁰ Там же, л. 7.
- ¹³¹ Там же, л. 15.
- ¹³² *Попов Н.* Сведения о нижегородских татарах. – Н. Новгород, 1895. – С. 16.
- ¹³³ *Орлов А. М., Кафимов А. А.* История села Камкино / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород, 2004. – С. 23–24.
- ¹³⁴ Базлово – ныне деревня Спасского района Нижегородской области.
- ¹³⁵ ЦАНО, ф. 5, оп. 49, д. 10854, л. 1.
- ¹³⁶ Там же, ф. 5, оп. 50, д. 20047.
- ¹³⁷ ЦАНО, ф. 5, оп. 50, д. 20047. Алимжан Жаббаров (1889 г.р.) первые религиозные знания получил в доме отца. Затем продолжил духовное образование в медресе второй соборной мечети деревни Сафаджай. В начале 10-х годов XX века готовился стать имамом второй соборной мечети, ибо к тому времени уже умер его отец. От воинской повинности был освобожден как «единственный работник при матери – вдове». Там же, лл. 6, 22.
- ¹³⁸ Там же, д. 20063, л. 5.
- ¹³⁹ Там же, С. 62.
- ¹⁴⁰ Там же, С. 67.
- ¹⁴¹ ЦАНО, ф. 2, оп. 1, дд. 163, 142.
- ¹⁴² Далее в порядке уменьшения идут Ендовищи (4 мечети), Пица (4 мечети), Маклаково (4 мечети), Актуково (3 мечети), Урга (3), Камкино (3) и т.д. – ЦАНО, ф. 61, оп. 216, д. 385, л. 2.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ ЦАНО, ф. 61, оп. 216, д. 385, л. 2.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 2.
- ¹⁴⁶ ЦАНО, ф. 5, оп. 50, д. 18111, д. 18324, д. 19570.
- ¹⁴⁷ Там же, оп. 51, д. 22306, л. 11.
- ¹⁴⁸ *Климович Л. И.* Ислам в царской России. М.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 133.
- ¹⁴⁹ *Хафизов М. З.* Ук. соч. С. 27, 28.
- ¹⁵⁰ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 51 об.–52, 52 об.–53.
- ¹⁵¹ Там же, лл. 50 об.–61.
- ¹⁵² ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.
- ¹⁵³ Там же, лл. 49 об.–50, лл. 50 об.–51.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ *Сабиров С. В.* Ук. соч. С. 72–73.
- ¹⁵⁶ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 42 об.–43.

¹⁵⁷ Подробнее см.: *Кобзев А. В.* Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар во второй половине XIX века // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья: Сб. науч. ст. – Ульяновск, 2002. – С. 31–36.

¹⁵⁸ Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // Симбирские епархиальные ведомости. – 1897. – 1 января. – С. 21.

¹⁵⁹ Там же. С. 22.

¹⁶⁰ Подробнее см.: *Идрисов У. Ю. и др.* Из истории нижегородских исламских общин... С. 53, 55.

¹⁶¹ Сегодня Петряксы – селение в Пильнинском районе Нижегородской области.

¹⁶² Данные за 1904 год.

¹⁶³ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 46 об.–47, 47 об.–48.

¹⁶⁴ ЦАНО-№ 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 27.

¹⁶⁵ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 47.

¹⁶⁶ Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1913. С. 188.

¹⁶⁷ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 30.

¹⁶⁸ Данные за 1904 год. См.: ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 47 об. – 48.

¹⁶⁹ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 42 об. – 43.

¹⁷⁰ Там же, лл. 45 об.–46, 46 об.–47.

¹⁷¹ *Сабиров С. В.* Ук. соч. С. 73.

¹⁷² Там же. С. 73.

¹⁷³ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 15.

¹⁷⁴ Там же, ф. Р-184, оп. 1, д. 22, лл. 15, 49 об, 56.

¹⁷⁵ ГАУО, ф. 88, оп. 4, д. 1935, лл. 1–5.

¹⁷⁶ Отчет Васильской уездной Земской Управы за 1915 год. Нижний Новгород, 1917; *Хафизов М. З.* Нижегородские татары... С. 31.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² В деле имеется список всех 115 прихожан, принявших участие в собрании, в том числе собственноручная подпись муллы А. Нурмухамятова. Список заверен двумя печатями: сельского старосты ключищенского общества Хамалетдина Халилуллина и Ендовищенского волостного правления Сергачского уезда – ЦАНО, ф. 5, оп. 50, д. 19569, лл. 3–5.

¹⁸³ ЦАНО, ф. 5, оп. 50, д. 19569, л. 3.

¹⁸⁴ Там же, л. 3.

¹⁸⁵ Там же, лл. 9, 10.

¹⁸⁶ Там же, л. 11.

¹⁸⁷ Там же, л. 16.

¹⁸⁸ ЦАНО, ф. 5, оп. 51, д. 21254, л. 3.

¹⁸⁹ Там же, л. 4.

¹⁹⁰ Там же, лл. 18, 26.

¹⁹¹ Там же, л. 21.

¹⁹² Там же, л. 29.

¹⁹³ Там же, л. 34.

- ¹⁹⁴ ЦАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1485, л. 28.
- ¹⁹⁵ Действия НГУАК. Т. I. Вып. 10. С. 441.
- ¹⁹⁶ ЦАНО, ф. 5, оп. 50, д. 18314, лл. 1, 3, 22.
- ¹⁹⁷ ЦАНО, ф. 5, оп. 51, д. 20852, лл. 1, 2, 7–8; ф. 5, оп. 50, д. 20046, лл. 2–42 об.
- ¹⁹⁸ Там же, оп. 50, д. 19571, лл. 2–26 об.
- ¹⁹⁹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО), ф. 1, оп. 1, д. 5569, л. 29.
- ²⁰⁰ ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 591, л. 46 об.
- ²⁰¹ Гусева Ю. Н. История татарских сельских общин Нижегородской области (1901–1985 гг.): Монография. – Н. Новгород, 2003. – С. 155.
- ²⁰² ЦАНО, ф. 2, оп. 1, д. 163, л. 342.
- ²⁰³ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 314, лл. 42 об.–43.
- ²⁰⁴ Там же, ф. 88, оп. 4, д. 209, лл. 244–246.
- ²⁰⁵ Цит. по: Чичерина С. Ук. соч. С. 171.
- ²⁰⁶ Хафизов М. З. Нижегородские татары: Очерки истории. Нижний Новгород: ГИПП «Ниж-полиграф», 1997. С. 30–31.
- ²⁰⁷ ГАУО, ф. 88, оп. 4, д. 209.
- ²⁰⁸ Там же, лл. 245 об.–246.
- ²⁰⁹ Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: Тип. В. Я. Мильштейна, 1905. С. 142.
- ²¹⁰ ГАУО, ф. 55, оп. 1, д. 424, л. 13.
- ²¹¹ ЦАНО, ф. Р120, оп. 2, д. 280, л. 87.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ ГОПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 5569, лл. 30 об, 31.
- ²¹⁴ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 1.
- ²¹⁵ Там же, л. 27.
- ²¹⁶ Там же, л. 6.
- ²¹⁷ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-272, оп. 1, д. 7, л. 22.
- ²¹⁸ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 3.
- ²¹⁹ ЦАНО, ф. 2626, оп. 2, д. 390, л. 2.
- ²²⁰ ЦАНО № 2 (Арзамас), ф. Р-972, оп. 1, д. 7, л. 32.
- ²²¹ Там же, л. 25.
- ²²² Там же, л. 13.
- ²²³ Там же, л. 37.
- ²²⁴ Там же, л. 29.
- ²²⁵ Гусева Ю. Н. Ук. соч. С. 168–169.

БИОГРАФИЯ АВТОРА, СВЯЗАННАЯ С ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Религиозное образование: 1994–1996 гг. — медресе «Нур аль-Ислам» (г. Октябрьский, Республика Башкортостан); 1996–1999 гг. — Институт арабского языка Университета «Умм аль-Кура» (г. Мекка, Саудовская Аравия).

Светское образование: 1999–2003 гг. — бакалавриат, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ им. Н. И. Лобачевского), факультет международных отношений, политология; 2003–2005 гг. — магистратура, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, факультет международных отношений, политология; 2005–2006 гг. — аспирантура, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, факультет международных отношений; 2006 г. — защита диссертации в ННГУ им. Н. И. Лобачевского по теме: «Мусульманские общественные структуры Нижегородского Поволжья: закономерности развития в условиях модернизации современной России» на соискание ученой степени кандидата политических наук, специальность 23.00.02 — Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии; 2008–2013 гг. — докторант Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, факультет международных отношений; 2020 г. — защита диссертации в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) по теме: «Исламское обновленческое движение конца XX — начала XXI века: идеи и перспективы» на соискание ученой степени доктора теологии, специальность 26.00.01 — теология.

Педагогическая и просветительская деятельность: 1993–1999 гг. — директор и преподаватель исламского мектебе при Нижегородской Соборной мечети; 1996–2011 гг. — преподаватель Нижегородского исламского медресе (НИМ) «Махинур»; 1999–2007 гг. — директор НИМ «Махинур»; 2001–2004 гг. — заместитель председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области (ДУМНО)

по учебно-воспитательной работе; 2001–2006 гг. — директор исламского медресе «Медина» в с. Медяны Нижегородской области; 2005–2020 гг. — ректор Нижегородского исламского института имени Хусаина Фаизханова; 2006–2007 гг. — заместитель директора Института стратегических исследований ННГУ им. Н. И. Лобачевского; 2007–2008 гг. — генеральный директор ООО «Издательский дом «Медина»; 2007–2013 гг. — доцент кафедры теории политики факультета международных отношений ННГУ имени Н. И. Лобачевского; 2008 — по наст. время — главный редактор ООО «Издательский дом «Медина»; 2008–2009 гг. — секретарь Совета улемов ДУМНО; 2009–2013 гг. — председатель Совета улемов ДУМНО; 2012 — по наст. время — преподаватель Московского исламского института (МИИ); 2014 — по наст. время — ответственный секретарь Международного мусульманского форума (ММФ); 2015–2020 — заместитель директора Центра арабистики и исламоведения и старший научный сотрудник кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова (по совместительству); 2017 — по наст. время — ректор МИИ; 2017 — по наст. время — профессор кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ; 2020 — по наст. время — директор Центра исламских исследований СПбГУ; 2021 — по наст. время — член Комиссии по развитию теологического, религиозного и духовно-нравственного образования и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации; 2022 — по наст. время — заведующий кафедрой теологии Московского исламского института; 2023 — по наст. время — советник директора ИВР РАН.

Награды за заслуги в области науки и просвещения: медаль Духовного управления мусульман Европейской части России «За заслуги» (2009 г.); медаль Духовного управления мусульман Европейской части России «За духовное единение» (2012 г.); высшая награда мусульман России Орден Почета «Аль-Фахр» (2015 г.); орден мусульман России Совета муфтиев России «За заслуги» (2017 г.); государственная награда Республики Татарстан — медаль ордена «За заслуги перед Республикой Татарстан» (2018 г.); золотая медаль

И. Ю. Крачковского Института востоковедения РАН (2019 г.); государственная награда Республики Татарстан – медаль «За доблестный труд» (2023 г.).

Основатель и в настоящее время главный редактор Издательского дома «Медина» (idmedina.ru), в который входят самая тиражная мусульманская газета «Минбар Ислама», единственный в мусульманском мире богословский журнал, выходящий на пяти языках (русский, арабский, английский, фарси, турецкий) – «Минарет Ислама», исламоведческий журнал «Ислам в современном мире» (главный редактор журнала, который с 2015 г. входит в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК).

В ИД «Медина» основал ряд серий богословской, философской и учебной литературы, призванной возродить в России отечественную богословскую школу. Среди них серия книг «Возрождение и обновление», «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление», а также является основателем серии «Межрелигиозный диалог», направленного на формирование теоретической и идеологической платформы для развития диалога между традиционными религиями.

Д. Мухетдинов является главным редактором серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации», делающих комплексный обзор истории и современности ислама и мусульманских общин в регионах России.

Специализируется на проблемах российской уммы и актуальных богословских вопросах, таких как сочетание исламской и гражданской идентичности, обновление исламского богословия и гармонизация исламской идентичности с современной действительностью, выступает за возрождение исконных принципов коранического гуманизма, за синтез духовного наследия мусульманской цивилизации и научных достижений европейской цивилизации.

Автор и соавтор ряда книг, учебных пособий, статей и публикаций, научных альманахов, участник многих всероссийских и международных научных конференций и форумов, а также телевизионных передач на общероссийском и региональном телевидении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (Москва) (РГАДА)

1. ф. 418, оп. 1, д. 85, л. 2;

2. ф. 1102, оп. 1, д. 5.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО)

3. ф. 2, оп. 1, д. 163, д. 1485; оп. 6, д. 232;

4. ф. 4, оп. 2, д. 1;

5. ф. 5, оп. 41, д. 229; оп. 42, д. 16; оп. 45, д. 31, д. 408; оп. 47, д. 724; оп. 48, д. 8443, д. 8873, д. 9133; оп. 49, д. 10854, д. 11799, д. 13136; д. 1404; оп. 50, д. 18111, д. 18314, д. 18324, д. 19569, д. 19570, д. 19571, д. 20046, д. 20047, д. 20063; оп. 51, д. 20852, д. 21254;

6. ф. 61, оп. 216, д. 385;

7. ф. Р120, оп. 2, д. 280, л. 87;

8. ф. 161, оп. 109, д. 51;

9. ф. 1411, оп. 822, д. 172;

10. ф. 1986, оп. 764, д. 321;

11. ф. 2626, оп. 2, д. 390, л. 2.

12. |Дамаскин| Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих: имянно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. 1785 – ЦАНО, ф. 2013, оп. 6 а, д. 187.

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

13. ф. 5, оп. 42, д. 16;

14. ф. 55, оп. 1, д. 424;

15. ф. 76, оп. 7, д. 591;

16. ф. 88, оп. 4, д. 209; д. 1935; оп. 5, д. 314.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО)

17. ф. 1, оп. 1, д. 5569, л. 29.

ЦАНО № 2 (Арзамас)

18. ф. Р-184, оп. 1, д. 22;

19. ф. Р-972, оп. 1, д. 7.

Опубликованные источники

1. Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 10.

2. Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // Симбирские епархиальные ведомости. Отделение неофициальное. — 1897. — 1 января.

3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. I. Составитель Генерального штаба полковник Липинский. — СПб., 1868.

4. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. II. Составитель Генерального штаба полковник Липинский. СПб., — 1868.

5. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. I. Симбирск, 1866. — С. 77.

6. Журнал Министерства просвещения. — 1915. — Август. — С. 202.

7. Опись делам Нижегородского наместнического правления за 1790–1797 годы В. И. Снежневского // Действия НГУАК. Т. III. Отд. 2. Нижний Новгород: Тип. губ. правл. — 1898. — С. 198–199.

8. Письма Х. Фаизханова Ш. Марджани // Шура. — 1916. — №№ 15–19.

9. Попов Н. Сведения о нижегородских татарах. — Н. Новгород, 1895

10. Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. — Н. Новгород, 1880.

11. Список населенных мест Симбирской губернии. — Симбирск, 1913.

12. Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. — СПб., 1905.

Литература

1. Баутдинов Г. Историк, филолог, просветитель // Татарские новости. – 2003. – № 12 (113).
2. Гусева Ю. Н. История татарских сельских общин Нижегородской области (1901–1985 гг.): Монография. – Н. Новгород, 2003.
3. Идрисов У. Ю. и др. / Идрисов У. Ю., Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX- 30-х годах XX века. – Н. Новгород, 1997.
4. Климович Л. И. Ислам в царской России. – М., 1936.
5. Кобзев А. В. Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар во второй половине XIX века // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья: Сб. науч. ст. – Ульяновск, 2002.
6. Мулла Хусейн: Библиогр. указ. / Б-ка Нижегород. Исламского медресе «Махинур»; Б-ка мечети «Рашида»; Сост. Н. А. Кустова; Ред и отв. за вып. Д. В. Мухетдинов. – Н. Новгород, 2003.
7. Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Сб. статей. – Казань, 1992.
8. Орлов А. М., Каримов А. А. История села Камкино / Под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород, 2004.
9. Сабиров С. В. Записки краеведа / Сост. Н. А. Кустова, Д. В. Мухетдинов, Р. А. Ахмадуллина. – Н. Новгород, 2004.
10. Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX века. – Н. Новгород, 2001.
11. Сенюткин С. Б. и др. / Сенюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. История исламских общин Нижегородской области.: Монография. – Н. Новгород, 1998.
12. Сенюткин С. Б. и др. / Сенюткин С. Б., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. XVI–XX вв.: Монография. – Н. Новгород, 2001.

12. *Усманов М. А.* Автографы Марджани на полях подлинника проекта Фейсханова о школьной реформе // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. – Казань, 1990.

13. *Усманов М.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань, 1980.

14. *Хафизов М. З.* Нижегородские татары: Очерки истории. – Н. Новгород, 1997.

15. *Юзеев А. Н.* Татарская философская мысль конца XVIII–XIX вв. – Казань, 2001.

СПИСОК НЕКОТОРЫХ РАБОТ АВТОРА, ПОСВЯЩЕННЫХ ВОПРОСАМ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Мухетдинов Д. В. Основные направления мусульманского образования в современных условиях // Ислам на пороге третьего тысячелетия: материалы науч. конф. и II-го областного практического семинара «Рухи мирас» – «Духовное наследие». Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2002. С. 98–101.

Мухетдинов Д. В. Из прошлого религиозного мусульманского образования на Нижегородчине в XVIII – начале XX вв. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2004. 76 с.

Мухетдинов Д. В. Исламское образование в России // Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-практ. конф., посв. 90-летию Нижегород. Соборной мечети и 10-летию Духовного управления мусульман г. Нижнего Новгорода и Нижегород. обл. Н. Новгород: [Изд-во НИМ «Махинур»], 2004. С. 167–183.

Юзеев А. Н., Мухетдинов Д. В. Деятельность Фаизханова по открытию светской школы и органов печати // Фаизхановские чтения. Материалы седьмой ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Комплексные исследования мусульман Волго-Окского региона: история, археология, филология, языкознание, этнография», 3 июня 2010 г. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2011. С. 25–36.

Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизханов о методике преподавания в медресе // Фаизхановские чтения. Материалы девятой ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2014. С. 13–15.

Мухетдинов Д. В. Современное медресе для современной уммы // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень № 5. Москва – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2011 С. 18–22.

Мухетдинов Д. В. Религиозное образование в школах // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»), 15 июля 2007 г.

Мухетдинов Д. В. Система образования российских мусульман: сочетание религиозной и светской составляющих // Интеграционная роль образовательного учреждения в поликультурной среде: сборник материалов VI областного ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» (Духовное наследие), 23 апреля 2009 г. Москва – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2009. С. 22–30.

Выступление Дамира Мухетдинова на VI Рождественской Парламентской встрече в Совете Федерации «Духовно-нравственные ценности как важнейшая составляющая воспитательного процесса в школьном образовании», 25 января 2018 г. // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 766–770.

Мухетдинов Д. В. Введение предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» и риски, связанные с этим // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 684–686.

Мухетдинов Д. В. Основы духовно-нравственных культур народов России // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 771–774.

Мухетдинов Д. В. Роль исламоведческих исследований М. Махмутова в развитии образования российских мусульман // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 208–214.

Мухетдинов Д. В. Государственная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама и интеграция в нее стран СНГ // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 443–446.

Мухетдинов Д. В. Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 571–576.

Мухетдинов Д. В. Актуальные задачи Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 615–619.

Мухетдинов Д. Междисциплинарность в исламоведении способна принести колоссальную пользу российской науке // Санкт-Петербургский государственный университет офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/news-events/kрупnym-planom/damir-muhetdinov-mezhdisciplinarnost-v-islamovedenii-sposobna-prinesti?ysclid=lm1xkfh7p2633076909> (дата обращения: 10.07.2023).

Мухетдинов Д. В. Исламская теология как образовательное направление // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 797–798.

Мухетдинов Д. В. Размышляя о дисциплинарных границах исламской теологии // Ислам в современном мире, 2019. 15(3). С. 23–34.

Выступление Мухетдинова Д. В. на семинаре «Анализ учебных программ в бакалавриате при реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 813–816.

Мухетдинов Д. В. Опыт защиты докторской диссертации по исламской теологии в государственном университете // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 869–875.

Мухетдинов Д. В. Образовательный процесс и противостояние экстремизму // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов

к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие»), 15 июля 2007 г.

Мухетдинов Д. В. Образованное молодое мусульманское элитарное сословие пугает стоящих за сегодняшними апологетами кадимизма идеологов // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 413–417.

Мухетдинов Д. В. Интеллектуальный диалог как средство преодоления радикализма // Медина ал-Ислам. 2016. № 11–12 (179–180). Ноябрь – декабрь. С. 3.

Мухетдинов Д. В. Коранический гуманизм как основа системы просвещения российского мусульманства в XXI веке // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Коранический гуманизм как основа системы просвещения российского мусульманства в XXI веке, 18 апреля 2016 г. М.: ИД «Медина», 2017. С. 16–18.

Мухетдинов Д. В. Проблема хиджаба в контексте светской системы образования // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 2. С. 314–334.

Мухетдинов Д. В. Концепция закона «О защите высокозначимых нравственных ценностей»: актуальность и слабые места Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 712–716.

Профессор Дамир Мухетдинов – о теологии, экологии и итогах работы Центра исламских исследований СПбГУ в 2021 году [Интервью] // Санкт-Петербургский государственный университет офиц. сайт. URL: <https://spbu.ru/news-events/kрупnym-planom/professor-damir-muhetdinov-o-teologii-ekologii-i-itogah-raboty-centra?ysclid=lm1zn360pi192425343> (дата обращения: 10.02.2023).

Мухетдинов Д. В. О перспективах развития исламского образования в России // Исламское образование в России: проблемы современности: Материалы научно-практического семинара,

29 октября 2004 г. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2005. С. 35–43.

Мухетдинов Д. В. Приветствие // Религиозное образование мусульман Волго- Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: материалы ежегодного научно- практического семинара «Рухи мирас» — «Духовное наследие», 15 июля 2007. — Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. С. 16–18.

Хабутдинов А., Мухетдинов Д. Опыт и перспективы подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты в России // Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: сборник работ и статей по исламскому образованию — Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. С. 179–198.

Мухетдинов Д. В. Система российского исламского образования: пути развития // Ислам в современном мире, 2010. 3–4 (15–16). С. 28–34.

Мухетдинов Д. В. Исмаил Гаспринский: опыт и перспективы культурно-просветительского сотрудничества российских мусульман // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 364–372.

Мухетдинов Д. В. Проблемы и перспективы исламского образования в России // Реформы образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: Сборник работ и статей по исламскому образованию. — Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. С.

Мухетдинов Д. В. Основные проблемы в деле развития мусульманского образования в России // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве: сборник статей. — Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 110–119.

Мухетдинов Д. В. Стратегия формирования исламской образовательной традиции // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 674–677.

Мухетдинов Д. В. Стратегия интеллектуального развития российского мусульманства // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 756–762.

Мухетдинов Д. В. Особенности творческой и практической деятельности Галимджана Баруди и актуальность его наследия в наши дни // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 687–693.

Мухетдинов Д. В. Ислам в России: опыт и актуальные задачи системы исламского религиозного образования // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 775–780.

Мухетдинов Д. В. Отчет о проводимой Духовным управлением мусульман РФ работе в сфере образования и науки // Российское мусульманство: осмысление со взглядом в будущее: в 3 т. М.: ИД «Медина», 2022. Т. 1. С. 888–893.

Как Ломоносов, он стремился к большим знаниям [Интервью с доктором Д. Мухетдиновым о научном гении Хусаина Фаизхана] // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://dumrf.ru/common/interview/21911?ysclid=lm²dhpreeas59945657> (дата обращения: 28.04.2023).

Мухетдинов Д. В. Участие государства в системе религиозного образования российских мусульман / Д. В. Мухетдинов // Ислам в современном мире. 2005. 2. С. 5–11.

Мухетдинов Д. В. Из прошлого религиозного мусульманского образования на Нижегородчине в XVIII – начале XX вв. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. 70 с.

ΦΟΤΟ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА НА НИЖЕГОРОДЧИНЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА И МОИ ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Моя мама Нуржиган Хамзиновна Мухетдинова (18.08.1941–26.12.2020)

В первом классе школы № 60, г. Горький (Нижний Новгород), 1984 г.

Ахмет Хусяинов (22.08.1923–2005) и его супруга
Наимья Ситдек кызы (20.01.1922–2015)

Дом семьи Хусяиновых – мое первое медресе, в котором я изучил основы ислама

Нижегородская Соборная мечеть в ходе реконструкции, 1989–1991 гг.

Праздничный намаз (Ураза-байрам) во дворе Нижегородской Соборной мечети, 17 апреля 1991 г. В первых рядах – ученики воскресной школы, будущие имамы: Али и Ислям Алиевы, Рустам Батров. Имамы: Ахтям Абдуллин, Нурислам Хуснетдинов, Фаим Ибрагимов. Слева – цокольный этаж будущего медресе «Махинур». Это мое первое участие в праздничной молитве и первое посещение мечети

Праздничный намаз (Ураза-байрам) во дворе Нижегородской Соборной мечети, 17 апреля 1991 г. Третий слева в светлом пальто – Талат-эфенди Гусейнов, в квартире которого имелась Большая Советская Энциклопедия, в одном из томов БСЭ была статья про арабский алфавит. Первое мое знакомство с арабским языком началось с переписки алфавита и правописания букв через копировальную переводную бумагу

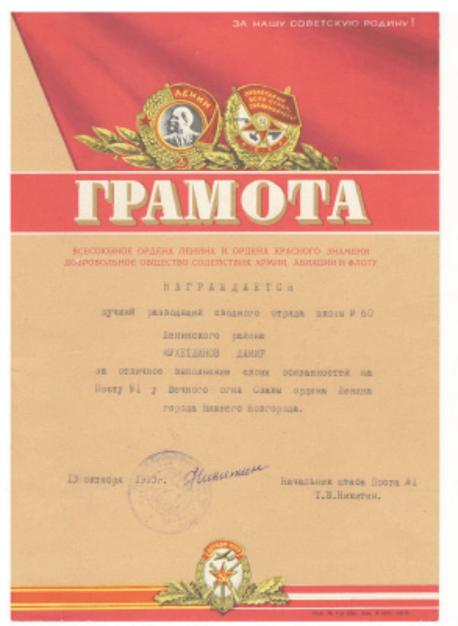
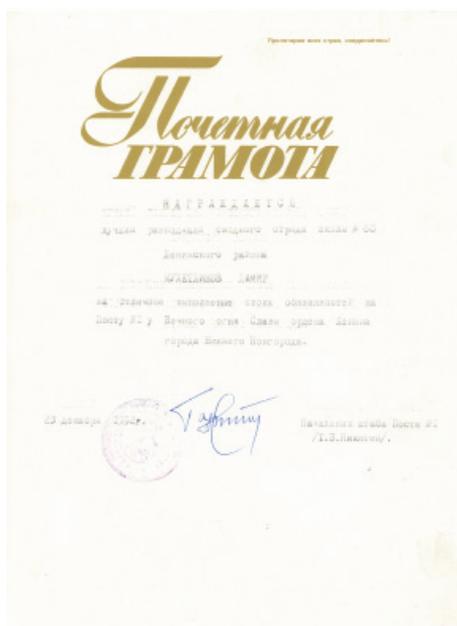

Участники торжественной церемонии открытия возрожденной
Нижегородской Соборной мечети, 30 июня 1991 г.

Участники торжественной церемонии открытия возрожденной Нижегородской Соборной мечети, 30 июня 1991 г. По центру: председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) муфтий Талгат Таджуддин и председатель Горьковского (Нижегородского) горисполкома Омари Хасанович Шарадзе

ПОЛУЧЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1 – устаз по арабскому языку Хамди (Египет); 2 – устаз по акиде
Ибрахим (Иордания); 3 – устаз по тафсиру и таджвиду Махмуд (Ливан);
4 – устаз по фикху Абдулхамид Башир (Судан)

Студенты и преподаватели медресе «Нур аль-Ислам»,
г. Октябрьский, Республика Башкортостан, 1993–1995 гг.

Прибытие высокопоставленных гостей на открытие медресе «Махинур», 29 октября 1994 г. Справа налево на переднем плане: муфтий шейх Равиль Гайнутдин, представитель президента РФ Б. Н. Ельцина в Нижегородской области Евгений Крестьянинов (1948–2023)

Будучи студентом первого курса медресе «Нур аль-Ислам», специально приехал на открытие Нижегородского исламского медресе «Махинур» и стал участником церемонии торжественного открытия. В этот день состоялось мое знакомство с муфтием Гайнутдином, 29 октября 1994 г.

Церемония открытия медресе «Махинур», 29 октября 1994 г.
Справа налево: муфтий шейх Равиль Гайнутдин, благотворитель
Ряшит Баязитов и шейх Умар Идрисов (1954–2020)

Здание медресе «Махинур». Вид с минарета Нижегородской Соборной мечети

Выпускники и преподаватели мектебе при Нижегородской Соборной мечети, май 1994 г. Второй ряд: преподаватели Нурсяна Измаилова (ум. 2007, 2-я слева), Фирдаус Вагапова (3-я слева). Верхний ряд: Рустам Батров (3-й справа), Шамиль Шейхутдинов (1-й слева), Гюзель Бедретдинова (2-я слева)

Урок арабского языка для учащихся мектебе при Нижегородской Соборной мечети, ок. 1994 г.

Преподаватели мектебе при Нижегородской Соборной мечети, 1995 г.

Проведение первой за долгое время пятничной молитвы (джума-намаз) в мечети Нижнего Новгорода на ул. Ижевской после открытия реконструированного здания в 1995 г.

Благотворительный ифтар (разговение) в честь 80-летия Нижегородской Соборной мечети, 10 июня 1995 г.

Проводы российских студентов с участием председателя ДУМЦЕР муфтия Гайнутдина и посла Саудовской Аравии в Москве Али Джафар, Московская Соборная мечеть, 28 марта 1996 г.

ОБУЧЕНИЕ В БЛАГОРОДНОЙ МЕККЕ В 1996–1999 гг.

По приезде в Благородную Мекку, 1996 г.

Мое первое
поломничество
(хаджж), 1996 г.

Хаджж, 1996 г.
Слева направо: Дамир Хайретдинов (1-й),
Дамир Мухетдинов (4-й), Марат Хайретдинов (5-й)

Участие в организации хаджа и в сопровождении паломников из России, 1996 г. Передо мной сидит муфтий Гайнутдин

Приезд председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области шейха Умара Идрисова с супругой в Мекку, 1996 г.

1996 г.

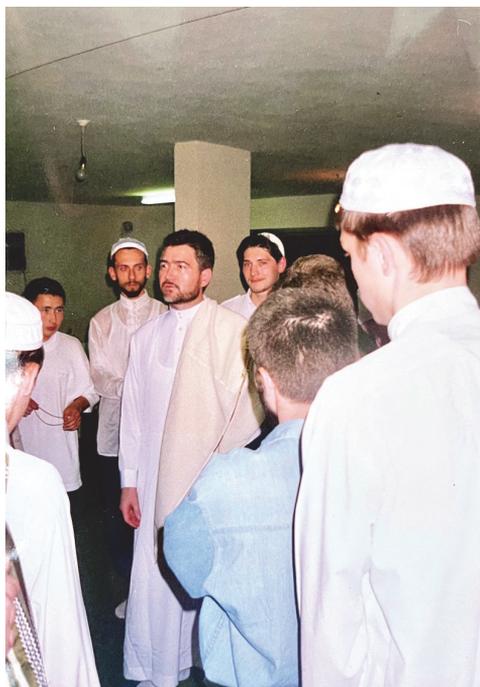

Встреча делегации российских мусульманских религиозных деятелей во главе с муфтием Гайнутдином со студентами из России, 1996 г. Справа налево: муфтий Гайнутдин, Марат Муртазин, Умар Идрисов, Фарит Фарисов, Рафик Мухомеджан

Здесь столовая ↴

Благотворительный ужин для студентов в честь приезда российских мусульманских религиозных деятелей в Мекку, 1996 г.

Муфтий Гайнутдин
общается со студентами
из России, Мекка, 1996 г.

На территории общежития
университета «Умм аль-Кура», 1996 г.

Вечерняя Мекка, 1996 г.

Перед входом в здание института арабского языка университета
«Умм аль-Кура», Мекка, 1996 г. Слева направо: Дамир Мухетдинов,
Дамир Хайретдинов, устаз по арабскому языку (Судан),
Марат Хайретдинов, Рустем Гайфиев, Тахир Абдурахманов

Студенческая жизнь в Мекке в разные годы, здание института арабского языка университета «Умм аль-Кура», 1996–1999 гг.

Моя гостеприимная комната в студенческом общежитии университета «Умм аль-Кура», ок. 1996/1997 гг. Слева направо: Наиль Тугушев, Наиль Айдаров, Джамалетдин Махмутов, Ринат Мустафин, Дамир Мухетдинов

С российскими студентами, 1998 г.

Студенческая жизнь в Мекке, 1998 г.

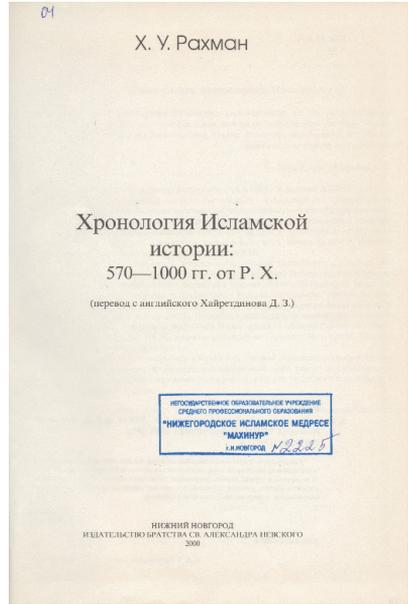
Со студентами из Китая, 1998 г.

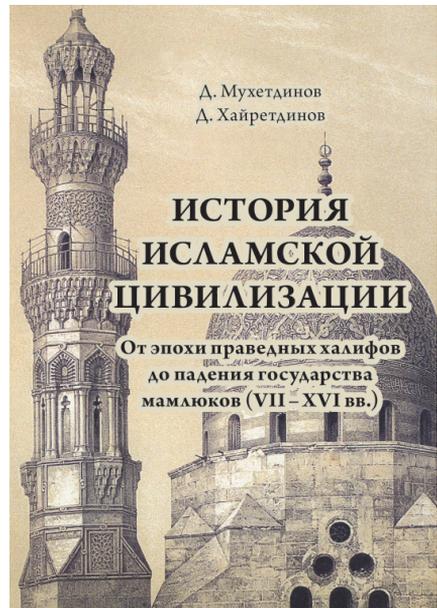
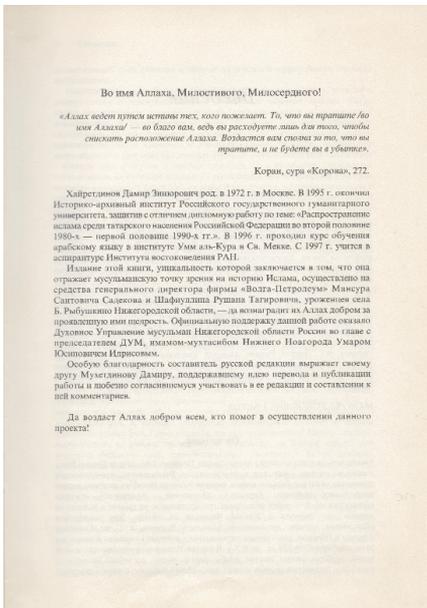
Прощание с Меккой, 1999 г.

Прибытие в Москву, Московский вокзал, 1999 г. Слева Дамир Хайретдинов

Рахман Х. У. Хронология Исламской истории. Нижний Новгород, 2000 г. Первый научный труд, который я с Дамиром Хайретдиновым подготовили к изданию в годы нашей совместной учебы в Мекке. Именно эта работа стала основой для дальнейших разработок учебных пособий и монографий с 2000 по 2023 г. по истории исламского мира

Мухетдинов Д., Хайретдинов Д. История исламской цивилизации. От эпохи праведных халифов до падения государства мамлюков (VII–XVI вв.); учебное пособие. М., 2014.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ УЧЕБЫ В МЕККЕ, 1996–1999 ГГ.

Преподаватели мектебе
при Нижегородской Соборной мечети, 1997 г.

Преподаватели и выпускник мектебе при Нижегородской Соборной мечети,
мужская группа, 1997 г. Первый ряд: Ренат Ислямов (2-й слева)

Первые конкурсы по основам ислама и чтению Корана
среди учащихся мектебе Нижегородчины, 1997 г.

Одни из первых моих учеников (после праздничной молитвы по окончании месяца рамадан). Слева направо: Марат Салахетдинов (1-й), Гаяз Фаткуллин (2-й); Марат Ахметжанов (2-й справа), январь 1998 г.

Преподаватели и студенты медресе «Махинур», 1998 г.

По возвращении из Благородной Мекки в куфийе, подаренной имам-хатыбом мекканской мечети Аль-Харам шейхом Абд ар-Рахманом ас-Судейсом, 1998 г. Слева направо: Ахмет Абдуллин, Гаяз Фаткуллин, Ильдар Аляутдинов, Мансур Хусяинов (на переднем плане)

В новой мечети им. Абдулхамита Садекова с. Б. Рыбушкино с имамом мечети Хайдаром Халилуллиным и учеником Ильясом Ганиевым (ныне ученый секретарь Совета улемов ДУМ РФ), 1999 г.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД
ПОСЛЕ ОБУЧЕНИЯ В МЕККЕ И НАЧАЛО РЕФОРМЫ
СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

С наставниками и учителями в Нижегородской
Соборной мечети, август 1998 г.
Справа налево: муфтий шейх Равиль Гайнутдин,
шейх Умар Идрисов, Дамир Мухетдинов

Проведение пятничной молитвы (джума-намаз) в старой мечети
с. Малое Рыбушкино Нижегородской области, 1998 г.

С шакирдами в мечети с. Малое Рыбушкино, 1998 г.

Преподавательский коллектив мектебе
при Нижегородской Соборной мечети, 1999 г.

Конференция «Ислам в судьбе Отечества на рубеже веков», приуроченная к 5-летию
Нижегородского исламского медресе «Махинур», Нижний Новгород, 1999 г.

СОЗДАНИЕ ТРЕХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, 2000–2022 ГГ.

Вывеска на здании медресе «Махинур»

Вывеска медресе «Медина»
Нижегородской области, нач. 2000-х гг.

Преподаватели и одни из первых студентов медресе «Махинур», 2000 г.

Первые конкурсы по основам ислама и чтению Корана среди учащихся мектебе Нижегородчины, село Медяны, 2001 г.

Преподаватели и одни из первых студентов медресе «Медина»
с. Медяны Нижегородской области, 2001 г.

Вручение сертификатов педагогам общеобразовательных
школ Нижегородчины, 2001 г.

Визит проф. Тауфика Ибрагима в медресе «Медина» с циклом лекций, 2001 г.

Вручение Коранов и сертификатов учащимся мектебе, нач. 2000-х гг.

Студенты и преподаватели медресе «Махинур», 2001 г.

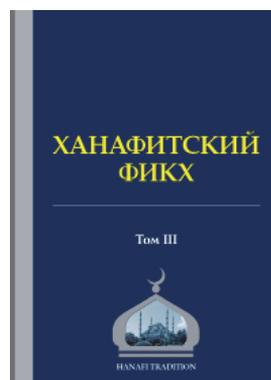
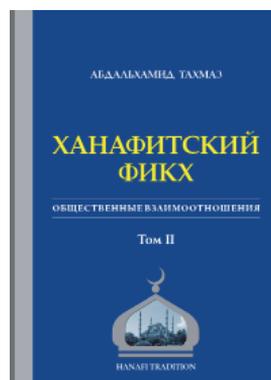
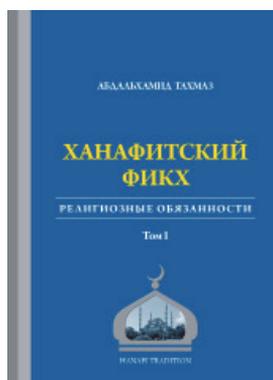
Студенты и преподаватели медресе «Махинур», 2002 г.

Летний исламский лагерь для детей в Нижегородской области, нач. 2000-х гг.

Мероприятие в с. Малое Рыбушкино, нач. 2000-х гг.

Будучи студентом Института арабского языка в Мекке, приступил к подготовке, переводу и изданию книг по ханафитскому праву. За основу была взята книга Абдулхамида Махмуда Тахмаза «Ханафитский фикх в новом облике», которая легла в основу учебной программы по фикху в средних и высших исламских учебных заведениях

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, 2000–2011 ГГ.

Выставка изданий по истории ислама, Белый зал Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина, 2000 г.

На фото слева направо: ректор Бугурусланского исламского медресе «Аль-Фуркан» Шангареев И., муфтий Единого Духовного управления мусульман Пензенской области Бибарсов А. Ш., историк, краевед, канд. филос. наук, лауреат первой Фаизхановской премии в области науки и образования Орлов А. М. (по центру), д-р ист. наук, проф., историк Сеньюткин С. Б., имам-хатыб Нижегородской Соборной мечети Мухетдинов Д. В.

Научно-практическая конференция «Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 90-летию Нижегородской Соборной мечети и 10-летию образования ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области, с участием муфтия Гайнутдина и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (2000–2005) Кириенко С. В. (на фото второй справа), Нижний Новгород, 2003 г.

Мероприятие в с. Сафаджай Нижегородской области по случаю 175-летия российского теолога-востоковеда Х. Фаизханова, 2003 г. (ошибочно до 2000-х гг. считалось датой рождения ученого – 1828 г.)

Научно-богословская конференция «I Фаизхановские чтения» на родине российского теолога-востоковеда Х. Фаизханова в с. Сафаджай (Красная Горка) Пильнинского района Нижегородской области, 2004 г.
На фото (справа налево): депутат Госдумы Лихачев А. Е. (ныне глава Росатома), председатель РКАТНО Закиров Г. С., председатель ДУМНО Идрисов У. Ю., губернатор Нижегородской области Ходырев Г. М., глава Пильнинского района Дудкин А. П., депутат Госдумы Сентюрин Ю. П., генерал-полковник Хакимов М. С.

Празднование 10-летия со дня основания Нижегородского исламского медресе «Махинур» с участием Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском Федеральном округе (2000–2005) Сергея Кириенко, 2004 г.

I Всероссийский мусульманский форум, учрежденный в честь нового государственного праздника «День народного единства», Нижний Новгород, 4–5 ноября 2005 г.

РАЗВИТИЕ ИСЛАМСКОГО ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИСЛАМОВЕДЕНИЯ, 2014–2020 ГГ.

Пресс-конференция с членами орг. комитета Международного мусульманского форума, Москва, 10–12 декабря 2014 г.
Слева направо: шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф (Узбекистан), аятулла Мохаммад Али Таскири (Иран), профессор Михаил Пиотровский (Россия), муфтий шейх Равиль Гайнутдин (Россия), шейх Али Мухиддин аль-Кардаги (Катар), Дамир Мухетдинов (Россия)

Теоретический и практический семинар с участием руководителей мусульманских учебных заведений, представителей светских вузов, а также ученых и деятелей культуры, Москва, декабрь 2014 г.

Совещание по исполнению Плана мероприятий по обеспечению специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, Казань, 2015 г.

Совещание по вопросам разработки Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, Санкт-Петербург, 2015 г. На фото: П. П. Скороспелов, директор Департамента культуры Правительства Российской Федерации (слева по центру), М. Б. Пиотровский, академик РАН, декан Восточного факультета СПбГУ (справа по центру), М. Ю. Лаврикова, проректор по учебно-методической работе СПбГУ, А. А. Родионов, заместитель декана Восточного факультета СПбГУ, О. И. Редькин, заведующий кафедрой арабской филологии Восточного факультета СПбГУ, О. А. Берникова, доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ

Д. В. Мухетдинов на заседании рабочей группы по организации и контролю за исполнением Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в Минобрнауки РФ в присутствии Минобрнауки Д. В. Ливанова вручает председателю ДУМРТ, муфтию Камилю Самигулину Свидетельство о государственной регистрации Болгарской исламской академии, 2016 г.

Выступление в рамках общественных обсуждений по вопросу формирования отрасли науки «Теология» и введения ее в Номенклатуру научных специальностей при участии председателя Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ В. М. Филиппова, 2016 г.

Коллективное фото участников заседания Рабочей группы по реализации Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, Москва, 31 октября 2016 г.

Открытие III Международной научно-практической конференции «Бигиевские чтения» — «Всеохватность Божественной милости как принцип межрелигиозного диалога в XXI веке», Санкт-Петербург, 27–29 апреля 2016 г.

КОНФЕРЕНЦИИ

На XIII Международном мусульманском форуме
«Коранический гуманизм и глобальные проблемы современности:
стратегии и решения», Хельсинки, 11 декабря 2017 г.

Выступление на III Всероссийской научно-теологической конференции
«Чтения имени Шигабутдина Марджани» по теме: «Мусульманская цивилизация
Евразии: концепция развития уммы», Москва, 6 декабря 2018 г.

На VII Съезде делегатов Духовного управления мусульман Российской Федерации,
Московская Соборная мечеть, 23 сентября 2019 г.

Выступление на Заседании очередного Пленума ЦРО ДУМРФ,
Московская Соборная мечеть, 23 сентября 2020 г.

ЛЕКЦИИ Д. МУХЕТДИНОВА В ВУЗАХ РОССИИ

Лекция на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета, 2015 г.

Выступление на курсах повышения квалификации мусульманских религиозных деятелей, медресе им. Марьям Султановой Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, Уфа, 2016 г.

Лекция в Пермском государственном национальном
исследовательском университете, 2017 г.

Лекция в Московском исламском институте, 2018 г.

Лекция в Институте международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 г.

Лекция для слушателей курсов повышения квалификации
в г. Ростове-на-Дону, 24 октября 2019 г.

Лекция в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова, 2020 г.

Открытая лекция на арабском языке в Колледже шариата и исламоведения Катарского университета, 2023 г.

ПРЕЗЕНТАЦИИ ИЗДАНИЙ ИД «МЕДИНА»

Презентация энциклопедического словаря «Ислам в Санкт-Петербурге» на полях Всероссийского мусульманского форума «Проблемы мусульманского просвещения и образования в России», 2009 г. На фото: главный редактор ИД «Медина» и серии «Ислам в Российской Федерации» Д. В. Мухетдинов (слева), ответственный редактор серии, д-р ист. наук А. Ю. Хабутдинов (справа)

Презентация энциклопедического словаря «Ислам в Сибири и на Дальнем Востоке» в рамках Пленарного заседания VII Международного форума «Ислам в мультикультурном мире», г. Казань, 2017 г. На фото: ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И. Р. Гафуров (слева), директор Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Р. Р. Хайрутдинов (по центру), главный редактор ИД «Медина» и серии «Ислам в Российской Федерации» Д. В. Мухетдинов (справа)

Презентация рецензируемого научного журнала «Ислам в современном мире». Главный редактор Д. В. Мухетдинов. Университет Нур-Мубарак, Алма-Ата, 2017 г.

Презентация книги «Алкоран о Магомете или закон турецкий» – 1716 года (ИД «Медина») на полях XVIII Международного мусульманского форума, Москва, 2022 г. На фото: председатель ДУМ РФ, муфтий шейх Равиль Гайнутдин (справа) и 1-й зам. пред. ДУМ РФ, главный редактор ИД «Медина» Д. В. Мухетдинов (слева)

Презентация фотоальбома «Московская Соборная мечеть: путеводный маяк уммы» (ИД «Медина»). На фото ректор СПбГУ Н. М. Кропачев (слева) и главный редактор ИД «Медина» Д. В. Мухетдинов (справа), Санкт-Петербургский государственный университет, 2017 г.

Вручение памятного подарка декану Восточного факультета СПбГУ, генеральному директору Государственного Эрмитажа, академику РАН, проф. М. Б. Пиотровскому в связи с его 75-летием, Государственный Эрмитаж, 2019 г.

Презентация ректору МГУ имени М. В. Ломоносова, академику РАН, проф. В. А. Садовничему труда муфтия Гайнутдина «Ислам. Вероучение, поклонение, нравственность, закон», Московский государственный университет, 2022 г.

Презентация первого экземпляра переработанной и изданной докторской диссертации по исламской теологии «Теология обновления: исламский неомодернизм и проблема традиции» моему научному консультанту, академику РАН, проф. В. В. Наумкину, Институт востоковедения РАН, 2023 г.

РАЗВИТИЕ ТЕОЛОГИИ И ВЫСШЕГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С научным руководителем кандидатской диссертации
проф. О.А. Колобовым (слева) и Умаром Идрисовым, 2003 г.

С научным консультантом докторской диссертации академиком РАН,
проф. В.В. Наумкиным (по центру) и муфтием шейхом Равилем Гайнутдином (слева)
после вручения главной награды в области отечественного востоковедения –
Золотой медали им. И. Ю. Крачковского, Московская Соборная мечеть, 2019 г.

Президент (ныне – раис) Республики Татарстан Р. Н. Минниханов вручает государственную награду – медаль «За заслуги перед Республикой Татарстан», 2018 г.

Директор Института восточных рукописей, член-корреспондент РАН, проф. И. Ф. Попова вручает удостоверение советника директора, Институт восточных рукописей РАН, 2023 г.

Защита первой в истории России докторской диссертации по исламской теологии Д. В. Мухетдинова в СПбГУ, 2020 г.

На фото члены диссертационного совета: д-р ист. наук, проф., академик РАН М. Б. Пиотровский (слева), д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории стран Ближнего Востока СПбГУ Н. Н. Дьяков (справа), проф., д-р юрид. наук Л. Р. Сюкияйнен, проф., д-р ист. наук, руководитель научного направления Музея антропологии и этнографии РАН Е. А. Резван, проф. Университета Эрлангена-Нюрнберга (Германия) Матиас Роз, д-р ист. наук, проф., академик РАН, науч. рук. ИВ РАН В. В. Наумкин

Ректор СПбГУ, член-корреспондент РАН, д-р юр. наук, проф.
Н. М. Кропачев вручает диплом доктора теологии, 2021 г.

Выступление на Всемирной конференции
«Исламское единство: концепция, возможности и вызовы»
в Национальном выставочном центре Абу-Даби, 8 мая 2022 г.

Участие и выступление с пленарным докладом в ОАЭ
на IX Форуме по продвижению мира, Абу Даби, 2022 г.

Встреча с руководством Международного исламского университета, Медина, 2019 г.

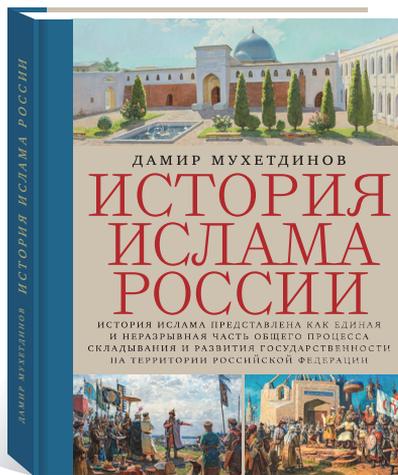
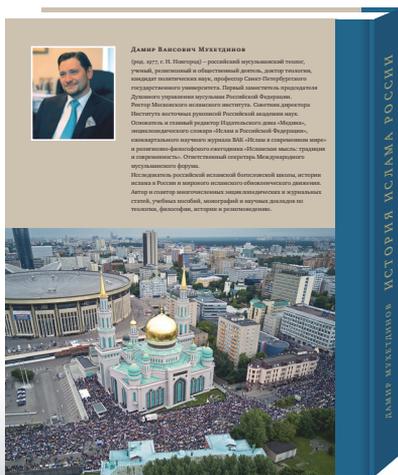
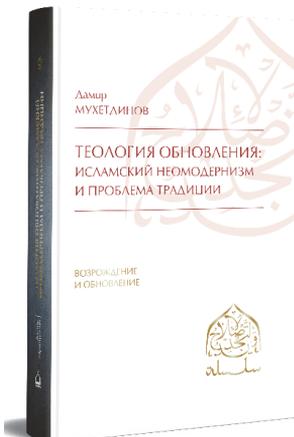
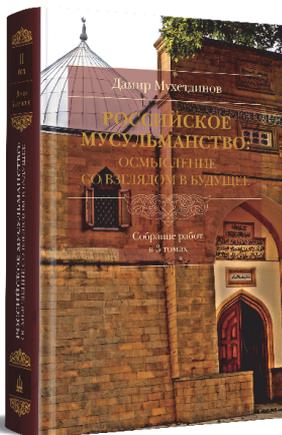

Встреча с ректором Университета ал-Касимийа,
проф. Аввадом ал-Халаф, Шарджа, 28 ноября 2022 г.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ, БИБЛИОТЕКАХ И ИНСТИТУТАХ

ПОСЛЕДНИЕ АВТОРСКИЕ ТРУДЫ

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин и Д. В. Мухетдинов с участниками Программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама – бакалаврами, магистрами, аспирантами ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ, а также студентами очного отделения МИИ, Москва, 2015 г.

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин и Дамир Мухетдинов с преподавателями и студентами МИИ на III Всероссийской научно-теологической конференции «Чтения имени Шигабутдина Марджани», Москва, 6 декабря 2018 г.

Торжественное открытие здания Московского исламского института после реставрации с участием вице-преьера РФ М. Ш. Хуснуллина, Москва, 23 сентября 2022 г.

Преподаватели и выпускники Московского исламского института, 2023 г.

Выступление на научной конференции в год 200-летнего юбилея теолога-востоковеда Хусаина Фаизханова в рамках Года педагога и наставника Российской Федерации, Московская Соборная мечеть, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

ОТ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОБЛЕМАМ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТСКИХ ШКОЛАХ

Деятельность Фаизхана по открытию светской школы и органов печати.....	12
Хусаин Фаизханов о методике преподавания в медресе.....	43
Современное медресе для современной уммы.....	51
Религиозное образование в школах.....	64
Духовно-нравственные ценности как важнейшая составляющая воспитательного процесса в школьном образовании.....	70
Введение предметной области «Основы духовно- нравственной культуры народов России» и риски, связанные с этим.....	74
Основы духовно-нравственных культур народов России (2018).....	77

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Роль исламоведческих исследований М. И. Махмутова в развитии образования российских мусульман.....	82
Участие государства в системе религиозного образования российских мусульман.....	89
Государственная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама и интеграция в нее стран СНГ.....	105
Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения.....	109

Актуальные задачи Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.....	114
Междисциплинарность в исламоведении способна принести колоссальную пользу российской науке.....	118
Исламская теология как образовательное направление.....	124
Размышляя о дисциплинарных границах исламской теологии.....	126
Выступление на семинаре «Анализ учебных программ в бакалавриате при реализации программ подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама».....	137
Опыт защиты докторской диссертации по исламской теологии в государственном университете.....	141

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Образовательный процесс и противостояние экстремизму.....	148
Образованное молодое мусульманское элитарное сословие пугает стоящих за сегодняшними апологетами кадимизма идеологов.....	157
Интеллектуальный диалог как средство преодоления радикализма.....	162
Коранический гуманизм как основа системы просвещения российского мусульманства в XXI веке.....	167
Проблема хиджаба в контексте светской системы образования.....	174
Концепция закона «О защите высокозначимых нравственных ценностей»: актуальность и слабые места.....	195
Профессор Дамир Мухетдинов – о теологии, экологии и итогах работы Центра исламских исследований СПбГУ в 2021 году.....	200

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О перспективах развития исламского образования в России.....	204
Религиозное образование мусульман Волго-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития.....	211
Опыт и перспективы подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты в России.....	213
Система российского исламского образования: пути развития.....	237
Исмаил Гаспринский: опыт и перспективы культурно-просветительского сотрудничества российских мусульман.....	252
Проблемы и перспективы исламского образования в России.....	260
Основные проблемы в деле развития мусульманского образования в России.....	280
Стратегия формирования исламской образовательной традиции.....	289
Стратегия интеллектуального развития российского мусульманства.....	293
Особенности творческой и практической деятельности Галимджана Баруди и актуальность его наследия в наши дни.....	299
Ислам в России: опыт и актуальные задачи системы исламского религиозного образования.....	305
Отчет о проводимой Духовным управлением мусульман РФ работе в сфере образования и науки.....	311

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как Ломоносов, он стремился к большим знаниям.....	316
Краткая учебная грамматикататарского языка. Краткая научная морфология татарского языка.....	332
«Реформа медресе».....	344
Из прошлого религиозномусульманского образованияна Нижегородчине в XVIII–начале XX вв.....	356
Биография автора, связанная с педагогической и просветительской деятельностью.....	409
Источники и литература.....	412
Список некоторых работ автора, посвященных вопросам исламского образования в России.....	416

Для заметок

www.idmedina.ru

Мухетдинов Дамир Ваисович

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Сборник докладов и статей

Ответственный редактор: Ренат Ислямов
Выпускающие редакторы: Сайидмухаммад Абубакаров,
Ильгизар Давлетшин
Ответственный за выпуск: Ильдар Нуриманов
Корректоры: Александра Конькова, Надежда Паршукова,
Радиф Галеев, Заблочкая Ольга

Дизайн и верстка:
www.yustudio.ru, Александр Паньшин

Подписано в печать 09.09.2023 г.
Печать офсетная. Гарнитура NewBaskerville.
Тираж 1 500 экз.

ISBN 978-5-9756-0321-0

9 785975 603210

ООО «Издательский дом «Медина»»
109382, Москва, проезд Кирова, 12.
Тел.: +7 (495) 684-47-04
E-mail: idmedina@yandex.ru

www.dumrf.ru www.muslim.ru www.muslims.ru www.miu.su
www.islamsng.com www.muslim-forum.info www.manuscriptaislamica.ru
www.spbu.ru cis.spbu.ru